Генерал Симоняк

М П Стрешинский
И М Франтишев

SHOUT
SHARE
IT

- Стрешинский М П & Франтишев И М
  -

Стрешинский М П & Франтишев И М Генерал Симоняк

Стрешинский Михаил Петрович, Франтишев Иван Моисеевич
Генерал Симоняк

Генерал Попов: Книга "Генерал Симоняк" - документальная повесть о Герое Советского Союза Николае Павловиче Симоняке. Николай Павлович провел Великую Отечественную войну в основном на Ленинградском фронте. Он стал здесь командующим армией, участвовал во всех решающих операциях по разгрому фашистских войск под Ленинградом и в Прибалтике. В Симоняке сосредоточились все лучшие черты славной плеяды советских военачальников, юность которых совпала с началом гражданской войны. Боевое крещение они принимали в битвах с белогвардейцами и интервентами. В мирные дни они учили молодых красноармейцев и сами учились. В суровейшей из войн - Великой Отечественной - в полной мере раскрылись их преданность народу, партии, их мужество, стойкость, военное дарование. Авторам удалось создать правдивый, запоминающийся образ генерала-солдата Симоняка. Он - главный герой книги.

С о д е р ж а н и е

Предисловие
Первые страницы
На Ханко
Снова в путь
Ночная тревога
Бригада принимает бой
Гангут в огне
У стен Ленинграда
Блокадная зима
У Тосны-реки
Накануне
Через Неву
Пароль - "Победа"
Священная клятва
Под гвардейским знаменем
Большие ожидания
Пулковская слава
На Карельском перешейке
Ворота в Германию
Последний перевал
Командарм

Прощальный салют (вместо эпилога)

Предисловие

Когда меня попросили написать это предисловие, я охотно согласился. Николая Павловича Симоняка, которому посвящена книга, я знал много лет, и о нем у меня сохранились самые светлые воспоминания.

Познакомились мы в начале тридцатых годов. Учились на одном курсе в Военной академии имени Фрунзе. Встречались ежедневно, были не просто товарищами, а добрыми друзьями. И сейчас, хотя с той поры прошло уже три десятилетия, передо мной встает Николай Симоняк, хмурый на вид, чуть скуластый, со слегка сощуренными, усмешливыми глазами.

Учиться ему было труднее, чем многим другим, имевшим большую общеобразовательную подготовку. Меня всегда поражали его исключительное трудолюбие, усидчивость, упорство. Он не только не отставал, но зачастую шел впереди. Хорошо учиться помогали ему пытливый ум, природные способности, практический опыт, полученный за многие годы службы в Красной Армии...

Окончилась учеба в академии. В разные уголки страны разъехались выпускники. Снова встретился я с Симоняком спустя четыре года на полуострове Ханко. Он командовал 8-й отдельной стрелковой бригадой. Я снова увидел, что люди, которые окружают Николая Павловича, относятся к нему тепло и сердечно.

Меня, командующего войсками Ленинградского военного округа, интересовали, естественно, все стороны жизни бригады. И во всем чувствовались строгая продуманность, хозяйская заботливость полковника Симоняка. Особенно меня порадовало умелое строительство оборонительных укреплений на полуострове.

В те дни уже пахло грозой, но никто из нас не подозревал, что война буквально на носу. Предусмотрительность Симоняка сыграла немалую роль в героической обороне Красного Гангута.

Николай Павлович Симоняк провел Великую Отечественную войну в основном на Ленинградском фронте. Он стал здесь командующим армией, участвовал во всех решающих операциях по разгрому фашистских войск под Ленинградом и в Прибалтике.

Симоняк получил много наград, в том числе Золотую Звезду Героя Советского Союза. Когда мы встретились с ним в апреле 1944 года, он был, как говорится, в ореоле славы. Его называли генералом прорыва, корпус, которым он командовал, почти всегда действовал на направлении главного удара. И гвардейцы, которых вел генерал Симоняк, дрались умело, с дерзкой отвагой

и одерживали одну победу за другой... Николай Павлович остался верен себе, был по-прежнему скромен, прост. Гвардейцы называли его батькой, верили в него, шли за ним в огонь и воду.

В Симоняке сосредоточились все лучшие черты славной плеяды советских военачальников, юность которых совпала с началом гражданской войны. Боевое крещение они принимали в битвах с белогвардейцами и интервентами. В мирные дни они учили молодых красноармейцев и сами учились. В суровейшей из войн Великой Отечественной - в полной мере раскрылись их преданность народу, партии, их мужество, стойкость, военное дарование. Авторам удалось создать правдивый, запоминающийся образ генерала-солдата Симоняка. Он - главный герой книги. А рядом с ним действуют, борются люди, с которыми он шагает в одном строю: командиры корпусов, дивизий и полков, батальонов и рот, рядовые бойцы. Героические дела многих из них навсегда вошли в историю битвы за Ленинград. Это бессмертные подвиги стрелка Петра Сокура, связиста Дмитрия Молодцова, сапера Ивана Приступы, автоматчика Тимофея Пирогова... Со страниц книги встают перед нами образы искусных, мужественных командиров-гвардейцев двадцатидвухлетнего комбата Дмитрия Зверева, командира роты автоматчиков Владимира Массальского, командира полка Александра Ивановича Шерстнева...

Книга Генерал Симоняк - документальная повесть. И хотя она посвящена генералу Симоняку и главным образом ленинградской гвардии, - это произведение о советском человеке, несгибаемом бойце за великие идеи революции. Он разбил полчища врагов в годы гражданской войны. Он отстоял свободу и независимость своей Родины во время фашистского нашествия. И теперь продолжает начатое в Октябре 1917 года революционное дело, строит коммунизм.

Такие книги, как Генерал Симоняк, рассказывая о недалеком прошлом, зовут к новым подвигам и свершениям.

Герой Советского Союза
генерал армии М. Попов

Первые страницы

Николай Павлович Симоняк положил перед собой толстую тетрадь в черном коленкоровом переплете. Давно хотелось ему написать о пережитом, вспомнить пройденные пути-дороги. Но раскрыл тетрадь и задумался над чистой страницей, теребя по давней привычке теперь уже поредевший чуб. Будет ли толк? Сумеет ли он в этой книге показать и семью, и станицу Темижбекскую на Кубани, где протекало его детство, нарисовать картины незабываемых походов гражданской войны, рассказать о долгих годах своей службы в кавалерии, а главное передать то,

что видел и пережил в годы Великой Отечественной войны? Сколько было событий - трагических и радостных, героических...

И чем дольше думал Николай Павлович, сидя над раскрытой тетрадью, тем сильнее овладевала им неуверенность.

- Какой же из меня писатель?

- Ты не об этом думай. Пиши о том, что врезалось в память, о том, что знаешь, может быть, лучше других. И вот увидишь - получатся интересные воспоминания, - уговаривала дочь Раиса.

Убедила.

Симоняк сидит за столом, и свет настольной лампы падает на клетки тетрадного листка. Крупными округлыми буквами он выводит: Жизнь без родины. Такой ему рисовалась дореволюционная жизнь иногородних на Кубани. Николай Павлович погружается в мир своего детства, и строка за строкой ложится на листы тетради.

...Я часто спрашивал свою мать: почему ребята дразнят меня мужиком или почему она не сошьет мне бешмет и шапку, какие носят мои ровесники в станице? Пусть тогда попробуют сказать, что я мужик.

Мать, тяжело вздыхая, объясняла, что не в бешмете дело. Беда в том, что у нас нет земли. Приехали мы сюда, на Кубань, с Украины, потому называют нас иногородними и носить казацкую форму не дозволяют.

Иногородние, инородцы, мужики лапотные - эти слова я слышал с детства, на себе ощутил пренебрежительное, презрительное отношение к тем, кого так величали.

В 1907 году, когда мне исполнилось шесть лет, меня определили в училище. В первый день занятий почти всем школьникам в классе выдали карандаши, тетради, книги. Меня и еще нескольких ребят, тоже иногородних, обошли.

Со слезами вернулся я домой. Родители сами купили мне книги и тетради, но обида засела в душе. Почему ко мне относятся не так, как к другим?

Учеников-казачат водили на строевые занятия. Страсть как хотелось и мне с ними. Но меня не брали - иногородний. Учил строевой подготовке старый усатый казак, ефрейтор. Человек он был тупой, ограниченный, ученики прозвали его Халява. Он не мог отказать себе в удовольствии посмеяться надо мной и другими сыновьями бедных крестьян. Когда мы стояли на плацу в сторонке, не в силах оторваться от зрелища строевых занятий, Халява командовал:

- Разогнать мужичат!

Мгновенно возникала рукопашная схватка. Казачата пускали в ход деревянные ружья, а мы отбивались кулаками, комьями

земли. Не раз я возвращался домой с разбитым носом, с подбитым глазом.

- Ничего, сынок, придет время, когда и мы их будем бить, - утешал меня отец.

Происходил отец из запорожских казаков села Березовка Прилукского уезда Полтавской губернии. Покинуть родные места его заставила нужда. Он рано потерял родителей и рос у деда, но в неурожайный год тому пришлось продать свой надел земли. В поисках лучшей жизни перекочевал на Кубань в станицу Темижбекскую и стал работать у помещика.

Из станицы отец иногда ездил в свои родные края, оттуда он привез и жену, рано осиротевшую девушку с Полтавщины. Оба стали гнуть спины на помещика Заболотнего, отец работал конюхом, а мать прислуживала в помещичьем имении, его у нас называли экономией. Трудились от зари до зари, а свою хату отец смог поставить только перед первой мировой войной. До этого семья наша снимала угол у кого-нибудь из состоятельных казаков, имевших просторные дома.

Новая наша хата была мала, а в семье росло уже девятеро детей - мал мала меньше. Когда мы собирались вместе, в хате не то что яблоку - дробинке некуда было упасть. Ели по очереди: не умещались все за столом.

- Ну и ну, - покачивал иногда лохматой головой отец - Сколько вас! Как звезд на небе.

Отец, как мне помнится, смотрел на жизнь весело, с улыбкой. А ведь жизнь его не баловала. Он из сил выбивался, чтобы как-нибудь прокормить семью. Много лет ушло, пока скопил деньжат на покупку клочка земли, а на хорошую лошадь так и не хватило, - купил по дешевке слепую кобылу. Над нею часто потешались станичники.

Отец хорошо знал грамоту, хотя и был самоучкой. Соседи нередко просили его составить какое-нибудь прошение, написать бумагу.

В редкие свободные часы отец любил читать. Книги ему давали учителя и станичный врач. Доставал их и через слуг помещика Заболотнего.

- Ох, не доведет тебя это до добра, - хмурилась мать, когда отец садился за книгу.

Батька отмалчивался, но однажды сказал в сердцах:

- Что ты охаешь? Нельзя же нам всю жизнь слепыми ходить. В 1914 году я окончил двухклассное училище. Многие мужичата мне искренне завидовали. Было нас всего пятнадцать выпускников. А жителей в станице - пятнадцать тысяч.

Когда я принес домой свидетельство об окончании училища,

отец сказал:

- Вывел я тебя, сынок, в люди, давай на работу.

И я тоже пошел на поденщину.

Разный люд батрачил у помещика: бедняки-станичники, мужики. Работали в имении и босяки. Полученные деньги они пропивали либо проигрывали в карты. Но были среди батраков и политические, с волчьими билетами, находившиеся под надзором полиции. У них можно было многому поучиться.

Пришлось мне увидеть ближе помещичью семью, купавшуюся в роскоши. Встретился и с настоящими живоглотами - купцами, никого не щадившими ради барышей.

Как я был горд, когда заработал первые полтора рубля! Радовалась и мать.

В 1917 году отца забрали на войну. На меня, как на старшего, легли обязанности хозяина. Плохой я был глава семьи в свои шестнадцать лет. Лошадь пала. Хозяйство разваливалось. Пойти бы нам по миру, но, к счастью, через год отец вернулся с фронта. К тому времени в станицах стала особенно разгораться классовая борьба. Дело доходило до вооруженных столкновений между казаками и иногородними.

Помнится такой эпизод.

Сын казака Писанкова учился в Краснодаре. Когда началась революция, он вступил в красногвардейский отряд и был убит в бою с корниловцами. Писанков счел для себя позором, что сын оказался на стороне голытьбы, и даже мертвому не хотел простить прегрешений. Но его дочь поехала в Краснодар и привезла тело брата домой. Отец, увидев подводу с гробом, закрыл ворота.

Солдаты из иногородних собрались у дома Писанкова, вызвали духовой оркестр и с почестями похоронили красногвардейца. Гроб сопровождал большой вооруженный эскорт.

Станица окончательно разделилась на два лагеря. Как только вблизи Темижбекской появился корниловский отряд, сразу образовался фронт в самой станице: иногородние перебрались на левый берег Кубани, а казаки остались на правом.

Началась и у нас гражданская война.

Отец прибежал домой запыхавшись:

- Собирайтесь! Оставаться нам здесь нельзя. Убьют...

Отец испортил немало крови станичным богатеям. Они уже не раз угрожали расправиться с ним.

Вся семья уселась на телегу. Поехали к мосту через Кубань. Только переправились - мост взорвали, чтоб не пропустить белых.

Беженцев приютил 154-й Дербентский революционный полк.

Он воевал геройски и вскоре отогнал белых. Можно было возвращаться домой. А мне не хотелось расставаться с красноармейцами. Старшая сестренка Нюра и ее муж Матвей Романцов тоже решили добровольцами вступить в полк. Посоветовались с отцом.

- Добро, - благословил он.

Первого мая 1918 года я стал бойцом 154-го Дербентского революционного полка. Мне только минуло семнадцать лет. Корниловцы заняли соседнюю станицу Росшеватскую. Наш полк выступил против белых, заставил их отойти. Меня отпустили домой за вещами.

Уехал я ненадолго, но вернуться в полк скоро не удалось. Возле нашей станицы снова появились белые. Вместе с группой односельчан я пробрался на станцию Гулькевичи, где в течение суток сформировался партизанский батальон. Оружие раздавали прямо из вагонов, тут же мы выбирали ротных командиров.

На другой день наш отряд уже вел бой под станицей Тифлисской. Дисциплина в отряде была строгая. Для поддержания ее избрали товарищеский суд. Вспоминаю такой случай.

Два бойца из продовольственников украли полмешка сахара. По решению товарищеского суда проворовавшихся водили по ротам. На фанерных дощечках, которые висели у них на груди, было написано: Я украл сахар - у одного, А я продал его - у другого.

Но в общем-то подобных провинностей случалось мало. Партизаны жили дружно, храбро воевали.

Я был в Гулькевичском отряде, пока не встретил своих товарищей из 154-го Дербентского революционного полка. Тогда снова вернулся в полк, служил там конным разведчиком. Весь восемнадцатый год провел в боях па Северном Кавказе. Дербентцы проделали трудный путь, двигаясь в направлении Кавказская Гулькевичи - Армавир - Невинномысская - Суворовка - Бекешевка - Пятигорск Моздок - Кизляр.

Дважды я был ранен. Первый раз лечился в полку, а после второго ранения лежал в санитарном поезде.

Огонь гражданской войны охватил Кубань, Терек, Ставрополье. Под напором отборных белоказачьих частей полки Красной Армии и партизанские отряды вынуждены были отходить по трем направлениям - на Царицын, Кавказ и к Астрахани.

Наш Дербентский полк находился в составе последней группы. Зимой мы двинулись через пустынную степь в тяжелый, более чем 450-километровый поход. Вражеская конница

преследовала нас по пятам. Многие не выдержали тягот перехода и голода, многие пали в боях. Костями сотен красноармейцев устлан путь от Кизляра до Астрахани. Не буду подробно говорить о нем, он описан в Железном потоке А. Серафимовичем.

В степи я обморозил ноги, а когда наконец добрался до Астрахани - заболел сыпным тифом. Меня эвакуировали в Саратов. Болезнь протекала тяжело. Еле выжил. Но Первое мая девятнадцатого года встречал снова в родном полку, переименованном в 292-и Дербентский. Полк этот входил в 33-ю Кубанскую дивизию, сформированную в Астрахани из так называемых иногородних кубанцев.. Дивизия воевала хорошо. С ней мне довелось пройти в боях обратно от Волги до Новороссийска.

После освобождения Новороссийска мне разрешили съездить на побывку домой. С волнением добирался я до родных мест. Что там дома? Живы ли родные, уцелели ли в буре, пронесшейся над страной? Ничего я о них не знал.

И вот подхожу к дому. У двора меня встретил яростным лаем большой пес. Приглядевшись, я узнал в нем щенка, которого оставил, уходя к партизанам. И он, услышав мой голос, вдруг завилял лохматым хвостом. Из дома выбежала мать. Бросилась мне на шею, заплакала.

Тогда я узнал о тяжелой утрате. Отца замучили казаки-белогвардейцы.

Когда в Темижбекской хозяйничали белые, отец жил в другом месте, но от знакомых он узнал, что дома плохо - детишки голодают, а мать тяжело заболела. Не выдержало его сердце - тайком пробрался домой. Кто-то из станичников его предал. Отца схватил казацкий патруль и привел к атаману. Здесь начался допрос. Били кулаками, железным костылем, сдирали кожу с головы, били и приговаривали: Молчишь, гад? Нет, заговоришь, красный бунтовщик.

Ночью обессилевшего отца привели на Кубань, дали лом: Долби прорубь, свою могилу. Отец не мог шевельнуть перебитыми руками. Свалили его на лед, начали топтать...

Думали истязатели, что скончался отец, бросили на льду. Односельчане подобрали его, привезли домой. Жизнь едва теплилась в изувеченном теле. Живот вздулся, пальцы почернели. Отец попросил положить его на пол: Так легче умирать. Мать собрала детей. Взглянув на них, отец только и успел сказать:

- Береги их. Они должны дожить до лучших дней...

На этом обрываются воспоминания генерала Симоняка. Он написал только первые страницы. Тетрадь в коленкоровом переплете сохранила названия дальнейших глав. Осуществить то,

что было задумано, он не успел...

А Симоняку было о чем рассказать людям. Надев юнцом красноармейскую шинель, Николай Павлович, ровесник Павки Корчагина, не расставался с ней три десятка лет. Солдаты любили его, слагали легенды о беспримерной храбрости Симоняка, сочиняли о нем песни:

Из-за леса солнце всходит
На околицу села, Симоняк войска выводит
На отважные дела.

Взволнованные, сердечные строки посвятил ему поэт Михаил Дудин:

Мы знаем боевого генерала,
Он - батька нам.
Он нам и друг и брат.
Обстрелянный, настойчивый, бывалый,
Огонь и воду видевший солдат.

То, что Симоняк не успел написать сам, должны написать другие. С этой мыслью мы беремся за перо, начиная рассказ о генерале-солдате.

На Ханко

Снова в путь

В тот день Симоняк вернулся домой раньше обычного. Открыв дверь, жена обеспокоенно спросила:

- Что-нибудь случилось?

- Как сказать... В дорогу собираться надо.

Александра Емельяновна привыкла, что в последние годы Николай Павлович постоянно разъезжал. Он служил в штабе Ленинградского военного округа и большую часть времени проводил в войсках.

Что он там делал, Александра Емельяновна не расспрашивала. Расскажет хорошо, промолчит - значит, так нужно. Мало ли куда и зачем могут направить окружного инспектора пехоты...

И сейчас, узнав о предстоящей поездке, она только по интересовалась:

- Когда выезжать?

- Двое суток на сборы получил.

- Двое суток?

Теперь она поняла, что на этот раз Николай отправляется не в обычную командировку.

- Ехать не так уж далеко, - сказал Симоняк, - но надолго. Переводят меня... И знаешь куда? В Финляндию... На полуостров Ханко.

Николай Павлович подошел к письменному столу, раскрыл

географический атлас:

- Смотри...

Александра Емельяновна взглянула на изогнутый, напоминавший бутыль, полуостров.

- Сюда и еду, - задумчиво произнес муж.

- Один?

- Пока один. Не отрывать же дочерей от учебы. Может, там и школы еще нет.

Полуостров Ханко Советский Союз получил в аренду по мирному договору с Финляндией. Этот скалистый участок суши, как бы отделяющий Финский залив от Ботнического, имел важное военное значение для нашей страны - он прикрывал морские пути к Ленинграду. Ранней весной сорокового года на полуостров была направлена усиленная стрелковая бригада.

Сегодня командующий войсками округа Кирпонос, вызвав Симоняка, неожиданно спросил:

- На Ханко бывали?

- Нет.

- А с командиром Восьмой бригады знакомы?

- Немножко. По боям на Карельском перешейке.

- Так вот, он просит перевести его по семейным обстоятельствам с Ханко в другое место...

Симоняк понял, что командующий неспроста говорит всё это. Действительно, Кирпонос предложил ему принять командование бригадой.

- Нет нужды объяснять, какое значение имеет база на Ханко, - сказал он. Вы служите в штабе и хорошо это понимаете. Согласны поехать?

- Раз надо - я готов.

После разговора с Кирпоносом Симоняк обошел управления штаба, расспрашивал всех, кто бывал на Ханко, о Восьмой бригаде. Затем заглянул к своему доброму товарищу начальнику управления войск связи Ковалеву.

- Думаю, что не пожалеешь, - сказал тот. - Бригада там крепкая, народ отборный, но дел, конечно, много. Участок самый что ни на есть передовой...

Прощаясь, Симоняк напомнил Ковалеву:

- Не забудь обещанного, Иосиф Нестерович. Жду от тебя хорошую радиостанцию и классных радистов. Ну и семье в случае нужды подсоби. Тяжело Александре Емельяновне. Трое ребят. Один Витька по рукам и ногам связывает, совсем еще мал.

Ковалев понимающе кивнул головой. Пришлет на полуостров всё, что требуется для хорошей радиосвязи, и о семье он, конечно, позаботится, Симоняк может быть уверен.

Сейчас Николай Павлович рассказал об этом разговоре жене:

- Если что, звони сразу ему. Вот телефон...

Погрустневшая Александра Емельяновна ушла на кухню: девочки придут из школы, а обед еще не готов.

Едва переступив порог, она устало опустилась на стул. Не хотелось ни за что браться. Скоро двадцать лет, как они кочуют с места на место, из одного гарнизона в другой. Разве думала она в молодости, что так сложится их жизнь?

Познакомились они в начале двадцатых годов. Девятнадцатилетняя Шура работала на сельскохозяйственной станции в станице Персиановке. Симоняк служил в 83-м кавалерийском полку. Ему шел тогда двадцать второй год, а выглядел он, пожалуй, старше. Сначала плечистый кавалерист показался Шуре суровым, угрюмым. Но узнав его ближе, она убедилась - внешность-то обманчива. Сердце у Николая доброе, был он заботливо мягок с людьми, любил веселую шутку, сердечную украинскую, песню.

Сразу же после свадьбы Шура увидела, как беспокойна его служба. Чуть свет он спешил в казарму и только поздним вечером возвращался домой. А вскоре им пришлось надолго разлучиться. Полк отправился добивать остатки белогвардейских банд, бродившие по Кубани. Николай, прощаясь с женой, сказал:

- За меня не беспокойся. Не в первый раз. - Умолк, нахмурился, сжав рукоятку сабли. - За отца с ними еще не сполна рассчитался...

Он был в походе, а Шуру ни на один день, ни на один час не оставляли тревожные думы. Раз, увидев на ее глазах слезы, соседка посоветовала:

- Помолилась бы, Шурочка... Свечку поставь, легче будет.

- Что ты, Андроновна! Узнает Николай - рассердится. Он у меня партийный, большевик, ни в бога, ни в черта не верит.

Несколько месяцев конники гонялись за белоказацкими бандами. Неделями не слезали с седла. Когда вернулись домой, вид у Николая был утомленный. Он похудел, глубоко запали его темные, как сливы, глаза, еще резче выделялись скулы на смуглом лице. Ходил по комнате и, время от времени взмахивая рукой, рассказывал:

- Много гадов порубали. А с ними, понимаешь, не легко воевать. В открытый бой не вступают. Всё норовят исподтишка. Днем по балкам, по глухим хуторам прячутся, ночью вылезают. Мы на них, как на волков, охотились. Теперь кубанские станичники заживут спокойно. Никто их не будет тревожить, с пути сбивать...

Когда он выговорился, Шура прижалась к мужу. Николай

скорее угадал, чем услышал то, о чем она шептала. Значит, будет у них наследник...

А Шура, увидев, как обрадовался Николай, решилась высказать одолевавшие ее в одиночестве грустные думы. Ей ведь хотелось твердо обосноваться на месте, пустить корни, заняться своим хозяйством, как большинство ее родичей и земляков.

Она заговорила быстро, горячо. Многие уже ушли из армии. Пора и Николаю. Что им сулит военная служба? Кроме шашки, ничего у них нет. И не будет ни кола ни двора...

Она не сразу заметила, как помрачнел Николай, как ушло его радостное возбуждение.

- Эх, Шура, Шура!.. Плохо ты еще меня понимаешь. И что в мире делается не разобралась.

В словах Николая звучали боль и укор.

Его решение было принято уже давно и на всю жизнь. Когда окончилась гражданская война, Симоняк часто задумывался о будущем. Чем ему заняться, куда дальше шагать? В детстве он завидовал казацким сынкам, гарцевавшим на конях, ловко действовавшим пикой и саблей. Всему этому он научился в боях. В Дербентском революционном полку его считали хорошим конником, храбрым разведчиком. Нередко поручали трудные боевые задания. Николай пробирался в глубокий вражеский тыл, разведывал неприятельские позиции. Его острый клинок рубил без промаха, не давал пощады врагам.

Полк стал его школой и родным домом. Юношеские обиды на богатеев переросли в глубоко осознанную ненависть к старому, ко всему, что мешало победе советского строя. Симоняк вступил в двадцатом году в партию большевиков. Военная служба, была для него не просто любимым делом. Николай видел в этом долг большевика, смысл всей своей жизни.

- Нет, Шурочка, снимать шинель мне не придется. На курсы скоро поеду. Красной Армии нужны умелые командиры. Враги нас в покое не оставят... На том и кончился разговор.

...Дочь у них родилась, когда Николай был на командных курсах.

Небось расстроилась, что девочка, - писал он Шуре. - Но кем ты меня считаешь? Спасибо за дочку. Гляди за ней. Вернусь, обеих вас расцелую.

Получив звание краскома, как тогда называли командиров Советской Армии, Николай приехал снова в родной полк. И снова его захватили беспокойные дела.

Шуре порой казалось, что ее муж слишком медленно поднимается по служебной лестнице. Когда Николая назначили командиром эскадрона, у нее вырвалось:

- Наконец-то!..

- Что наконец? - изумился Симоняк.

Он и не задумывался об этом. А Шура радовалась. Поняли всё же начальники: Николай способен на большее, чем делал до сих под.

В 1931 году судьба щедро вознаградила Шуру за многолетние скитания по военным гарнизонам - Симоняка перевели в Москву. Он стал инструктором верховой езды в Военной академии имени М. В. Фрунзе.

Николай был превосходным наездником, непременным участником полковых и дивизионных состязаний. И в академии как нельзя лучше пришелся ко двору, обучал слушателей управляться с любыми непокорными скакунами, брать высокие барьеры, перелетать через наполненные водой широкие канавы.

После одного из выездов к нему подошел капитан Анатолий Андреев, невысокий, бойкий, расторопный. Из слушателей подготовительного курса Симоняк его выделял, - Андреев лучше других управлялся с лошадью. И в джигитовке понимал толк. Любил поговорить на эту тему с инструктором.

Симоняк подумал, что Андреев опять заведет речь о верховой езде. Но капитан неожиданно сказал:

- Одного я не пойму, товарищ инструктор: почему вы не в числе слушателей академии?

Симоняк не сразу нашелся, что ответить. Такой мысли ему прежде не приходило в голову..

- В самом деле - почему? - упорствовал Андреев.

- С моей грамотешкой, пожалуй, не подойду, - признался Симоняк.

- У всех нас ее не хватает. Для того и создан подготовительный курс.

Слова Андреева запали в душу Симоняка. Это вскоре заметила жена.

- Что ты всё свой чуб закручиваешь? - допытывалась Александра Емельяновна. - Какой червь тебя точит?

Симоняк высказал жене мучившие его мысли.

- Чего же ты изводишь себя? Учись...

- Считаешь, получится? - с сомнением спросил Николай.

- А почему нет?..

После долгих размышлений Симоняк подал рапорт о зачислении его на подготовительный курс.

- Хорошо надумал, - сказал Николаю Павловичу комиссар академии. - Кому, как не тебе, в академии учиться. Вояка ты бывалый. Конечно, одолевать науку дело нелегкое. Но справишься, не сомневаюсь.

- Буду стараться.

И инструктор верховой езды 1-го разряда стал слушателем подготовительного курса академии, а потом выдержал вступительные экзамены на первый курс.

Потянулись годы напряженного труда. Дни, вечера, а нередко и ночи просиживал Симоняк над книгами, географическими атласами, боевыми схемами и расчетами.

О жизни в Москве у Александры Емельяновны остались светлые воспоминания. Жили Симоняки в доме Военной академии, в небольшой комнате. Нередко в ней появлялись новые товарищи мужа - слушатели академии Маркиан Михайлович Попов, Анатолий Иосифович Андреев. Курили, колдовали над какими-то схемами, говорили о разных делах, о том, как идут занятия в политкружках, которыми они руководят на московских заводах, спорили о полководцах прошлого. Александра Емельяновна, напоив друзей крепким чаем, уходила за полог, который делил комнату пополам. Там за учебниками сидела старшая дочь Рая. Младшая, пятилетняя Зоя, забиралась к матери на колени и, захлебываясь, что-то тараторила без конца.

Наступило время сна, и мать командовала детям:

- От-бо-ой!..

Потом укладывалась и она. А отцу до отбоя было еще-далеко. Проводит товарищей, сядет за стол и читает, делает какие-то записи.

Время перевалит за полночь. Жена, проснувшись, скажет:

- Пора ложиться, Николай. И так тебе спать уже немного осталось.

- Вот только с картой разберусь.

Карта не умещалась на стеле. Жене из-за полога было видно, как Николай, растянувшись на полу, что-то старательно на ней вычерчивал.

Днем в их небольшой комнатке было тихо. Симоняк уходил в академию. Рая убегала в школу. Зою мать отводила в детский сад. Оставаясь одна, Александра Емельяновна раскладывала свои книжки и тетрадки. Она тоже училась - в школе для взрослых, созданной женсоветом академии. Мужья ведь растут, женам нельзя отставать.

Весной 1936 года Симоняк окончил академию по первому разряду. Вскоре после этого они распрощались с Москвой. Переехали в тихий зеленый городок Ленинградской области - Остров. Майор Симоняк был здесь начальником разведки штаба 30-й кавалерийской дивизии. Но и в Острове они жили недолго. Нежданно-негаданно в январе 1938 года Симоняка перевели в Ленинград, в штаб военного округа.

Ленинград понравился Александре Емельяновне, пожалуй, не меньше, чем Москва. Ходишь по прямым, как стрела, улицам - налюбоваться не можешь. Обосноваться бы тут навсегда. И что этому мешает? Николай службой доволен, говорит, что работа в штабе - это вторая академия. Им как будто тоже довольны. К первому ордену Красного Знамени, которым Николая наградили за участие в гражданской войне, после финской кампании прибавился второй орден - Красной Звезды.

Всё шло хорошо. И вот надо же: уезжает куда-то на Ханко. Снова разлука...

Зоя, размахивая портфелем, вбежала в комнату. Она раскраснелась, волосы выбились из-под сдвинутой набок вязаной шапочки. На худенькой шее алел пионерский галстук.

- А, ты уже дома, папочка, - обрадовалась она, увидев отца. - Рая еще не пришла?

- Вы что - соревнуетесь, кто позже придет?

- Сегодня был сбор отряда, - объяснила Зоя. - Знаешь, кто к нам приезжал? Не догадаешься. Герой Советского Союза! Настоящий Герой, с золотой звездочкой. Рассказал нам, как на танке воевал. В разведку ходил. Ты ведь тоже можешь?

- На танке не могу, Зойка, - разочаровал дочь Николай Павлович. - Вот на коне - другое дело.

- А в разведку?

- Это уже по моей части.

- Я тоже так думала, что можешь.

Девочке шел пятнадцатый год. Она росла быстро, догоняя старшую сестру, неплохо училась, хотя особой усидчивостью не отличалась. Не то, что Рая, которой словно бы передалось по наследству отцовское упорство.

- Мать на кухне, - сказал отец. - Сходи к ней. Помоги.

Николай Павлович на цыпочках вошел в спальню. Двухлетний Витя, отцовский баловень, разметавшись в кроватке, безмятежно посапывал. Отец наклонился, осторожно шершавой ладонью провел по шелковистым волосам.

Спад карапуз и не подозревал, что, может, надолго расстается с ним отец.

Как всё за один день переменилось! Прежде Николай Павлович уезжал из Ленинграда в командировки. А теперь? Будет приезжать домой только по командировочному предписанию или по вызову начальства. Так-то, сынок...

Может быть, это сказывались годы, но Николай Павлович особенно дорожил свободными часами, которые удавалось проводить в кругу семьи. Он рассказывал что-нибудь дочкам или читал вслух Тараса Бульбу, Поднятую целину. С неделю назад

принес Железный поток Серафимовича.

- Мы это в школе проходили, - объявила Рая.

- Вы проходили в школе, а я своими ногами протопал - от Кизляра до Астрахани.

- И все в книге правда? - удивилась дочь.

- Правда, Рая, сущая правда.

Он начал рассказывать о том, что ему довелось пережить в астраханских степях, как воевал, как его свалил с ног сыпной тиф...

- Уже на тот свет заглянул. Санитары приняли за мертвого, вынесли из лазарета в сарай. Очнулся я и ничего не пойму. Рядом как будто лежит человек. Зову - не откликается. За руку взял - ледяная. Мертвец. Огляделся я - не один, много их. Выполз я кое-как из сарая. Во дворе санитары подобрали. Вертят головами, удивляются:

Да ты из мертвых, что ли, воскрес?.

Воскрес или нет, - говорю им, - а жить хочу и буду.

Железный поток им дочитать уже не придется. Послезавтра он уезжает. Когда они опять соберутся вместе?

- Просыпайся, Витек, - произнес Николай Павлович, наклонившись над мальчиком. - Забирайся на руки к отцу.

Почти весь следующий день прошел в спешке. Симоняк оформлял документы, аттестаты, получал наставления от начальства. Поручений разных ему надавали пропасть, и служебных, и личных. У многих штабных работников оказались друзья на Ханко. Как же не воспользоваться .оказией, не послать привет? Порой полковника так и подмывало сказать: Товарищи, дорогие! Почта у нас, ей-ей, работает неплохо...

Дольше всего Симоняк задержался в инженерном управлении. Подполковник Бычевский достал из сейфа папку с чертежами и познакомил Николая Павловича с проектом строительства оборонительных укреплений на Ханко. Бычевский увлеченно описывал, какими надежными будут пояса железобетонных сооружений. Они превзойдут по своей неуязвимости линию Маннергейма, которая, как хорошо знает Симоняк, доставила нашим войскам немало неприятностей.

- Не меньше месяца стояли перед ней, - согласился Николай Павлович. - Но вы вот что мне скажите, Борис Владимирович, как идет строительство на Ханко?

- Стадия согласований и утверждений, слава богу, миновала, - усмехнулся Бычевский. - На полуостров уже выехали строители. Остается сущий пустяк: забросить цемент, арматуру, а там и возвести укрепления.

- Шутите, Борис Владимирович...

- Не собираюсь. Дело до сих пор идет медленно, сами убедитесь. Надеюсь, что поможете двинуть его.

Домой Симоняк вернулся только под вечер. Предложил жене:

- Надо бы в магазин заглянуть, купить кое-что на дорогу.

С тихого Благодатного переулка Николай Павлович и Александра Емельяновна вышли на широкий, людный проспект. Стоял октябрь, моросил осенний дождь. И всё же город, даже в это пасмурное время, был величав и прекрасен. По железнодорожному мосту, нависшему над проспектом, прогремел поезд и умчался куда-то, - может быть, повез на Ханко долгожданный груз?

Вот как оно происходит, - мелькнули у Симоняка мысль, - я еще здесь, и я уже там...

Магазины сверкали витринами. Николай Павлович и Александра Емельяновна шли по городу, словно снова знакомились с ним.

- Здравствуйте, товарищ полковник!

Симоняк обернулся. У парадного стояла невысокая женщина, повязанная шерстяным платком.

- Или не признали? Помните, весной в одном трамвае домой ехали? Я еще про сынка Федю спрашивала. Не забыли?

Нет, Симоняк не забыл. Это не так давно и было, в марте. В тот день он приехал в Ленинград с Карельского перешейка, где только что закончилась война.

На углу Невского и Садовой Николай Павлович вошел в трамвай. Устал он страшно и, оставшись на задней площадке, прислонился к стенке вагона. Последние дни спать ему доводилось мало, урывками. Неделями он не снимал полушубка, даже побриться не успевал и зарос густой щетиной. Это смущало его, привыкшего всегда быть в форме.

С фронта? - поинтересовалась молоденькая кондукторша.

Фронта уже нет, - ответил Симоняк. - Мир...

Хорошо это. Ленинградцы каждого из вас расцеловать готовы.

И даже такого небритого? - засмеялся Николай Павлович.

А что? Заслужили.

До поцелуев не дошло. Слышавшие этот разговор пассажиры стали звать Симоняка в вагон, сразу уступили место. Его забрасывали вопросами. Правда ли, что у дотов четырехметровые железобетонные стены? Можно ли их пробить бомбой или крупным снарядом? Всех ли вы ловили в лесах белофинских кукушек? Как поживает лихой удалец Вася Теркин?

Вася Теркин... Симоняк широко улыбнулся. Вот ведь оказывается, и про Теркина знают в Ленинграде. Перекочевал этот бравый, смекалистый боец со страниц военной газеты в

жизнь. Может, кто и впрямь думает, что Теркин существует? Что ж, Симоняк не станет разуверять...

Вася? А что с ним сделается, с русским солдатом? Он и в воде не тонет, и в огне не горит...

А сынка моего вы там не встретили? Федей зовут, Бархатов фамилия...

Сидевшая справа пожилая женщина умоляюще смотрела на Симоняка. В ее глазах таилась материнская тревога.

Пулеметчиком он служит, мой Федя...

Нет, мать. Не встречал. Но ты не беспокойся. Скоро, гляди, на побывку приедет.

Дай-то бог...

Глаза у Бархатовой словно бы помолодели, она всё повторяла:

Дай бог, дай бог...

Женщина вышла из вагона где-то неподалеку от завода Электросила. Разве думал Симоняк, что опять они встретятся?

На этот раз, остановив Симоняка, Бархатова не преминула поделиться с ним материнской радостью:

- А ведь нашелся мой Федя. Живой. Из армии его пока не отпускают. Где-то на Ханко служит. И второй, сынок там. Борис. Моряк. Федя-то, помните, пулеметчик.

- Если там они, может, увижу. Что передать?

- Увидите, правда? - Бархатова заволновалась. - Пускай чаще пишут, не забывают мать...

- Слыхала? - спросил Симоняк у жены, попрощавшись с Бархатовой. - Мать всегда думает о сынах. Надо нам сегодня же написать в Темижбекскую. Там небось тоже ждут не дождутся весточки.

По проспекту торопливо шагали люди. Куда-то спешили. Они не обращали особенного внимания на широкоплечего полковника, который шел среди них рядом с женой. Откуда им было знать, что завтра он отправится на суровый скалистый полуостров Ханко, чтобы охранять их покой...

Ночная тревога

Короток зимний северный день. Пролетает - оглянуться не успеваешь.

Командир роты Иван Хорьков, озабоченно взглянув на часы, взмахивал рукой.

- Огонь! - скомандовал взводный Емельянов. Громыхнули выстрелы, эхо их повторило, понесло далеко-далеко по заснеженному сосновому бору.

- Красноармеец Исаичев стрельбу закончил! - доложил боец, лежавший на огневом рубеже с краю.

Не успел он произнести последнее слово, как раздались голоса других стрелков - Петра Сокура, а вслед за ним - Алексея Андриенко....

Только Николай Бондарь почему-то молчал.

Емельянов нетерпеливо шагнул к бойцу. Хорьков взял его за рукав:

- Не мешай, Иван Никитич. Потом...

Наконец раздался последний винтовочный выстрел. Бондарь щелкнул затвором.

Быстрым шагом солдаты отправились к мишеням. Каждому хотелось узнать, как стрелял. Мешковатый Бондарь нервничал.

Хорьков и Емельянов осмотрели мишени, отметили пробоины. Ротный тут же объявлял оценку:

- Исаичев - отлично, Сокур - отлично, Андриенко - хорошо. Бондарь, а ты куда стрелял?.

- Сюда, в третью справа.

- Где же пробоины?

Солдат вплотную подошел к мишени. Пожимая плечами, пробормотал;

- Сам не пойму где... В прошлый-то раз, товарищ лейтенант, я ведь попал.

- У тебя всегда так, - досадливо махнул рукой взводный. - Раз попадешь, а три раза - мимо...

Солдаты засмеялись. Хорьков посмотрел на них с укоризной:

- Лучше бы товарищу помогли. Возьмитесь за это вы, Сокур.

Со стрельбища уходили уже в сумерках. Тишина стояла над опушенным инеем лесом, - лишь снег сухо скрипел под ногами да изредка потрескивали обомшелые стволы деревьев.

Дорожка-просека привела их в расположение роты - на окраину поселка Лаппвик. В окнах домиков сквозь причудливо разрисованные морозом стекла светились огоньки ламп.

Обращаясь к шагавшему рядом Емельянову, Хорьков сказал:

- Я пойду, надо подготовиться к завтрашнему выходу в поле. А ты здесь присмотри. Кстати, не забудь: звонили из штаба полка, передвижка приезжает.

По дороге домой ротный встретился с начальником штаба батальона Николаем Меньшовым.

- Зайдем ко мне, чайку попьем, - предложил тот.

Меньшовы жили в просторном домике с небольшим садом.

Старший сын Валя сидел за уроками, - он ходил в школу, открытую осенью здесь же, на полуострове.

- Салют, гангутец! - улыбнулся ему Хорьков.

- Салют! - ответил парнишка, нисколько не удивляясь такому приветствию.

Совсем недавно Хорьков прочел Вале маленькую лекцию об историческом прошлом Ханко. Полуостров, на котором они живут, шведы в давнее время называли Ганге-удд. Ничем особенным он не славился до 1714 года, до знаменитого сражения русских кораблей со шведской эскадрой. Русские моряки наголову разбили тогда неприятельский флот. Трудно выговаривалось Ганге-удд. Произносили - Гангут, так и окрестил полуостров Петр Первый.

Хорьков заглянул в Валину тетрадь, похвалил за хороший почерк. С удовольствием выпил крепкого чаю. Но долго засиживаться у Меньшовых не стал торопился домой. Валя попытался его задержать, любил он послушать рассказы дяди Вани.

- Не могу, гангутец, - сказал Хорьков. - Тебе надо еще заниматься, и мне тоже придется посидеть за уроками. Спроси у отца. Он знает, какую задачку мне задал командир бригады. Наш полковник - учитель строгий.

Хорьков говорил о том, что его сильно беспокоило в последние дни. На одном из тактических занятий побывал новый командир бригады полковник Симоняк. Смотрел, хмурился, затем отозвал ротного в сторонку:

- Вы же воевали в лесу, лейтенант, и знаете, как там приходилось действовать. Командир не видел всего подразделения. Многое зависело от инициативы мелких групп, от их самостоятельности. Этому людей и следует учить. А у вас на занятиях и сержанты, и взводные командиры мало думают, ждут ваших указаний. Куда это годится?

Прощаясь, полковник обещал:

- Я к вам еще приеду, посмотрю...

Завтра - очередной выход в поле. Хорьков, вернувшись домой, засел за свои уроки. Он понимал, насколько прав командир бригады.

2

Четвертая рота стояла вблизи границы, отделявшей полуостров Ханко от материка. Жизнь шла, как и всюду в Красной Армии, по строгому распорядку. Не только часы, но и минуты были расписаны - от подъема и до отбоя. Физическая зарядка на плацу, упражнения на спортивных снарядах, тактические занятия в лесу, стрельбы, изучение материальной части оружия... Почти все бойцы роты прошли боевую закалку в 24-й Железной Самаро-Ульяновской стрелковой дивизии, под знаменами которой штурмовали вражеские позиции на Карельском перешейке. Но всё равно надо было учиться. Такова уж армейская жизнь.

После стрельб бойцы шумной гурьбой ввалились в казарму.

Быстро разделись и тотчас же начали чистить оружие.

Бондарь опять замешкался. Когда товарищи окликнули его, он недовольно проворчал:

- И куда вы только спешите? Ужин всё равно раньше не дадут.

- Ты, Микола, от жизни отстал. Разве не слышал, что ротный говорил?

- А что?

- Кто в службе первый, тому и ужин по особому заказу.

- Ох и мастер же ты сочинять, Андриенко, - покачал головой Бондарь. - Как дед Щукарь.

Петр Сокур, вспомнив о поручении Хорькова, потянул Бондаря за рукав:

- Давай сюда, дружище, а то и впрямь без ужина останешься.

Бондарь, орудуя шомполом, даже вспотел от натуги. Сокур, чуть заметно улыбаясь, бросил:

- Да ты, браток, чоловик сердитый. На винтовке, видать, свою обиду вымещаешь.

- А что? Увидишь, в следующий раз не хуже других стрельну.

Незаметно, исподволь умел Сокур поправить товарища, повлиять на него. За это его уважали в роте. Сокур окончил учительский институт, был до армии директором школы в селе Козинцы, на Винничине. Имел по семейным обстоятельствам оторочку от службы в армии.

В тридцать девятом году, когда началась финская кампания, добился отправки в действующую армию. Добровольца направили в 24-ю дивизию. И со станковым пулеметом он прошел большой боевой путь.

На Ханко Сокур окончил снайперские курсы. Стал отличным стрелком сам и уже учил товарищей: ефрейтора Васю Гузенко, бойцов Ивана Турчинского, Николая Порвана. А вот сегодня в его школу определили еще и Бондаря. Может, снайпер из него и не получится, но хорошо стрелять будет.

3

Кто при звездах и при луне так поздно скачет на коне... - слова эти, вынырнув из глубины памяти, битый час преследовали командира бригады, который ночью на своей эмке пересекал весь полуостров - от города Ханко почти до самой сухопутной границы.

Кто при звездах и при луне...

Машина резко подпрыгнула на ухабе, наклонилась вправо. Симоняк локтем ударился о дверную ручку. Шофер недовольно проворчал:

- Поездочка! Того и гляди в кювет свалимся или на скалу наскочим.

- Не ной, - беззлобно остановил шофера командир бригады. - Сам хвастался: я, мол, и с закрытыми глазами машину проведу.

Шофер выскочил из машины, рукавицей смахнул со смотрового стекла густой налипший снег. И опять машина начала пробиваться сквозь непроглядную завесу снегопада.

Вот тебе при звездах и при луне... Тьма такая, что хоть глаз выколи.

Симоняк, слегка повернув голову назад, спросил:

- Живы?

- Как будто, - отозвался капитан Трусов.

Сзади в машине кроме Трусова сидели еще капитаны Кетлеров и Шерстнев. Сначала они негромко переговаривались, подшучивали друг над другом. Александр Иванович Шерстнев сердито отвечал на остроты спутников.

Колючий характер, - определил еще раньше, присматриваясь к Шерстневу, командир бригады. - Чуть что - ощетинивается, как еж. Быстро вспыхивает, но быстро и отходит.

Трусов был полной противоположностью Шерстневу: веселый, уравновешенный, невозмутимый. Симоняк уже убедился, что это отличный командир. Свое дело знает. Лучшего начальника разведки, считает комбриг, и не надо.

Капитан Григорий Кетлеров по всем статьям подходил к должности начальника штаба бригады. Он на лету схватывал указания комбрига, быстро доводил их до полков и батальонов. Товарищи о Кетлерове иногда говорили: Ученый малый, но педант, иронизируя над его прямо-таки скрупулезной аккуратностью и пунктуальностью. Но ведь начальник штаба и должен быть точен, как хронометр, в большом и малом.

Все они сейчас приумолкли, видно - устали. Симоняк обернулся назад:

- А что Александр Иваныч молчит?

- Пострадал при исполнении оперативного задания... На очередном ухабе язык прикусил, - сразу же отозвался Трусов.

Симоняк беззвучно рассмеялся и тотчас услышал высокий сердитый голос Шерстнева:

- Есть же на свете любители язык чесать. Ехавшие в машине опять разговорились. И как-то незаметнее бежала дорога.

- Приехали, - объявил наконец шофер.

В штабе второю батальона их ждали майор Путилов и капитан Сукач. Жарко натопленную комнату освещала яркая лампа. У телефонного аппарата дежурил связист.

- Не будем терять времени, - сказал командир бригады. - Я и Шерстнев пойдем в четвертую роту, Кетлеров и Трусов - в пятую, а вы, товарищ Путилов, берите на себя шестую.

Капитан Сукач вызвался сопровождать Симоняка. Шагал первым, прекрасно ориентируясь в заснеженном, гудящем лесу. Чувствовалось, что он всё хорошо знал здесь.

Казарма четвертой роты высилась снежным сугробом на окраине Лаппвика.

- Стой, кто идет?

- Свои.

Из темноты возник часовой в длинном тулупе, с винтовкой в руке. Узнав Сукача, пропустил в казарму.

Командир бригады приказал поднять роту по тревоге. Сам он остановился неподалеку от входа и молча наблюдал за тем, как люди, вскакивая с постелей, поспешно натягивают сапоги, бегут за шинелями, быстро разбирают оружие из пирамид.

В казарму влетел ротный Хорьков. Он порывисто дышал и, озабоченно поглядывая на часы, торопил командиров взводов и отделений.

Из раскрытой двери в помещение врывалось холодное белесое облако, которое словно поглощало людей, один за другим покидавших казарму.

Выход был один. В дверях образовалась толчея.

Хорьков подбежал, сердито крикнул:

- Сержант Бондарец! Поворачивайтесь веселей. Всех задерживаете.

Провожая взглядом чуть прищуренных глаз пробегавших мимо него людей, Симоняк думал: понимают ли они, почему он поднял их глубокой ночью, почему особенно часто наведывается сюда, к Лаппвику? Из трех батальонов, расположенных вблизи границы, второму комбриг отводил самую ответственную роль - в случае боевых столкновений наглухо закрыть сухопутный вход на Ханко. Симоняк не раз, склонившись над картой полуострова, размышлял о возможных направлениях удара противника. Ему становилось ясно, что прежде всего это может произойти у Лаппвика: тут, среди обомшелых гранитных скал, минуя торфяные болота, тянутся железная дорога и единственное шоссе, по которому только и могут двигаться танки, артиллерия.

Ротный, пропустив последних солдат, выбежал в морозную темь. Рядом с казармой, на полянке, построились взводы. Прибывшие с комбригом командиры начали проверку: смотрели, как одеты солдаты, всё ли необходимое захватили с собой, готовы ли вести бой.

- Рота поднялась за семь минут, - доложил Хорьков. В его голосе звучали нотки удовлетворения.

- Семь минут? Не многовато ли, старший лейтенант? Хорьков удивленно посмотрел на командира бригады:

- Это ведь всегда считалось хорошим временем для роты, товарищ полковник.

- Неплохо, только не для вас. Вы ведь уже воевали?

- Пришлось...

- Стало быть, знаете, что за семь минут может сделать противник. А граница рядом. Вот из чего нужно исходить... А сейчас ведите роту в казарму. Вон как вьюга разыгралась.

Ветер яростно отряхивал снег с высоких сосен. Мохнатые хлопья кружились, плясали в воздухе и, опускаясь на землю, заметали все дороги и тропы. Полковник вслед за ротой вошел в казарму. Рядом с ним шагал Шерстнев. Снег густо облепил его с головы до ног.

- Может, отсюда на остров Германсе махнем? - сказал Симоняк. - Как думаете?

Шерстнев не понял, всерьез спрашивает комбриг или шутит. Скорее шутит. Попробуй туда добраться в этакую непогодь. Но ответил спокойно:

- Поедем, товарищ полковник.

Этого не напугаешь, - подумал Симоняк. - Хлопотная армейская жизнь, как и шинель, ему по плечу. Рассказывают, он хорошо командовал батальоном. И в штабе бригады на месте. Понадобится, можно назначить командиром полка, он не подведет.

В казарме повзводно выстроились солдаты. Командир бригады сказал:

- Благодарю вас за хорошую службу. Да не всех. Тут мне доложили про некоторые грешки. Один из вас даже ухитрился в сапоги без портянок влезть. Было дело?

- Было, - послышался глуховатый голос.

- Пусть нам этот боец покажется.

Из строя вышел Бондарь:

- Торопился я, товарищ полковник. Не хотел отделение подводить.

- А вот и подвел. Ишь, без портянок на мороз выбежал. Хорошо, что тревога учебная. А если боевая? Пришлось бы позиции занимать, гляди - и ноги отморозил.

Комбриг поинтересовался:

- А кормят-то как?

- Жаловаться не можем.

- В самом деле? А не получается у вас так же, как в одном полку. Приехал в батальон генерал, спрашивает: Сытные ли обеды? - Вполне, - отвечают солдаты, даже остается. - А куда вы остатки деваете? - Как куда? Доедаем. - А после этого сыты? - От прибавки бы не отказались...

Слова комбрига вызвали громкий смех.

- И так бывает... Ну что ж, скоро завтракать. Где у вас кухня, старший лейтенант?

Над большими луженными котлами батальонной кухни поднимался белый пар, пахло поджаренным луком, лавровым листом.

Около плиты с большим черпаком в руках стоял чернявый парень в белом халате и в белом приплюснутом колпаке. Увидев гостей, он браво представился комбригу.

- Бархатов? - переспросил Симоняк. - Знакомая фамилия. Постой, не Федором ли звать?

- Федор.

- Мать в Ленинграде?

- Так точно, товарищ полковник.

- На фронте пулеметчиком воевал?

- Так точно! - Бархатов растерянно смотрел на комбрига.

- Может, колдуном меня считаешь? Дело, брат, проще.

Полковник рассказал о встрече с матерью Бархатова.

- Редко ты ей писал. А сейчас как?

- Тоже не часто. Как-то не о чем писать.

- Напиши, что жив, здоров. Мать и этому будет рада. Понял?

Бархатов смущенно кивнул головой.

- И еще объясни мне, как ты, пулеметчик, кашеваром заделался?

- По случайности, товарищ полковник. Попал в этот батальон, а повара тут не оказалось. Я и вызвался обед приготовить. Не на сухом же пайке сидеть. Получилось. Так с той поры и командую на кухне.

- Показывай, что солдатам на завтрак приготовил. На столике перед Симоняком появилась тарелка с гречневой кашей, заправленной поджаристыми шкварками.

- Казацкая еда, - заметил, попробовав кашу, Симоняк. - Черпаком хорошо воюешь. Но о пулемете не забывай.

- На стрельбище не отстаю от других.

Взглянув на звонко тикавшие ходики, комбриг заторопился. Не любил он опаздывать. А в батальонном штабе уже собирались командиры на разбор ночной тревоги.

4

Дачный домик, приспособленный под штаб батальона, отапливался железной печуркой. Пока в ней потрескивали дрова, было тепло, но стоило огню погаснуть - домик сразу выстывал.

Майор Путилов, едва переступив порог, распорядился подбросить дров в прожорливую буржуйку.

- Прицел у тебя точный, Савелий Михайлович, - сказал

Трусов. - Проверяющие отогреваются, глядишь, и помягче станут.

- Разве вас этим отогреешь...

Путилов сел к столу, распахнул шинель. Как-то невольно всплыла в памяти другая проверка, от которой в его жизни многое зависело.

Шел декабрь тысяча девятьсот тридцать девятого года. В районе озера Муола-ярви на Карельском перешейке полк вел бои за линию Маннергейма. Участок попался трудный. Батальоны понесли значительные потери. Полк растянулся широким фронтом, некоторые участки занимали лишь малочисленные группы, они не имели меж собой локтевой связи. Воспользовавшись этим, вражеские автоматчики просочились в тыл артиллерийских позиций полка. Батарейцы, к счастью, не растерялись, встретили финнов картечью, те начали отходить и наткнулись на полковой штаб...

Полдня начальник штаба Путилов, его помощники, бойцы комендантского взвода, писаря, телефонисты отбивались от врага. И не только отбивались. Мало кто из неприятельских автоматчиков ушел живым.

Дивизия и армия потребовали объяснений - как так случилось, что противнику удалось прорваться к полковому штабу.

Командир полка был убит, и начальнику штаба пришлось весь удар принять на себя. Он извелся, сочиняя доклад.

Через сутки в полк приехал представитель фронта майор Симоняк. Суровый и неулыбчивый, склонив голову, он молча, не перебивая, выслушал Путилова, делал какие то пометки в блокноте. Потом потребовал карту с обстановкой, внимательно рассмотрел ее.

Путилов ничего не приукрашивал, рассказывал всё без утайки. Пожимая на прощанье руку начальника штаба, проверяющий, видно, почувствовал его волнение.

- Война есть война, - сказал он.

Что значили его слова, Путилов тогда не понял. Всю ночь он провел на передовой. Неприятные мысли лезли в голову. Чем кончится проверка? Время суровое - всего можно ждать...

Утром его разыскал телефонист:

- Вас срочно вызывают из штаба фронта! - закричал он еще издали.

С волнением взял Путилов трубку. Услышал знакомый грубоватый голос:

- Говорит Симоняк. Ставлю вас в известность, что дело о прорыве противника на вашем участке командование считает исчерпанным. Будьте здоровы. Желаю успеха.

- Спасибо, - только и выговорил Путилов.

Значит, во всем разобрался майор, - подумалось ему, - по-честному, с умом. И командованию правильно доложил.

Через год они встретились на Ханко.

Новый командир бригады приехал в полк знакомиться с состоянием обороны на сухопутной границе. Встретил его начальник штаба.

Симоняк с интересом посмотрел на него:

- Да ведь мы с вами как будто знакомы?

- Так точно! Я тот самый Путилов...

По лицу Симоняка пробежала доброжелательная и хитроватая улыбка.

- Как у вас дела сейчас? Противник не прорвется к штабу, или опять вам потребуется проявлять личный героизм?

Целый день они провели вместе. Симоняк смотрел схемы обороны, знакомился с боевой подготовкой. И всё это без шума и нервозности. Он не только приказывал, но и внимательно прислушивался к каждому замечанию командиров.

- Вы многое тут уже сделали, - заключил полковник перед отъездом, - но впереди еще больше работы. Так что не теряйте времени.

Вспоминая всё это, Путилов с волнением ждал, как Симоняк оценит результаты ночной тревоги.

Командир бригады точно рассчитал время. В штаб батальона пришел минут за пять до назначенного срока.

- Тепло тут у вас, просто благодать...

Трусов с видом заговорщика метнул взгляд в сторону Путилова. Ну что, мол, Савелий Михайлович, угадал я, понравилась комбригу твоя предупредительность... Мягче будет.

Путилов усмехнулся, покачал головой, как бы говоря: ошибаешься, Иван Ильич... Не будет.

Разбор продолжался больше часа. Докладывали проверяющие, поделился своими наблюдениями Симоняк. Боеготовность батальона за последнее время повысилась.

И всё же...

Полковник подробно и строго разобрал недостатки, командирские промахи.

- Какие будут вопросы? - спросил, закончив, Симоняк.

- Ясно.

- Коль так, можно и расходиться. Беритесь за дело.

Метель, яростно бушевавшая ночью, начала стихать. К тому времени, когда Симоняк и его спутники покинули штаб, она окончательно присмирела. С невысокого посветлевшего неба лениво падали мохнатые снежинки.

Симоняк, сидевший рядом с шофером, неотрывно смотрел на мелькавшие мимо скалы, острые, как казацкие пики, на столпившиеся в оврагах и низинах белоствольные березки. Местность казалась безлюдной и пустынной, но командир бригады хорошо знал, что это обманчивое впечатление. В разных частях полуострова разместились батальоны и роты, жили люди, за которых он отвечал.

Километрах в шести от Лаппвика Симоняк увидел работающих на дороге солдат. Трактор расчищал снежные заносы. Несколько бойцов лопатами разбрасывали желтый песок.

- Молодец Чудесенко, - сказал Симоняк. - Всё успевает. И укрепления строит, и за дорогой следит.

- Да, комбат хороший, - согласился Кетлеров.

Чем дальше машина удалялась от границы, тем оживленнее становился полуостров. Попадались навстречу широкие груженые розвальни, рядом с ними шагали бойцы. Услышав сигнал шофера, они не спеша сворачивали на обочину, провожали глазами эмку комбрига, удивляясь, видимо, откуда он едет в такую рань.

У небольшого поселка Санде на заваленной зелеными ветками вырубке дымился костер. Около него хлопотало несколько человек в штатской одежде - в ватниках, пальто и полушубках неармейского покроя. Таких людей, присланных сюда с крупнейших заводов Ленинграда, Симоняк встречал в разных концах полуострова. Три тысячи ленинградских рабочих рыли котлованы, возводили железобетонные доты.

- Погодите, - слышал от них комбриг, - мы тут такое сотворим, что будет покрепче хваленого Гибралтара.

- А сколько ждать? - спрашивал полковник.

- Всё идет по плану, даже с опережением графика...

Симоняк ревниво следил за ходом строительства. Каждое долговременное сооружение повышало устойчивость обороны Ханко. Ему хотелось иметь надежные доты как можно раньше. Он не раз говорил об этом с командованием базы, писал в штаб Ленинградского военного округа. Бригадный комиссар Расскин, ханковский старожил, с первым отрядом моряков и пехотинцев прилетевший на полуостров, поддержал Симоняка.

- Правильно действуешь, Николай Павлович, - одобрил он. - Под лежачий камень и вода не течет.

Настаивая на ускорении строительства железобетонных укреплений, Симоняк, со своей стороны, принимал меры для укрепления обороны. На Петровской просеке, по которой проходила сухопутная граница, Путилов показал ему как-то небольшой деревянный сруб:

- Тут будет огневая точка. И еще несколько таких построим. А

то ведь нам пока не на что опереться...

Симоняк одобрил эту идею. На следующий день он прислал в полк инженеров, которые составили проекты дзотов. И на границе вскоре развернулось строительство укреплений из дерева и камня...

Машина, осилив крутой подъем, вскарабкалась на ровную приплюснутую возвышенность. По обеим сторонам дороги, в просветах между деревьев, курились дымки, сновали люди в красноармейских шинелях.

Комбриг и его спутники въехали в расположение еще одного стрелкового полка бригады - 270-го. Командовал им полковник Николай Дмитриевич Соколов. При первом знакомстве он показался Симоняку мягковатым, более чем следует предупредительным, и речь его не походила на строгий, лаконичный язык кадрового командира. Но всё, о чем бы Симоняк ему ни говорил, исполнялось быстро, пунктуально; за внешней мягкостью Соколова скрывались твердая воля, железная командирская требовательность.

Из лесной чащи вынырнул всадник на стройном гнедом коне. Симоняк остановил эмку, открыл дверцу.

- Куда путь держишь, секретарь? - спросил комбриг спрыгнувшего с лошади политрука.

Секретарь партийной организации 270-го полка Иннокентий Лейтман ответил, что едет на остров Бинорен во второй батальон, где находится и командир полка.

- Что это вы все туда?

- Комполка будет проводить тактические занятия, я подготовлю коммунистов, побуду на партийном собрании. А вечером лекцию прочитаю. Международным положением все интересуются.

Симоняк подошел к коню, нетерпеливо перебиравшему стройными ногами в рыжеватых опалинах, нежно потрепал теплую гривастую шею.

- Хорош Озёр. Не могу спокойно пройти мимо красивого коня.

В бригаде уже многие знали об этой страсти комбрига. Нередко он на своем быстроногом коне скакал по полуострову. И каждый, кто его видел в седле, невольно любовался посадкой, мастерской ездой старого конника.

- Хромать Озёр перестал?

- Всё зажило.

Озёра Лейтман привез с собой на Ханко с Карельского перешейка. Он подобрал коня, израненного осколками мины, где-то возле Выборга. Озёр лежал на снегу и большими умными

глазами глядел на каждого, кто проходил мимо, как бы прося о помощи. Лейтман выходил его и с тех пор с ним уже не расставался. Его хлопоты с раненой лошади были непонятны сослуживцам. Откуда это у политрука? Прибыл в полк из Ленинграда, работал там в издательстве...

Симоняк, впервые увидев Лейтмана на коне, тоже удивился: сидит, как заправский кавалерист... Но разговорившись с отсекром партийного бюро, понял, что удивляться нечему.

Лейтман вырос на Дону, дед - старый николаевский солдат - приохотил внука к верховой езде. И когда Иннокентий подрос, это ему пригодилось: не одну тысячу верст промчался молодой красноармеец с саблей в руках по донским степям, по Украине и Крыму, сражаясь за молодую Советскую республику. Встречаясь с ним, комбриг вспоминал и нестерпимый жар кавалерийских атак, и несгибаемый дух бойцов гражданской войны.

- Разрешите ехать, товарищ полковник? - спросил Лейтман.

- Давай.

Машина снова понеслась по шоссе.

Низко, чуть не задевая вершины медных сосен, пролетел самолет. Вынырнул на миг из густого белесого месива и опять скрылся...

Бригада принимает бой

На Ханко пришла весна. Первыми на летнюю форму перешли остроглавые скалы, сбросив мохнатые снежные шубы. Звонко щебетали ручьи, играли на солнце и бесшабашно срывались с крутых берегов.

В половине мая поднялась нежная трава, в легкий кружевной наряд начали одеваться березки. Ребята, забросив коньки и лыжи, часами гоняли на площадке у водонапорной башни футбольный мяч.

Симоняк, взяв за руку трехлетнего Витю, гулял с ним по берегу залива. В бухте маневрировали военные корабли и грузовые баржи. Навигация уже началась, в порту шла разгрузка судов, прибывших из Ленинграда и Таллина.

Витя, как все ребятишки его возраста, ни на минуту не давал покоя отцу. Николай Павлович терпеливо отвечал на его вопросы, объяснял, какие тут корабли, что за острова видны на горизонте.

- Потеплеет, на катере туда прокатимся, - обещал отец.

Домой возвратились в сумерках. Александра Емельяновна приготовила ужин, а Зоя, увидев отца, начала накрывать на стол.

Семья к Симоняку только что приехала. Сразу стало уютнее в комнатах, появились занавески на окнах и цветы на обеденном столе.

Городок Ханко, чистенький, зеленый, раздольно

раскинувшийся на побережье, пришелся по душе Александре Емельяновне. Детям здесь хорошо, настоящий курорт.

- И десятилетка, говоришь, открывается? - спрашивала она мужа. - Значит, Раиса, может школу здесь кончать. Как ей там одной в Ленинграде жить?

Жена, бывало, взглянув на мужа, сразу угадывала его настроение, но сегодня она почему-то не замечала озабоченности Николая Павловича. Может быть, ей просто хотелось провести спокойно этот весенний вечер, пропитанный запахами моря и трав.

Не заговорил о том, что его волновало, и Николай Павлович. Скромное желание у жены: жить вместе всей семьей. Но суждено ли этому сбыться?

Обстановка, которая складывалась в мире, настораживала. Пламя новой войны всё более разгоралось в Европе. Только на востоке, у советских границ не гремели орудия. Некоторым казалось, что так оно будет и дальше, что война сюда не дойдет. Всякое иное мнение эти недальновидные люди считали крамолой.

Буквально сегодня у Симоняка был неприятный разговор в политотделе. Секретаря партийной организации Лейтмана один из политработников обвинил в неправильной трактовке международной обстановки. Как-то на лекции ему задали вопрос:

- Вы считаете, что скоро у нас может начаться война?

- Не удивлюсь, если завтра встанем по боевой тревоге.

Лейтмана пробирали с песочком. Говорили, что он высказывает недоверие к политике правительства, нервирует, будоражит людей.

Политрук упрямо стоял на своем. Мир не от нас одних зависит. Нельзя убаюкивать бойцов. Мы, военные, обязаны быть наготове.

Симоняк сидел молча, насупив густые брови, и время от времени покачивал головой. Потом встал, подошел к Лейтману.

- Слушай, политрук, иди и спокойно работай. - Он повернулся к работникам политотдела: - Зря навалились на человека. Дело он говорит...

Политрук ушел, но разговор о нем продолжался. Розовощекий батальонный комиссар, вытащив из ящика стола коричневую папку, спросил:

- А вам, товарищ полковник, всё известно о Лейтмане? И то, что имел строгача за политическую слепоту? Ведь он долгое время работал рядом с врагом народа и не разоблачил его.

- Выговор-то с него сняли. И воевал он хорошо, орденом награжден. Коммунисты ему верят, избрали секретарем. Думаю,

что не ошиблись. А рассуждает Лейтман как настоящий армейский большевик.

Вскоре Симоняк попросил зайти к нему полкового комиссара Романова, своего заместителя по политической части.

Медленно расхаживая по комнате, откровенно высказал волновавшие его мысли. Нельзя настраивать солдат и командиров на спокойную, безоблачную жизнь. Это разоружает людей. Надо, чтоб каждый чувствовал себя здесь не курортником, а солдатом. Верно - с Германией у нас заключен пакт. Но разве можно верить фашистам? Сегодня они прикидываются друзьями, а завтра, чего доброго, попытаются всадить нож в спину...

- Могут, - согласился Романов, - и уж, конечно, нам, гарнизону Ханко, нельзя об этом забывать!

2

План Барбаросса - план молниеносной войны Германии против Советского Союза - разрабатывался в глубокой тайне. По приглашению Гитлера в Германию несколько раз ездил начальник финского генерального штаба Хейнрикс. И в Хельсинки зачастили инспектора вермахта. Их паломничество началось еще летом 1940 года. А осенью в Финляндию прибыли две тысячи фашистских солдат, образовался объединенный немецко-финский штаб обороны Ботнического залива. Гитлеровское командование накапливало войска в важном стратегическом районе, а финский генеральный штаб уже заготовил три плана наступления на советскую землю. Планы носили названия: Голубой песец, Северный олень, Черно-бурая лиса.

Зимой сорокового - сорок первого в Финляндии формировались штурмовые батальоны и десантные отряды для нападения на Ханко. На огневых позициях, укрытых в лесах и среди скал, устанавливались дальнобойные крупповские орудия, нацеленные на Петровскую просеку, Ш город и порт Ханко. Была создана специальная ударная группа Ханко, в которую входили пехотные, кавалерийские и артиллерийские полки, инженерные подразделения, десантные суда. Перед этой ударной группировкой ставилась задача - внезапно напасть с суши, с моря и с воздуха и в .три дня полностью занять Ханко и прилегающие к нему острова.

В конце мая Симоняка вызвали в штаб базы, и генерал Кабанов, усадив его рядом с собой, спросил:

- Слыхал, в Финляндии объявлен сбор резервистов?

- Слыхал. А не военная ли это мобилизация?

- Похоже.

Симоняк еще мало знал командующего базой.

Сергей Иванович Кабанов весной приехал на Ханко. Встретились они впервые не в штабе, а на острове Германсе. Высокий, большеголовый генерал вышагивал по каменистому берегу, всматриваясь в морские дали, где за горизонтом в легкой дымке угадывались Аландские острова. Остановившись у батареи и показывая на густые заросли березняка, приказал:

- Это надо убрать, расчистить сектор обстрела.

С каждой новой встречей комбриг всё более убеждался в больших знаниях и кипучей энергии командующего базой. Грузноватый на вид, Кабанов словно метеор носился по полуострову. Всё ему хотелось увидеть собственными глазами: огневые позиции морских батарей, оборонительные сооружения, стоянки боевых кораблей, наблюдательные пункты, полевой аэродром. Эта его непоседливость была по душе Симоняку, также непрестанно колесившему по Ханко.

На этот раз Симоняк пробыл в кабинете Кабанова не меньше часа. Командующий базой утром на самолете облетел весь полуостров.

- С птичьего полета хорошо видно, что у них за сборы резервистов, усмехнулся он.

Кабанов подошел к карте, отдернул занавеску и, водя карандашом, показывал то станцию Таммисаари, на которой видел скопление эшелонов, то извилистые бухточки и заливы, где отстаиваются какие-то корабли, то высотки и опушки лесов, где искушенный глаз опытного артиллериста разглядел замаскированные огневые позиции, изломанные линии траншей и ходов сообщений.

- Знаешь, Николай Павлович, докладывали мне раньше о подозрительной возне на финской стороне, но когда увидишь сам, всё воспринимается острее. Штормом пахнет.. Во дворе штаба бригады Симоняк встретил майора Шерстнева. Из-под сдвинутой на затылок фуражки выбивались темно-русые волосы, на боку висела бывавшая в переделках полевая сумка.

- Откуда, майор?

- Из триста тридцать пятого полка, - ответил Шерстнев, быстро поправляя фуражку.

- Чем там занимаются?

- Боевой подготовкой.

- Почему?! - вспыхнул комбриг.

- Как почему? - удивленно переспросил Шерстнев. - Занятия проводятся по плану.

- Какой, к черту, план! Ведь я приказал полку переключиться на оборонительные работы.

- Ничего об этом не знаю.

- Ну и начальник оперативного отделения!

Шерстнев побагровел.

- О вашем приказании, товарищ полковник, только сейчас слышу.

- Я же вчера об этом говорил с командиром полка, - уже мягче произнес комбриг.

- Разрешите, сейчас позвоню, выясню, в чем дело.

- Не надо, я сам.

Симоняка вывела из себя забывчивость командира полка. Кто больше комбрига заботился о том, чтобы боевая подготовка шла по твердому плану? Без крайней нужды не стал бы его ломать. Но как не понимает Никаноров, что сейчас надо спешно укреплять оборону, что это важнее всего?

Николай Павлович связался по телефону с полком, потребовал возместить потерянное время более напряженной работой завтра.

...Зимой оборонительные сооружения строились гораздо медленнее, чем хотелось комбригу. Трудно приходилось людям, - везде лежал глубокий снег, земля сильно промерзла, часто заметало лесные дороги, карьеры, в которых добывался камень.

С наступлением весны фронт работ намного расширился. Огневые точки, артиллерийские и пулеметные капониры возводились на перешейке у границы, вдоль побережья, на островах. Сотни людей - саперов, стрелков, артиллеристов, танкистов - рыли котлованы, дробили каменные глыбы, заготавливали срубы, устанавливали гранитные надолбы, опутывали опорные пункты проволочными заграждениями.

Дерево-каменные огневые точки строились с двойными стенами, пространство между которыми заполнялось плитняком и булыжником. Прикрывал сооружение надежный панцирь - шесть накатов бревен, метровый слой камня и такая же толща земли и дерна.

- Настоящие крепости, - отзывались об этих сооружениях бойцы. - Снаряд не возьмет.

- Если даже стрелять прямой наводкой, - не без гордости говорил командир саперного батальона капитан Федор Григорьевич Чудесенко.

Он был одним из авторов проекта опытного образца дзота для артиллерийских орудий. Саперы построили первую такую

огневую точку в лесу, вдали от границы. Посмотреть ее приехал Симоняк. С собой привез полкового комиссара Романова. Георгий Павлович понимал толк в подобных делах. Он окончил Ленинградское военно-инженерное училище и с саперами мог держаться на равной ноге. Симоняк успел оценить и это достоинство своего заместителя по политической части, человека неуемной энергии, представителя беспокойного племени комсомольцев двадцатых годов.

Симоняк, Романов, командиры-артиллеристы осмотрели сооружение, где стояло у амбразуры готовое к стрельбе орудие, землянку для расчета, ниши для хранения снарядов.

- Неплохо, - оценил Симоняк.

- Дзот удобный, всё у артиллеристов под рукой, - добавил Романов. - А как насчет прочности? Прямое попадание снаряда среднего калибра выдержит?

- Вполне, - ответил Чудесенко. - Головой ручаюсь. Да что и говорить! Прикажите артиллеристам ударить по дзоту из орудия, а я посижу там.

Все посмотрели на капитана. А он снова весело предложил:

- Прикажите, товарищ полковник. Со мной ничего не случится.

Симоняк вначале не принял всерьез слова комбата. Когда Чудесенко повторил свою просьбу, комбриг решил:

- Попробуем, выдержит ли ваш дзот.

Артиллеристы выкатили на прямую наводку 76-миллиметровую пушку. За стрельбой наблюдали с небольшой высоты. Прогремел один выстрел, затем второй... Полетели кверху комья земли и камни.

Офицеры бросились к дзоту. Радостно улыбаясь, шел им навстречу комбат Чудесенко. Он был уверен, что его: сооружение выдержит, и не ошибся.

- Да, - сказал Симоняк, - у саперов расчет точный.

И, обращаясь уже к штабным офицерам и командирам из полков, приказал:

- Такие артиллерийские дзоты строить всюду.

После этого у опытного образца появилось много младших братьев. Деревянный остов заготавливали в тылу и по частям подвозили к границе, на которой вырастала целая поросль артиллерийских точек. Они прикрывались огнем пулеметных капониров и крытых стрелковых ячеек. Дзоты вписывались в местность, сливаясь с ней так, что их трудно было различить не только с воздуха, но и с самого близкого расстояния на земле.

Май обильно кропил полуостров теплыми дождями, на земляных колпаках уже построенных дзотов поднялись зеленые

всходы.

В эти дни у Симоняка произошла встреча со старым товарищем Маркианом Поповым, с которым он сдружился в годы учебы в академии. Попов незадолго перед тем был назначен командующим войсками округа. Он приехал на Ханко вместе с командующим Краснознаменным Балтийским флотом вице-адмиралом Владимиром Филипповичем Трибуцем.

Увидев на причале комбрига, генерал Попов двинулся к нему навстречу. К удивлению всех окружающих, они троекратно расцеловались. С минуту Попов и Симоняк внимательно разглядывали друг друга. Мало изменился упрямый кубанец, думал Попов, глядя на скуластое лицо Симоняка; Такой же, как в академии.

Обоим было что вспомнить, и оба радовались встрече. Но дружба дружбой, а служба службой. Несколько дней комбриг водил командующего по обширному хозяйству.

Это, была необычная бригада - десятитысячное войско! В ее состав входили не стрелковые батальоны, а усиленные полки. В каждой полковой батарее шестнадцать орудийных стволов, вдвое больше, чем полагалось по штату. Артиллерийский полк, отдельные дивизионы - артиллерийский и зенитный, танковый батальон... Были в бригаде батальоны саперный и связи, артиллерийские мастерские, госпиталь, полевой хлебозавод. В небольшой типографии, занимавшей отдельный домик на окраине города, набиралась и печаталась многотиражная газета Защитник Родины. Со всем Симоняк знакомил командующего.

Бригада занимала оборону на большой территории; на южных островах Хесте, Куэн, Германсе, Экен, вдоль сухопутной границы от Лаппвика до Коферхара, на северных островах Бинорен, Престэн, Кадермуен, Хорсен и по северному побережью полуострова. Остальные пункты военно-морской базы обороняли моряки и пограничники.

Попов и Симоняк объехали казарменные городки, побывали на стрельбище, учебных полях. На торпедном катере обошли почти все острова. В благоустройстве жилья и строгом распорядке жизни бойцов, в продуманных сигналах подъема по тревоге - буквально во всем командующий узнавал руку рачительного, требовательного и заботливого хозяина-комбрига.

Дольше всего задержались на Петровской просеке. Пешком пересекли трехкилометровый перешеек. Приграничный район представлял собой серьезную преграду для противника. Подступы к переднему краю прикрывала полоса гранитных надолб, несколько рядов проволочных заграждений... Строились всё новые артиллерийские и пулеметные капониры, отрывались

траншеи полного профиля для стрелков.

- Я вполне удовлетворен тем, что тут сделано, - сказал Попов. - Дзоты удачно расположены, хорошо продумано взаимодействие между ними, они создадут плотную завесу огня. А это прежде всего и определит устойчивость обороны.

Командующий рекомендовал без проволочек завершить работы на сухопутной границе, не медля строить укрепления в глубине полуострова. Прикинули, сколько на это потребуется времени. При напряжении всех сил основные работы можно закончить в полтора-два месяца, а сооружение дзотов - к зиме.

Вечером; в клубе собрали штабных и полковых командиров, политработников.

- Спрос с вас особый, - говорил командующий. - Вы находитесь на самом передовом форпосте обороны Ленинграда. Если начнется война, а в воздухе как никогда пахнет грозой, вам придется нелегко. Нужно быть постоянно готовым к трудной борьбе.

Кивнув в сторону сидевшего за столом полковника Симоняка, он добавил:

- С вашим командиром я уже подробно обо всем договорился. Давно его знаю. Уверен, что он сделает всё как следует. А вы по-настоящему ему помогайте.

Перед тем как вернуться в Ленинград, Попов заехал к Симонякам. Городок еще спал, но его уже ждали. Стол был накрыт по-праздничному. Весело прошел ранний завтрак. Вспомнили Москву, вечера в комнатках командирского общежития академии, вылазки за город, встречу праздников попеременно то в одной, то в другой семье...

Симоняки проводили Попова на вокзал, тепло распрощались с ним. Никто из них не подозревал, что эта встреча Маркиана Михайлович с Александрой Емельяновной будет последней, что приходит конец спокойным, мирным дням.

Жизнь бригады по-прежнему шла в напряженном труде. Симоняк целые дни пропадал на строительстве оборонительных рубежей. Приехавшему из Ленинграда начальнику управления инженерных войск командир бригады с горечью говорил:

- Укрепрайон, Борис Владимирович, я получу через годика два, не раньше. Верно?

- Пожалуй, так, - соглашался подполковник Бычевский. - Раньше работы на основных объектах не закончить. Зато какие доты!

- На доты надейся, а сам не плошай, - усмехнулся Симоняк. - Ждать два года мы не можем. Настроим дерево-каменных огневых точек и в глубине полуострова, отроем противотанковый ров от

залива до залива, проволочные изгороди поставим на побережье... Тогда станет нам спокойнее.

- Правильно, - заметил Бычевский. - И я бы так поступил.

- Раз правильно - план свой полностью реализуем.

И Симоняк всё настойчивее торопил командиров полков и батальонов.

...За финской стороной неусыпно наблюдали зоркие глаза разведчиков.

В десятых числах июня артиллерийский разведчик Порфирий Аргунов прибежал с наблюдательного пункта к командиру батареи Давиденко.

- Разрешите обратиться, товарищ старший лейтенант?

- Случилось что?

- Сто двадцать стволов орудий прямой наводки направлены в нашу сторону, прерывающимся от волнения голосом доложил разведчик.

- Не путаешь? Сам видел?

- Собственными глазами, товарищ старший лейтенант. Точно подсчитал.

Давиденко бегом пустился к наблюдательному пункту. Аргунов едва за ним поспевал.

По деревянным ступенькам старший лейтенант быстро взобрался на верхушку дерева, где была устроена площадка, прильнул к окуляру стереотрубы. Крупным планом он видел хорошо знакомую картину: редкий, пронизанный солнцем лес, горбатую скалу, господствовавшую над окружающей местностью. Но как ни всматривался, не видел вражьих пушек на открытых позициях.

- Где же орудия, Аргунов?

- Разведчик сам подошел к стереотрубе.

- Неужели успели убрать?

Давиденко уже спокойнее стал наблюдать за финской стороной. Его внимание привлекли тени деревьев со светлыми просветами между ними. Их, по-видимому, и принял Аргунов за орудийные стволы. Сейчас эти пушки смотрели уже не в нашу сторону, а сместились влево..

- Ну и разведчик, - чертыхнулся Давиденко. - Какой переполох поднял!

Ошибка разведчика была очевидна, но старший лейтенант не спешил уходить с наблюдательного пункта. На горбатой скале по ту сторону границы он заметил необычное оживление. Среди людей, одетых в финскую форму, были военные в незнакомых зеленых мундирах. Они ходили по скале, рассматривали в бинокли нашу сторону.

Странные гости, - подумал Давиденко. - Зачем их сюда принесло?

Приказав солдату-разведчику тщательно наблюдать, Давиденко быстро спустился вниз.

Донесение о том, что происходит на границе, полетело из батареи в полк, из полка - в штаб бригады, и через некоторое время начальник разведки майор Трусов докладывал комбригу.

- Незнакомые гости? - переспросил Симоняк. - Но это, пожалуй, не гости, а хозяева: немцы. До поры до времени прятались, теперь вылезли наружу.

Обстановка становилась тревожной. Вскоре Симоняк беседовал с Кабановым, тот рассказал о приезде из Хельсинки советского посла.

- Семью с Ханко забирает.

- Почему? - спрашиваем его.

- В Хельсинки, - отвечает, - под дипломатическим покровительством ей будет спокойнее.

- Есть что-нибудь новое?.

- Немцы, - говорит, - высаживают войска в Финляндии. Война, видимо, не за горами.

Обдумав всё это, комбриг решил вывести несколько батальонов на передний край, занять построенные дзоты, установить в них орудия и пулеметы, завезти два - три боекомплекта снарядов.

Решение Симоняка даже в штабе бригады показалось рискованным. Не вызовет ли этот шаг дипломатических осложнений? Еще придется, чего доброго, расплачиваться за самостийность. Симоняк выслушал эти доводы и твердо повторил:

- Войска выводить в. боевые порядки. И делать всё скрытно.

На рассвете 22 июня 1941 года Германия начала войну против Советского Союза.

Финляндия, правда, еще говорила о своем нейтралитете.

- Какой, к черту, нейтралитет! - вырвалось у. Симоняка. - Они пока не стреляют, но ужами ползают возле наших границ, ведут воздушную разведку. Хотят врасплох захватить.

В эти дни комбриг действовал с необыкновенной энергией. У него не было свободной минуты. Не удалось даже выкроить времени, чтобы проводить на корабль семью, которая вместе с семьями других командиров эвакуировалась в Таллин. Теплоход уходил в тринадцать часов. А в это время комбриг ставил задачи командирам полков и специальных частей.

Около полуночи в блиндаж командира бригады протиснулся бритоголовый гигант майор Кожевников из штаба строительства

укрепленного района. Выпрямившись, он уперся головой в бревенчатый потолок.

- Садитесь, майор, - предложил Симоняк, - не то, гляди, еще головой брешь пробьете.

Майор спокойно уселся.

- Повыше-то блиндажи строить не мешает, товарищ полковник.

- Может быть, - проговорил неопределенно комбриг. - У вас-то в укрепрайоне по части строительства больший опыт. Если б надеялись на вас...

- Да я там без года неделю...

- Знаю, - сказал комбриг. - Знаю и то, что во время зимних боев на Карельском вы были начальником штаба полка. Теперь снова придется воевать. Ваши люди не сдрейфят?

- Не должны, - раздумчиво пробасил Кожевников, - народ рабочий, в основном ленинградский.

- Формируйте из них полк. Вас назначаю командиром.

Комбриг поставил новому полку задачу - быть готовым к борьбе с воздушным десантом противника, строить противодесантную оборону, ставить на местах, удобных для приземления с воздуха, колья с проволокой, малозаметные препятствия, расположить в укрытиях зенитные пулеметы...

Симоняк подвел Кожевникова к карте, показал район на побережье:

- А вот здесь совершенствуйте наземную оборону; ройте противотанковый ров, ставьте надолбы, противотанковые огневые точки. Действуйте!

Кожевникова в кабинете комбрига сменили Афанасьев и Захаров - слушатели Военно-инженерной академии. На Ханко они проходили преддипломную практику.

- Вот телеграмма, - заговорил Симоняк, - предлагают вам выехать в Москву, оформлять дипломную работу, но мне думается, вам нет смысла ехать. Тут, на Ханко, будет такая дипломная работа, что никакая другая с ней не сравнится... Согласны?

- Мы остаемся, товарищ полковник, - сказал, посмотрев на друга, Захаров.

Афанасьев согласно кивнул головой.

- Вот и хорошо, - одобрил комбриг. - Помогите майору Кожевникову формировать из строителей полк. Вас, товарищ Афанасьев, назначаю командиром батальона, а Захарова начальником штаба.

Блиндаж затем заполнила группа артиллеристов. Командир артиллерийского полка майор Иван Осипович Морозов доложил о

боевой готовности дивизионов. Комбриг потребовал:

- Все орудия укрыть, для каждого строить дзот.

- Есть вопрос, товарищ полковник, - сказал майор Морозов. - У нас нет дальнобойной артиллерии. Как же бороться с вражескими батареями? Может, выдвигать огневые позиции вперед?

- Идея правильная, хоть и кажется рискованной, - после минутного раздумья сказал Симоняк. - А чтоб меньше было риска, стройте дзоты покрепче. Но помните: на что раньше уходил месяц, сейчас нельзя тратить больше недели.

Рано утром командир бригады ехал к Петровской просеке.

Солнце поднималось, окрасив в багровый цвет морские просторы. Вдали виднелись туманные силуэты сторожевых судов. На побережье в лесу всё дышало теплом и покоем. Как будто и не было войны.

К штабу второго батальона вела узкая тропка. Шагая по ней, Симоняк столкнулся с майором Путиловым. Взглянув на его усталое лицо, на запыленные сапоги, командир бригады понял, что начальник штаба 335-го полка провел не один ночной час на переднем крае.

- Как там?

- Пока не стреляют, но и ведут себя не так, как прежде.

- А что?

- Очень много наблюдателей у них. Подходят к самому противотанковому рву. И вот еще: начали разбирать железнодорожную линию на Выборг. О молоке вам докладывали?

- Да. Как дело было?

- Вчера мы направили, как обычно, солдат к шлагбауму за бидонами с молоком и сметаной. Вернулись они с пустыми руками. Я сам решил сходить. Из пограничной будки выскочили два стражника. В чем дело? - спрашиваю. - Где молоко? - Ничего, - говорят, - вам не будет больше. И нахально смеются. На этом дипломатические переговоры закончились.

- Вряд ли придется возобновлять их, - сухо произнес Симоняк.

Он отпустил Путилова, а сам со связным направился дальше. В штабе батальона ни Сукача, ни Меньшова не оказалось. Они, как доложил дежурный, находились на Петровской просеке.

Всех тянуло туда, к переднему краю, где лишь небольшая полоса земли отделяла наши позиции от финских.

Ночь напролет ползал по Петровской просеке командир саперного взвода Анатолий Репня. Для саперов горячие дни начались много раньше. Еще в апреле сорокового года, едва первый эшелон высадился на Ханко, Репня и его товарищи москвич Анатолий Думчев, татарин Фасах Кашапов, украинец

Михайло Лономаренко облазили с миноискателем буквально весь перешеек и южные острова. Их осторожные пальцы даже в темноте на ощупь распутывали переплетения тонких, как волос, проволочек и вынимали взрыватели из мин. Этому искусству саперы научились в боях на Карельском перешейке. А в последние дни они под покровом белесой весенней ночи ставили минные поля, малозаметные препятствия перед нашим передним краем. Приходилось работать лежа на земле метрах в двадцати от финнов.

...Симоняк нашел саперов в небольшом овражке. Они отдыхали после напряженной ночи. Лежали на зеленой траве, подставив почернелые, измазанные лица утренним лучам солнца.

- Это что здесь за курортники?

Репня мигом вскочил.

- Курорт у нас ночью был, товарищ полковник. Настоящий. С грязевыми ваннами.

Симоняку нравился Репня, живой, находчивый, бойкий на слово. Видимо, от отца, участника гражданской войны, унаследовал он и бесстрашие, и верность революционному долгу. Воинскую службу Репня любил всей душой, а саперное дело ставил выше всяких других. Стараясь обосновать это, он приводил множество исторических примеров, начиная с обороны Сиракуз.

- Почему, товарищ полковник, римляне не смогли захватить этот городок? Им помешал Архимед. Он ведь жил в Сиракузах, по его чертежам горожане и построили укрепления, катапульты, камнеметы, разные ловушки. Ткнулись римляне и получили по зубам Пришлось уходить не солоно хлебавши.

- Всё это так, - засмеялся Симоняк. - Не прав ты в одном: другие военные профессии недооцениваешь. Ладно, поймешь со временем, а про Сиракузы не забывай, ханковский Архимед...

Сейчас, пошутив с лейтенантом насчет курорта, Симоняк спросил:

- Весь участок заминировали?

- Так точно, товарищ полковник.

- О Сиракузах-то помнишь? И нам надо сделать так, чтобы всюду, куда бы ни ступил противник, его смерть ждала.

- Наделаем сюрпризов. У нас архимедов много.

Комбриг пожал руку саперу и двинулся дальше.

В окопах переднего края лежали бойцы в маскировочных халатах, неотрывно наблюдали за той стороной. Остальные солдаты размещались несколько поодаль - в укрытиях. Десять дней назад они пришли сюда по боевой тревоге. На границе еще было тихо, но все ждали - вот-вот начнется.

Всем хотелось узнать от командира бригады - можно ли

верить нейтралитету, о котором говорят финны, как вести себя, если вдруг двинутся к нашим позициям?

- А вы как сами думаете? - спросил Симоняк. - Мы же их в гости не приглашаем...

- Полезут - будем бить, - донесся до комбрига голос снайпера Сокура.

- И покрепче! - одобрил комбриг. - Чтоб неповадно было нос свой совать куда не следует.

Один из бойцов заметил, что противотанковый ров впереди наших позиций плохо просматривается, противник может к нему подойти незамеченным.

Комбриг похвалил бойца.

- Да это же старый знакомый. Рядовой Бондарь?

- Так точно!

- Парень ты, видать, глазастый. Думаешь о деле. А та ночная тревога, когда без портянок на мороз выскочил, видно, на пользу пошла.

Начальнику штаба батальона комбриг приказал на ночь выдвигать секреты для наблюдения за рвом.

В штаб бригады Симоняк вернулся около полудня. Кетлеров доложил, что звонил генерал Кабанов. Интересовался, как дела.

Симоняк тотчас соединился с командующим базой.

- Что делать, Сергей Иванович? - спрашивал он. - Совсем наглеют нейтралы. Открыто лазают по просеке, фотографируют наш передний край.

- Что делать? - переспросил Кабанов. - Не мешало бы с них спесь сбить, да сам знаешь: не ведено.

- А как там у вас?

- Пока тихо.

Разговор не внес особой ясности. Странно получалось: нет мира и нет войны.

8

Двадцать шестого июня финский президент Рюти, ободренный быстрым продвижением немецкой армии, объявил, что и Финляндия начинает священный поход на Восток.

В тот же день на базу из штаба Балтийского флота пришла лаконичная телеграмма: Действуйте по обстановке.

Вот всё и прояснилось, - подумал Симоняк.

Пока в блиндаже собирались офицеры штаба, он услышал приглушенные расстоянием разрывы. Финны открыли огонь.

- Ну, теперь и мы молчать не будем, - произнес он вслух. - Передать в части: огонь по вражеским наблюдательным пунктам и артиллерийским позициям!

Забушевал шквал огня. Стреляли дивизионные пушки,

минометы. В нараставший гул канонады врывались рокочущие басы тяжелых морских орудий. Это стреляли гангутские моряки с южной оконечности полуострова, с островов и кораблей.

Так продолжалось целый день. И в последующие дни обе стороны вели беспокоящий огонь.

- Язык нужен, - говорил комбриг начальнику разведки Трусову. - Что они там замышляют?

- Готовим поиск, товарищ полковник.

События, однако, развернулись так, что поиск не потребовался.

Тридцатого июня поздно вечером командир взвода Иван Емельянов отрядил шестерых бойцов в секрет. Осторожно, по-пластунски они пробрались к проволочным заграждениям, заняли небольшие, искусно замаскированные окопчики.

Бойцы располагались попарно. Телефонный провод связывал каждый секрет с командиром взвода.

Не первую ночь проводили бойцы в своих крохотных убежищах, прикрытых сверху бревнами. Они знали чуть ли не каждый бугорок вокруг, но снова и снова разглядывали местность из смотровой щели: не произошло ли на их участках каких-либо изменений?

Ничто не вызывало подозрения. Ночь выдалась на редкость тихая, спокойная. Опустилась незаметно на землю и всё словно усыпила: и порхавших весь вечер над просекой бабочек, и говорливых птиц, и даже кустики иван-чая.

Около полуночи, обзвонив секреты, взводный вышел из дзота со своим неизменным спутником связным Брижатым. Он легко выпрыгнул из траншеи, направился по тропке к заливу проверить, всё ли там спокойно. И вдруг одновременно справа и слева взметнулись багровые столбы. Взрывная волна бросила Емельянова наземь, над ним со свистом проносились осколки. Рядом с командиром упал и связной, его винтовку отбросило в сторону, и трудно было понять - жив он или мертв.

А командира роты Хорькова ураганный обстрел застал в лесу. Он бегом помчался на свой командный пункт:

- Со взводами есть связь?

- Была.

- Как была? Вызывай Емельянова.

Телефонист бешено закрутил ручку аппарата, дул в трубку, вызывал:

- Гроза! Гроза!

Никто не отзывался. Со вторым взводом соединиться удалось - лейтенант Опанасенко оказался на месте.

- Что у вас?

- Молотит, как в кузне. Люди все в укрытии.

В это время Симоняк связывался с полками. Обстрел не ослабевал. Сотни снарядов рвались на узкой, затянутой горьким дымом горловине перешейка.

Командир полка Никаноров сообщал об ожесточенном обстреле позиций второго батальона и некоторых южных островов.

Не оставляли неприятельские батареи в покое и 270-й полк. Соколов доложил, что под сильным огневым воздействием находятся третий батальон и самые отдаленные северные острова.

Комбриг соединился с Кабановым.

- На ловца и зверь бежит, - сказал командующий базой. - Мощный налет, говоришь? Только что мне донесли: у финского побережья замечено скопление катеров, видимо, десант собираются высаживать. Надо быть ко всему готовыми.

- Понятно, товарищ генерал.

По приказу командира бригады гаубичный полк вступил в огневой бой с вражескими батареями. На южное побережье были выброшены противодесантные группы из рабочих-строителей, несколько дней назад сменивших спецовки на солдатские гимнастерки. Все люди бригады, готовые к смертельной схватке, заняли свои боевые посты.

9

Взводный Иван Емельянов распластавшись лежал на земле. Вместе с Брижатым он неведомо как оказался в неглубокой воронке. Метрах в десяти находился надежный дзот, но выбраться из воронки было немыслимо.

Внезапно огневые вихри перестали плясать перед глазами. Емельянов поднялся на ноги и услышал треск пулеметов и автоматов. Идут в атаку, - определил он.

Емельянов метнулся к дзоту. Здесь всё было как прежде. У пулемета стоял наводчик Герус.

Емельянов выскочил в траншею. Тут его окликнул сержант Бондарец:

- Товарищ лейтенант, финны прут!

Вглядевшись в белесую муть, взводный увидел черные силуэты, похожие на те, что рисуют на мишенях. Их становилось всё больше.

- Огонь!

Заговорили винтовки и пулеметы. Финнов было во много раз больше, чем бойцов во взводе Емельянова. Немало вражеских солдат уже полегло, но натиск их не ослабевал, враги приближались к дзоту.

- Беги к Козлову, - приказал Емельянов связному, - пусть ударит картечью.

Орудие заговорило через несколько минут. Картечь заставила финнов повернуть левее, в овражек, по дну которого бежал ручей. Вдоль него двигалось еще несколько десятков солдат. Им, вероятно, представлялось, что они незамеченными проскочат в глубину обороны...

И вдруг, когда головные стали подниматься по склону, их опрокинули яростные разрывы снарядов. Стрелял прямой наводкой сержант Николай Шишкин. Его умело замаскированный дзот был нацелен на овраг. Финны не смогли пройти и тут.

Как только борьба за овраг завершилась, Емельянов направил сержанта Бондарца к проволочному забору - его тревожила судьба Сокура и Андриенко. Бойцов двух других секретов он уже видел: они отошли и теперь рядом с товарищами вели бой.

Но где же первый секрет? Неужели погибли друзья-комсомольцы?

Нет, они были живы. Сокур и Андриенко долго лежали в своем неглубоком окопе. На его козырек сыпался град осколков, камни и земля.

Заваливало смотровую щель, и друзья очищали ее, невесело вглядываясь в огненную пургу, которая срезала деревья, рвала проволочную изгородь, разбивала каменные надолбы...

Сокур инстинктивно хватался за телефонную трубку и с досадой бросал ее. Связь оборвалась.

Неприятельская артиллерия проложила проходы в проволочных заграждениях и перенесла огонь куда-то вглубь, и в это время Сокур и Андриенко услышали громкие выкрики, автоматные выстрелы... Мимо их окопа пробежало несколько вражеских солдат. Затем подошла еще группа. Один из солдат сел, заслонив спиной смотровую щель.

- Уберем? - шепотом спросил Андриенко.

Сокур выстрелил в упор, финн свалился и своим телом закрыл щель. Стало совсем темно в окопе.

Сокур, а за ним и Андриенко выползли из убежища. Оба жадно вдыхали свежий воздух.

По-прежнему совсем близко рвались снаряды. Но это стреляла наша артиллерия.

Неожиданно возле самого окопа выросло несколько фигур. Первым заметил их Андриенко и, в то же мгновение выхватив чеку, бросил гранату. Следом полетела и лимонка Сокура.

- С этими, пожалуй, больше возиться не надо, - сказал Сокур.

Друзья залегли у своего окопа, Сокур ловил на мушку выраставшие на фоне посветлевшего неба черные силуэты,

спокойно нажимал на спусковой крючок.

- Кто-то бежит с нашей стороны. Должно, из взвода, - объявил обладавший острым слухом Андриенко.

Сокур повернул голову и увидел группу людей, которые бежали, видимо, не разбирая дороги... Друзья скорее почувствовали, чем поняли, - это не свои. Подпустили поближе. Ну да, бежали финские солдаты. И бойцы почти одновременно открыли огонь.

Несколько минут было тихо. А затем снова появилось трое финнов.

- Возьмем живыми, - решил Петро Сокур.

Финские солдаты, услышав повелительное руки вверх, в растерянности остановились. Сокур наставил на них автомат, Андриенко отобрал оружие и показал рукой на окоп:

- Сюда лезьте!

Опять перед секретом замаячило несколько фигур;

- Видишь? Брать больше некуда... - сказал Сокур.

- Полоснем их.

И полоснули бы, не раздайся громкий окрик:

- Сокур!.. Андриенко!.. Где вы?

Комсомольцы узнали голос отделенного и поднялись в полный рост.

- А мы вас чуть в покойники не записали, - обрадовался Бондарец, увидев бойцов. - Это ваша работа?

Сержант показал на трупы, которые лежали вокруг окопа.

- Ну, пошли! Поработали вы тут на славу.

- Подожди, сержант, трофеи надо захватить.

Андриенко нагнулся к лазу в окоп, крикнул:

- Выходи!

Пленные по движению его руки поняли, что от них требуется, и один за другим полезли наверх.

- Вот теперь можно идти, - сказал, построив пленных, Сокур.

...К именинникам первого боя Симоняк приехал на следующий день. Стояло раннее утро. Дремотную тишину изредка нарушали редкие артиллерийские выстрелы.

Шел Симоняк по хорошо знакомой тропке и почти на каждом шагу видел следы недавнего боя: то глубокую воронку, то обезглавленное дерево, то обгорелые куски бревен.

У входа на ротный командный пункт Симоняк встретил политрука Сергея Кузьмина. Он вертел в руках трофейный финский автомат.

- Осваиваешь?

Кузьмин повернул голову и, увидев комбрига, выпрямился:

- Так точно! Немудреная штука. Тут у нас порядком таких.

- Раздайте их по отделениям. Не помешают... Где командир роты?

- Отдыхает. Всю ночь с саперами лазал. Проволочные заграждения поправляли, новые мины ставили.

- А люди как после боя?

- Настроение у всех хорошее. Крепко дрались, никто лицом в грязь не ударил.

- Лучших представьте к награде.

Кузьмин сразу же стал называть фамилии отличившихся: Иван Емельянов, Петро Сокур, Алексей Андриенко, Иван Исаичев...

- А как Бондарь? - поинтересовался комбриг.

- И он не подвел.

Пока комбриг разговаривал с политруком, кто-то разбудил ротного, и Хорьков, лихо заломив пилотку на своей огненной шевелюре, подбежал к Симоняку.

Зашли в блиндаж. Ротный развернул карту и подробно рассказывал, как проходил бой в ночь на 1 июля. Симоняк изредка задавал вопросы. Хорьков и Кузьмин чувствовали: доволен ротой комбриг.

Противник наступал на ее участке усиленным батальоном, намереваясь прорвать нашу оборону, захватить Лаппвик, открыв тем самым путь крупным силам ударной группы Ханко. У самой границы стояла наготове дивизия с танками и самоходными орудиями, готовясь ринуться через брешь к городу и порту. Но брешь пробить не удалось. Шюцкоровцы полегли у противотанкового рва, повисли на проволочных изгородях.

Заговорили об уроках первого боя. Противника отбили, но ведь не всё шло ладно. Неустойчивой оказалась телефонная связь, слабо разветвлены траншеи и ходы сообщений, уязвимы некоторые огневые точки.

- Кое-чего мы, признаться, недоглядели, - сказал Симоняк. - Исправим. И вы тут не сидите сложа руки. Думайте, как еще сильнее укрепить оборону.

Прощаясь, Симоняк сообщил, что командование базы и бригады объявляет благодарность всему личному составу роты.

В лесу комбриг встретил взвод Анатолия Репни. Саперы, выбрав небольшую полянку за скалой, обтесывали здоровенные бревна.

- Что вы тут мудрите, архимеды?

- Новый сруб для дзота, - объяснил Репня. - Один уже поставили. Вызвал меня майор Путилов и говорит: Не мешало бы неподалеку от огневой точки четыреста восемьдесят, - это в роте Хорьковаг - соорудить еще одну. Я не приказываю. Знаю, как это

трудно и опасно. Противник в пятидесяти метрах. Но точка очень нужна. Поговорили мы во взводе, и взялись. Вчера в тылу, вот тут же, заготовили сруб. Вечером перевезли. Главное было, чтоб не услышали там. Как машина подъезжает, мы пальбу начинаем из автоматов и пулеметов, заглушаем шум мотора. Попросили еще, чтобы миномет открывал огонь... От машины уже на себе бревна таскали к котловану. Установили сруб, но ведь надо бревна скреплять скобами. Финны как раз из миномета станцию Лаппвик обстреливали. Мы к выстрелам и приноровились. Под них колотили. Так провозились всю ночь. Утром докладываю начальнику штаба, он не верит. Быть, говорит, не может! А дзот-то стоит. Сейчас мы уже за новый сруб принялись.

Комбриг похвалил:

- Хорошо воюете своими пилами и топорами. А воевать еще ох как много придется! Начинаем только...

- А как на других участках были бои?

- Были. И на острова финны пробовали высадиться. Не прошли. Но у вас они наносили главный удар и потерпели главное поражение.

Гангут в огне

На островок Крокан обычно добирались в темноте. До финнов отсюда, как говорили солдаты, камнем добросишь. А камня на островке, кстати сказать, более чем достаточно. Весь островок - сплошная гранитная глыба. Лишь кое-где высились на нем одинокие сосны, обвивавшие корнями крутые склоны.

На Крокан ездили редко. Подвезут на шлюпке патроны, продукты, и потом неделю там никто не показывался. Стояло на островке одно отделение из роты лейтенанта Четверикова. Еще до боев построили из камней и бревен основательное убежище. Сейчас оно верно служило бойцам, укрывало от снарядов, которые часто прилетали с неприятельского берега и с грохотом дробили скалу.

Симоняка, когда он собрался на Крокан, командир батальона капитан Иван Пасько пробовал отговорить:

- Не следует вам туда ехать. Противник совсем рядом, слышит даже плеск весла и сразу начинает обстрел.

- Ладно, капитан. Ночь темная.

Две недели назад, 3 июля, финны пытались захватить Крокан. Орудия противника открыли бешеный огонь по скале, и под его прикрытием двинулись катер и шлюпки с десантом...

Финны были еще на воде, когда наши бойцы открыли по ним пулеметный огонь. Потопили шлюпку, затем другую. Одному взводу всё же удалось зацепиться за Крокан, он дошел до середины острова. Но там опять ударили пулеметы, полетели

гранаты. Десантники бросились к берегу, а наши догоняли их, били прикладами, кололи.

Симоняк решил навестить героев этого боя. Лодка уткнулась в песок, и тотчас возле нее возникла темная фигура в каске. Пасько, выпрыгнув на берег, что-то сказал часовому и повел гостей к центру Крокана, где находилась огневая точка.

Симоняк вошел в блиндаж, освещенный ярким светом карбидной лампы.

- Товарищ полковник! Гарнизон огневой точки несет охрану острова Крокан, доложил сержант Иващук.

Комбриг быстро познакомился с гарнизоном. Люди эти жили крепкой боевой семьей: младший сержант коммунист Михаил Савчук, наводчик пулемета комсомолец Яковлев, подносчик патронов Гундарев... Хорошие, боевые ребята.

Два часа провел Симоняк среди них, обошел ячейки наблюдателей, заглянул в узкую пещеру, где хранились патроны, взрывчатка.

- Значит, говорите, жить тут можно?

- Так точно, товарищ полковник, - ответил Савчук. - Знаете, сколько в наш дзот прямых попаданий было? Сорок семь. Выдержал. Значит, жить можно.

Возвращался комбриг уже перед рассветом. Тишину порой нарушали гулкие выстрелы, малиновым огнем играли вспышки. Бои за Ханко не прекращались и в этот глухой час. Немецко-финское командование не отказалось от своих планов. Вслед за атакой на роту Хорькова враги пытались пробиться через Петровскую просеку несколько левее, где оборонялась рота лейтенанта Виктора Васильева, пробовали захватить самый северный остров Престэн. И всюду получали отпор, не овладели ни одной пядью земли. А наши бойцы, со своей стороны, не давали врагу покоя. Почти каждый день выходили на охоту снайперы. Первым открыл счет Исаичев из четвертой роты. Петро Сокур не захотел от него отставать. Он выследил неприятельского фельдфебеля и снял пулей. Затем Сокур застрелил еще двух фашистов. У Исаичева и Сокура появились последовали - Иван Турчинский, Василий Гузенко, Петр Филиппов. Со снайперской винтовкой отправлялся на передний край и Николай Бондарь, про которого прежде говорили: Бьет метко, да попадает редко. Теперь он бил хотя и редко, - финны с опаской ходили по передовой, - но если уж выстрелит, попадал наверняка.

Перед позициями третьего батальона 270-го полка, на мыске финны построили наблюдательную вышку. С нее можно было просматривать большую часть полуострова. Едва начались боевые действия, нашим артиллеристам приказали: обезвредить

вражеский наблюдательный пункт. С этим прекрасно справился взвод сорокапяток старшего сержанта Ефимова.

По-снайперски стреляло и орудие старшего сержанта Ивана Ремезова. Его расчет по приказанию Симоняка был переброшен на остров Германсе. Командир легкой батареи старший лейтенант Борис Акимов, наблюдая с острова за финским селением Скугансог, заметил, что к одному двухэтажному домику часто подъезжают то машины, то повозки.

- Не иначе как склад, - определил Акимов.

Затем ему удалось обнаружить и неприятельский командный пункт, и еще один склад боеприпасов на берегу за пристанью.

Тогда Акимов попросил перебросить на Германсе 76-миллиметровое орудие и зажигательные снаряды. Направили туда передовой расчет морозовского полка.

Симоняку, приехавшему на Германсе, в штабе батальона рассказывали, что Акимов не оставил в Скугансоге камня на камне. И комбриг, хотя и торопился в обратный путь, не удержался от соблазна собственными глазами взглянуть на поселок.

Старший лейтенант Акимов, уступая ему место у стереотрубы, объяснял:

- Пристрелку вели орудиями своей батареи, а затем перешли на зажигательные снаряды, открыли огонь из ремезовской 76-миллиметровки. Вспыхнул один дом, за ним еще несколько. Дул сильный ветер, и пламя охватило поселок. Появились солдаты, начали тушить. Тогда ударили наши батареи. А Ремезов тем временем поднял на воздух склад боеприпасов..

Комбриг пристально рассматривал в стереотрубу обугленные остовы домиков, развалины пристани, черные груды еще дымившихся бревен на том месте, где находился склад.

- А где сейчас расчет Ремезова?

- Вон там, за бугорком, - показал командир батареи.

Артиллеристы завтракали у орудия, ловко действуя деревянными ложками.

- Откуда такие ложки у вас? - удивился комбриг.

- Творчество командира расчета, - ответил артиллерист с четырьмя треугольничками на петлицах и с красной звездочкой на рукаве, замполитрука Александр Панчайкин.

- Что, на складе ложек не выдают?

- Дают, товарищ полковник, - вступил в разговор Ремезов, парень невысокого роста с голубыми глазами. - Но моей выделки ложки ребятам больше нравятся. Губы не обжигают.

- Да и размером они, гляжу, солидней, - рассмеялся Симоняк.

Засмеялись и солдаты.

- Хорошо постреляешь, так и аппетит приходит.

2

За светлые дневные часы комбриг исходил вдоль и поперек весь остров Германсе.

В одной из огневых точек, на самой окраине острова, он наткнулся на небритого человека в командирском обмундировании. Воротник гимнастерки был засален и расстегнут.

- Что за вид у вас? - Комбриг запнулся. - И кто вы - лейтенант или младший лейтенант?

- Лейтенант Семичев, товарищ полковник.

- Не знаю. На одной петлице у вас два кубика, на другой - один. Да и непохожи вы на командира.

Семичев стоял у стола, опустив голову. И сам не заметил, как дошел до такого. Жил словно сурок в норе, редко даже выходил из дзота.

- Не оставлю вас здесь, - твердо сказал комбриг. - Собирайтесь, лейтенант.

Симоняк привез Семичева на полуостров. Всю дорогу лейтенант угрюмо молчал, думал: Что со мной сделает комбриг? Судить как будто не за что... Но опустился - верно. Плохой пример для солдат. А я ведь люблю свой взвод, своих людей. Ему хотелось попросить комбрига вернуть его на остров. Не решился.

Симоняк лишь молча поглядывал на лейтенанта. Остановились у какого-то блиндажа. Открылась тяжелая дверь, из глубины донеслась музыка: кто-то играл на пианино. Семичев никак не мог понять, куда его привез комбриг. А Симоняк говорил симпатичной черноволосой девушке в белом халате:

- Отпарить и отчистить этого красавца.

И уже более строгим голосом, обращаясь к Семичеву, добавил:

- Через десять дней явитесь ко мне.

Комбриг повернулся и ушел, а Семичев остался в подземном доме отдыха. Вместе с ним тут было еще несколько человек - командиры и бойцы. Попали они сюда усталые, пропахшие пороховым дымом. Тут они помылись в подземной бане, надели халаты. Спали на свежих простынях.

Проходило десять дней, и люди покидали подземный дом отдыха, набравшись сил, чтобы снова идти в бой.

Суровые условия жизни на Ханко заставляли постоянно думать о том, как бы скрасить быт офицеров и солдат. Связисты построили подземный радиоузел, радиофицировали даже дзоты, куда передавались последние известия, музыка, а иной раз и лекции. Пищу доставляли в термосах прямо на передний край. В

минуты затишья в дзотах выступали самодеятельные артисты - певцы, баянисты, скрипачи. Ежедневно ханковцы получали свою солдатскую газету Защитник Родины.

День за днем рос подземный город. Всё больше укреплялась оборона Ханко. Сформированный из строителей 219-й стрелковый полк создал новую оборонительную полосу в центре полуострова, отрыл противотанковый ров. Строились новые огневые точки. У побережья появились подводные заграждения. Солдаты-умельцы вместе с саперами Чудесенко, Репни, Юшкова расставили по всему полуострову тысячи хитроумных ловушек: капканы, камнеметы, спотыкачи, сусликовые норы, секачи. Всякого, кто непрошеным подобрался бы к позициям бригады, ждало множество неожиданностей - весьма неприятных. Стоило ему задеть малозаметную проволочку, наступить на замаскированную дощечку, и немедля сработает камнемет - сверху обрушится град камней!

...Семичев после отдыха явился в штаб бригады. Симоняк внимательно оглядел его с ног до головы:

- Стал хоть похож на командира. И что ж мне с вами делать, лейтенант? Перед взводом вы виноваты. Сможете снова завоевать доверие бойцов?

- Сумею, товарищ полковник, всё сделаю для этого!

- Поверю на сей раз, - сказал Симоняк помолчав. - Но намотайте на ус: хоть и трудно нам, а солдат всегда должен оставаться солдатом. Может быть, и год придется вот так воевать, может, два, а распускать ремня нельзя. Иначе грош тебе цена.

Противнику не удалось потеснить гангутцев ни с суши, ни с моря, и он пытался выкурить их огнем - сжечь леса, рощи, дома, склады, лишить гарнизон продовольствия и боеприпасов.

Лето стояло на редкость сухое, знойное, зажигательные снаряды, падая на болота, поджигали торф. Пламя ползло под землей, перекидывалось наверх, охватывало заросли сосняка, обомшелые склоны скал. Ханко и многие острова заволокли густые, багрово-черные клубы дыма...

Всё живое покидало охваченную огнем землю. Из лесов выбегали на побережье лоси, лисицы, зайцы и бросались в воду. Улетали птицы. Но люди оставались на местах. Надевали противогазы, обливали себя водой и лезли в самое пекло, сражались с пожарами, под разрывами снарядов отстаивали пушки, патронные пункты, наблюдательные посты.

В районе третьего батальона 270-го полка уже вторую неделю горел лес. Бойцы делали просеки, вырубали кустарник, глубокими ровиками окапывали дзоты. Но когда свежел ветер, пламя вспыхивало с новой силой, язычки огня перепархивали

через просеки и канавы и пожар распространялся на новые места.

На стыке рот Харитона Ефименко и Федора Собакина огонь подкрался к штабелю только недавно подвезенных снарядов. Бойцы на руках перетаскивали их в укрытие. Они не сразу заметили подошедшего Симоняка. С командиром бригады были полковой комиссар Романов и военком полка Журавлев.

Симоняк окликнул Федора Собакина, командира седьмой роты:

- Что у вас происходит?

- В одном месте, товарищ полковник, погасишь огонь, в другом вспыхнет. Дождичек бы зарядил на день-другой!

- Хорошо бы! - вздохнул Симоняк, смахивая холодные капли со лба. - Да не в нашей это воле. А вот в землю зарыться - зависит от нас. Поглубже... Тогда никакой огонь не будет страшен.

Начался сильный артиллерийский налет. Взметнулись кверху черные столбы земли и дыма. Раскаленный осколок ударил Журавлева в руку.

- Сюда, сюда, товарищ полковник. - Схватив комбрига за рукав гимнастерки, Собакин потянул его в укрытие.

- К бойцам, лейтенант, - строго сказал Симоняк. - Немедленно выводите людей, иначе все взлетят на воздух.

Ротный побежал. Журавлев, зажимая ладонью рану, по приказанию Романова отправился в землянку.

А Симоняк не сдвинулся с места, пока Собакин не укрыл всех бойцов.

Пожары еще долго пылали на ханковской земле. Но люди выстояли. Свалившиеся проволочные заборы заменяли новыми, переоборудовали поврежденные наблюдательные пункты, проложили новые линии связи, используя голый провод, а там, где его не хватало, пускали в ход колючую проволоку. Работали так, что мозоли у многих появились не только на руках, но и на плечах...

Крупными шагами генерал Кабанов мерил свой кабинет на флагманском командном пункте и недовольно ворчал:

- И угораздило же нас оставить Хорсен!..

Симоняк молча сидел за столом.

Остров Хорсен, расположенный между Ханко и финским полуостровом Подваландет, охранял стрелковый взвод. С начала войны противник, не окупившийся на снаряды и мины, осыпал ими маленький гарнизон. Держать его там казалось бессмысленным - не полезут же гуда финны, раз остров просматривается с береговых наблюдательных пунктов и насквозь простреливается. А люди нужны были в других местах, и командование военно-морской базы распорядилось: снять охрану:

Взвод скрытно покинул Хорсен. Финны обнаружили исчезновение гарнизона, высадились на (острове, установили на нем минометные батареи и стали нещадно обстреливать соседний островок Меден, от которого теперь их отделяла неширокая полоса воды.

Теперь осложнилось положение советских бойцов на Медене. Длина этого острова не превышала тысячи двухсот метров, а максимальная ширина - двести метров. Людям негде было укрыться. Ночами, когда огонь несколько стихал, бойцы вручную ворочали пятитонные валуны, создавая защиту для боевой техники, боеприпасов, продуктов... И всё же гарнизон нес изрядные потери.

- Надо исправлять ошибку, - сказал Симоняк.

- Ты прав, - после некоторого раздумья согласился генерал. - Надо действовать, пока они окончательно не укрепились на Хорсене.

Недолго были знакомы командир бригады и командующий базой, а сдружились, сошлись характерами. У них обоих юность совпала с великим поворотом в жизни народа, и оба с первых дней революции связали с ней свою судьбу. Белые замучили отца Симоняка. А отец Кабанова, питерский рабочий-революционер, погиб в Крестах. Николай Симоняк подростком пошел на войну с белогвардейцами, Сергей Кабанов в шестнадцать лет стал стрелком полка Петросовета, враги дважды приговаривали его к расстрелу, и он чудом ускользал от смерти. Оба они шли одной дорогой, и сейчас Кабановым и Симоняком владела одна забота: отстоять Красный Гангут, передовой форпост Ленинграда.

Десантную операцию Кабанов поручил капитану Гранину, командиру артиллерийского дивизиона. Борис Гранин прославился своими дерзкими рейдами по вражеским тылам еще на финском фронте, во время зимних боев. Едва на Ханко стало известно, что он создает десантный отряд, как моряки, саперы, железнодорожники, подводники повалили к нему валом. Вошли в его отряд и бойцы из симоняковской бригады.

Десантники высадились одновременно на Хорсене и примыкавших к нему островах Кухгольме и Старкене. Согласованный и внезапный удар артиллерии, авиации и морского десанта достиг цели. Острова были быстро очищены от врага.

И снова Кабанов мерил длинными ногами свой подземный кабинет. Но на этот раз не ворчал, а весело потирал руки:

- Вот уж действительно: не было бы счастья, да несчастье помогло. Теперь останавливаться нам нет смысла.

- Аппетит приходит во время еды, - догадываясь о мыслях

Кабанова, заметил Симоняк.

- Вот именно! Прихватим еще кое-что у противника. Тогда не о нашем побережье станет думать, а о собственном.

Симоняк подошел к висевшей на стене карте и, обводя незаточенной стороной карандаша один из крупных островов, примыкавших к правому флангу нашей обороны, сказал:

- Очень он нам досаждает. Хорошо бы его взять, Сергей Иванович.

- О Хосте говоришь? Да, у противника там отличные наблюдательные пункты...

- Коль вы не возражаете, мы обмозгуем в бригаде, как им лучше завладеть...

По дороге к своему командному пункту комбриг встретил капитана Белоусова, командира авиационной эскадрильи. Среднего роста крепыш, казавшийся чуть сутуловатым, он запоминался с первого раза. Его багровое лицо на всю жизнь сохранило следы случившейся с ним трагедии. Чудом он спасся из горящего самолета. Другой на его месте после этого нашел бы для себя более спокойное дело. Но Леонид остался в авиационном строю. С двенадцати лет он, воспитанник знаменитой 51-й Перекопской дивизии, связал свою судьбу с армией. Воевал пехотинцем, затем стал артиллеристом, но свое истинное призвание нашел в авиации. На Ханко его эскадрилья просто чудеса совершала. Летчики делали по десять боевых вылетов в день, вели тяжелые воздушные бои над полуостровом, штурмовали вражеский аэродром в Турку и неприятельские корабли. Имена воздушных асов его эскадрильи Антоненко и Бринько знали на всей Балтике и на Ленинградском фронте.

- Здорово, капитан, - приветствовал Симоняк Белоусова. - Как говорится, на ловца и зверь бежит.

Командир бригады в нескольких словах рассказал летчику о задуманном десанте на Хосте.

- Поразведай, что у них там на этом острове, да и на соседних.

- К какому сроку?

- Чего ж откладывать, хорошо бы завтра это сделать.

- Будет исполнено, товарищ полковник, - обещал командир эскадрильи.

Через день в штабе бригады имели довольно подробные данные о вражеской обороне на Хосте.

Ночью 17 июля группа политрука Тарасова внезапно для противника высадилась с катеров на берег Хосте. Бойцы Григорий Малахов, Леонид Суденко, столкнувшись с шестью шюцкоровцами, не открывая огня, прикладами и ударами

увесистых кулаков прикончили их. Двинулись в глубь острова. И тут уже завязались яростные схватки с неприятельскими солдатами. Ханковцы расстреливали их из автоматов, пустили в ход гранаты и, наконец, сцепились с врагом врукопашную. Через час остров был уже в руках группы политрука Тарасова. Сам политрук, раненный в схватке, продолжал руководить боем десанта и оставил Хосте лишь тогда, когда с Ханко прислали замену.

Другие десантные группы в ту же ночь высадились еще на трех финских островах. Всюду им сопутствовал успех.

Каждая десантная операция продумывалась в деталях и тщательно готовилась. Остров Эльмхольм, который обороняла полусотня финнов, был захвачен без единого выстрела. А на остров Гунхольм десантники наступали не в лоб, как мог ждать противник, а с тыла.

Чтобы нагрянуть внезапно на Гунхольм, одной из групп десантников уже после высадки на вражеской территории нужно было преодолеть тридцатиметровый пролив. Шлюпок тут не было. Да ими и нельзя было бы воспользоваться - противник сразу обнаружит и расстреляет. И раздумывать долго не приходилось, пулеметные очереди уже проносились над черной водой.

- Вперед, за мной! - скомандовал старшина 1-й статьи Рачев.

Он прыгнул в воду, за ним двинулась группа. Десантники всё глубже погружались в воду. Она уже доходила до плеч, над водой были видны только головы и руки, поднявшие винтовки и гранаты. С вражеского берега стал бить пулемет.

Впереди по-прежнему двигался Рачев. Еще несколько рывков, и он выбрался на мель, побежал, пригибаясь, к берегу.

Десантники один за другим выскакивали из воды и с криками ура!, полундра! кидались в атаку.

Рядом с моряками смело действовал взвод под командованием лейтенанта Капустина. Старшина Владимир Массальский огнем своего максима прикрывал атакующих и свинцовыми очередями догонял финнов, пытавшихся бежать.

На Гунхольме находилось более двухсот финских пограничников. Ночной удар с тыла был для них неожиданным, они дрогнули и отошли. Целиком очистить остров ночью всё же не удалось. Десантники пробрались к перешейку, соединявшему Гунхольм с соседним островком и огнем преградили доступ на остров вражескому подкреплению. Как только рассвело, они пошли в решительную атаку. Финны удирали кто на катерах, а кто вплавь.

Во время атаки Массальского ранило. В азарте боя он не

чувствовал боли. Утихла схватка, и пулеметчика охватила страшная слабость. Казалось, и шага больше не сделать. Но узнав, что ранен командир взвода, Массальский, преодолевая боль, взвалил его на плечи и понес. До берега не добрался. Упал, потерял сознание. Когда пришел в себя, увидел склонившихся над ними двух бойцов. Они принесли пресной воды. Напился, снова взвалил командира на плечи и понес дальше. Смертельно усталый, он нашел в себе силы пуститься вплавь. Добрался до медицинского пункта...

Финны предпринимали многочисленные попытки потеснить ханковцев, отбить потерянные острова.

Как-то на рассвете командира бригады разбудил телефонист:

- Вас вызывают, товарищ полковник. Майор Шерстнев сообщал, что противник высаживает десант на острове Безымянном.

- Крупный десант?

- Пока трудно сказать.

- Немедленно выясните. Остров оставлять нельзя.

Безымянный обороняло одно наше отделение. В ночной темноте финны на моторке и гребных лодках подошли к острову узкому и длинному, походившему на изломанную сигару. Всего их было около роты.

На одном конце острова находились стрелки, на противоположном - пулеметный расчет сержанта Михаила Чернышева.

Бойцы вовремя заметили вражеские лодки, встретили их огнем. Комсомолец Чернышев, прижавшись к прикладу, посылал очередь за очередью.

- Давай новый диск, - то и дело кричал он своему напарнику Заболоцкому. Быстро вставлял диск, и вновь палец нажимал на спусковой крючок.

Пуля впилась в левую руку Чернышева. Вскоре его ранило и в ногу. Чернышев продолжал стрелять. Заболоцкий достал бинт, перевязал раны товарища.

Враги окружали пулеметчиков.

- Эй, москаль, сдавайся! В живых оставим...

Пулеметчики отвечали им новыми очередями.

Чернышева ранило в третий раз, но он всё злее отбивался от наседавших финнов. И не ушел бы со своей позиции, если б не кончились патроны. Только когда стало нечем стрелять, Чернышев и Заболоцкий двинулись на другой конец острова, где дрались стрелки.

К концу июля гангутцы прочно закрепились на хорсенском архипелаге. Хорсен стал базой десантного отряда. Отсюда Гранин

со своими храбрецами совершал всё новые прыжки на неприятельские острова.

Второй десантный отряд отвоевал у противника ряд восточных островов, прилегавших к Ханко. И теперь противнику действительно всё чаще и чаще приходилось подумывать о собственном побережье.

Двадцать седьмого июля, поздним вечером, Симоняка и Романова вызвал Кабанов.

В подземном кабинете за длинным столом сидела группа моряков. Расскин держал в руке какую-то бумагу.

Кабанов никогда не любил попусту терять времени. Едва Симоняк и Романов заняли места, он проговорил:

- Собрал я вас по следующему поводу - товарищи Ворошилов и Жданов прислали телеграмму. Давай, комиссар!

Расскин встал из-за стола. Громко, раздельно произнося каждое слово, он читал:

- Начавшаяся Отечественная война показала, что за истекший период бойцы, командиры и политработники военно-морской базы Ханко являли собой образец настоящих большевиков и патриотов социалистической Родины, честно и беззаветно выполняющих свой долг.

Отдаленные от основных баз, оторванные от фронта, в тяжелых условиях и под непрекращающимся огнем противника храбрые гангутцы не только смело и стойко держатся и обороняются, но и смело наступают и наносят белофиннам ощутительные удары, захватывают острова, пленных, боевую технику, секретные документы.

Ваша активность - хороший метод обороны. Смелость и отвага гарнизона лучший залог успеха в окончательной победе над врагом...

Расскин окончил чтение. Снова заговорил Кабанов:

- Главное командование Северо-Западного направления, как видите, высоко оценивает боевые дела ханковцев. Дважды устанавливал Маннергейм сроки захвата полуострова. Не вышло. Но трудно рассчитывать, что противник оставит гарнизон в покое.

Кабанов остановил взгляд на Симоняке, словно бы спрашивая: А ты как считаешь?

Симоняк сказал всего несколько слов. Восьмая стрелковая бригада ни одного клочка земли противнику не уступит, люди готовы к любым, самым суровым испытаниям.

6

И в августе над Ханко густой пеленой висел горький дым. Весь полуостров сотрясался от разрывов. Ежедневно противник посылал по две-три тысячи снарядов. Но они не нарушили нашей

обороны. Предусмотрительность командира бригады приносила свои плоды. Не зря и в мирные дни, и как только война разразилась он не уставал твердить: зарыть всё в землю, все - в укрытия, все в дзоты.

Сам комбриг мало сидел в своем блиндаже. Целые дни он проводил в батальонах и ротах. Среди двенадцатитысячного войска бригады редко кто не знал в лицо этого рослого, крепкого человека в простой гимнастерке, с планшеткой, перекинутой через плечо, с пистолетом на боку и суковатой палкой в руке... Пора стояла тяжелая. Скупые сводки с фронтов рвали душу. Немецкие войска всё больше вклинивались в глубь нашей страны.

Из штаба фронта прислал коротенькую радиограмму Ковалев. Он отправил на самолете в Куйбышев к своей семье Александру Емельяновну с детьми.

Обстановка в Ленинграде осложнилась до крайности. Фашистские дивизии заняли почти всю Прибалтику, захватили хорошо знакомый Симоняку Остров, Псков...

Стоило комбригу появиться у солдат, как ему неизменно задавали один и тот же вопрос: Когда наконец фашистов остановят? Что он мог ответить? Он сам с болью слушал последние фронтовые вести и всякий раз думал: Опять отступили... Он не мог понять причин наших неудач и не находил оправданий потерям, которые несла страна. Но он твердо верил, что положение изменится. Не может не измениться. И эту свою веру он старался передать всем, кто его окружал.

В середине августа собрался партийный актив бригады. Тут были и старые коммунисты, и люди, недавно ставшие партийными. За несколько дней перед тем приняли в партию командира 270-го полка Соколова. Хочу воевать большевиком, писал он в своем заявлении. С партией в эти трудные дни связали свою судьбу более полутора тысяч командиров и бойцов бригады.

На собрании стоял один вопрос: о текущем моменте - грозном и суровом, напоминавшем Симоняку годы гражданской войны. И тогда и сейчас на поле боя решалось - жить Революции или погибнуть. И речи выступавших на собрании были ныне, как и в те далекие времена, короткими, страстными, в них отражался боевой, несгибаемый дух гангутцев, смело глядевших в будущее.

Верные солдаты партии поклялись стоять до последнего, призвали всех ханковцев мужественно оборонять свои рубежи, активными действиями помогать защитникам города Ленина.

Враг в это время лихорадочно готовился к новому удару. Он попытался вновь утвердиться на хорсенском архипелаге. Три часа продолжалась артиллерийская подготовка, и глубокой ночью к острову Эльмхольм причалили десантные суда. Сначала

высадилась рота, с ней завязал бой взвод ханковцев. Потом были высажены другие фашистские войска. Наше командование поставило всех на ноги. Открыла отсечный огонь артиллерия, вылетели истребители, быстроходные катера повезли подкрепление - пехотинцев и моряков.

Бой длился двадцать часов. Окончился он полным разгромом десанта. Триста вражеских трупов осталось на Эльмхольме, не меньше унесли морские волны.

Немецко-финское командование тщетно пыталось вернуть захваченные нашими десантными отрядами острова. Получив жестокий урок на хорсенском архипелаге, оно решило пустить в ход иное оружие. На полуостров посыпались тысячи листовок; установленные вблизи переднего края и на островах радиорупоры днем и ночью передавали лживые сводки и обращения. Изменился и характер вражеской агитации. Раньше враги всячески поносили гангутцев, всех их грозили сбросить в море и потопить как собак. Теперь фашисты заговорили по-другому.

Симоняк перелистывал стопку листовок, которые ему принес Романов.

- Сменили пластинку! Сейчас уж не ругают наших бойцов. Видите - и доблестные, и храбрые... Все блага нам сулят, только... сдавайтесь. Надо объяснить народу, в чем тут дело, чтобы кто-нибудь не клюнул на их удочку, вроде того сукиного сына с Кронэ.

В память обоих остро врезалось событие, которое произошло на этом островке, где находился наш стрелковый взвод. Однажды пулеметчик Завозов завел разговор с одним солдатом-комсомольцем.

- Слышал, что финны по радио передают? Ленинграду скоро крышка. К Москве немцы подходят.

- Мало ли что брешут! - отмахнулся комсомолец.

- Не скажи... Плохи наши дела.

- Брось ты ересь пороть!

Помолчали. Затянулись цигарками. Неожиданно пулеметчик, понизив голос, сказал:

- Слушай, друг... Мне не сладко, а тебе ведь и того хуже. Думаешь, тебе, поповскому сынку, верят? Как бы не так. В комсомол приняли, а ты и слюни распустил.

- Ты куда это клонишь? - настороженно спросил комсомолец.

- Жаль мне хорошего парня. Пропадешь тут... Давай лучше туда махнем.

Комсомольцу хотелось схватить мерзавца за горло. Но тот был явно сильней, а оружия боец при себе не имел. И, не глядя на провокатора, он сказал неопределенно:

- Подумать надо...

Завозов продолжал нажимать:

- Думаешь, я один? Целая компания подобралась.

- Ладно, не торопи. Сам небось тоже не сразу решил.

- Ну, не тяни долго.

Завозову казалось - уговорил поповского сынка.

Они разошлись. Комсомолец бросился к заместителю политрука....

Военный трибунал приговорил кулацкого выкормыша Завозова к расстрелу. Судили его одного: он клеветал на своих сослуживцев, никто с ним в сговоре не был, никто больше и не думал бежать.

Напомнив об этой истории, Симоняк сказал Романову:

- Ближе нам нужно быть к людям. Они ведь разбросаны, живут по огневым точкам, как хуторяне. И всё время слушают фашистские враки.

...Каждый новый день всё более осложнял положение военно-морской базы. Немцы захватили Таллин, высадили десанты на Эзеле и Даго, прорвались на ближние подступы к Ленинграду. Трудно стало сообщаться с Кронштадтом, всё меньше поступало на Ханко снарядов, мин, патронов.

Нужно ли обо всем этом говорить людям? Симоняк считал, что нужно. Правдивое слово не разоружит людей, напротив, поднимет их боевой дух, родит новых героев.

- Так и будем действовать, - сказал, поднимаясь, Романов.

- И вот еще что. Против каждого их радиорупора наш установи. Пусть финские солдаты знают, в какую их пропасть тащат.

В конце сентября к защитникам Ханко обратился по радио Маннергейм. Финский маршал не скупился на льстивые слова, называл ханковцев героями и... советовал не проливать зря своей крови, предлагая почетные условия сдачи в плен.

Когда Симоняк читал послание Маннергейма, в нем заговорил непреклонный, язвительный дух его предков, запорожских казаков.

- Помните, что сечевики писали турецкому султану? - сказал он командирам, собравшимся в его блиндаже.

- По-казацки ответили, с солью и с перцем! - откликнулся Романов.

- Вот и мы в таком стиле сочиним.

Первый набросок родился тут же. Писали вместе, не жалея крепких, соленых слов. Потом еще несколько раз переделывали, дополняли. Окончательно отделывал письмо поэт-ханковец Михаил Дудин. Наконец появился ответ Маннергейму,

выдержанный в настоящем запорожском стиле. Молодой художник Борис Пророков так изобразил гитлеровского холуя, что, глядя на рисунок, люди хохотали до слез.

Ответ ханковцев отпечатали в типографии, пустили по огневым точкам, матросским кубрикам. Читали его обычно вслух:

Его высочеству, прихвостню хвоста ее светлости кобылы императора Николая II, сиятельному палачу финского народа, светлейшей обер-шлюхе берлинского двора, кавалеру бриллиантового, железного и соснового креста барону фон Маннергейму.

Тебе мы шлем ответное слово.

Намедни соизволил ты удостоить нас великой чести, пригласив к себе в плен...

Хитро загнул, старче!

...Всю жизнь свою проторговав своим телом и совестью, ты... торгуешь молодыми жизнями финского народа, бросив их под вонючий сапог Гитлера. Прекрасную страну озер ты залил озерами крови.

...Короток наш разговор:

Сунешься с моря - ответим морем свинца.

Сунешься с земли - взлетишь на воздух.

Сунешься с воздуха - вгоним в землю.

Больше посланий от Маннергейма ханковцы не получали. У барона отпала охота их агитировать.

7

Вокруг Ханко пенились и бурлили волны. Зачастили дожди. А вскоре выпал и первый снег. Надвигалась зима. К ней в бригаде готовились исподволь. Знали, что она будет очень трудной. Из Ленинграда, блокированного немцами, ничего не поступало. Значит, надо было как можно дольше растянуть имеющиеся запасы продуктов, горючего, снарядов и патронов. И вот тут-то приходила на выручку солдатская смекалка. На автомашинах устанавливали газогенераторные колонки, и вместо бензина пошли в ход чурки. Артиллеристы вели огонь только по наиболее важным видимым целям. Саперы организовали собственное производство всевозможных мин. В полках заготовляли силос и веточный корм для скота, отепляли блиндажи и землянки.

Гарнизон укреплял свои позиции на далеком полуострове. Зима не страшила ханковцев. Больше волновало продвижение немцев на фронтах, гитлеровские войска рвались к Москве. В эти грозные дни ханковцы обратились с письмом к защитникам советской столицы, выражая твердую уверенность, что не бывать фашистам под стенами Кремля.

Спустя несколько дней все газеты напечатали ответ

москвичей ханковцам. Его передали на полуостров по радио. Защитники столицы клялись не пропустить врага. Они с восторгом говорили о мужестве воинов Красного Гангута.

Великая честь и бессмертная слава вам, герои Ханко. Ваш подвиг не только восхищает советских людей. Он вдохновляет на новые подвиги, учит, как надо оборонять страну от жестокого врага...

Письмо москвичей читали и перечитывали в землянках, в окопах переднего края. Хорьков, с которым Симоняк встретился на Петровской просеке, обрадованно говорил:

- На всю страну нас подняли, товарищ генерал-майор!

Он особенно громко отчеканил новое звание Симоняка, как бы поздравляя командира бригады, к которому относился с большим уважением и любовью.

Генеральское звание Симоняку присвоили 7 октября сорок первого года. Повысили в звании и большую группу командиров бригады. Да и у Хорькова в петлицах появился еще один кубик.

- Подняли нас высоко, - сказал, поняв его, Симоняк. - Как бы головы не закружились. Показывай, старший лейтенант, всё ли у тебя к зиме готово.

Не спеша они обошли позиции четвертой роты. Симоняк повидал своих добрых знакомых - Сокура, Исаичева, Гузенко, Турчинского. Они мало изменились внешне, но каждый стал настоящим, опытным, закаленным солдатом. Намного вырос их открытый еще в первые дни войны счет мести. Сокур истребил 32 вражеских солдата, Исаичев - 31, Гузенко - 47, Турчинский - 29. И Бондарь не отводил черных глаз от генерала. Он тоже снял четырех шюцкоровцев.

- Трудновато теперь их выслеживать, - оправдывался словоохотливый солдат. - Они нас боятся, не высовывают носа.

В пулеметном дзоте Симоняк увидел Федора Бархатова в стеганом ватнике, с автоматом на груди.

- А ты, повар, как сюда попал?

- Я же временно поваром был, товарищ генерал. Теперь вернулся к пулемету.

- Перевели?

- Сам попросил. История такая произошла. Сказали мне дружки, что Борьку, моего брата-моряка, фашисты убили. Он с десантом Гранина ходил. Как узнал я, черпак из рук (вывалился. Пришел к комбату, говорю: Не могу больше кашу варить. Пошлите на передовую. За брата должен рассчитаться. Комбат и поставил меня за этот пулемет. Не скажу сколько, но скосил их порядком...

- Матери написал о брате?

- Хорошо, что не успел, - расплылся в улыбке Федор. - Бористо живым оказался. С ним я вот здесь недавно встретился. Моряки приходили, у финнов языка брать. И Борька с ними. У меня чуть глаза на лоб не вылезли. Живой, говорю, - а мне передавали, что убит. - Ошибка вышла. Меня только ранило. Всё уж зажило.

- Обратно на кухню теперь не тянет?

- Не тянет, товарищ генерал. Тут мне больше по нутру.

Генерал покидал четвертую роту в хорошем настроении. Славные ребята, толковые, верные. Поговоришь с ними, и легче на сердце.

8

Повалил густой снег. Пушистой белой пеленой укрыл он землю. Пришла зима. Необыкновенно ранняя и суровая, словно и ее завербовало в союзники вражеское командование. Ледяным настилом покрывались озера на полуострове, удалялась от берегов открытая вода. Зима закрывала дорогу судам.

Вступали в действие заранее продуманные и подготовленные схемы зимней обороны Ханко и прилегающих к нему островов. Расчеты показывали, что и без подвоза продовольствия и боеприпасов, при экономном их расходовании гарнизон сможет еще не один месяц продолжать борьбу. Продуктовый паек был сильно урезан, скупее стали расходовать боеприпасы, реже отвечая на огонь врага.

Еще в сентябре, когда гитлеровские войска окружили Ленинград, Симоняк глубоко задумывался о судьбе бригады. Он всё делал, чтобы продолжать борьбу, хотя и понимал, что значение Ханко как бастиона, прикрывающего вход неприятельским кораблям в Финский залив, теперь было утеряно. Но пока они здесь, надо бить врага. А если потребуется, если будет приказ - пробиваться на соединение с советскими войсками под Ленинградом... Симоняк учитывал и такую возможность, вынашивал идею похода с Ханко по вражеским тылам; но об этом знали лишь Два человека в бригаде - Романов и начальник разведки Трусов. Последнему комбриг предложил разработать несколько вариантов самоэвакуации бригады.

Железный поток - так условно назвал задуманную операцию Симоняк в память о легендарном таманском походе. Если они пойдут, им предстоит тоже четырехсоткилометровый поход, но еще более трудный, по территории, занятой сильным и коварным врагом...

- Может, только небольшая часть бригады пробьется - откровенно говорил комбриг Романову. - Но если навалимся на врага с тыла, наведем панику, то оттянем на себя солидные силы,

поможем Ленинграду. Наши жертвы будут оправданы.

Тогда же, в сентябре, придя в 219-й полк, комбриг 1 спросил Кожевникова:

- Лыжи делать умеете?

- А сколько их надо?

- Для начала тысяч пять...

- Ого, - вырвалось у командира полка. - Придется лыжную фабрику создавать.

- Создавайте.

- Да зачем они, товарищ генерал? Тут для лыж раздолья мало.

- Раздолье широкое. Залив зимой замерзнет. Финны могут к нам пожаловать. А на чем их, как не на лыжах, догонять, когда убегать станут?

- Поня-а-атно, - протянул Кожевников, чувствуя, что комбриг чего-то не договаривает. Опрашивать он больше не стал.

...Поставить на лыжи бригаду - людей, пушки, пулеметы, двинуться через Финский залив по тылам врага - это и предусматривала операция Железный поток.

Лыжная фабрика, построенная в лесу, уже действовала, но воспользоваться ее продукцией не пришлось. Симоняк и не мечтал о том, чтобы в трудной обстановке, которая сложилась под Ленинградом, многотысячный ханковский гарнизон со всем своим оружием и боевой техникой, автомашинами, продовольственными запасами мог быть эвакуирован на судах. Но именно такое решение; приняла Ставка Верховного Главнокомандования.

В октябре на полуостров пришло несколько советских кораблей. Командир бригады отправил на большую землю артиллерийский полк, благо на Ханко было много артиллерии. Корабли благополучно совершили опасный рейс.

Приход кораблей на Ханко не прошел незамеченным для врага. Но зачем они тут - привезли пополнение и боеприпасы или что-то вывозят - финны не знали. Они усилили разведку, сделали вылазку на участке комбата Афанасьева, но были отбиты.

- Опять будут прощупывать. Надо же им знать, что у нас происходит, сделал вывод Симоняк. - Сунут нос, а мы его прищемим.

Началась, как говорили солдаты, игра в молчанку. На Ханко и островах воцарилось безмолвие. С наших позиций не раздавалось ни одного выстрела. Никто не, передвигался по траншеям. Над блиндажами даже не поднимались легкие струйки дыма.

Низко пролетел неприятельский самолет. Покружился над

полуостровом и повернул обратно...

Русские ушли, - решили финны.

Вражеские солдаты сперва осторожно, с опаской двинулись к противотанковому рву, полежали, осмотрелись. Никто по ним не стрелял. Финны поднялись в полный рост и двинулись дальше. Они уже были у проволочной изгороди, лихорадочно стали резать ее...

И тут обрушилась на них ханковская артиллерия. Только перед позициями 219-го полка осталось больше пятидесяти вражеских трупов. Не меньше было и на Петровской просеке, где оборону по-прежнему держал 335-й полк.

Так прошел первый тихий день на Ханко. В дальнейшем такие дни время от времени повторялись: всё замирало на переднем крае, солдаты получали сухой паек и безвылазно сидели в укрытиях, лишь наблюдатели зорко несли свою боевую вахту. Раз обжегшись, финны теперь выжидали, не лезли. А наше командование как раз этого и хотело. Близился день, когда советские бойцы оставят передний край. Пусть и тогда финны думают, что русские пытаются их обмануть, пусть не суются, дадут ханковцам незаметно и без потерь уйти.

Так оно и вышло. Когда эвакуация закончилась и бригада уже была далеко от Ханко, неприятельские войска всё еще не решались вступить на безмолвную землю полуострова.

В ноябре эскадра балтийских кораблей снова пробилась к гангутцам. Привел ее давний друг Кабанова вице-адмирал Валентин Петрович Дрозд. Командующий базой вызвал Симоняка. Шел седьмой час, и Ханко окутывала белесая мгла. Тишина, изредка вспарываемая редкими орудийными выстрелами, висела над портом, где бросили якорь корабли.

- Валентин Петрович, - кивнув в сторону вице-адмирала, сказал Кабанов, просит не затягивать погрузку. Забирает один твой стрелковый полк. Готов он?

- Эскадру не задержим.

Еще до прихода кораблей в бригаде точно определили порядок эвакуации. Первым отправлялся 270-й полк. Его позиции на северных островах и на обращенном к ним побережье скрытно заняли подразделения полка Кожевникова. Бывшие строители стали к этому времени обстрелянными, хорошо обученными солдатами. Симоняк со спокойной душой передвинул их на переднюю линию.

Погрузка шла днем и ночью, в густом тумане и под вражеским огнем. Его подавляли ханковские артиллеристы, отвечая двумя, а то и тремя снарядами на каждый выстрел врага. Теперь они не скупились. Летчики несли охрану рейда с воздуха.

Эскадра тронулась в обратный путь. Кабанов долго смотрел ей вслед. Симоняк стоял с ним рядом. У обоих были усталые, воспаленные глаза.

- А ведь я не выполнил приказа, - негромко промолвил Кабанов, - не ушел с Дроздом.

- Там поймут, Сергей Иванович, - проговорил Симоняк. - Командир покидает корабль последним.

Как они будут уходить отсюда, оставалось неясным. Дрозд обещал вернуться. Но удастся ли? Труден, адски труден путь по Финскому заливу: он простреливается вражеской артиллерией, фарватер кишит минами, да к тому же крепчает мороз, заковывая воду в ледяную броню. И всё же оба не сомневались пробьются, водой или сушей дойдут до своих. В эти дни Симоняк снова тщательнейшим образом продумывал операцию Железный поток. Но осуществить ее не довелось. Вице-адмирал Дрозд сдержал свое слово.

9

Последний эшелон отправлялся к Кронштадту 2 декабря. Всю ночь в порту кипела работа - грузили пушки, машины, мешки с мукой и крупой. Отряды прикрытия, сформированные из самых отважных - коммунистов и комсомольцев, последними уходили с островов и огневых точек на Петровской просеке. Они пробирались через минные поля, и саперы сразу закрывали проходы, минировали лесные дороги и тропы.

На переднем крае уже не оставалось бойцов, но оттуда через равные промежутки времени всё еще долетал гулкий треск пулеметных очередей. Это вели огонь самостреляющие пулеметы, их смастерили солдаты 219-го полка. Идею подал Кожевников. Умельцы сделали опытный образец и показали его Симоняку. Комбриг, по достоинству оценив хитрые пулеметы, приказал запустить их в серию и расставить в разных местах переднего края. Отстреляв положенное, они должны были взорваться...

Кожевников, прислушиваясь к пулеметным очередям, посмеивался в усы.

- Финны, пожалуй, не скоро смикитят, что это за стрельба, - говорил он военкому Лейтману и комбату Афанасьеву.

Они стояли на развилке дорог. К порту прошел последний обоз, прошагал взвод лейтенанта Дмитрия Зверева, прикрывавший эвакуацию.

- Пора и нам, - сказал начальник штаба Захаров, взглянув на часы.

- Жалко это врагам оставлять, - показал Кожевников на домик. - Взорвать бы...

- Нельзя, - запротестовал комиссар. - Комбриг всё время

твердит: ничто не должно давать повода врагу даже подумать, что мы покидаем Ханко.

Комбриг оказался легким на помине. Его эмка, покрашенная в белый цвет, вынырнула из-за поворота.

Кожевников доложил генералу: полк отбыл в район порта грузиться на корабли.

- Ничего не оставили? Ни о ком не забыли? - спросил комбриг. - Проверьте еще раз. Садитесь с Лейтманом в эту машину, съездите, посмотрите.

Взглянув на Лейтмана, добавил:

- А ты что, комиссар, нос повесил? Или в Ленинград не желаешь?

Хмурый комиссар промолчал. За него как бы ответил Озёр, напомнив о себе легким ржаньем.

- Добрый конь, - промолвил Симоняк.

- И умница, - добавил Кожевников. - Тут как-то комиссар на передовую ездил. Закружила метелица. Ни зги не видать. Как обратно пробираться? Еще на минное поле нарвешься, а то, гляди, и к финнам невзначай забредешь. Нагнулся комиссар и шепнул на ухо Озеру: Выручай, друг. Вези домой. Озёр кружился-кружился, нашел дорогу и в кромешной тьме через лес, к своей конюшне привел.

Он подошел к коню, ласково погладил по теплой шее, потрепал густую гриву...

- Прощай, Озёр.

Лейтман, не говоря ни слова, пошел в лес. Лошадь побрела за ним. Через несколько минут громыхнул одинокий выстрел.

- Не задерживайтесь, Яков Иваныч, - сказал Симоняк,

В ханковской гавани заканчивалась погрузка. Как назло, на море разыгрался сильный шторм. Волны захлестывали катера и небольшие суда.

Симоняк переходил от причала к причалу, молчаливый, сосредоточенный. Встретил Сукача, Меньшова и Хорькова, которые усаживались в лодки. Увидел лейтенанта Семичева в перетянутом ремнями полушубке. Выправился закисший было взводный, недаром его включили в отряд прикрытия.

Из поездки по полуострову возвратились Кожевников и Лейтман. Всё в порядке, ничего не оставлено, никто не забыт. Саперы батальона Чудесенко заканчивают минирование всех подступов к порту и с минуты на минуту появятся здесь.

- Добре, - произнес комбриг. - Прощайтесь с полуостровом - и на корабль. До встречи в Кронштадте.

...Под вечер эскадра покинула гавань. Это был самый последний эшелон на большую землю. Путь ему прокладывали минные тральщики и ледокол.

Командование еще задержалось на Ханко. На полуострове по-прежнему царило безмолвие. Не слышалось голосов войны - ни грохота разрывов артиллерийских снарядов, ни пулеметных очередей, ни автоматной трескотни. И с неба не доносился рокот моторов. Обманули ханковцы финнов мертвыми днями и сейчас ушли скрытно, организованно, не замеченные врагом. С острова Густасверн, куда перенесли командный пункт, в восемнадцать часов Кабанов радировал Военному совету флота: Все погружены. Всё благополучно. При отрыве от противника потеряли одного бойца. Вахту Гангута закрываю.

Наконец от деревянной пристани отошел быстроходный катер. Симоняк стоял на корме. Наступила ранняя декабрьская ночь, трудно было что-либо разглядеть. Волны с глухим рокотом набегали на катер и проносились мимо, туда, к полуострову, на котором он провел год своей жизни, где сто шестьдесят четыре дня сражалась его бригада. Она выполнила свой долг. Не уступила врагу ни пяди обороняемой земли. Отбила у него охоту лезть в атаки на красных гангутцев, хранивших верность своим предкам, прославившим тут силу русского оружия. Бригада покидает полуостров непобежденной, уходит, но не к тихой жизни, а к боям, готовая драться дальше и еще яростнее, чем на Ханко.

Об этом хорошо написал поэт-солдат Михаил Дудин. Он

выразил чувства тех, кто нес на военно-морской базе опасную и почетную вахту:

Не взяли нас ни сталью, ни огнем,
Ни с воздуха, ни с суши и ни с моря.
Мы по земле растоптанной пройдем,
С другим врагом в других местах поспоря.
У стен Ленинграда
Блокадная зима

В Ленинграде ждали возвращения эскадры. Командующий фронтом генерал-лейтенант Хозин часто звонил вице-адмиралу Трибуцу: Что новенького, Владимир Филиппович?

Погрузили всех и всё..., Вышла эскадра..., Идет... - отвечал командующий Балтийским флотом. Он по радио держал связь с Дроздом.

Под утро Хозину позвонил сам Трибуц:

- Теплоход подорвался на минах...

Четвертого декабря корабли прибыли на Кронштадтский рейд. Симоняк и Романов стояли на обледенелой палубе эскадренного миноносца. Вокруг, насколько хватал глаз, простиралось торосистое ледяное поле, за которым справа выступала еле заметная кромка побережья. Словно из-подо льда поднимались кверху заиндевелые громады города-крепости, в мутной дымке проступал силуэт собора. У одной из причальных стенок стоял вмерзший в лед, израненный линкор Марат, у его орудий суетилась артиллерийская прислуга.

По дощатому трапу сошли на берег. Романов откровенно радовался, что после стольких часов штормовой качки стоит на твердой земле. Еще на катере, на котором они шли от Ханко до Гогланда, комиссар, измученный болтанкой, кляня и небо и море, говорил Симоняку:

- Выживу - накажу своим сыновьям: куда хотите идите, только не в моряки.

Но как ни измотала Романова качка, утром, едва стало известно о трагедии с теплоходом, он помчался туда.

Вернулся подавленный:

- Из батальона, который был там, немногих удалось спасти...

Симоняк молчал. Людей всегда терять нелегко. Столько времени воевали на Ханко, а погибли словно бы зря, вне боя.

Трибуц, встречавший последний эшелон ханковцев, поздоровался с Симоняком как со старым знакомым.

- Не хмурься, генерал, - говорил он комбригу, мрачно шагавшему по причалу. - Погибших не вернешь. А в целом эвакуация прошла неплохо.

- Добрые были бойцы.

Трибуц рассказал о звонках командующего фронтом.

- Ждут вас с нетерпением, - сказал он.

В этом Симоняк вскоре убедился и сам. Еще шла разгрузка судов, а ему уже вручили депешу из штаба фронта: готовиться к боевым действиям.

- Прямо с корабля на бал, - усмехнулся Романов.

Комбриг, проводя пальцами по щетинистому подбородку, пробормотал что-то про себя и подозвал Кетлерова. Надо было приступать к подготовке первой операции на новом месте. Генерал с группой штабных работников выехал в Ленинград.

На Ханко Симоняк часто думал об этом городе, попавшем в беду, окруженном вражескими войсками. Пытался представить, каков он теперь, и не мог. Сейчас город был перед ним - мрачный и молчаливый, словно запеленатый в белый саван. Застывшие на путях троллейбусы и трамваи, редкие пешеходы, бредущие по узким тропкам, проложенным не в ханковских чащах, а на обезлюдевших проспектах...

Машину, в которой они ехали, подбрасывало на ухабах, разворачивало на скользких местах. На Литейном газик сильно ударило о какой-то забор.

- Ну и шофера нам дали, - недовольно буркнул комбриг. - Ты что, за руль сел недавно?

- Знаете, товарищ генерал, - с обидой заговорил шофер, - чтоб машину вам подать, пять шоферов ее поочередно заводили.

Симоняк вскинул на него глаза.

- Силенок мало. Крутанет шофер пару раз - и выдохся. Да что говорить, после подъема добрая треть бойцов у нас остается на койках: дистрофики встать не могут.

Весь вид шофера подтверждал его слова. Глаза глубоко ввалились, нос заострился, темная с восковым отливом кожа обвисла.

- Некого было за вами нарядить. Вот и пришлось ехать самому командиру автовзвода. А руки плоховато слушаются, да и дорога... Как я тут раскатывал до войны!

- Здешний?

- Ленинградец. Такси гонял.

- Город хорошо знаешь?

- И город и всё вокруг изъездил.

- Такой шофер мне нужен.

При первой же остановке, в Рузовских казармах, где разместился один из полков бригады, Симоняк прежде всего распорядился накормить шофера.

- Поехать сможешь? - спросил его комбриг часа через полтора.

- Смогу.

- Тогда заводи.

2

Объездив полки и батальоны, прибывшие в Ленинград раньше, Симоняк поздно вечером попал в штаб фронта. Ему не терпелось хоть что-нибудь узнать у начальника связи Ковалева о своей семье. Последние месяцы он не получал писем из Куйбышева. Сильно скучал и по жене, и по дочерям, и по своему баловню, трехлетнему Вите.

- Приехал, - искренне обрадовался Ковалев. - Мы здесь заждались тебя. Ну рассказывай, как добрались.

- Погоди, Иосиф Нестерович. Как в Куйбышеве?

- Всё в порядке. Я часто Александре Емельяновне от тебя приветы передавал.

- А телеграфировать туда можно?

- Пиши.

Симоняк быстро набросал текст телеграммы:

Куйбышев, улица Фрунзе, 80 квартира, Ковалевой для Симоняк

Здравствуйте, дорогие Шура и дети. Прибыл на свою родную землю. Здоров я и все друзья. Напишу письмо особо.

Ваш Николай.

Они долго сидели вдвоем. Ковалев достал карту, исчерченную синими и красными линиями. Симоняк впился в нее глазами. И без объяснений Ковалева он уже видел, что представляет собой Ленинградский фронт. На юге линия обороны наших войск громадной подковой огибала город, упираясь одним концом в Финский залив, вторым - в Неву у поселка Усть-Тосно, занятого немцами, и далее шла по правому берегу Невы до Ладожского озера. На некоторых участках гитлеровцы находились буквально у самых городских окраин. На севере противник был остановлен на линии прежней границы.

- Всюду теперь положение устойчивое, - объяснял Ковалев. - Не немцы нас тревожат, а мы их. А тут...

Он показал на Тихвин, на подступах к которому шли яростные бои.

Еще в октябре немецкое командование бросило в наступление ударную группировку войск, которая должна была захватить Тихвин и двигаться дальше на север к Свири, на соединение с финской армией и таким образом окончательно отрезать Ленинград от страны. Врагу удалось занять Тихвин, подойти вплотную к Волхову.

В ноябре три советские армии перешли в контрнаступление, чтобы сорвать фашистский план двойной блокады Ленинграда.

- Мерецков там сейчас воюет и Федюнинский, - рассказывал Ковалев. - Армия Федюнинского отбросила немцев от Волхова, а войска Мерецкова вплотную подошли к Тихвину.

Симоняк не перебивал Ковалева. Его глаза неотрывно следили за движением карандаша, которым Иосиф Нестерович водил по карте.

- Нас бы туда, - задумчиво обронил он.

- Опоздал малость, Николай Павлович. Четыре дивизии туда из Ленинграда перебросили. Но и здесь кое-что намечается.

- Еще в Кронштадте я получил приказание подготовиться к боевым действиям...

Разговор друзей прервал сильный грохот. Где-то неподалеку разорвался артиллерийский снаряд. За первым разрывом последовали второй, третий...

- И часто так?

- Без обстрела дня не проходит.

- Точно на Ханко.

Вернулся Симоняк из штаба поздним вечером. У Ковалева захватил кипу газет, по которым сильно изголодался на Ханко. За чтением он провел не один час, пока веки не сомкнулись сами собой.

Разбудил Симоняка скрип двери. В комнату с охапкой дощечек осторожно входил шофер Ноженко.

Симоняк быстро поднялся:

- Готовь колымагу.

- Далеко поедем?

- В Смольный.

...В просторном кабинете командующего фронтом сидело несколько человек. Они о чем-то вполголоса переговаривались. Симоняк узнал начальника штаба Гусева, вице-адмирала Трибуца.

- Садитесь, товарищи гангутцы, - пригласил Хозин вошедших.

Кабанов опустился в кресло у продолговатого стола. Рядом с ним сели Расскин, Симоняк и Романов.

В кабинет вошли члены Военного совета Жданов, Кузнецов, Штыков, Соловьев. Хозин представил им ханковцев.

- Начнем с Кабанова?

Докладывал командующий военно-морской базой, затем Расскин. Потом настали очередь Симоняка. Он сказал о численности бригады, ее вооружении, потерях на Ханко и во время эвакуации.

- Потери у бригады, можно считать, минимальные, - заметил Жданов. Эвакуация проходила в очень сложных условиях. Кстати, кого вы там оставили на Ханко?

- Я докладывал: никого.

- А вот финны сообщают другое. - Жданов похлопал рукой по столу, на котором лежали бумаги.

- Да нет же, Андрей Александрович. Не знаю, что там финны говорят, но никаких заслонов. А если насчет стрельбы...

Симоняк рассказал о самостреляющих пулеметах. Они, верно, и ввели противника в заблуждение.

Комбригу долго не удавалось сесть на место. Ответит на один вопрос, возникает новый.

- Что это финны так расписывают ваши укрепления на Ханко? - спросил Кузнецов. - Бетона у вас ведь там не было.

- Да, бетонные доты для нас не успели построить. Но у нас были камень и земля. А русский солдат привык к земле, трудиться на ней любит. Не подвела она нас... И без бетона создали прочные укрепления, как будто неплохо защищались. Ни одного орудия не потеряли.

Последнее замечание комбрига вызвало большой интерес. Симоняку пришлось подробно рассказать о строительстве дзотов для тяжелых орудий. Во время стрельбы их выкатывали по рельсам из укрытий, а затем возвращали обратно и прикрывали специальными заслонками.

- Мы вовсе отказались от открытых огневых позиций. Даже зенитные орудия укрыли.

- Умно, - сказал Жданов и, обращаясь к Хозину, добавил: - Этот опыт заслуживает не только одобрения. Его надо использовать во всех наших частях.

Заседание в Смольном затянулось. Членов Военного совета интересовали подробности жизни на Ханко, боевые дела, настроение людей. Расспрашивали Симоняка и Романова обо всем новом, что внесла война в работу политотдела и партийных организаций бригады, как укреплялись связи коммунистов с бойцами.

- Вы сделали большое дело. По существу, привезли на Ленинградский фронт новую армию, опытную, закаленную, проверенную в огне. Военный совет возбуждает ходатайство о награждении отличившихся ханковцев, - сказал в заключение Жданов.

Из Смольного выходили вечером. Пронзительный ветер гонял по садику колючий снег. Где-то неподалеку громыхали орудия, - стреляли вмерзшие в невский лед корабли.

Симоняк шагал, не чувствуя ветра и холода. Он всё еще находился под впечатлением разговора в кабинете командующего. Там он впервые по-настоящему понял, как нужна в осажденном Ленинграде их бригада, он видел, как обрадовало ее прибытие руководителей обороны города.

...Из Кронштадта ханковцы совершили марш по льду в Лисий Нос, затем по железной дороге прибыли в Ленинград. Было решено собрать полки в районе Ново-Саратовской колонии, в поселках Овцино и Корчмино. Тут к середине декабря и расположилась бригада, готовясь к выходу на передний край.

Под штаб заняли каменное здание двухэтажной школы. Занятия в ней осенью не возобновлялись. Детей почти не было. Мало жителей осталось в Ново-Саратовской колонии. Гангутцы быстро приспособили под жилье пустые промерзшие дома, построили добротные землянки. Селение ожило, на его улочках зазвучали громкий смех и звонкие солдатские песни.

Ввод в бой откладывался, но тяготы блокады бригада стала ощущать сразу. Резкий переход от хотя и несколько сокращенного, но всё же сытного ханковского питания на голодную ленинградскую норму сказывался на людях. Симоняка это сильно беспокоило, он зачастил в солдатские столовые и кухни, требовал, чтобы каждый грамм крупы, жиров, хлеба попадал бойцу. Комбриг привлек к проверке работы пищеблоков начальника медсанбата Макарова и врача Суровикина, поручил им осмотреть всех солдат бригады. Врачи доложили Симоняку о недостатках, обнаруженных на кухнях. Он свирепо распекал каждого, кто залезал в солдатский котелок, кто плохо заботился о питании бойцов. Для ослабевших в Ново-Саратовской колонии открыли дом отдыха.

Симоняк видел в своей жизни немало горя и страдания, но того, что переживали ленинградцы, он бы не мог себе даже представить раньше. Обстрелы, бомбежки, лютый холод и, наконец, самое тяжелое испытание - муки голода... Каждая поездка из Ново-Саратовской колонии в Ленинград оставляла в сердце мучительный след. Сколько видел он на улице людей, которые падали и уже не могли подняться.

Симоняк останавливал машину. Вместе с Ноженко они выходили, охваченные одной мыслью: что-то сделать, как-то помочь. Иной раз втаскивали человека в машину, подвозили до дому. Но часто лежавшие в снегу люди уже ни в чем не нуждались: ни в хлебе, ни в супе, ни в кипятке.

Запомнился Николаю Павловичу подросток лет шестнадцати, который лежал на дороге, привалившись к детским саночкам, обхватив руками что-то завернутое в женскую шубку.

Ноженко подскочил первым, нагнулся.

- Всё, товарищ генерал. Замерз мальчонка.

Симоняк взглянул на подростка. Сжатые синие губы на желтом, туго обтянутом кожей лице. Тонкие иголочки заиндевелых ресниц. Одна варежка свалилась, из рукава

выглядывала неподвижная рука со скрюченными пальцами.

- Что он вез?

Шофер осторожно развернул шубку.

- Дите тут... Живое как будто.

Они отнесли подростка к стене дома, ребенка, завернутого в шубку, внесли в машину. Генерал держал его на руках, пока Ноженко, петляя по хорошо знакомым ему ленинградским улицам, отыскивал больницу.

В Ново-Саратовскую колонию возвращались в темноте. Совсем нахмурился, посуровел генерал.

...Декабрь подходил к концу. Трудный и страшный для ленинградцев декабрь сорок первого года, когда Гитлеру казалось, что участь осажденного города окончательно решена и он упадет в руки фашистских войск, как созревшее яблоко. Но Ленинград стоял неколебимо.

В студеный зимний день в бригаду приехал член Военного совета Кузнецов. Был он и до войны худощав, а теперь еще больше осунулся, усталое лицо прорезали бороздки ранних морщин. Но вид у него был собранный, военная форма сидела на нем так, точно он служил в армии с давних лет. Приехал сюда вручать ордена и медали тем, кто отличился в обороне Ханко.

Пока подразделения строились, Кузнецов беседовал с Симоняком, Романовым, штабными офицерами.

- После Ханко вы здесь как на курорте, - заметил он не то в шутку, не то всерьез. Романов вскочил со стула:

- Это не наша вина, Алексей Александрович. Мы ехали воевать.

- Не горячитесь, товарищ Романов. Всему свое время. Нам нужно иметь в резерве такое соединение, как ваше.

- Но бригада и не воюя теряет силы.

- Что вы имеете в виду?

- Пусть комбриг расскажет.

Симоняк заговорил не сразу.

- Фронтовые интенданты несправедливо относятся к бригаде. Перевели на тыловой паек, и получается курорт наизнанку. Командир артиллерийского полка Морозов докладывает: На Ханко потерял четырнадцать бойцов, а от недоедания уже умерло втрое больше. И в стрелковых полках больные появились, еле держатся на ногах.

- А почему молчали? Почему не обратились в Военный совет?

- Язык не поворачивается, Алексей Александрович. Ведь знаем, как тяжело ленинградцам.

- Поправим дело, товарищ Симоняк, - сказал Кузнецов. - Военный совет, думаю, пойдет на это. Тем более теперь...

Кузнецов рассказал, как ладожская ледовая дорога выручает и город и фронт. Перевозки по ней растут. В самые ближайшие дни можно будет повысить хлебный паек горожанам. Для ослабевших людей на заводах создаются стационары. Они помогают вернуть силы людям, которые работают не жалея себя. Ведь как ни голодно, ленинградцы не оставляют фронтовиков без оружия. Бывает, нет тока вручную станки вертят. В простых тиглях плавят металл, а пулеметы и мины дают.

Появление дежурного по бригаде прервало беседу. Все вышли на заснеженный плац.

...У двухэтажного бревенчатого здания лицом к Неве выстроились ханковцы. Получая награду, кто звучнее, кто тише произносил: Служу Советскому Союзу, выражая то общее, что связывало всех этих людей.

В воздухе лениво роились снежинки. Земля под ногами подрагивала от далекой артиллерийской стрельбы. Где-то за облаками кружил самолет. Звуки боя не затихали.

- Могу я доложить Военному совету фронта, что ваша бригада выполнит любой боевой приказ? - спросил Кузнецов.

- Жизни не пожалеем.

Прощаясь, Кузнецов говорил комбригу и комиссару:

- Хороший у вас народ. Настоящие кадровые военные. Придется часть опытных командиров забрать в другие дивизии фронта.

- Людей, которых следует выдвинуть, у нас немало, - подтвердил Романов.

Симоняк недовольно качнул коротко остриженной головой.

- Только не очень грабьте, Алексей Александрович. Нас и так ощипывают. Артснабженцы зарятся на трофейное оружие, хотят отобрать часть пушек, их, говорят, у нас лишка...

Машина члена Военного совета, поднимая снежную пыль, умчалась к Ленинграду.

- Ты что же, комиссар, - недовольно проворчал Симоняк, - сам готов содействовать разбазариванию бригады? Немало людей, которых следует выдвигать. Вот мы их у себя и выдвинем.

- Неправ ты, Николай Павлович, - горячо возражал Романов. - В других частях командиров недостает, а ты каждого хочешь держать.

Симоняк обиделся на комиссара. Что он, ради себя старается? Была бы сильна и крепка бригада.

3

Получение орденов в бригаде отметили более чем скромно. Раздобыли немножко спирта, подняли чарки за лучших, помянули павших в боях.

Командир четвертой роты Хорьков сидел рядом с командиром взвода Дмитрием Козловым. На гимнастерках у обоих ярко поблескивали ордена Красного Знамени.

- Что-то наш комбриг сегодня не в духе, - толкнул взводный Хорькова.

Расстроенный разговором с Романовым, Симоняк действительно выглядел пасмурнее обычного. Курил папиросу за папиросой, что с ним не часто бывало.

Хорьков вспомнил ночные тревоги на Ханко еще задолго до войны, странствия генерала по переднему краю под огнем и многое-многое, что вызывало его уважение и любовь к этому сумрачному на вид человеку.

- Вот кому бы награду дать, и самую высокую, - сказал он Козлову.

Когда в феврале в бригаде стало известно о награждении Симоняка орденом Ленина, Хорьков, как и другие ханковцы, был рад и горд, словно их всех наградили снова. Бригада в это время всё еще находилась в резерве командующего фронтом. После разговора с Кузнецовым ее перестали ощипывать, повысили паек, приравняв ханковцев к бойцам переднего края.

Полки строили укрепления, и комбриг, как всегда, проводил много времени среди бойцов, наблюдал за их работой. Там он часто встречал командира саперов Анатолия Репню. Как-то Репня протянул комбригу письмо:

- Вот мне мать какой наказ прислала.

Симоняк читал:

Дорогой Толя!

Наконец-то получила от тебя письмо. Поздравляю, родной мой, тебя со вступлением в партию и награждением орденом Красного Знамени. Я не могу выразить словами своей радости. Я горжусь тем, что ты настоящий сын своей Родины.

Дорогой мой, не бывает минуты, чтобы я не думала об отце и о тебе. Отец на Западном фронте, командует полком. Вот уже месяц он не пишет, но я знаю, какое теперь время, и жду с нетерпением победоносного конца войны.

Толик! Бей гадов, пусть на веки веков все запомнят, что русских людей никому не победить.

Передай мой материнский привет твоим боевым товарищам, командирам. Желаю им всем большого счастья.

- Где твоя мать сейчас, Анатолий? - спросил, прочитав письмо, Симоняк.

- Перебралась из Калинина в Куйбышев.

- А моя на Кубани. Тоже ждет не дождется, когда фашистов разобьем. И мы это сделаем, Анатолий. - Симоняк положил руку

на плечо сапера. - Придет наш час снова помериться силами с врагом. К этому и надо готовиться. Теперь уже, я думаю, недолго.

У Тосны-реки

Село Ивановское не на каждой карте найдешь. Невелико оно, вытянулось вдоль берега ленивой речушки Тосны, где она впадает в Неву.

Немцы заняли Ивановское осенью сорок первого года. Берега Невы и Тосны они изрыли траншеями, построили укрепления. Из Ивановского и Усть-Тосно, расположенных на возвышенностях, они просматривали всё вокруг. К нашему переднему краю здесь можно было попасть только ночью.

В десятых числах августа сорок второго года Симоняк повел командиров полков к Усть-Тосно на рекогносцировку. Первую остановку сделали на Ленспиртстрое - у каменных недостроенных корпусов, искалеченных снарядами.

- Идти дальше можно лишь по траншее, - предупредил провожатый.

Спустились в неглубокий ров и в полутьме осторожно двинулись гуськом к переднему краю. Часто разрывались мины, осколки проносились над траншеей с шипящим свистом.

Симоняк шел сразу за провожатым. Когда небо прочерчивала ракета, он оборачивался к своим спутникам:

- Пригибайтесь!

И приседал сам.

В предрассветном сумраке командиры пристально разглядывали неприятельские проволочные заграждения, очертания разбитых домов в поселке Усть-Тосно, низкие болотистые места справа от него, Симоняк ставил задачи полкам.

Предстоял первый наступательный бой. Бригаду еще весной преобразовали в 136-ю стрелковую дивизию. Часть гангутцев - командиров и политработников ушла. Романова назначили членом Военного совета армии, Кетлерова забрали в штаб фронта, Соколова и Никанорова назначили комендантами укрепрайонов, Даниленко и Сукача выдвинули командирами полков. Большую группу ханковцев, младших командиров, после окончания краткосрочных курсов произвели в офицеры.

Из старых командиров полков остался лишь Яков Иванович Кожевников. Другим полком командовал Шерстнев.

- Вот что, Шерстнев, - сказал ему как-то комдив, - пора тебе кончать штабную службу. Пойдешь полком командовать.

Александра Ивановича это предложение удивило. Ему казалось, что Симоняк не очень к нему благоволит.

- Справлюсь ли, товарищ генерал... Батальоном командовал, а полком не приходилось. Комдив усмехнулся:

- Побаиваешься, значит? Не дрейфь! Пойдет у тебя. Не боги горшки обжигают.

Симоняк давно присматривался к Шерстневу. Еще на Ханко он убедился, что этот вспыльчивый капитан - человек настоящей военной закалки, требовательный к себе и подчиненным, прямой и справедливый.

Симоняк смело выдвигал людей. Начальником штаба дивизии стал подполковник Иван Ильич Трусов, третий полк возглавил Савелий Михайлович Путилов. Новым военкомом дивизии стал Иван Ерофеевич Говгаленко. Передвинулись, выше и многие командиры рот и взводов.

Операция по захвату плацдарма на правом берегу Тосны и овладению населенными пунктами Усть-Тосно и Ивановское проводилась почти одновременно с наступлением войск Волховского фронта, прорывавшихся в направлении станции Мга. Начала ее хорошо известная в Ленинграде дивизия генерала Донскова. Ей удалось занять сильный вражеский опорный пункт, каким являлось Усть-Тосно, и небольшой плацдармик в поселке Ивановское.

Расширить плацдарм дивизия не смогла. Гитлеровцы подтянули резервы, усилили систему огня, и новые атаки не приносили успеха. Командующий 55-й армией генерал В. П. Свиридов решил ввести в бой 136-ю дивизию.

Первым должен был наносить удар вдоль железной дороги 342-й полк, которым командовал Яков Иванович Кожевников, а затем и два других полка дивизии. Комдив указал командирам частей участки их наступления и тут же подчеркнул: местность открытая, ровная, пробиться по ней можно только атакуя стремительно, умело взаимодействуя с артиллерией...

С рекогносцировки Симоняк вернулся на командный пункт дивизии. Небольшая землянка была врезана в обрывистый берег Невы. Грохотали разрывы снарядов, осколки свистели в воздухе и гасли в холодной невской воде.

- Как мост, готов? - спросил Симоняк Трусова, как только переступил порог землянки.

- Командир саперного батальона доложил, что четыре звена собраны, их можно буксировать на место.

- Съезжу к ним.

Звенья штурмового моста заготовлялись в Усть-Ижоре. Комбат капитан Ступин показал их генералу.

- Кто их установит на реке?

- Вот он, - указал Ступин на коренастого сапера. - Сержант Павленко со своим отделением строил, ему и наводить переправу.

Симоняк пристально посмотрел на сержанта. Тот стоял спокойный, ни одна жилка не дрогнула на его обветренном, строгом лице.

- Знаете свою задачу?

- Так точно, товарищ генерал!

- Гляди, чтоб всё в порядке было. Наведете мост - побьем немцев. Нет - они нас вперед не пустят.

- Мост наведем, товарищ генерал.

Бои предстояли трудные. Об этом Симоняку напоминал генерал-лейтенант артиллерии Леонид Александрович Говоров. С июня он командовал Ленинградским фронтом и несколько раз уже побывал в дивизии. Говорил он обычно мало, больше смотрел и слушал. Вид при этом у него всегда был хмурый, суровый. И глядя на него, трудно было угадать - доволен он виденным или нет.

Перед боями Говоров встретился с Симоняком в штабе 55-й армии. Разговор был коротким.

- Мы провели недавно, - сказал командующий, - несколько частных операций под Старо-Пановом, Путроловом и Ям-Ижорой. Зацепились за Ивановское. Вашей дивизии, товарищ Симоняк, надо, форсировав Тосну, пробиваться в глубь вражеской обороны, навстречу войскам Волховского фронта. Вы к этому готовы?

- Ждем сигнала, товарищ командующий.

Полки дивизии подтянулись к району боевых действий. В батальонах и ротах проходили партийные и комсомольские собрания, солдатские митинги. На один из них попал и Симоняк. К началу он опоздал. Подошел, когда с машины-полуторки произносила речь худенькая черноволосая женщина. Она держала в руках косынку, которая развевалась на невском ветру, подобно красному стягу. Женщина говорила горячо и взволнованно о жизни ленинградцев, об их доблести в труде и беззаветной борьбе.

- Кого мы считаем ленинградцами? - спрашивала женщина и тут же сама отвечала: -Не только тех, у кого отметка в паспорте, что они родились или жили в нашем городе до войны. Ленинградцы - это все те, кто защищает его от фашистских душегубов и вешателей. Вы все, товарищи бойцы, наши братья ленинградцы.

- Кто это? - обратился Симоняк к начальнику штаба 269-го полка Меньшову.

- Учительница с Выборгской стороны Чернецкая.

- Душевно говорит. Людей за живое задела.

Вокруг стояли плотной стеной командиры и бойцы. Волнение было на их лицах.

Отвечали представительнице Ленинграда Говгаленко, сержант Клюквин, ефрейтор Соловьев. Их речи тоже пронизывала боль за страдания ленинградцев, ненависть к врагу.

Слова действовали словно детонаторы. Ни одного человека война не обошла стороной. В кармане Симоняка лежала фотография жены. Александра Емельяновна прислала ее недавно из Куйбышева. Просила никому не показывать.

Николай Павлович смотрел на снимок, и сердце холодело. Тяжело, видно, приходится Шуре. Недоедает, конечно, недосыпает, себе, видимо, во всем отказывает, чтоб ребят поддержать. Симоняк, не медля, написал письмо.

Здравствуйте, дорогие мои!

Ваше письмо получил. Твою фотографию, Шура, тоже.

Что с тобой стало, просто понять не могу. Ведь здесь народ большие трудности испытывает, питался зимой крохами, и то редко сейчас встречаешь таких, как ты выглядишь на фотографии.

Шура, ты должна думать и о себе. Ведь ребят надо поднимать. И это ложится на твои плечи. Я далеко от вас, и как помочь тебе, просто ума не приложу...

Радует меня одно, что духом ты сильна. Это - хорошо. Я тоже жду встречи с вами. Но она может быть лишь после разгрома врага. В нашей казачьей породе никто и никогда не был рабом. Буду биться сам и заставлю других драться до последнего. Умрем, но врагу не поддадимся.

Из письма узнал о Витином житье, увидел его на фотографии. Замечательный казак растет, здорово он вытянулся. Умно смотрит. Как бы хотелось взять его на руки и высоко-высоко подбросить, как бывало раньше. Еще хотелось бы послушать, как он говорит, читает маме стихи.

Ты просишь, чтоб я никому не показывал фотографию. Нет, я не могу ее таить. Показал ее всем, кто тебя знал, чтобы они увидели, как вы там, в тылу, живете. Выговорился, и мне вроде бы легче стало.

Зоя спрашивает, цела ли ее школа. Всё как прежде. Только кругом торчат стволы орудий, пулеметов, штыки. А я живу в лесу, в землянке. Квартира - прямо не нарадуешься. Лучшего на войне и не надо.

Пишите мне. Каждый день с нетерпением жду от вас вестей...

Симоняк отправил письмо, несколько успокоился. А вот на митинге невеселые мысли о семье вспыхнули вновь. Горько ему, тяжело каждому. Отцы и матери теряют детей, дети родителей...

Гитлеровская армия, оправившись от зимних поражений, перешла на юге в наступление, и опять, как в начале войны, скупые, суховатые сводки Совинформбюро вызывали тяжкое

беспокойство. Линия фронта приближалась к Дону, к Кубани, к его родным местам. Что там происходит на юге? Как удалось немецким войскам продвинуться столь далеко?.. Митинг закончился. Говгаленко подвел к командиру дивизии учительницу и ее спутников - прихрамывающего пожилого рабочего и веснушчатого подростка в длинном, почти до колен пиджаке.

- Хорошо вы говорили, - сказал Симоняк Чернецкой.

Учительница, поправляя волосы, тихо ответила:

- И сотой доли не высказала того, что на душе, товарищ генерал.

Она отвела глаза, морщины на ее лице обозначились глубже и резче.

- Не станем посыпать солью свои раны, - заметил худощавый рабочий. Пользы от этого мало. О другом мы должны думать. Как фашистов разбить, на невысоком столбе Гитлера повесить.

- Почему же на невысоком? - удивился Говгаленко.

- Чтоб каждый мог в его харю плюнуть.

- Будет по-твоему, батя! Будет!

Прощаясь, рабочий неожиданно спросил:

- Скажите, товарищ генерал, без Женьки вы тут обойдетесь?

Кивком головы он показал на паренька в отцовском пиджаке. На вид Женьке было лет тринадцать - четырнадцать. Серая кепка с большим козырьком сдвинута набок, нос, усыпанный веснушками, вздернут кверху. Расстегнутый ворот темно-синей рубашки обнажал тоненькую шею.

- Трудно, конечно, без Женьки, - скрывая улыбку, отвечал Симоняк гостю, но обойдемся.

- Уши он нам прожужжал: хочу на фронт, хочу на фронт.

Симоняк пытливо посмотрел на паренька. Не хотелось обижать мальчугана. Симоняк сам чуть ли не в таком же возрасте надел, красноармейскую шинель. Но тогда было другое время. Впрочем, разве сейчас меньшая опасность угрожает стране?

Он обнял мальчонку, прижал к себе:

- Не торопись, Женя. Всему свой черед.

- Вот и мы это ему толкуем, - поддержал рабочий. - На фронте без тебя, Женька, обойдутся, а в цехе ты позарез нужен.

Он повернулся к генералу:

- Не глядите, что ростом мал. Работяга Женька отменный. Моторы танков ремонтирует. Зимой мы, старички, совсем ослабели. А Женька молодцом держался. Медалью его наградили.

Симоняк почувствовал себя виноватым перед этим ребенком, которого война лишила детства и раньше времени сделала взрослым. Хотелось сказать пареньку что-то ласковое, но генерал

только протянул ему руку - как равному.

- Все мы, Евгений, теперь солдаты. В Ленинграде всюду - передовая, и, как люди военные, мы должны драться там, куда поставлены. Понял ты меня?

- Понял, - смущенно пробормотал парнишка.

Симоняк и Говгаленко проводили ленинградцев к машине. Несколько минут молча шли рядом. Говгаленко порывался что-то сказать, но, взглянув на углубленного в свои думы Симоняка, только покусывал губу. Прошел уже не один месяц, как его назначили военкомом дивизии, но он еще не совсем свыкся с новым положением.

Говгаленко попал в армию незадолго до войны, по партийной мобилизации. Был он на три года моложе Симоняка. Детство провел на Украине, под Белой Церковью. Кулацких коров пас, чуть-чуть оперившись, вступил в комсомол. Было это в начале двадцатых годов. И с тех пор он уже не распоряжался собственной судьбой. Его перебрасывали с места на место. Кем только не пришлось работать: комсомольским секретарем, помощником мастера на кабельном заводе, в политотделе МТС... Три года учился в комвузе и, окончив его, попал в Ленинградский обком партии. С восторгом вспоминал Говгаленко о Сергее Мироновиче Кирове и не скрывал своего сокровенного желания: хоть чуточку походить на него.

На груди у Говгаленко было два ордена: Красного Знамени - за участие в финской кампании и Красной Звезды - за Ханко. Иван Ерофеевич был решителен, быстро сходился с людьми. Где бы он ни появился - на командном пункте или в солдатской землянке, - веселее становилось от его быстрого характерного говорка, от его пословиц и шуток. Симоняку нравился новый комиссар. Правда, Говгаленко не имел серьезного военного образования, но ничего, дозреет, думал Симоняк.

Он и сам не считал себя всезнающим командиром. На этой войне было много такого, чему его не учили в академии, о чем не упоминалось в уставах и наставлениях. В военную науку жизнь каждый день вносила новое - выстраданный в жестоких боях, замешенный на крови опыт.

Учиться на опыте войны - это было не просто, но жизненно необходимо. И Симоняк это хорошо понимал. Он знал, что дивизии, имевшей опыт оборонительных боев, придется и наступать, ломать оборону врага, пробиваться вперед. Он ждал этих боев, как самого серьезного испытания. И вот час испытания приближался.

Между тем Говгаленко, не в силах преодолеть напора волновавших его мыслей, заговорил о своем. Днем он побывал в

двух полка: С кем ни встречался - у всех настроение боевое. Командиры и солдаты обещают сражаться по-гангутски.

- Опрокинем гитлеровцев! - убежденно сказал он.

- Не кричи, Ерфеич, гоп, пока не перескочишь, - остановил комиссаре Симоняк.

Говгаленко снова прикусил губу. Что это с комдивом? А у Симоняка било неспокойно на сердце. Просто он яснее, чем Говгаленко, представлял всю сложность поставленной перед ними задачи.

От железной дороги, вдоль которой готовился наступать 342-й полк, сохранилась лишь насыпь, рассекавшая болотистый кустарник. Рельсы и шпалы пошли на блиндажи и огневые точки, которые немцы настроили и в насыпи и на островках твердой земли.

Перед рассветом 20 августа батальоны выдвинулись за наши проволочные заграждения. Залегли в густой нескошенной траве. Дурманно пахло багульником, пороховой гарью, ржавой водой.

Прошел час, второй, третий. Всё выше поднималось солнце, растаял молочный туман, стлавшийся над низинами.

В назначенный час загромыхали орудия и минометы. Позиции немцев окутало дымом.

Командир полка Кожевников всё чаще поглядывал на часы. Минутная стрелка, совершая свой оборот по кругу, приближалась ко времени начала атаки. Десять минут осталось, пять, две...

И вот наконец сигнал! Пустынное поле ожило, поднялись, словно вырастая из земли, стрелковые цепи.

Немцы сначала отстреливались слабо и словно бы неохотно. Но когда расстояние между их передней траншеей и нашими бойцами заметно сократилось, вражеская артиллерия поставила почти сплошную завесу огня, затрещали десятки пулеметов. Казалось, до противника было уже рукой подать, но цепи атакующих стали быстро редеть. Люди валились, так и не успев крикнуть ура, схватиться с фашистами в рукопашном бою.

Кожевников, сгорбившись, наблюдал в стереотрубу за полем боя и колотил ногой глинистую стенку траншеи.

Атака захлебывалась. Слишком сильным оказался вражеский огонь, и роты залегали на болоте.

- Вызывай комбата Малашенкова! - приказал Кожевников телефонисту.

Солдат бешено закрутил ручку и подал трубку командиру полка. Тот сердито заговорил:

- Что вы там копошитесь? Противник не пускает? А ты что, думал - с пирогами встречать будет? Давай вперед! Не жди, пока я приду.

Кожевников бросил трубку телефонисту. Посмотрел на военкома Мефодия Бондаренко.

- Я пойду, Яков Иванович, - сказал решительно тот. - Чего на месте сидеть?

- Смотри, ты сам себе хозяин, комиссар. Только не дури там... Наше дело не в атаку ходить и гранатами с фашистами перебрасываться, а бой организовать.

- А если...

- Если до этого дойдет, Симоняк по головке не погладит.

Бондаренко выбрался из траншеи. Кожевников с завистью поглядел, как он быстро, точно боясь опоздать, бежит по кустарнику...

И во второй половине дня перемен не наступило. Солдаты продвигались ползком, мелкими группами. Стоило кому-либо приподняться - и он падал, обливаясь кровью. Наша артиллерия не подавила большинства огневых точек на вражеском переднем крае. И всё же люди стремились вперед.

Рота младшего лейтенанта Орешина залегла перед вражеской траншеей.

- Вперед! - крикнул командир, выпрямляясь в полный рост.

- Вперед! - подхватил его команду взводный Чернышев, тот самый храбрец-пулеметчик, мужеством которого восхищались еще на Ханко.

И Орешин и Чернышев не дошли до траншеи. Командир роты свалился в траву, подкошенный осколком мины, Чернышева опрокинула на землю автоматная очередь. Командир отделения Надтока подполз к нему.

- Веди взвод, Захар! - проговорил Чернышев.

- Перевяжу и поведу.

- Котелок у тебя варит?! И минута дорога. Давай вперед! Слышишь!

- Ты что отмалчиваешься, Яков Иванович? - попрекнул Кожевникова командир дивизии.

- Не о чем докладывать, - признался командир полка. - Топчемся, немцы молотят нас, как снопы на току.

Симоняк что-то проворчал. Кожевников, не ожидая новых вопросов, сказал:

- Огоньку бы не мешало добавить!

Этих его слов комдив не услышал, - оборвалась связь, и телефонисты побежали на линию. Симоняк не стал ждать, пока ее исправят, а сам отправился к Кожевникову.

Траншея походила на придорожную канаву. На брустверах тряслись нервной дрожью пожелтевшие реденькие травинки. Рядом и подальше, впереди и сзади громыхали разрывы.

Симоняк прижимался к мокрой стенке траншеи, пропуская встречных. В тыл брели раненые, перевязанные окровавленными бинтами. Тех, кто не в силах был идти сам, несли, обливаясь потом, санитары.

За час Симоняк повстречал столько раненых, сколько на Ханко не было и за месяц. Таял молодой гангутский полк, истекал кровью.

Кожевников не ожидал командира дивизии. За день он накричался, охрип. Зеленоватый дождевик густо покрывала серая глина. Вид командира полка ясно говорил: туго идут дела.

Якова Ивановича отличало редкое упорство. Он умел всех заставить делать то, что считал необходимым. Сам лез в пекло боя и другим не давал поблажек. Симоняку рассказывали, будто он однажды отхлестал ремнем молоденького лейтенанта, командира взвода. Николай Павлович спросил Кожевникова, был ли такой случай.

- Был, - признался Яков Иванович. - Правда, преувеличили рассказчики. Не хлестал я его, а просто разик стеганул по тому месту, откуда ноги растут. Труханул он под обстрелом, пополз в тыл, а раненого снайпера на переднем крае бросил. Что было с ним делать? Глупый еще, молоко на губах не обсохло. Не отдавать же в трибунал...

- Ну, - проговорил только Симоняк. - Ремень и палка, знаешь ли, негодное лекарство. Как и грубый окрик...

Сам он очень редко повышал голос. Сдерживался даже тогда, когда злое слово рвалось с языка. И сейчас он говорил ровно, спокойно, хотя дела на поле боя беспокоили и злили его.

Кожевников уступил Симоняку место у стереотрубы.

- Хорошо бы огоньку добавить, - повторил он.

- Лимиты жесткие, снарядов мало. Как с тем, что имеем, продвинуться?

Стали обдумывать план ночной атаки.

- Надо искать слабины в обороне немцев, - говорил генерал.

Вечером командир полка создал ударную группу. В нее вошли рота автоматчиков, взвод разведчиков, саперы. Командовал группой старший лейтенант Дмитрий Зверев, двадцатилетний сибиряк. На Ханко он оборонял сухопутную границу, в Ленинград прибыл с медалью За отвагу. И эта простая солдатская награда как нельзя лучше соответствовала складу его характера.

Кожевников привязался к Звереву, и тот не оставался в долгу.

Ночью старший лейтенант вывел ударную группу за проволочные заграждения. Как зарницы, играли всполохи артиллерийских выстрелов. Звездное небо разрывали на лоскутья

осветительные ракеты. Пока они медленно опускались, становилось светлым-светло, был виден каждый бугорок. Потом - снова темь. Противно повизгивая, проносились над головой мины и с резким хлюпаньем рвались позади.

Зверев нетерпеливо ждал сигнала саперов, делавших проходы в минных полях. Может, отправить посыльного поторопить их?

Метрах в ста, захлебываясь, застрочил пулемет. Тот самый, пожалуй, который он засек еще с вечера. Немецкий пулеметчик облюбовал местечко в башне нашего подбитого танка. Спокойно чувствовал себя за стальной броней, не предполагая, что остается ему жить на свете считанные минуты.

Стрелял пулеметчик наугад. Посвист пуль прекращался так же неожиданно, как и начинался.

- Проходы сделаны, товарищ старший лейтенант, - шепотом доложил связной от саперов. - Маяки на месте,

- Приготовиться к атаке! - передал Зверев командиру взвода Алексею Львову.

- Приготовиться к атаке! - шепнул тот дальше.

Разведчики и автоматчики застыли в напряжении, кап бегуны на старте. Зверев, заложив два пальца в рот, тихонько свистнул. И бойцы, оторвавшись от земли, рванулись в темень.

Сержант Исаичев, вскочив в немецкую траншею, полоснул вдоль нее длинной очередью. Из темноты донесся истошный вопль. Не задерживаясь, вспрыгнул на брустверу, побежал ко второй траншее. Неотступно за сержантом двигались и бойцы отделения. Стреляли на ходу, кричали ура, хенде хох.

Бой длился с полчаса. Ударная группа продвинулась почти на полкилометра. Взвод Львова захватил подбитый танк. Исаичев гранатой прикончил сидевшего там пулеметчика. Пятерых фашистов наши бойцы взяли в плен.

Радостный Кожевников утром сообщил командиру дивизии о ночной вылазке. Усиленная рота добилась большего успеха, чем два наступавших днем батальона.

- Чему тут удивляться? - заметил Симоняк. - Еще Суворов говорил: быстрота и внезапность заменяют число, натиск и удар решают битву... Закрепляйтесь понадежнее. Автоматчикам и их командиру Звереву передайте мою благодарность.

Нельзя сказать, чтобы Николая Павловича очень уж обрадовал этот более чем скромный успех. Комдив рассчитывал на большее.

- Неважно у нас идут дела, Иван Ильич, - говорил он начальнику штаба. Обрати внимание на разведку. Языки нужны, до зарезу нужны, пока два других полка готовятся к наступлению.

Художника дивизионной газеты Волкова Меньшов отыскал в

редакционной машине. Тот приколачивал к деревяшке вырезанные из линолеума клише.

- Выручай, Борька ! - попросил начальник штаба. - Нарисуй Гитлера во всей его красе. И размером покрупнее.

- Зачем?

- Потом объясню. Для боевых, в общем, целей...

Часа через полтора Волков прислал в штаб размалеванный фанерный лист. Меньшов показал его Репне. Тот громко хохотал, глядя на карикатуру...

Саперы выставили фанерный лист на нейтральной полосе - на виду у немцев. Меньшов и Репня с нетерпением ждали наступления темноты. Едва стало смеркаться, несколько наших бойцов залегли в засаду. Репня отправился с ними.

- Вернемся не с пустыми руками, - обещал од.

Фашисты, как он и предвидел, клюнули на приманку. Трое их поползли к фанерному листу и только схватились за него, как сработал сюрприз ханковских архимедов. Двух гитлеровцев убило наповал, а третьего, ошеломленного взрывом, саперы поволокли к себе.

Одного языка штаб дивизии получил. Пленный подтвердил, что позиции у Тосны и Ивановского по-прежнему обороняет полицейская дивизия.

Этих сведений оказалось недостаточно, и Симоняк сам направился в разведроту дивизии.

Тепло поздоровавшись с разведчиками, Симоняк сказал:

- Вашему генералу язык нужен. И взять его следует на другом берегу Тосны, в Ивановском. Должен же я знать, кто там сидит...

Спустя сутки поисковая группа перебралась на Ивановский пятачок - так именовался небольшой плацдарм в поселке, на правом берегу Тосны. Но первая вылазка не принесла удачи. Михаил Примак так легонько стукнул немецкого солдата, что тот испустил дух. Пришлось идти второй раз. Действовали осторожнее, тонко и деликатно, - докладывали генералу командир взвода Сидельнишв и комсорг Бровкин, - на пальчиках языка доставили в штаб.

От пленного узнали, что к месту боев немцы подтянули новые силы.

По распоряжению Трусова усилили разведку и артиллеристы. Командиры дивизионов майор Литвинов и капитан Сыроедов переправились на Ивановский пятачок. Его захватил полк, который по фамилии командира называли клюкановским. Держались клюкановцы стойко, случалось, что за день отбивали по десять и более контратак, не раз вызывали в критические минуты артиллерийский огонь на себя.

Командир полка Александр Иванович Клюканов и военком Лев Савулькин встретили ханковцев радушно, если не сказать с распростертыми объятиями.

- В нашем полку прибыло, - улыбался Клюканов.

- Скоро и еще прибавится, - отозвался Иосиф Литвинов.

Клюканов и Савулькин поделились с артиллеристами сведениями о противнике, его огневой системе. Командиры дивизионов и опытные артиллерийские разведчики комсомольцы Александр Панчайкин и Яков Москалев заняли наблюдательные пункты. Рации связывали их с огневыми позициями артиллерийского полка, которые находились напротив, за Невой. В любую минуту они могли вызвать своего командира Морозова.

Вечером 1 сентября Морозов сам связался с Литвиновым:

- К вам отправляется Душко.

Это значило, что третий батальон 270-го полка будет высаживаться в Ивановском.

6

Ровно в полночь восьмая рота с пулеметным взводом - первый эшелон третьего батальона - погрузилась на катера и пошла по Неве к Ивановскому. Рокот моторов, разносившийся далеко в ночи, вызвал артиллерийский огонь немцев. Снаряды рвались на Неве, поднимая фонтаны воды. Ночная темь не явилась помехой для вражеских артиллеристов, они вели заранее подготовленный огонь.

- Покинуть катера! - приказал комбат Душко, когда суда с десантниками оказались в восьми - десяти метрах от берега.

Вдоль берега немцы разбросали рогатки и ежи. Они стояли под водой, мешая катерам причалить. Окунаясь в холодную воду, бойцы растаскивали проволоку и пробивались вперед.

Минут через сорок высадился второй эшелон, а в четыре часа утра - и третий во главе с начальником штаба батальона старшим лейтенантом Коротковым.

Ракеты поминутно взмывали вверх, заливая берега и пятачок волнами яркого света. Осколки мин и снарядов резали воздух, пули роились над рекой. Люди жались под береговым обрывом.

Душко носился по берегу, связывался с командирами рот, выяснял потери, готовил людей к бою. Вот-вот должен был переправиться на надувных лодках через Тосну второй батальон. Им предстояло вместе атаковать немцев в Ивановском и взять под контроль железнодорожный мост. Правее должен был наступать полк Александра Ивановича Шерстнева.

Ночью над траншеями поплыли резиновые лодки, которые несли на руках бойцы второго батальона. Их не удалось скрыть от вражеских глаз. Немцы открыли яростный огонь. Снаряды

рвались у траншей, поднимая тучи земли и пыли. Осколки дырявили и рвали резину. Переправляться на этих лодках было уже нельзя.

Никто до рассвета не сомкнул глаз. Симоняк и не пытался прилечь. Видели его в разных местах: у стоянки катеров, в траншеях под Устъ-Тосно, куда выдвигался 269-й полк, на огневых артиллерийских позициях.

...По берегу Невы цепочкой двигались саперы. На канатах, как бурлаки, они тащили звенья деревянного моста. Сержант Павленко негромко подбадривал солдат:

- Веселей, братва, веселей!

Когда сколоченные бревна за что-то цеплялись, саперы бросались в воду, подталкивали их руками.

- Не подведите! - напутствовал их командир дивизии, уже знавший о неудаче, постигшей второй батальон, который так и застрял на левом берегу Тосны.

- Не тревожьтесь, товарищ генерал, - ответил сержант Павленко. - Сделаем.

Саперы протащили на плаву звенья моста по Неве и оттуда в устье Тосны. Симоняка обрадовал ночной звонок командира саперного батальона Ступина: переправа наведена.

- Представьте всё отделение Павленко к награде! Командир дивизии тут же позвонил подполковнику Путилову:

- Переправа готова, Савелий Михайлович.

- По ней и начну переброску второго батальона.

...Узкий мостик покачивался, как живой. Вода вокруг него клокотала и пенилась от разрывов. Солдаты, втягивая головы в плечи, стремглав перебегали по скользким бревнам. Не все достигали правого берега Тосны. Огонь был силен.

Уже рассвело, когда Путилов доложил Симоняку, что остатки второго батальона на правом берегу.

- А ты сам как, Савелий? - услышал Путилов хрипловатый голос командира дивизии. - Если хочешь, чтоб всё было в порядке, надо и тебе перебираться.

- Перехожу, - ответил командир полка. А что скажешь? Путилов хорошо понимал: начало боя сложилось для полка неудачно. Нужна твердая командирская рука на месте, иначе всех людей потеряешь и ничего не добьешься. Но как сейчас одолеть речку? Немцы, конечно, видят и сверху и с земли нитку мостика. Всё равно, надо идти, - решил он и бросился к реке.

Штурмовой мостик не доходил до самого берега. Путилов в одежде кинулся в воду, дошел до бревен, вскочил и пополз. До середины переправы он добрался быстро и благополучно. Но тут длинными очередями застрочил пулемет, пули засвистели над

головой, застучали, как дождь по воде. Путилов лежал неподвижно на качающемся мостике. По мне бьют, - подумал он и быстро скатился в воду по левую сторону переправы, схватившись руками за бревна. Мостик прикрывал его от пулеметного огня. Перебирая руками по бревнам, Путилов поплыл к правому берегу...

- Теперь я спокоен, - радировал командир дивизии Савелию Михайловичу, получив от него долгожданное сообщение: Я на пятачке. - Действуй! Ночью получите подкрепление...

Начало боя 269-го полка обещало успех. Едва закончилась артиллерийская подготовка, поднялись, решительно пошли в атаку стрелковые роты.

- Как идут! Как идут! - услышал Симоняк восторженный возглас представителя фронта подполковника Щеглова. - Я еще не видел такой дружной атаки.

Симоняк, прильнув глазами к окулярам стереотрубы, молчал. Опять невольно пришла на ум поговорка: Не говори гоп, пока не перескочишь.

С высоты третьего этажа недостроенного заводского корпуса хорошо просматривалось поле боя. Совсем крошечными казались люди, танки походили на игрушечные коробочки, орудийные стволы выглядели как попыхивающие дымком папиросы.

Прошли немногие минуты, и снова, как неделю назад, противник встретил наступающих гангутцев сильнейшим огнем. Недаром бойцы, ранее занимавшие здесь оборону, окрестили эту болотистую низину котловиной смерти.

На пути полка лежал широкий ветвистый овраг. По донесениям разведчиков, первая траншея противника проходила по его дальней оконечности. На нее наша артиллерия и обрушила огонь. Но данные разведчиков оказались неточными, вражеский передний край находился несколько ближе, и его огневые средства остались неподавленными.

С каждой минутой наступление полка замедлялось, атака выдыхалась. А когда над полем боя появились вражеские самолеты и начали штурмовку, Симоняка охватила такая ярость, что он готов был вдребезги разнести ни в чем не повинную стереотрубу.

И удар с Ивановского пятачка не достиг цели. Упорные, жестокие боя тут шли буквально за каждый метр земли, за каждую развалину. К вечеру восьмой роте удалось всё же потеснить врага и занять восточную часть поселка. Седьмая и девятая роты также несколько продвинулись и подошли вплотную к железной дороге.

Сдержанно разговаривал Симоняк с командармом

Свиридовым, который по телефону интересовался ходом боя. Он не скрывал, что бой развивается совсем не так, как хотелось.

Под вечер командир дивизии отправился в штаб 270-го полка. Шагал с адъютантом по прибрежной гальке. Невский берег прикрывал их. Снаряды, разрываясь, поднимали громадные фонтаны воды, осколки, падая в Неву, шипели.

Неподалеку от Усть-Тосно Симоняку повстречались два человека. В одном из них он узнал командира седьмой роты Федора Собакина. Его поддерживал под руку солдат с перевязанной шеей.

- Что с тобой, Собакин?

Старший лейтенант мотнул головой, беззвучно зашевелил синими губами.

- Контузило его, товарищ генерал, - объяснил солдат. - Язык отнялся...

Собакин, пытаясь говорить, задвигал губами, но вместо слов вырвались невнятные звуки.

- Иди, Собакин. Выздоравливай и обратно возвращайся. Понял?

Командир роты что-то промычал в ответ.

Во врытом в невский берег блиндаже, куда протиснулся командир дивизий, у фонаря летучая мышь сидел начальник штаба волка майор Поляков и диктовал писарю:

- К восемнадцати ноль-ноль третий батальон...

Перед Поляковым лежала карта, и Симоняк, скользнув по ней глазами, определил безошибочно: за последние часы каких-либо существенных перемен не произошло.

Симоняк старался не показывать угнетенного состояния, в котором он был с утра из-за больших потерь в батальонах 270-го полка и срыва атаки 269-го. Он лишь был больше обычного нахмурен, но говорил неторопливо, внимательно расспрашивал Полякова о ходе боя, уверенно распоряжался, проинструктировал командиров первого батальона и роты автоматчиков, которым ночью предстояло переправиться к Путилову.

- Связь с Шерстневым есть? - спросил комдив у Полякова.

- Так точно, товарищ генерал.

- Соедините меня.

Подполковник Шерстнев нервничал. Слушая его сбивчивый доклад, комдив это ясно почувствовал. Александр Иванович проводил первый бой как командир полка, и вот ничего не получается...

- Возьми себя в руки, - как можно спокойнее сказал комдив. - На левом фланге, говоришь, не пробиться? Перекантуйся на правый, вылезай из болота...

Командир первой роты Коломиец изнывал от жажды. Губы потрескались, в горле пересохло. Он не узнавал собственного голоса, сиплого и скрипучего. За глоток воды старший лейтенант всё, казалось бы, отдал. Но где ее взять? Посылать кого-либо в тыл - язык не поворачивался. Трудно туда пробраться. Вот разве когда стемнеет...

До конца жизни врежется ему в память этот день - 2 сентября сорок второго года. С десяти часов утра и до самого вечера идет тяжелый бой. Перепахана снарядами, минами, бомбами земля, завалена трупами, и нашими и немецкими, извилистая траншея. Мало людей осталось у Коломийца.

...Опять огневой налет. Ротный прижался к земле. Громко билась кровь в висках.

Новая контратака. Кому ее отражать?

Коломиец поднялся.

В сторону немцев полетели гранаты, затрещали винтовочные выстрелы. Сзади ударила полковая пушка. Молодец, сержант Шишкин! Славно он воевал на Ханко. И сегодня его расчет подбил вражескую противотанковую пушку, разнес вдребезги миномет, подавил пулеметную точку. Бей гадов! Еще крепче бей!

Орудийный расчет Шишкина посылал один снаряд за другим. Кто мог догадаться, что у пушки управлялся один человек. Все товарищи Шишкина были ранены, вышли из строя.

И правее первой роты наши бойцы успешно отражали натиск атакующих немцев. Командовал там политрук Федор Приходченко. Он еще утром заменил погибшего командира стрелкового взвода, повел бойцов в атаку. Ханковцы перебили десятка три фашистов, захватили четыре вражеских миномета. К исходу дня у Приходченко осталось в строю всего шесть человек.

Ночью ударом с двух сторон гитлеровцы пытались взять наших бойцов в клещи. Не вышло. Как вкопанные стояли ханковцы. Под утро комбат Васильев прислал подкрепление, гранаты, патроны, консервы и несколько буханок хлеба.

- Теперь живем! - вырвалось у Приходченко.

Трижды контратаковали гитлеровцы и позиции третьего батальона. У насыпи им удалось несколько потеснить ханковцев.

- Это никуда не годится! - взорвался военком батальона Шелепа. - Нужно резерв вводить. Я с ним сам пойду.

С ротой ханковцев Шелепа двинулся по болотистому кустарнику.

Часа через полтора ханковцы не только восстановили положение, но из болота выбрались на сухое место, овладели первой неприятельской траншеей. Шелепа до нее не дошел. Его ранило пулей в правую руку. Связной Петя Морозов втащил

комиссара в глубокую воронку. Распорол ножом рукав гимнастерки, перевязал рану.

- Пошли дальше, - поднимаясь, сказал Шелепа.

- Никуда вас не пущу, - запротестовал Морозов. - И отсюда всё хорошо видно. До траншеи метров пятьдесят. Что в роты передать?

Пожалуй, связной прав, - подумал военком. - Воронка, в которой мы находимся, подходящий командный пункт.

Раз двадцать ходил в передовые цепи Морозов. Через него Шелепа передавал приказания, получал донесения от ротного Британова и командиров взводов. Петька, белобрысый, голубоглазый московский парень, весело насвистывая, полз то вперед, то назад, совершенно забыв об опасности.

Начало смеркаться. Куда-то запропастился Петька. Час прошел, другой... Шелепа послал автоматчика разыскать связного. И тот исчез в темноте, словно в воду канул.

Правая рука у военкома совершенно одеревенела, глаза слипались. Он почувствовал, что силы иссякают...

- Петр Федотович... Петр Федотович!.. - привел его в сознание глухой, словно пробивающийся из-под земли, голос.

Морозов лежал на краю воронки.

- А я думал...

- Как я вас могу покинуть, Петр Федотович! Вы для меня дороже отца.

С Шелепой судьба столкнула Морозова на Ханко. Был Петька санитаром, а Шелепа - комиссаром тыла. Привязался к нему солдат, и Шелепа полюбил ротного запевалу, веселого, отчаянно смелого парня, рекомендовал его в партию. Перевели комиссара в стрелковый батальон, и Петька с ним отпросился.

Сейчас, увидев, что происходит с военкомом, Морозов, не спускаясь в воронку, помог ему выбраться.

- Вам надо на ППМ.

Они поползли, натыкаясь на мшистые кочки и кусты. Доползти до командного пункта батальона у Морозова не хватило сил.

- Не могу больше, - виновато сказал он.

- Да ты что?

- Ногу раздробило разрывной пулей.

Шелепа никак не решался оставить Петьку одного, раненого, во тьме, на вязком болоте. Он пробовал его тащить, - ничего не получалось, рука страшно ныла, а одной рукой не справиться.

- Ползите один, - настаивал Морозов. - Дождусь санитаров. А то оба пропадем ни за понюх табака.

И Шелепа пополз, потеряв счет минутам и часам. Он

добрался до командного пункта. Капитан Белявский подхватил его, уложил на нары.

- Санитаров пошлите за Морозовым, - прежде всего сказал военком.

Глаза у него закрывались, но он еще услышал, как комбат говорил командиру полка:

- Меньшов уже здесь и Давиденко. Попробуем выбраться к воде.

Очнулся военком на рассвете, телефонист настойчиво тряс его за плечо:

- Товарищ батальонный комиссар!

- Что случилось?

- Капитан Белявский погиб.

Шелепа поднялся с нар. Телефонист рассказывал, что случилось ночью. Комбат повел бойцов в атаку, и его смертельно ранило в живот.

Вошел начальник штаба полка Меньшов.

- До ППМ доберешься? - спросил он Шелепу.

- Никуда я не пойду. Здоров.

Шелепа и впрямь как будто твердо держался на ногах, вот только правая рука висела вдоль тела тяжелой плетью.

- Серьезно говоришь? - переспросил начальник штаба. - Тогда командуй здесь, пока нового комбата не пришлем.

9

Чернее грозовой тучи ходил по наблюдательному пункту Симоняк. К стереотрубе его больше не тянуло. Что он там увидит...

Дивизия не выполнила свою задачу, оборону противника не прорвала. Командующий 55-й армией генерал-майор Свиридов, от которого Симоняк только что вернулся, не скрывал своего недовольства. Полки, сказал Свиридов, к наступательным действиям оказались недостаточно подготовленными. Штаб дивизии не организовал тщательного изучения обороны противника. Не всегда умело использовался артиллерийский огонь для поддержки своей пехоты.

Командующий армией сердито выговаривал, а Симоняк молча глотал горькие пилюли. Оправдываться не хотелось. Действительно, промахи были - и у него, и у молодого начальника штаба Трусова, и у командиров полков. Но неужели командарм не видит, что причины неудачи гораздо глубже. Вместо таранного удара по вражеской долговременной обороне получилось что-то вроде прокола шилом. Полки наступали на узком участке по голой, как лысина, местности, а в это время весь фронт молчал. Разве нарушишь систему вражеского огня, когда

на артиллерийскую подготовку отпустили считанные снаряды? А немецкая авиация? Она почти беспрепятственно бомбила и штурмовала позиции ханковцев...

Симоняк понимал, что дивизии дали всё, что могли. Больше средств фронт не имел.

Но можно ли было отказаться от этой операции и от других боев местного значения (как их называли в сводках), когда порой продвижение исчислялось не километрами, а лишь десятками и сотнями метров? Можно ли было без них обойтись? Симоняку вспомнились стихи неизвестного поэта, которые он прочитал во фронтовой газете:

Не жалей свинца, товарищ,
Бей фашиста-сатану!
На Неве его ударишь
Отзовется на Дону.

Правильно сказано. Пусть успех ханковцев невелик, если судить по отвоеванной территории. Не удалось им поколебать оборону противника, пробиться к волховчанам. Но было достигнуто другое: и дивизия Симоняка, и прежде наступавшие дивизии оттянули на себя значительные силы, немало вражеских войск перемололи и этим самым помогли нашим войскам, сражавшимся на юге, срывали задуманный фашистами штурм Ленинграда. Ведь один 270-й полк уничтожил более пятисот вражеских солдат и офицеров.

Немцы, подтянув свежие силы, контратаковали наши батальоны на пятачке, пытаясь сбросить их в реку. Защитники плацдарма цепко держали захваченные рубежи, хотя все подходы к ним находились под непрестанным огнем. Питание и то приходилось доставлять ночью. Дежурный взвод - каждую ночь новый - разносил термосы в траншеи.

В одну из сентябрьских ночей доставлять пищу бойцам назначили взвод младшего лейтенанта Майорова. Взводный указал отделениям, кому и в какие роты нести термосы, а сам остался на берегу, дожидаясь привоза хлеба. В это время вражеская группа просочилась по невскому берегу к устью Тосны. На фоне сумеречного неба Майоров заметил силуэты немцев. Они уже находились неподалеку от него. Пропустить их? Наделают много бед в нашем тылу. Младший лейтенант решил вступить в бой... Первыми же очередями он скосил нескольких фашистов. Остальные рассредоточились и стали к нему подбираться с разных сторон.

Услышав выстрелы в тылу, комбат Душко немедленно направил туда своего начальника штаба Короткова с двумя отделениями. Они нашли Майорова, окровавленного и без

сознания. У него были прострелены грудь и рука, вытек глаз, а на теле оказалось пятнадцать ран от гранатных осколков. Вокруг него валялось двенадцать немецких трупов.

Врачи спасли жизнь Майорова. Он был награжден за свой подвиг орденом Красного Знамени. По выздоровлении он вернулся в родной батальон и продолжал воевать.

...Вторая рота занимала позиции у развалин ивановской церквушки. Днем 5 сентября фашисты пошли в контратаку. Бой начался жестокий, рукопашный. Коммунист сержант Петр Фоменко уничтожил двух немецких офицеров и девять солдат. Столько же уложил политрук Анатолий Злобив.

В крови захлебнулась вражеская контратака. Вечером гитлеровцы вновь полезли. Ханковцы встретили их автоматными очередями и гранатами, отбросили и сами рванулись вперед.

Тра-та-та-та, - застрочил слева вражеский пулемет.

Вслед за этим наши бойцы услышали один гранатный взрыв, второй... Пулемет сделал еще несколько выстрелов и смолк.

- Ванюшка! - крикнул заместитель политрука Олейник.

Комсомолец Приступа не отозвался. Отыскал его Олейник, когда рассвело. Приступа лежал на вражеском пулемете, вцепившись пальцами в горло наводчика.

О доблести защитников Ивановского пятачка Симоняку рассказал военком полка Чудинов. Неделю провел старший батальонный комиссар на плацдарме, густо зарос черной щетиной, губы вспухли, потрескались. Появился в штадиве ночью, решил неотложные дела и сразу собрался в обратный путь.

- Берегите людей, - сказал, крепко пожимая ему руку, Симоняк, - глубже в землю зарывайтесь. Как на Ханко.

О дальнейшем продвижении командир дивизии уже не помышлял. Сил оставалось мало. С болью вспомнил Симоняк людей, жизнь которых оборвалась здесь, у Тосны реки: о командире артиллерийского дивизиона Иосифе Литвинове, разведчике-наблюдателе Яше Москалеве, комбате Алексее Белявском, солдате Иване Приступе... Вспоминал и думал: Слишком дорогой ценой приходится отвоевывать каждую пядь родной советской земли.

Накануне

Командующий 67-й армией Михаил Павлович Духанов знал Симоняка еще лихим командиром эскадрона 14-й кавалерийской дивизии, служил вместе с ним в штабе Ленинградского военного округа. Ему были известны симоняковская непреклонность, прямота. И когда план удара армией через Неву был утвержден, Духанов, веря в Симоняка, поставил его дивизию на основном направлении.

- Нацеливаю вас на Марьино, - говорил Духанов, знакомя Симоняка с предстоящей операцией.

Комдив, разглядывая схему действий 67-й армии, набросанную рукой Духанова, красные стрелы, вонзившиеся в левобережье Невы, думал, что вряд ли кому случалось в этой войне прорывать такую сильную оборону противника. Чего тут немцы не понастроили за четырнадцать месяцев: отрыли траншеи вдоль всего левого берега реки, сам берег усеяли дзотами, капонирами, пулеметными площадками, минными полями, проволочными заграждениями. А сколько опорных пунктов в глубине! Войска тут у них отборные. Вот от Шлиссельбурга до Анненского оборону держит 170-я пехотная дивизия. Гренадерская. Через Европу шагала, штурмовала Севастополь. Позиции она занимает выгодные. Сидит на крутом обрывистом берегу высотой в десять - двенадцать метров. Подберись к ним через открытую огню широченную Неву, вскарабкайся наверх...

Духанов понимал, что должен чувствовать командир дивизии, и, зная его нелюбовь к фразе, к скороспелым обещаниям, не удивлялся молчанию.

- А знаете, как немцы называют свой шлиссельбургско-синявинский клин? Фляшенхальс - бутылочное горло.

- Значит, надо!.. - Симоняк обхватил ладонями горло.

- Вот именно так! - рассмеялся Духанов.

2

К наступлению готовились все - от солдата до генерала. В распорядок дня батальонов и полков, как утренняя физзарядка, вошли броски через Неву.

Из Ново-Саратовской колонии Симоняк в своей синей венгерке шагал по снегу и ледяным застругам через Неву, взбирался на левый берег у села Рыбацкого и давал сигнал: В атаку! В то же мгновение цепи стрелков прыгали на лед, они мчались во весь дух по реке, перепрыгивая через дымящиеся легким паром полыньи и горбатившиеся торосы, и вскарабкивались на крутой берег, на котором стоял комдив.

Симоняк смотрел на часы, морщился: бежали десять минут.

- Многовато, Александр Иванович! Как скажешь? - говорил он, обращаясь к Шерстневу.

Цепи возвращались и затем снова неслись по замерзшей реке.

Симоняк шел к солдатам:

- Устали, сынки? Ничего! Знаете суворовскую поговорку: больше пота на учении, меньше крови в бою. Тут до седьмого пота тренироваться надо, чтобы одним рывком - за пять-шесть минут - перелететь реку. Залечь на ней во время атаки - это смерть. Зарубите себе на носу...

Однажды на берегу реки возле Симоняка бойцы увидели невысокого, коренастого человека с седыми висками. Солдаты, тяжело дыша, взбегали на крутой берег и, узнав гостя, сдерживали шаг.

- Гляди, Ворошилов с нашим генералом!

Климент Ефремович в декабрьские дни сорок второго года часто заглядывал в дивизию. Как представитель Ставки, он проверял подготовку к предстоящей операции.

В первый раз Ворошилов приехал, когда тренировкой руководил начальник штаба майор Меньшов. Не успел маршал оглядеться, стрелки и пулеметчики промчались по льду, одолели подъем и ворвались в село Рыбацкое.

- Э-э, майор! - недоверчиво произнес маршал, - больно вы легко захватили деревню. Не годится. На войне так не бывает. Повторите....

Второй раз бойцы, стреляя на ходу, еще стремительнее пронеслись по реке и с криком ура! взлетели на берег.

Симоняк заметил:

- Шесть минут.

- Не придерешься, - улыбаясь, откликнулся Климент Ефремович. - Соберите, майор, полк, - обратился он к начальнику штаба, - и объявите мою благодарность.

Бывал на Неве и командующий фронтом. Как-то он добирался в дивизию вместе с Симоняком. Генерал Говоров, как всегда, о чем-то сосредоточенно думал, не заговаривал, ни о чем не расспрашивал. Это молчание несколько угнетало комдива, хотя он уже знал замкнутый характер Говорова. Симоняк пробовал расшевелить его, но тот, коротко ответив на вопрос, замолкал снова.

В село Овцино приехали, когда над рекой опускались ранние декабрьские сумерки. В темнеющем небе слабо горели светлячки звезд.

На Неве обучались солдаты 270-го полка. Командующий засек время и остался как будто доволен броском.

- Недурно! - заметил он, но тут же напомнил: - Здесь условия облегченные: никто по бегущим не стреляет, лед крепкий. А ведь на реке могут и разводья появиться, и дзот может ожить на берегу. Как тогда? Да и скаты там более отвесные... Всё это надо, товарищ Симоняк, учесть.

В четырех кабинетах на втором этаже Смольного разместились большие тройки - в каждой командир дивизии, начальник штаба и начальник артиллерии. Их дивизии должны были наступать в первом эшелоне. Левым соседом Симоняка был командир 86-й дивизии Герой Советского Союза В. А. Трубачев,

правым - командир 268-й дивизии С. Н. Борщев, а еще правее - Герой Советского Союза А. В. Краснов.

Военная игра носила довольно длинное название: Прорыв общевойсковой армией подготовленной обороны противника и форсирование реки в зимних условиях. Руководил ею командующий фронтом. Частый гость штаба фронта, Симоняк по материалам разведывательного управления знал будущего противника, у артиллеристов разглядывал фотографии вражеского берега, у летчиков - снимки, сделанные с самолетов и аэростатов. И когда в первый же день игры Говоров зашел в их комнату и предложил Симоняку оценить оборону противника на участке наступления дивизии, комдив, почти не глядя на карту, рассказал о немецких позициях, перечислил огневые точки, имеющиеся на переднем крае, артиллерийские позиции...

- А всё же вы оборону противника недостаточно изучили, - сказал Говоров.

- Всего ведь не доложишь, товарищ командующий. К тому же и начальнику штаба надо что-то оставить, а то ему и докладывать нечего будет.

Говоров не принял шутливого тона.

- Меня интересует вся система вражеской обороны. Детали вы знаете хорошо, а что противник может использовать опорные пункты и ударить по вашим боевым порядкам слева - из Пильни-Мельницы или справа - из-за Беляевского болота - об этом вы не подумали.

- Думал, товарищ командующий.

- Видно, мало, иначе доложили бы.

Тройки проделывали все расчеты, как в бою: выдвигали войска, проводили артиллерийскую подготовку, бросок частей через Неву, вводили в бой резервы, отражали контратаки, продвигались в глубь вражеской обороны.

Телефоны связывали участников игры, и они узнавали друг у друга обстановку, словно находились не рядом в комнатах, а на поле боя. Писали донесения наверх, связывались с командармом и его штабом, получали от них указания о дальнейших действиях.

Штабная игра продолжалась семь дней, и когда комдив покидал свой командный пункт в комнате Смольного, он еще яснее представлял себе огромный объем предстоящей операции.

После военной игры комдивы докладывали свои решения Военному совету фронта.

В комнате, где проходило заседание, стоял огромный ящик с песком. На нем была воспроизведена местность - извилистая лента Невы, высокий левый берег и за ним от Шлиссельбурга до Синявина траншеи, огневые позиции. Тут же на стене висела

большая карта района будущих действий. Красные стрелы, пущенные на тринадцатикилометровом фронте с правого берега Невы, смыкались со стрелами, которые шли им навстречу с большой земли - с Волховского фронта.

Начальник штаба фронта Гусев коротко указывал направление движения дивизий, их задачи. Затем слово предоставлялось комдивам.

Симоняк, как всегда, был внешне невозмутим. Смотрел прищуренными глазами то на карту, то на ящик с песком. Он уже не раз ездил на Неву, пробирался лесом к кромке берега, разглядывал в бинокль ту сторону, где сидели немцы. Он хорошо знал не только то, что видно с берега, но и то, что скрыто на другой стороне реки в замерзших болотах и оврагах, на высотах и в населенных пунктах.

Да, свое бутылочное горло немцы сильно берегли, держали там и войск, и боевой техники больше, чем полагалось по немецким уставам. Но именно здесь было решено встречными ударами двух фронтов прорвать блокаду Ленинграда. Тут от развалин бумкомбината и Невской Дубровки через реку и Синявинские болота самый короткий путь на большую землю - двенадцать - пятнадцать километров.

План действий дивизии Симоняк вынашивал, выверял его, советуясь со штабными работниками, командирами полков, шлифовал в военной игре и, когда пришел его черед, коротко доложил свое решение: тремя полками форсировать Неву, прорвать оборону противника и наносить главный удар на правом фланге .в направлении рабочего поселка No 5. На этот участок Симоняк ставил 270-й полк, которым командовал подполковник Федоров. В дивизию он попал недавно. В операции на Неве у Московской Дубровки Федоров как будто проштрафился, и его с дивизии перевели на полк. Но значило ли это, что он плохой командир? Ведь как иногда получается: сегодня ты имел в бою успех и тебя превозносят, а завтра постигла неудача, может и не по твоей вине, а на тебя все шишки летят. За месяц знакомства с подполковником комдив убедился, что Федоров умеет воевать. Не сомневался, что он в новых боях сделает всё, чтобы достичь успеха.

До чего изменчиво военное счастье, Николай Павлович знал хорошо. Он хоть и не чувствовал своей вины в неудаче под Усть-Тосно, но ему казалось, что и его авторитет поколебался, и вот предстоящая операция должна решить: может он командовать дивизией или ни на что путное не способен.

Подобно тому как на Ханко все в восьмой бригаде искали лучшие способы защиты бойцов и техники от вражеского огня,

сейчас в дивизии думали, как лучше подготовиться к наступлению. Можно ли разрушить огневые точки, врытые в левый берег, и в то же время не разбить прибрежный лед? Если наступающие попадут в ледяную воду, они много не навоюют. Атака может захлебнуться, не начавшись.

Командующий фронтом Говоров предложил уничтожать цели на левом берегу орудиями прямой наводки. Но как это лучше сделать?

На фронте наступления дивизии выдвигалось более чем девяносто орудий прямой наводки. Симоняк приказал каждую из разведанных целей закрепить за батареями, взводами, огневыми расчетами. Артиллеристы переселились на Неву, сличали фотопанораму левого берега, полученную из штаба артиллерии фронта, с результатами своих наблюдений.

Молодой ленинградский художник-декоратор, артиллерийский разведчик Василий Никифоров получил от комдива особое задание. Натянув холст на подрамник, укрывшись в траншее, он зарисовывал левый берег реки - опушенные инеем деревца и кустарник, сверкающие на солнце ледяные скаты, черные полоски амбразур дзотов, путаную нить проволочной изгороди... Зарисовав один участок, Никифоров переползал на новое место и снова, не торопясь, продолжал свою работу. Глаз художника-разведчика улавливал на левом берегу не только овражки и тропы, но и замаскированные пулеметные гнезда, огневые площадки, амбразуру дзота, врезавшегося в береговой откос.

Никифоров затемно выбирался к Неве, возвращался в подразделение вечером, а ночами переносил свои наброски на четырехметровое полотно.

Когда написанная красками панорама была готова, Никифоров отнес ее к генералу. Николай Павлович был восхищен работой.

- Не знаю, как с точки зрения искусства, но как произведение разведчика картина просто великолепная! - сказал он. - Представим вас к награде...

Никифоров снял копии с панорамы, их передали артиллерийским командирам. Художник обнаружил и зарисовал шестьдесят вражеских огневых точек.

Артиллерийские разведчики, забравшись на наблюдательные вышки, засекали вспышки орудий, блеснувшие из дзотов стекла стереотруб. На невском берегу можно было увидеть начальника полковой артиллерии Давиденко, командира батареи Дмитрия Козлова, подполковника Ивана Осиповича Морозова, ставшего начальником артиллерии дивизии.

Артиллеристы должны были сопровождать пехоту и наступлении огневым валом. Первая стена огня проектировалась метрах в двухстах от берега, вторая - еще дальше на двести метров, и так на глубину в километр.

- Рассчитано правильно, - говорил Морозову Симоняк. - Но как получится в бою? Огневой вал будет эффективен лишь тогда, когда солдаты поверят в точность артиллерийской стрельбы, не побоятся идти вплотную за разрывами снарядов. Слова тут слабо действуют. Нужно показать людям, что такое огневой вал, как надо двигаться за ним.

Так же думали и в штабе фронта.

...На снежной равнине токсовского полигона, среди кустарника и редких деревьев вздымались высокие фонтаны дыма и земли. Вначале стрелки невольно вздрагивали, когда над ними с ревом проносились снаряды, с опаской поглядывали на выраставшие впереди черные столбы. Казалось, что осколки неминуемо заденут. Но рядом в цепях двигались офицеры, и, глядя на них, бойцы начинали увереннее, смелее следовать за огненной стеной от рубежа к рубежу.

При форсировании Невы первым на лед предстояло выйти штурмовым группам. Штурмовые! В самом названии раскрывалось их назначение: штурмовать позиции врага, блокировать и заставить замолчать ожившие огневые точки, обезвредить уцелевшие мины, растащить проволочные изгороди.

Штурмовая группа состояла из двадцати четырех человек: стрелков, саперов, огнеметчиков. Они получали взрывчатку - по четыре четырехкилограммовых толовых заряда, огнеметы, противотанковые гранаты, дымовые шашки. Подгруппа разграждения была снабжена миноискателями, щупами, кошками для растаскивания проволоки.

- Комплектование штурмовых групп бери под свой контроль! - сказал Симоняк Говгаленко. - Пусть политработники поговорят с отобранными бойцами, хорошенько разъяснят им задачу.

- О штурмовых группах мы говорили на партийных собраниях, - ответил Говгаленко. - Отбор идет во всех полках.

- Отобрать людей мало, надо сколотить группу, всех научить делать зажигательные трубки, перевязывать заряд, производить взрыв... Вообще, следует осаперить всю пехоту.

- Що це таке?

- Гарное дило, - в тон Говгаленко ответил Симоняк. - Научим стрелков разминировать местность, растаскивать проволоку, завалы, чтобы не ждали саперов. Понимаешь, как тогда возрастет темп наступления?

- Понимаю, Николай Павлович. - Говгаленко произнес по слогам: О-са-пе-рить... Такой клич и бросим по полкам. Инженерию мобилизуем...

...Полковой инженер капитан Репня построил на берегу нечто вроде дзота и показывал стрелкам, как к нему подбираться, куда закладывать толовые заряды.

- Осапериваю! - доложил он командиру дивизии, пришедшему посмотреть тренировку бойцов штурмовых групп. Словцо, пущенное Симоняком, стало крылатым.

- Следующий! - командовал Репня.

Из строя вышел рыжеватый боец. Хаким Абдураимов - так звали бойца - быстро пополз с толовым зарядом за спиной к бревенчатому дзоту. Добрался. Снял заряд с лямок. Отыскал место, куда бы его лучше положить. Потянул шнур, подпалил его. Впрочем, последнее было сделано лишь условно.

Комдив поглядел, как проходит урок, и подозвал учителя.

- Практика недурная, - заметил Симоняк. - Но почему взрыв условный? Дайте возможность хоть каждому второму или третьему бойцу поджечь шнур и произвести взрыв в самом деле. Попробуют здесь и будут смелее действовать в бою.

Во время тренировок штурмовые группы выходили на лед реки на три - пять минут раньше стрелковых цепей. Взбираться на обледенелые скаты, - их полили водой, и крепкий морозец сделал скользкими, - было трудно. Вот уж, кажется, боец достиг гребня и вдруг скатывается вниз. Надо было много тренироваться, чтобы так не случалось.

Для преодоления полыней приспособили штурмовые доски. Втягивать станковые пулеметы решили веревками, которыми снабдили каждый расчет. С фронтовых складов прислали ботинки с шипами, новые полушубки, валенки...

Как будто было предусмотрено всё.

Поздним январским вечером Симоняк заглянул в третий батальон 269-го полка. В скупо освещенной комнате замполит Петр Шелепа о чем-то беседовал с бойцами.

Увидев генерала, Шелепа вскочил.

- Занимайтесь своим делом, - остановил его Симоняк.

- Это наша штурмовая группа, - объяснил майор.

На низеньких скамейках сидели сержанты и солдаты в ватниках.

- В атаку вы пойдете первыми, - говорил Шелепа. - Еще наша

артиллерия будет вести огонь, а вы уж по Неве полетите. Пошли в атаку - и ничто для вас не существует. Только вперед смотреть. Дзот попался - блокировать, взорвать, ослепить. Помните, всё зависит от вас, вы открываете путь батальону.

Шелепа остановился.

- Трудно всё это? Да. Опасно? Да, опасно. Кто в себе не уверен признавайтесь честно. Лучше сейчас скажите, чтобы не подвести в бою. Или, может, больные есть?

На несколько секунд воцарилось молчание.

- Значит, нет? - переспросил замполит.

Со скамьи медленно поднялся скуластый солдат.

- Ты что, Набиев?

- Не думай плохо, комиссар, - заговорил тот, с трудом находя слова. - Не думай, что я боюсь. Нет, комиссар. С ногой у меня худо.

Он протиснулся вперед и стянул сапог.

- Во, гляди, комиссар. Разбил я на учениях. Думал, заживет, а нога распухла.

- Что ты, Набиев! Хорошо, что сказал. Подлечи ногу. Тебя заменим. Кто еще не может?

- Все пойдем, - с разных сторон послышались голоса солдат.

Симоняк вглядывался в обветренные решительные лица: Славные парни, их ничто не остановит.

...Еще задолго до боев Симоняк задумался: где ему устроить свой наблюдательный пункт?

Командный пункт намечалось разместить в лесу, километрах в трех от Невы. Если руководствоваться наставлением штабной службы, наблюдательный пункт надо строить неподалеку. Но там лес, ничего не будет видно. Насколько метко поразят орудия прямой наводки засеченные цели - не определить. Как двинутся штурмовые группы и стрелковые цепи - тоже. А раз так, то и не сможешь руководить ходом боя. Симоняк размышлял: Строить наблюдательный пункт в лесу даже не в трех километрах от берега, а в трехстах метрах - нет смысла. Его надо оборудовать прямо на берегу. Он сам набросал эскиз наблюдательного пункта - небольшого тоннеля, врезанного в откос берега. Конечно, место было не безопасное. Симоняку говорили: Ведь это под прямым прицельным огнем врага. Но он считал, что возможность видеть поле боя искупает опасность. Симоняк передал эскиз командиру саперной роты лейтенанту Александру Карабанову, знакомому ему еще по Ханко.

- Сделаете?

- Построим.

И через десять дней Симоняк с нового НП рассматривал в

стереотрубу левый берег Невы.

Операция готовилась тщательно, скрупулезно, но у Симоняка всё время было чувство, что еще что-то он недоделал. Он снова и снова отправлялся в части или наведывался в штаб фронта.

Лед на Неве нарастал медленно. Саперы ежедневно замеряли его толщину,. и Симоняк покачивал головой: тонковат, не выдержит тридцатьчетверок - средних танков, которые придавались дивизии.

В инженерном управлении фронта ломали голову над тем, как переправлять танки через Неву. Сперва инженеры предлагали: после форсирования реки пехотой и захвата ею плацдарма взорвать лед и навести понтонный мост. Говоров забраковал это предложение:

- Много нужно времени, сил, средств... Нельзя ли придумать что-нибудь попроще?

Попробовали вмораживать в лед тросы, армировать его, но опыт оказался неудачным.

После долгих расчётов два инженера - Леонид Смаглий и Лев Баршай предложили новое решение: по льду проложить деревянные брусы двумя рядами, как рельсы, просверлить брусы и лед, пропустить штыри и соединить болтами. Мороз всё скрепит, получится нечто вроде деревянно-ледяных балок, способных выдержать большую тяжесть.

На Неве возле Ново-Саратовской колонии построили опытную переправу. На ее опробование приехали командующий и члены Военного совета фронта.

Вначале пустили легкий танк. Он быстро промчался на другой берег. На лед вышла тридцатьчетверка. Вел танк механик-водитель Михаил Иванов. Оставив на всякий случай люк открытым, он двинулся вперед. За танком шли по реке десятки людей.

- Гляди, Николай Павлович, держит лед! - сказал начальник инженерных войск Бычевский.

И вдруг они увидели, что танк начал оседать. Через несколько секунд он скрылся в воде.

Все остановились безмолвно у полыньи. Из воды показалась голова Иванова. Симоняк и еще несколько человек бросились к краю льдины, вытащили механика-водителя.

Неудача очень огорчила. Неужели не удастся переправить тридцатьчетверки? Вскоре после испытания Симоняк встретился с Бычевским.

- Всё будет в порядке, - сказал тот. - Неудача вызвана тем, что брусы промерзали меньше часа. По расчетам, для этого требуется не менее двух часов.

...Незадолго до выхода войск в район сосредоточения в Ново-Саратовскую колонию приехали маршал Ворошилов и генерал Говоров. Вызвали командиров полков.

Командующий молча разглядывал привезенные ими карты, на которые была нанесена обстановка.

- А почему у вас нет карты, товарищ Шерстнев? - удивился он.

- Я сюда прямо с рекогносцировки. Карта в штабе, не успел заехать.

- М-да... - недовольно проворчал Ворошилов. - А задачу свою знаете?

Шерстнев коротко и четко доложил задачу полка в свое решение.

- Хорошо, - улыбнулся маршал. А Говоров, взяв чью-то карту, положил ее перед Шерстневым.

- А что вы предпримете, если противник ударит отсюда? - Он указал на Пильню-Мельницу. - Или отсюда?

Он молча, даже хмуро выслушивал ответы командира полка. Но Симоняк знал: это молчание - добрый признак. Раз командующий не делает никаких замечаний, значит, одобряет. Не растерялся Александр Иванович, - думал комдив. - И в бою тоже не спасует.

6

Надо было заботиться не только о выучке бойцов, но и об их душевной закалке. Как-то Симоняк с группой солдат и офицеров поехал в Ленинград, на Кировский завод. Шагали по заводской территории мимо искореженных снарядами и бомбами зданий, угрюмых опустевших цехов. Всё казалось замерзшим, даже в тех помещениях, где велись работы. Щемило сердце. У многих станков стояли ребятишки - худые, с усталыми лицами и покрасневшими от холода руками. Они не бросали работу, даже когда совсем близко грохал разорвавшийся снаряд.

Дым из заводских труб фашисты видели и невооруженным глазом - ведь их окопы находились неподалеку от завода. Они часто открывали по нему огонь. Но кировцы не покинули родные цеха даже в первую страшную блокадную зиму, они давали оружие фронту. И Симоняк, слушая рассказы о страданиях и великом мужестве рабочих, невольно вспомнил тихоновские строки: Гвозди бы делать из этих людей, не было б крепче в мире гвоздей. Он повторял про себя и другие стихи Тихонова, написанные в блокадном Ленинграде:

...На невском святом берегу
Рабочие русские люди
Умрут, не сдадутся врагу.

Симоняк расспрашивал, нет ли на заводе людей, воевавших в

одной из старейших частей Советской Армии - Ленинградском путиловском полку, который создавал в восемнадцатом году герой гражданской войны Ян Фабрициус.

- Поищем, - обещали в парткоме. - А зачем они вам понадобились?

- Сейчас этот полк входит в состав нашей дивизии.

Тут же, в партийном комитете, решили, что в полк поедет делегация рабочих.

Вернувшись в дивизию, привезли солдатам письма от кировцев. Обыкновенные письма незнакомым солдатам. Незамысловатые строки о жизни и труде заводских людей. Их простые послания содержали духовный заряд большой силы. Письма читали в землянке у железной печурки, в домике у коптилки, на снегу у костра, и у солдат перехватывало от волнения горло, пальцы сжимались в кулаки...

Делегация Кировского завода приехала спустя несколько дней. Она привезла красное шелковое знамя в подарок 270-му Ленинградскому полку.

Двое делегатов - старые красногвардейцы, участники штурма Зимнего дворца, Василий Васильевич Васильев и Петр Дмитриевич Никитин - рассказали солдатам историю зарождения их части.

В начале восемнадцатого года группа путиловцев и обуховцев, участников Октябрьского штурма, отправилась на фронт под Нарву. В Гдове к отряду присоединилось несколько сот солдат. Потом прибыло пополнение из Питера шестьсот путиловцев и обуховцев. Отряд превратился в полк. Питерцы сражались с немецкими частями, овладели станцией Печора, городами Верро и Юрьев (Тарту).

Кировцы вспомнили далекие грозовые годы, солдаты рассказывали недавнюю историю полка. Он штурмовал линию Маннергейма, его подразделения, разбросанные по гряде северных островов у Ханко, стойко выдерживали огонь врага и не отступили ни на шаг.

Утром 7 декабря делегация завода торжественно вручала полку знамя. Его держал один из кировцев, алое полотнище развевалось на ветру.

Вокруг трибуны стояли войска. Руководитель делегации кировцев Соловьев говорил о том, что завод пронес свое революционное знамя через битвы трех революций и верен ему в тяжкие дни Отечественной войны. Соловьев простер руку к алому шелку полотнища и призвал воинов так же смело и гордо, победоносно пронести знамя сквозь все военные испытания. Он обращался к каждому - от правофлангового солдата Михаила

Семенова до командира дивизии. И каждый всем сердцем воспринимал его слова.

Когда кировцы уехали, солдат Михаил Семенов присел к столику в землянке неподалеку от печурки и долго, выводя каждую букву, писал на тетрадочном листке. Написал и, шевеля губами, прочитал про себя, потом, окидывая взглядом друзей, громко спросил:

- Где парторг?

У парторга уже скопилась стопка таких листков. Совсем не примечательные на вид, они выражали чувства, которые обуревали сердца людей перед боем.

- Извещу тебя о партийном собрании. Оно будет скоро, - сказал парторг Семенову.

Тысячи заявлений о приеме в партию и комсомол поступили в декабрьские дни сорок второго года от воинов 136-й дивизии. Это было выражением доверия людей к партии, потому оно радовало Симоняка, старого коммуниста. Он сам писал рекомендации солдатам и офицерам, которых знал по боям на Гангуте и у реки Тосны...

Партийное собрание роты было в тот же вечер. Солдат Семенов стоял перед коммунистами.

- Кто за то, чтобы принять Михаила Семенова кандидатом в члены партии? спросил парторг.

Кажется, никогда еще у Семенова так не билось сердце, отныне вся его жизнь до конца принадлежит партии большевиков.

...В заснеженных лесах правобережья перед выстроившимися ротами, готовыми двигаться к Неве, на исходные позиции, в прибрежные траншеи, зачитывался приказ Военного совета фронта:

Смело идите в бой, товарищи! Помните: вам вверена жизнь и свобода Ленинграда. Пусть победа над врагом овеет неувядаемой славой ваши боевые знамена...

Воины дивизии клялись:

- Пробьемся к большой земле. Воссоединим Ленинград со страной.

На исходные шли в темноте. Михаил Семенов тихо говорил парторгу:

- Слушай, браток, похлопочи - пусть мне дадут знамя Кировского завода, понесу его в атаку...

Через Неву

Долгие зимние вечера командир немецкого 401-го пехотного полка Клейменц проводил довольно однообразно. Когда темнело, он предпочитал не покидать свое подземное жилище, играл с адъютантом в карты, слушал передачи из Германии, изливал

родным душу в письмах. Клейменц остро завидовал своим более удачливым коллегам, которые обосновались на зиму в городах, в теплых светлых домишках. Он жил в лесу, среди торфяных болот.

170-ю пехотную дивизию, в которую входил его полк, перебросили сюда из Крыма. Командующий 11-й армией фельдмаршал Манштейн высокопарно произносил:

К вашей славе, герои штурма Севастополя, скоро добавится новая. Великая Германия будет чествовать вас как победителей северной столицы России, большевистского Ленинграда...

Посулы фельдмаршала не сбылись. Дивизии Манштейна были обескровлены осенними боями под Ленинградом, у Синявина и Мги. 401-й пехотный полк тоже потерял много людей. Его пополнили и поставили в оборону по левому берегу Невы. Манштейна отозвали из-под Ленинграда, а у Клейменца началась нудная до отвращения окопная жизнь. Иногда он даже позволял себе обсуждать ее со своим адъютантом обер-лейтенантом Крамером, конечно, когда они оставались наедине.

- Хоть бы знать, сколько еще проторчим в этой крысиной норе.

- Тут, пожалуй, всё-таки лучше, полковник, чем, скажем, на Волге.

Клейменц мрачнел. Да, там похуже, что и говорить. Даже официальные сводки признавали, что русские окружили армию Паулюса. Разумеется, ее освободят, но пока что...

Плохо начался для гитлеровской Германии сорок третий год. Геббельс в своей новогодней речи пытался сгладить тягостные впечатления от неудач на Волге:

Германия никогда не будет наковальней, а останется молотом, сокрушающим, повергающим всё в прах. Стиснув зубы, мы через могилы пойдем вперед.

Клейменц скептически относился к витиеватым фразам Геббельса. Но всё-таки ему хотелось верить, что в новом году немецкая армия с победой закончит войну.

- Мы с вами солдаты, барон, - пробурчал он, показывая, что не собирается продолжать разговор с обер-лейтенантом.

Неожиданный звонок из штаба дивизии нарушил нудное течение вечера. Клейменца срочно вызывали к генерал-лейтенанту Зандеру. Командир полка и его адъютант быстро оделись и покинули блиндаж.

Генерал Зандер был встревожен. Разведка доносила, что в лесах, на правом берегу Невы, стало значительно оживленнее. Русские передвигают войска, что-то готовят. Зандер докладывал об этом командующему 18-й армией Линдеману лично.

- Нева - не Волга, - успокаивал Линдеман. - Мы сумеем

удержать бутылочное горло. Русские уже не раз пытались расширить свой плацдарм у электростанции. Вы знаете, что у них получилось?

Зандер втягивал длинную шею в жесткий воротник кителя и молчал. Он знал, что Линдеман не терпит возражений - высокомерен, жесток, и подчиненные кажутся ему простыми пешками, которых он, и только он, может двигать по своему усмотрению.

Зандер всё-таки решил вызвать к себе командиров полков. Однако он не добавил чего-либо нового к тому, что уже знал Клейменц. Да, у русских какое-то оживление, но что они готовят, где хотят ударить, когда, какими силами - всё это было непонятно. Пробовали выяснить, разведка сунулась на правый берег, но вся там полегла.

Клейменц уехал из штаба злой и взвинченный. Зачем только заставил его трястись по обледенелой лесной дороге этот сухарь Зандер? Чтобы предупредить: от русских всякого можно ожидать? Будто он сам этого не знает. В эту ночь Клейменц не смог уснуть, часто звонил в батальоны и роты. Над Невой почти поминутно с шипящим свистом взмывали в небо ракеты, заливая всё вокруг то желтым, то малиновым, то голубоватым холодным светом. Отрывистыми очередями перекликались пулеметы.

Задремал Клейменц лишь под утро. Разбудил его страшный грохот. Тяжелые снаряды рвались где-то совсем близко.

- Соединитесь с батальонами, обер-лейтенант, - крикнул Клейменц, натягивая брюки. - Кажется, и на Неве начинается то же, что на Волге.

Он выпрямился, и в тот же миг что-то свалило его на пол. Придя в себя, услышал всхлипывания адъютанта:

- Меня убило. Убило.

Мертвые не плачут, - подумал Клейменц. - Крамер, видимо, ранен. Да и я тоже. Надо выползать отсюда, пока не нагрянули русские. Он так и не успел соединиться с батальонами.

2

...Артиллерийская канонада бушевала с неослабевающей силой. С правого берега Невы обрушивались на левый тысячи снарядов и мин. Они разносили немецкие укрепления, рвали проволочные заборы, поднимали на воздух орудия.

Симоняк, заложив руки за спину, прильнул к окулярам перископа, подаренного ему на Ханко моряками. Левый берег, казалось, был совсем рядом. Симоняк отчетливо различал черные деревца и кусты, густые проволочные заграждения, обнаженные разрывами купола врытых в землю дзотов. Берег то и дело заволакивало густым дымом, тогда вся эта картина исчезала на

несколько минут.

В ушах стоял звон от могучего грохота орудий. Били одновременно и легкие полковые пушки, и тяжелые гаубицы, и орудия большой мощности с морских фортов и кораблей. Симоняку еще никогда в жизни не доводилось слышать подобной артиллерийской симфонии; она радовала, веселила его. Подумать только - на каждом километре фронта наступления его полков вели огонь сто сорок три орудия и миномета!

Командир дивизии время от времени отрывался от перископа, поворачивал голову к подполковнику Морозову и громко, стараясь перекричать орудийный гул, говорил:

- Здорово наши бьют!

- Прижали немцев, дохнуть им не дают...

Немцы тоже открыли огонь.

Снаряды, падавшие на нашем берегу, сильно беспокоили командира дивизии. Стрелковые полки находились в открытых траншеях.

У правого берега разорвалось несколько выпущенных с нашей стороны снарядов. Симоняк в сердцах крикнул Морозову:

- Кто это там портачит? Взломают лед, сукины сыны. Как атаковать будем? Позвони в полк...

Могучий огневой удар подавил вражеские батареи. Немецкая артиллерия отстреливалась слабо, била, видимо, наугад. Один из снарядов всё же разорвался у самого наблюдательного пункта Симоняка. Задрожали бревенчатые стены, с потолка посыпался песок, сквозь узкую щель амбразуры ворвался снежный вихрь.

Колючей пылью обдало лицо. Несколько секунд Симоняк не мог открыть глаза. Осторожно провел по ним платком. Боли не было. Комдив пальцем приподнял тяжелое набухшее веко. Глаз видел.

- Не ранены, товарищ генерал? - услышал он обеспокоенный голос радиста Мамочкина.

- Целехонек, - пробасил Симоняк. - Морозов! - окликнул он начарта. - Ты как?

- Порядок, - отозвался Иван Осипович, - вот амбразуру завалило. Не вовремя.

Симоняк подошел к выходу из блиндажа, где примостились связные. Хотел им что-то сказать, но они и без слов понимали, что надо делать. Три разведчика Александр Егоров, Николай Грунин и Иван Дуванов вскочили на ноги и выбежали за дверь. Не обращая внимания на вражеский огонь, они быстро начали разгребать лопатками глыбы промерзлой земли, вывороченной немецким снарядом.

Минут через шесть-семь свет ярким пучком брызнул сквозь

расчищенную амбразуру.

Симоняк снова у перископа. Артиллерия утюжила немецкие позиции уже второй час. В морозном небе, яростно завывая, проносились самолеты, они сбрасывали свой груз на левобережье. Чем ближе подходило время начала атаки, тем большее волнение охватывало генерала. Как двинутся цепи стрелков через Неву, удастся ли им одним броском перемахнуть шестьсот метров ледяного торосистого пространства? Самый тяжелый - первый шаг, когда солдат должен покинуть обжитую, словно согретую его теплом, его дыханием траншею, выбраться на открытый бруствер и стремглав, не глядя ни на что, ринуться вперед.

Невысокое в голубых просветах небо прочертила серия белых ракет. До конца артиллерийской подготовки осталось двадцать минут. Всё шло строго по плану, так, как было заранее определено. Белые ракеты словно говорили: внимание, солдаты, еще раз проверьте, готовы ли к броску через Неву. Но что это такое? Симоняк увидел, как справа от его наблюдательного пункта, там, где пролегал маршрут наступления 270-го полка, на лед выбежали и опрометью понеслись вперед люди в белых халатах. Взвод... Рота...

И не веря глазам своим, он крикнул Морозову:

- Гляди!

- Вижу... Кто-то, видно, сигнал перепутал.

А на лед скатывались новые и новые группы бойцов, с автоматами, лесенками, со взрывчаткой на спине. Остановить эту нараставшую с каждой секундой лавину было уже невозможно. Но если ничего не предпринять, сотни людей, взобравшись на левый берег, как раз попадут под свирепейший удар катюш, который должен прозвучать завершающим аккордом артиллерийской подготовки.

- Слушай, Иван Осипович, нельзя ждать. Людей погубим.

Начальник артиллерии подбежал к рации, вызвал командира гвардейских минометов.

- Срочно давайте залп, - кричал он в микрофон. - Срочно. Пехота пошла.

Радист соединял его поочередно с командирами артиллерийских полков.

Симоняк не отходил от перископа. Неровные цепи стрелков уже пересекли середину реки, шестая рота 270-го полка, досрочно выскочившая на лед реки, приближалась к противоположному берегу.

Капли пота выступили на лбу Симоняка. Морозов нервно теребил пуговицы на шинели, ставшей почему-то тесной и тяжелой.

- Вот же я прут, черти. Как назло, - бормотал он.

Солдаты уже взбегали на вражеский берег, и в это время грянул залп катюш. Симоняк и Морозов застыли в оцепенении.

Нескольких человек взрывная волна повалила на снег. Через какое-то мгновение берег заволокло густым дымом, который встал высоко черной стеной, скрыл деревца и кусты, разрушенные траншеи и вывороченные из немецких блиндажей бревна, бетонные плиты.

Легкий ветер не сразу разогнал дымное облако. Сначала просветлело на правом фланге, и комдив увидел, что наши бойцы ворвались в неприятельские окопы. В перископ он отчетливо видел, как солдаты, замахиваясь, бросают гранаты, в упор бьют по фашистам из автоматов, бегут и припадают к земле, поднимаются и снова бегут.

Одного из них Симоняк, кажется, даже узнал - ханковца Хоменко, героя боев в Ивановском. С винтовкой наперевес боец бежал к первой траншее. Слева от него, словно из земли выросла, поднялась над бруствером темно-серая фигура в остроглавом капюшоне. Немец, увидев нашего бойца, пригнулся.

- Штыком его, - не стерпел комдив.

И боец, будто услышав слова генерала, повернулся в сторону немца и сильным ударом всадил в него штык.

По всей Неве, насколько позволял видеть перископ, бежали стрелки, пулеметчики, саперы, связисты. Перепрыгивали через ледяные торосы, через дымившиеся полыньи. Неслись стремительно, не оглядываясь назад. Некоторые падали на лед, так и не достигнув близкого уже рубежа, их кровь впитывал серебристый, сверкающий снег. Катились волна за волной цепи под звуки торжественно-величавой мелодии Интернационала. Она возникла точно по сигналу невидимого дирижера с последним залпом катюш. Полковые оркестры, разместившиеся в прибрежных траншеях, играли волнующий гимн нашей борьбы и наших побед.

Никто не даст нам избавленья
Ни бог, ни царь и не герой,
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой...

Не замечая, Симоняк чуть слышно, одними губами, произносил эти слова, родные, близкие еще с далекой юности.

Это есть наш последний
И решительный бой,
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

- Вызывай командарма, - сказал Симоняк телефонисту,

оторвавшись от перископа.

Услышав голос Духанова, доложил:

- Все наши пошли... Дружно, стремительно. На правом фланге уже зацепились за берег...

- Как противник?

- Наши артиллеристы поработали хорошо. Противник оказывает слабое огневое сопротивление.

- Рад за вас. Вы доложили первым. Спасибо за хорошее начало. Двигайте сразу вместе с пехотой легкие пушки...

За стрелковыми цепями по отлогим спускам на лед скатывались уже не только легкие пушки, но и танки Т-60 из батальона майора Александра Паршева.

Юркие и подвижные, они, поднимая снежный вихрь, летели вдогонку за пехотой, обгоняли артиллеристов...

Наступавшие батальоны шли за огневым валом, пробивались всё дальше от берега. Резко стучали пулеметы. До наблюдательного пункта явственно долетали автоматные очереди, хлопки гранатных разрывов.

Из полков начали поступать первые донесения. Шерстнев передавал: батальоны ворвались в Марьино, разгромили гарнизон. Ранен комбат Андрей Салтан.

- Сам думаешь перебираться?

- Уже послал Репню выбирать место для командного пункта.

Правофланговый 270-й полк двинулся еще быстрее. Батальоны капитанов Ивана Душко и Харитона Ефименко, овладев двумя линиями вражеских траншей, наступали по редкому лесу, уничтожая на ходу небольшие группы фашистов. Захватили пленных, и командир полка Федоров спрашивал, куда их направлять.

- К нам в штаб, - приказал Симоняк. - Языки нужны. Пленные из какой части?

- Из четыреста первого пехотного полка сто семидесятой.

- Появятся из новых частей, докладывай сразу же.

Кожевников, командир левофлангового 342-го полка, не подавал голоса. Два его батальона под командой капитанов Дмитрия Зверева и Ильи Малашенкова, довольно быстро перемахнув и через Неву, и через первые линии траншей, застряли на подходах к Пильне-Мельнице.

Комдив позвонил ему сам:

- Почему молчишь? Что-нибудь заело?

- Заело. Два дзота на берегу ожили - подкосили малость. У деревни немцы сильно сопротивляются. Не иначе, как резервы успели подбросить.

- Огоньку добавь... Мало - я помогу. В лоб не лезь. Со стороны

соседа направлю роту - во фланг ударит на деревню.

В резерве у комдива было два стрелковых батальона. Трогать их он не стал, - рано, надо приберечь. Симоняк соединился с Шерстневым.

- Роту автоматчиков еще не пустил в дело?

- Собираюсь.

- Выручи дядю Яшу. Застопорило его у чертовой Мельницы. Поверни роту на север, пусть во фланг ударит... Свяжись с соседом, договорись.

В общем, дивизия без серьезных потерь прорвала оборону немцев, врубилась в бутылочное горло. И всё же Симоняк не был спокоен. Не клеилось дело у соседа слева: первый эшелон 86-й дивизии залег на невском льду. Поэтому немцы и могли быстро подбросить к Пильне-Мельнице новые силы.

Симоняк понимал, что в первых успехах дивизии большая роль принадлежит артиллерии. Ее огневые удары по опорным пунктам противника, меткая стрельба орудий прямой наводки нарушили систему немецкой обороны. Но нельзя было рассчитывать, что дальше всё пойдет как по маслу, что противник не попробует восстановить положение. Склонившись над картой, Симоняк старался представить, что бы он сделал, оказавшись на месте командира 170-й немецкой дивизии генерала Зандера.

От раздумий его отвлек Духанов. Командующий армией сообщал, что в районе Марьина вводит в бой второй эшелон 86-й дивизии для удара на Шлиссельбург. Решение командарма воспользоваться брешью, пробитой 136-й дивизией, обрадовало Симоняка: сосед начнет активные действия и прикроет с севера полк Кожевникова. Обрадовало его и то, что Духанов придал его дивизии второй танковый батальон. Симоняк направил танкистов в полк Шерстнева, который вел бои в лесу восточнее Марьина. Подполковник Шерстнев находился уже на левом берегу. Срывающимся от нервного возбуждения голосом он докладывал комдиву: оба Бориса (то есть батальоны) дерутся хорошо. Первый Борис вышел на восточную опушку рощи Фиалка. Третий Борис - на западную опушку Лилии.

- А как с резервной ротой?

- Повернул ее на север. Ведет бой у деревни.

Зимний день промелькнул быстро. Каждая его минута требовала быстрых решений, напряженной работы мысли, мгновенных действий.

Поздним вечером Симоняк выбрался наконец в штаб дивизии. Вышел из блиндажа и жадно вдохнул морозный колючий воздух. С Невы доносились голоса, стук топоров - это саперы наводили переправы для танков и орудий. Мимо, поскрипывая полозьями,

съезжали с берега сани, везли продукты в полки. Громыхали на выбоинах походные кухни.

На правый берег по крутому подъему тоже взбирались вереницей подталкиваемые сзади людьми машины и подводы. На широких розвальнях лежали и сидели раненые. Когда они поравнялись с Симоняком, он пошел рядом.

- Из какого полка? - спросил генерал у сидевшего с краю молодого офицера.

- Из двести шестьдесят девятого, товарищ генерал.

Командир взвода лейтенант Грязнов узнал Симоняка и, не ожидая новых вопросов, торопливо и сбивчиво, словно оправдываясь, стал рассказывать о том, где и как был ранен.

- Я из роты автоматчиков. Сначала мы за первым батальоном шли. Очищали лес от разбежавшихся немцев. А к вечеру нас налево повернули, к деревне. Пильней-Мельницей называется. Горячо тут пришлось. Командир роты Перевалов одну группу направил налево, мой взвод - направо, а сам с фронта шел. На окраину деревни мы заскочили. Немцы сперва здорово сопротивлялись. Уложили мы их тут немало. Ваня Раков, ханковец, трех убил. Бархатов смело дрался, уложил пять солдат и одного офицера.

- Постой, какой Бархатов?

- Из моего взвода. Федором звать.

- Старый знакомый, - услышал Грязнов довольный голос генерала.

- Бархатову я и взвод передал, когда вот это стряслось, - показал младший лейтенант на забинтованную ногу.

- Дальше как было?

- Не выдержали фрицы. Тут еще с другого конца деревни по ним ударили бойцы триста сорок второго полка. Перебили пропасть немцев. Остальные так драпали, что только пятки сверкали.

- Значит, лихо тикают? - усмехнулся Симоняк.

- Сверхлихо. Не угонишься, - вставил солдат, сидевший рядом с Грязновым. Троих мы в плен взяли. Выскочили они, перепуганные, из землянки, трясут белой простыней, кричат наперебой: Их бин Австрия... Гитлер капут.

- Спасибо, сынки. Выздоравливайте, и в дивизию обратно. Ждем вас, - сказал комдив и, помахав рукой, свернул с дороги в перелесок.

В штабе, несмотря на поздний час, всё кипело. Беспрерывно трещали телефоны, стрекотала печатная машинка. Озабоченный начальник штаба подполковник Трусов поторапливал майора Захарова, готовившего донесение в штаб армии.

- Что вы тут насочиняли? - полюбопытствовал Симоняк, искоса заглянув в бумажный лист.

Захаров стал негромко читать... 136-я дивизия, прорвав оборону противника на трехкилометровом фронте, разгромила основные силы 401-го пехотного полка и к исходу 12 января продвинулась на три километра, ведет бои на рубеже Беляевское болото - Пильня-Мельница...

В донесении указывалось количество захваченных пленных и трофеев.

- Что ж, Николай Павлович, такое донесение, пожалуй, не совестно подписывать, - заметил Трусов.

- Не совестно, - сдержанно проговорил Симоняк. - Фланги меня тревожат, надо их лучше прикрыть.

Трусов предложил выдвинуть на фланги пулеметный батальон капитана Ивана Кубатко.

- Давай, - согласился Симоняк. - Одну роту - на левый фланг, а две - к Федорову. Туда немцы скорее могут резервы подбросить. Пожалуй, на правый фланг и дивизион ПТО направим.

Дощатая дверь с шумом распахнулась. В комнату ввалился Говгаленко, в перепачканном белом халате, надетом поверх полушубка, в завернутых у колен бурках. Он сразу заговорил радостно и возбужденно, мешая русские слова с украинскими:

- Гарно воюют. Что ни чоловик, то - герой. Дерутся так, что от фрицев клочья летят.

- Подожди, Иван Ерофеевич, - остановил его Симоняк. - Расскажи толком.

Но Говгаленко никак не мог говорить спокойно. Впервые за годы войны он стал свидетелем такого боевого успеха, такого наступательного порыва.

- Помнишь, Николай Павлович, нашего ханковского портного Ивана Лапшина? Кто бы мог подумать, что у этого тихони такая хватка! Ворвался в немецкую траншею и давай из землянок фашистов выковыривать. Кинет гранату - то в дверь, то в окно, то в печную трубу и стремглав за ней влетает. Полоснет из автомата, и гитлеровцам крышка. С сержантом Семеном Барашкиным они в Пильне-Мельнице атаковали дом, в котором сидели немцы. Трех офицеров убили, а семерых солдат взяли в плен.

- К награде обоих представить, - сказал Симоняк.

- Да не только их нужно наградить, Николай Павлович. Вот Андрей Бойко, сынок председателя Киевского горсовета. Ранило ротного Тарадейко. Старшина Бойко повел людей вперед. Хорошо рота дерется. Бойко молодецки управляет взводами. Сегодня его в партию приняли. Воюет как настоящий большевик.

- Вот тебе и портной... Вот тебе и старшина, - произнес

негромко, словно про себя, Симоняк. - Люди порой и сами не догадываются, какие таланты в них заложены.

- Не могу не рассказать еще об одном человеке, об Андрее Салтане, - сказал Говгаленко.

- В госпиталь его отправили?

- Да нет же, воюет.

- Мне Шерстнев говорил, что Салтан ранен.

- Что ранен, это точно. Но батальон не оставил.

...Капитан Салтан наблюдал, как бойцы батальона форсируют Неву. Бросок они сделали стремительный и начали взбираться на противоположный берег. Некоторые ловко карабкались, но многие скатывались почему-то вниз. Капитана ужаснула мысль, что бойцы остановятся, залягут на льду.

Пойду сам, - крикнул он командиру дивизиона капитану Михаилу Лагуте и спрыгнул на торосистый лед.

Он обогнал солдат-связистов, автоматчиков резервной роты, у раненого бойца схватил на ходу ручной пулемет... Метрах в ста от левого берега осколок снаряда свалил комбата с ног. Из раны на лице брызнула кровь. Подбежал ординарец, хотел сделать перевязку.

Не время, - оттолкнул его Салтан, поднимаясь на ноги.

С пулеметом в руках он выскочил на берег вслед за цепями своих рот.

В траншее ординарец перевязал капитана. Салтан остался в строю.

С опушки рощи Фиалка открыла огонь неприятельская батарея. Она прямой наводкой стреляла по наступающим.

Салтан вызвал Лагуту, попросил огонька.

Корректировать буду сам.

Через несколько минут дивизион, обрушив меткие залпы на вражескую батарею, открыл дорогу батальону.

Радист соединил Салтана с командиром полка. Шерстнев удивился, услышав голос капитана:

Ты откуда? Мне передавали, что ранен.

Было такое дело, да ноги держат.

Вечером на полковом медицинском пункте Салтану перевязали рану и хотели отправить в госпиталь. Капитан наотрез отказался, он вернулся в батальон.

Симоняк слушал внимательно, не перебивая. Большинство людей, которых называл Говгаленко, он знал по прошлым боям, встречал на учениях.

- Немцев с места стронули, - заметил комдив. - Представляю, что у них там творится. В эфире только и слышишь их визг и гвалт. Сейчас они собирают все силы, чтобы нас остановить и

отбросить назад, за Неву. Понимают это в полках?

- Дух у народа боевой, только во вкус вошли.

- Так вот: ночью всё приведем в порядок, подтянем тылы, а с утра снова ударим.

Почти вся ночь прошла в бесконечных хлопотах. Просматривая показания пленных, комдив подчеркнул красным карандашом слова одного из них: Я никогда не переживал чего-либо подобного. Всё смешала русская артиллерия. Разгромлен штаб нашего 401-го пехотного полка, ранены командир полка и его адъютант. Клейменц, значит, отвоевал, усмехнулся Симоняк. Хорошо бы добраться и до генерала Зандера.

Комдив долго разговаривал с командирами полков, подразнил в своей обычной манере Кожевникова: Отстаешь, Яша, никак с Шерстневым и Федоровым сравняться не можешь... Строго наказывал: не лезть в лоб, маневрировать, вовсю использовать огонь артиллерии и приданные танки.

Пароль - Победа"

Знамя рабочих Кировского завода взметнулось над крутым невским берегом сразу же, как только туда ворвались первые цепи Ленинградского полка. Его видели стрелки и саперы, штурмовавшие вражеские укрепления. За ним следили артиллерийские наблюдатели.

- Вперед, друзья ленинградцы! - кричал Михаил Семенов, высоко подняв красное полотнище над головой. - Впере-о-од!

Бойцы полка не задерживались на первом рубеже. Передвинулась громыхающая, словно тысячи молотов, ударявших по железу, стела огневого вала, и, вплотную прижимаясь к ней, устремились дальше стрелковые роты.

За первый день полк продвинулся более чем на три километра. 13 января батальоны Душко и Ефименко продолжали наступление.

Земля и воздух сотрясались от канонады. Стреляла наша артиллерия, яростно стали огрызаться немцы. Бои разгорались за каждый мало-мальски выгодный рубеж.

Комбат Иван Душко за день несколько раз сменил командный пункт - на час-другой обосновывался в отбитом у немцев блиндаже, затем перекочевывал в глубокую воронку вблизи своих рот. Застуженным голосом он торопил:

- Быстрее выбирайтесь к высоте.

Все его помыслы были сосредоточены на сравнительно небольшой возвышенности под условным названием Подснежник. Она господствовала над изрытым канавами заснеженным полем, простреливаемым огнем вражеских пулеметов. Недалеко от высоты у немцев находилась батарея тяжелых 305-

миллиметровых орудий. Они били и по опушке леса, куда вышли наши бойцы, и через их головы - по переправам на Неве.

Комбат направил роту в обход. Стрелки и пулеметчики обтекали высоту слева. А справа на Подснежник наступал батальон Харитона Ефименко.

Душко видел из воронки, как поползли солдаты, оставляя глубокие борозды в снегу. Он нетерпеливо прикидывал, когда же люди доберутся до цели и нагрянут на вражеских артиллеристов.

Но услышал комбат не дружное ура атакующих, а захлебывающиеся очереди немецкого пулемета. Душко выругался. Молчали мерзавцы, подпустили близко роту, теперь могут всю ее перекосить...

Вражеский пулемет, прикрывавший батарею, стрелял из тщательно замаскированного, засыпанного снегом дзота. Бойцы залегли на ровной поляне. Кто-то попробовал приподняться и свалился замертво.

- Выдвинуть два орудия на прямую наводку! - отрывисто приказал Душко командиру артиллерийской батареи.

Полковые пушки постоянно находились у комбата под рукой. Удивительно, как только расчеты умудрялись тащить их по лесу и глубоким сугробам.

И сейчас артиллеристы поволокли орудия вслед за ушедшей ротой. Но им не удалось продвинуться далеко. Вражеская батарея стала осыпать их снарядами. Пришлось пережидать огневой налет. А когда он стих, до комбата донеслись взрывы гранат где-то у дзота и крики ура. Опять застрочил вражеский пулемет и после нескольких очередей снова замолк...

Что там произошло, Душко понял лишь тогда, когда перевел свой командный пункт к самому дзоту.

Лицом к небу лежал на снегу немолодой солдат в окровавленном халате. Рядом на коленях стояла девушка-санитарка, держала его за руку и всё повторяла: Что же вы не откликаетесь, Дмитрий Семенович? Хоть слово скажите.

- Как он сюда попал? - спросил Душко. Санитарка подняла на комбата покрасневшие, заплаканные глаза.

- Как попал? Никто ему не приказывал, сам пополз Молодцов. Подобрался сюда, одну гранату бросил, вторую... Встали ребята, побежали. А тут опять пулемет... Дмитрий Семенович и кинулся на дзот, упал грудью на самую амбразуру. Видно, решил сам умереть, а товарищей спасти.

Душко снял ушанку с головы. И каждый, кто стоял рядом, кто слышал рассказ девушки, сделал то же.

Сквозь просветы в тучах выглянуло неяркое послеполуденное солнце, словно и оно хотело проститься с погибшим солдатом. А

он, раскинув руки, загрубелые, натруженные руки рабочего человека, лежал и, казалось, смотрел, сощурясь, на красный шар и на синее небо, на клубящиеся седые облака. Молодцов не походил на мертвого. Да, он заслужил право на вечную жизнь! Глубокая снежная борозда, которая пролегала от кустарника к дзоту, стала для него дорогой в бессмертие.

Неподалеку, как салют, застрочили автоматы, над искристым полем и перелеском опять покатилось ура. Война напоминала о себе, и Душко нахлобучил ушанку на растрепанные пряди черных волос.

- Пошли, - сказал он.

Обогнув дзот, комбат и его спутники бегом пересекли открытую поляну. Стрельба впереди затихла. Радист, сгибаясь под тяжестью заплечного груза, твердил на ходу: Свеча... Свеча... Я Искра... Почему не отвечаете? И радостно заулыбался, услышав наконец пропавшую было Свечу.

Командир роты торопливо рассказывал, как почти одновременно с обоих флангов наши бойцы нагрянули на батарею. Прислугу перебили, орудия и тягачи в полной исправности. Снарядов горы. А орудия какие! Громады!

- Зайду посмотреть, - пообещал комбат. - Закрепляйтесь на Подснежнике. И радиста своего подкрути. Поседеешь от вас. Вызываем - ответа нет. Сгорела Свеча, да и только.

- Осколком рацию зацепило, - объяснил ротный. - Отладили кое-как.

Душко развернул карту и сделал на ней несколько пометок. На четыре километра продвинулся за день батальон.

- Надо подбивать бабки. В штабе полка сведений ждут...

Душко только собрался звонить командиру полка, а Федоров уже сам вызывал его. Попрекнул, что комбат целый час молчал.

- Доколачивали Подснежник.

Федоров выслушал лаконичный доклад капитана.

- Хвалю, хвалю за Подснежник, - сказал он. - И Ефименко от тебя недалече. Видел? Устраивайтесь получше. Сильный ветер может подуть с юга или запада.

Душко понимал, какой это ветер, он еще раньше слышал от командира полка, что сосед справа, один из полков 268-й дивизии, продвигался медленнее, чем его батальон. Значит, и теперь положение мало изменилось. Правый фланг обнажен.

Федоров обещал комбату в случае нужды подбросить подкрепление из своего резерва, помочь артиллерийским огнем.

- Чуть что, сигналь, Зинченко наготове.

- Его люди со мной. Куда я, туда и они, - сказал Душко.

- У нас и еще кое-что найдется. Так что твердо рассчитывай. А

о Подснежнике точно доложил, не напутал?

- В руках его держим.

- Смотри, Иван. Буду наверх докладывать. Симоняк вранья не потерпит...

Связаться с командным пунктом дивизии было минутным делом, но Симоняка на месте не оказалось.

- Вышел подышать свежим воздухом, - пошутил радист.

На левый берег Симоняк перебрался к исходу ночи. Хотел раньше, но командарм запретил. Надо сначала берег от вражеских автоматчиков очистить. Или Симоняк хочет свою личную храбрость показать, одного - двух фашистов штыком прикончить?

Вместе с оперативной группой Симоняк пересек Неву, втиснулся в небольшой бункер за Марьином. Строить новый блиндаж не имело смысла. Обойдемся, - сказал он дивизионному инженеру. - Тут долго сидеть не будем.

Несколько раз Симоняк хотел выбраться из блиндажа, размяться, уже шапку надевал, но каждый раз приходилось отказываться от своего намерения, непрестанно шли вызовы, то сверху, то снизу. И вот наконец удалось вырваться. Снег возле бункера лежал почернелый, перемешанный с землей, утрамбованный солдатскими сапогами. В нескольких местах виднелись припорошенные легким белым налетом глубокие воронки, торчали острозубые пни деревьев. В небольшом овражке стояли машины с покореженными кузовами, с разбитыми стеклами. Около них валялось несколько мертвецов в темно-серых шинелишках. Сполна получили свое покорители Крыма.

В разные стороны от бункера разбегались тропки. Симоняк пошел по одной из них, и она привела его на небольшую вырубку, где стояло четыре немецких орудия. Возле них хлопотали артиллеристы из шерстневского полка. Капитан Давиденко, в меховой телогрейке, что-то показывал сержанту и солдатам.

- Над чем тут мудрите? - поинтересовался комдив.

Начальник полковой артиллерии, оказывается, решил трофейные пушки ввести в действие. Стволы двух орудий смотрели уже в сторону немцев. Их Давиденко намеревался использовать в сегодняшнем бою.

- Снарядов тут не на один день хватит, - кивнул он в сторону аккуратно уложенных в большие штабеля ящиков.

- А люди-то как? Освоили? По своим не ударят?

- Что вы, товарищ генерал. Артиллеристы наши грамотные. Все захваченные пушки повернем против немцев. Об этом мы уже договорились с подполковником Морозовым.

- Ну добре. Дружок-то твой как?

- Дмитрий Козлов?

- Он самый.

- Впереди. Его батарея батальон Собакина поддерживает. Полковые пушки от пехоты не отстают.

- И не должны. Нельзя пехоте без артиллерии наступать. Лучше лишний десяток снарядов выпустить, чем рисковать жизнью людей.

Поговорил Симоняк с батарейцами, побродил по леску и точно сбросил с себя усталость.

Опустился по обледенелым ступенькам в бункер и услышал голос Мамочкина:

- Пришел.

- Кто спрашивает?

- Подполковник Федоров.

Командир 270-го полка был в отличном настроении. Еще бы, полк к 15.00 выполнил задачу дня, батальоны закрепляются.

- И Подснежник взят?

- Да. И Душко, и Ефименко доложили.

- Им верить можно.

Комдив хорошо знал обоих комбатов. Иван Душко храбро сражался со своим батальоном в Ивановском. Харитона Ефименко генерал помнил еще по Ханко. Его рота держала оборону на сухопутной границе.

- Вы кем до армии работали? - спросил его как-то Симоняк.

- Секретарем райкома партии. В Красноярске.

- Чувствуется. Ну, а в армию как же попали?

- Сам попросился. В кавалерийское училище.

Этот ответ пришелся особенно по душе старому коннику Симоняку.

Батальоны за два дня продвинулись на семь километров. Комдиву еще не были известны во всех деталях перипетии боя. Но ясно было главное - и Душко, и Ефименко проявили достаточно умения и командирской воли и выполнили боевую задачу первых двух дней.

- Ас соседом связь есть?

- Он несколько позади. Перезваниваемся, - ответил Федоров.

- Передайте комбатам: пусть направо всё время поглядывают, и еще передайте: хорошо воюют.

Но слишком хвалить было не в характере Симоняка. И он добавил:

- Нос кверху не задирайте. У Шерстнева дела нисколько не хуже.

269-му полку в этот день следовало пройти через рощу с безобидным кодированным названием Лилия. Она оказалась

весьма колючей. У немцев был там опорный пункт, приспособленный к круговой обороне. Разгромить его с ходу не удалось. Завязался упорный бой с остатками 401-го пехотного полка и свежими подразделениями, подброшенными генералом Зандером.

Симоняк передал Шерстневу батальон капитана Ивана Пономаренко, который держал до этого в своем резерве. Натиск наших бойцов сразу усилился. Группы автоматчиков просачивались в тыл врага, резали связь и сеяли панику. Вместе с пехотинцами действовали танки-малютки из батальона майора Александра Паршева. Прикрываясь их броней, как щитом, солдаты вплотную подбирались к вражеским огневым точкам, ослепляли их гранатами, поджигали, взрывали.

Шерстнев скупо доносил: продвинулись на километр... На два... На три... В подробности он не вдавался, на трудности не жаловался. А их оказалось немало. Нелегко было выбивать немцев из Лилии. Симоняк узнал об этом от своего заместителя полковника Путилова. Савелий Михайлович больше суток провел на левом берегу, помогал командирам полков организовать бой, управлять наступающими батальонами.

- У Шерстнева всё нормально, - докладывал он комдиву. - Тяжелее дяде Яше. Подошел к дороге, а перескочить не может. Очень сильный заградительный огонь.

Симоняк понимал, что противник постарается любой ценой удержать дорогу, которая связывала Шлиссельбург с Синявином. Когда попытка батальона Зверева оседлать шоссе сорвалась, он приказал не лезть на рожон, но держать дорогу под огневым контролем. Пулеметчики, артиллеристы закрыли проезд по дороге шквальным прицельным огнем.

- Большего Кожевникову не сделать, - сказал Путилов. - Несколько раз его немцы контратаковали. Дали им крепкий отпор. А как дела у соседей?

Симоняк медлил с ответом. Глядя на комдива, Путилов понял: неважно. Как накалилась обстановка у правого соседа, он почувствовал уже через несколько минут. Симоняку звонил Духанов. Разговаривали они совсем недолго, и по немногословным фразам, произнесенным Симоняком, Путилов догадался: командарм сообщает какие-то неприятные новости.

Немецкое командование подтянуло в район боев резервы и одновременно со стороны Дубровки и Шлиссельбурга предприняло сильные контратаки, чтобы отрезать наши войска от реки. Особенно мощный удар враг направил на правый фланг с юга. Вражеские танки прорвались даже к командному пункту 268-й дивизии.

Николай Павлович, как всегда в минуты раздумья либо волнения, стал крутить свой чуб. Он даже сгорбился, словно его придавил невидимый груз. Склонившись над картой, коротко сообщил Путилову и Морозову обстановку, указал направление контратаки немцев.

- Под корень бьют, на соседа давят и на нас могут навалиться.

- Что приказал командарм? - спросил Морозов.

- Продолжать наступление. На угрожаемый участок бросил противотанковый резерв, к утру еще стрелковая бригада прибудет. Она войдет в стык между нами и 268-й дивизией.

- Я пойду, пожалуй, к Федорову, - поднялся с места Путилов. - Не возражаете?

- Нет. Я сам хотел это предложить, Савелий Михайлович. Придется на время батальон Ефименко повернуть на юг. Сейчас переговорю с Хрустицким, танков туда подбросим.

Путилов, завязывая на ходу тесемки маскхалата, направился к выходу.

Симоняк бросил Морозову: Действуй, Осипович. Всё ведь слышал... Он подошел к рации. Переговорил с Федоровым, соединился с Кожевниковым, расспрашивал, сильно ли наседает противник.

- Горячо, - нажимая на о, пробасил командир полка.

- Еще жарче может стать. Поэтому и отправляю к тебе Васильева.

Капитан Виктор Васильев командовал стрелковым батальоном, Симоняк до сих пор держал этот батальон в резерве. Угроза контратаки со стороны Шлиссельбурга заставила передать его левофланговому полку.

Оставалось позвонить еще командиру 61-й танковой бригады Хрустицкому. Но тот сам, узнав о немецких контратаках, пришел к Симоняку. В кожаной куртке и шлеме он выглядел очень молодо, в его живых глазах искрились веселые огоньки.

Симоняк, пригласив Хрустицкого сесть рядом, спросил:

- Можете один танковый батальон на правый фланг к Федорову перебросить?

- А когда?

- Немедленно.

Хрустицкий прикинул, сколько у него танков на ходу, сколько ремонтируется.

- Одну роту отправлю сразу, остальные попозже.

- Ладно. Только давай, брат, не тяни.

- Бегу, товарищ генерал.

Голос Симоняка в этот вечер часто звучал в эфире, его характерный басок сразу узнавали те, к кому он обращался:

командиры полков, начальник штаба, командарм. Но разговаривать приходилось не только с ними.

- Вас вызывает командир полка Федоров, товарищ генерал, - доложил дежурный радист.

Комполка просил уточнить, какие подразделения посылает к нему Симоняк и где проходит передний край соседа.

Комдив уже собрался ответить Федорову, но что-то его насторожило в голосе командира полка. Голос звучал как-то слащаво и незнакомо. А почему Федоров переспрашивает то, о чем мы совсем недавно с ним договорились? - подумалось Симоняку. И вместо ответа он спросил:

- Назови первую букву фамилии командира соседнего полка.

В ответ донеслось невнятное мычание.

Комдив понял: это противник настроился на его волну и пытается выведать интересующие его данные.

- Вот же бисово семя, - выругался комдив. И послал в эфир невидимому собеседнику такой соленый приказ, что даже привычный Мамочкин прыснул со смеху.

И позже гитлеровцы еще не раз попадали на волну рации Симоняка, но едва они заговаривали, Мамочкин. сам определял - чужак. Он хорошо знал голоса командиров полков, их обычные интонации и характер речи.

Вечером и штаб переехал на левый берег. На наблюдательный пункт прибежал раскрасневшийся от мороза Трусов. Сличили карты - его и симоняковскую. Особых расхождений не оказалось. Штадив поддерживал с полками непрерывную связь, строго контролировал выполнение указаний комдива. Симоняк всё больше убеждался, что Иван Ильич Трусов растет, что называется, на глазах, становится искусным начальником штаба. Он быстр, но не суетлив, здраво оценивает обстановку, как опытный дирижер управляет сложной штабной махиной, направляет к одной цели все службы.

- Дивизия выполнила ближайшую и последующую задачи, - по-военному лаконично резюмировал начальник штаба, подводя итоги двухдневных боев. - Можно доносить в штаб армии.

- Доноси. И подчеркни: у нас и дальше есть кому и чем воевать.

- Это так, - подтвердил Трусов.

Дивизия имела потери, но они не шли в сравнение с теми, которые она понесла на реке Тосне. Оставались в строю все командиры полков и батальонов, большинство командиров рот и даже взводов. В ротах было достаточно людей, чтобы продолжать наступление.

В приневских перелесках гангутцы чувствовали себя

господами положения. Рассеялся тяжелый осадок, который оставил первый наступательный бой, первое столкновение с гитлеровцами. И здесь немцы стреляют, и здесь бомбят, понастроили здесь еще больше укреплений, чем на Тосне. Но тут советские войска имели превосходство в артиллерии и танках. Наша авиация господствовала в воздухе. И люди дивизии воевали по-иному - уверенно, гибко маневрируя, появлялись там, где противник меньше всего их ожидал. Офицеры и солдаты воочию видели: гитлеровцев можно бить. Да еще и как!

Комдив всё узнавал о новых подвигах своих сынков. Настоящим богатырем оказался командир роты ленинградец Владимир Михайлов. Он сам уложил автоматными очередями с десяток гитлеровцев, а трех замертво свалил тяжелыми, как обух, ударами кулаков. Сержант Николай Виноградов пулеметными очередями максима скосил более двух десятков фашистов. Заместитель политрука Василий Будник с двумя товарищами уничтожил вражеское отделение. Михаил Семенов, который с развернутым знаменем Кировского завода несся через Неву, убил в бою трех вражеских солдат и фельдфебеля...

Днем мимо наблюдательного пункта вели пленных. Штабные работники, офицеры связи, телефонисты, связные выбежали поглядеть. Вышел и Симоняк.

По лесной дороге понуро шагали несколько десятков вражеских солдат. Темно-серые шинели застегнуты у самого подбородка. Головы повязаны платками, покрыты брезентовыми капюшонами. У некоторых на ногах вместо сапог соломенные чуни. Один наш солдат, толстолицый парень в новом полушубке, вплотную подошел к пленным, замахнулся на немецкого фельдфебеля.

- Чего разошелся? - остановил его конвоир в закоптелом халате. - Нашел где храбрость показывать. Вон туда иди.

Конвоир кивнул в сторону передовой.

- Передушил бы их всех, - кипятился солдат.

- Там их, в бою, и души, - спокойно заметил конвоир.

Симоняк узнал в конвоире Федора Бархатова.

- Молодец, парень, - проговорил комдив.

Жалкое впечатление производили пленные. Раньше, подумалось Симоняку, немцы в плену держались не так-наглее, увереннее, всё твердили, как попугаи: Мы победим. Мы победим Россию. Теперь поджали хвосты. Слабеет духом немецкий солдат-завоеватель. Зато выше поднимает голову, распрямляет плечи советский воин-освободитель. Он не произносит громких слов, не бахвалится, не пялит глаза на чужое добро, простой и скромный человек, которого гитлеровцы презрительно называют Иваном...

Этот Иван, отступавший сжав зубы до боли, теперь поворачивает стрелку войны в противоположную сторону. Он пойдет на всё ради победы, ничто его не остановит, как не остановил Дмитрия Молодцова огонь вражеского дзота.

Глядя на пленных, комдив спросил Трусова, из каких они частей.

- Большинство из сто семидесятой дивизии, но есть и из девяносто шестой.

- Где взяты?

- На нашем правом фланге. Девяносто шестая пехотная дивизия находилась в резерве Линдемана. Ее перебросили сюда с задачей заткнуть брешь, отбросить нас за реку.

- Ишь чего захотели... Разведку надо усилить, Иван Ильич, не прозевать появления у них новых резервов. Отправляй ребят, пускай свеженьких языков приволокут.

Вернувшийся в бункер Симоняк не спеша водил усталыми глазами по карте. Даже циркуль взял, чтобы точно измерить полосу, отделявшую ленинградцев от волховчан.

- Километров пять осталось. Нажать бы завтра покрепче с обеих сторон...

Около полуночи позвонил Говгаленко.

- Куда ты пропал? - спросил недовольно Симоняк.

- Я у Бондаренко. Балакаем тут, прикидываем.

- Что прикидываете? Кому первому на сосну влезать?

Говгаленко понял шутку генерала. Был с ним один случай, о котором сам как-то рассказал Симоняку. Зимой сорокового года на Карельском перешейке 123-я дивизия, в которой служил Говгаленко, прорвала линию Маннергейма. Ее наградили орденом Ленина. Весть об этом пришла, когда дивизия находилась в бою. Как же сообщить бойцам радостную весть? Иван Ерофеевич, долго не раздумывая, взобрался на высоченное дерево и закричал:

Вперед, воины ордена Ленина дивизии...

Его усиленный рупором и без того громкий голос долетел до самых передовых цепей. Услышал его и противник. Защелкали пули по стволу. Говгаленко еле успел слезть.

На шутку генерала Говгаленко отозвался шуткой:

- Рады бы оба залезть, да тут ни одного подходящего деревца не уцелело.

От Говгаленко комдив узнал, что гитлеровцы пробуют оттеснить левофланговый полк от шоссейной дороги. Засылали в тыл зверевского батальона автоматчиков. Их переловили, уничтожили.

- Щупают, где у нас слабо, - говорил Говгаленко. - Действуют

мелкими группами.

- Могут и крупные бросить, - предупредил Симоняк. - Имейте в виду.

Пять километров. На карте они казались сущим пустяком. Красные извилистые линии, обозначавшие расположение полков 136-й дивизии и наступавшей ей навстречу дивизии Волховского фронта, находились словно бы рядом. Как сомкнуть их, слить в одну?

Гитлеровцы всё еще стремились раздвинуть стены коридора, надеялись удержать фляшенхальс. Вступили в бой 96-я и 61-я пехотные дивизии, подтягивалась 5-я горнострелковая. Командующий 18-й немецкой армией Линдеман приказал всем подчиненным ему дивизиям выделить по пехотному батальону или артиллерийской батарее для закрытия прорыва русских.

С утра 14 января немецкая пехота и танки двинулись на позиции батальонов Ефименко и Душко. Завязался ожесточенный бой. Противник нес большие потери и всё же упрямо бросал в атаку роту за ротой.

Положение создавалось острое, критическое. Симоняк ввел в бой все свои резервы. Вражеские атаки удалось отразить. Но надолго ли?

С начала боев Симоняк ни разу не обращался к командарму за помощью. Духанов сам внимательно следил за действиями дивизии, наступавшей на главном направлении, всячески поддерживал ее и армейской артиллерией, и танками, вводил в бой новые части для прикрытия флангов Симоняка. Но 14 января обстановка на фронте наступления дивизии стала тяжелой.

- Правый фланг у меня совсем оголен, - докладывал Симоняк командарму. Противник бросает против нас всё новые части.

Духанов понимал Николая Павловича. Его дивизия, глубже других вклинившаяся во вражескую оборону, принимала на себя основные удары. Трудно в таких условиях продвигаться вперед, углублять прорыв. Но Духанов верил в Симоняка, верил в его смелость, решительность.

- Фланги ваши прикрою, - сказал он. - Подкину артиллерии. Давай, Николай Павлович, вперед.

- Раз прикроете, пойдем.

- Что это у вас там за шум?

- Да тут мебель передвигают. Пустяки, словом.

Командарм явственно слышал в трубке глухие разрывы снарядов. Они падали возле наблюдательного пункта дивизии.

- Осторожнее с мебелью, - произнес Духанов. - Пускай Морозов примет меры.

Переговорив с командармом, Симоняк первым делом вызвал

к телефону Шерстнева. Того не оказалось на месте - ушел в третий батальон, к капитану Собакину.

- Кто говорит?

- Слушает седьмой.

- Чего вы там застряли? Почему не продвигаетесь?

- Попробуй сам. Ишь какой прыткий, - донеслось в ответ.

Симоняк от неожиданности даже запнулся, потом сердито пробасил:

- Чего болтаешь? Не узнаешь, с кем разговариваешь?

Трубка несколько секунд молчала, а затем послышался смущенный голос начштаба полка Меньшова:

- Простите, товарищ Второй. Не признал ваш голос.

- Бывает, - промолвил комдив без всякой обиды. - Какова у вас обстановка?

Меньшов коротко доложил, что сопротивление противника значительно возросло, каждый клочок земли приходится брать с боем.

- Подумайте-ка получше и продвигайтесь смелее. Или опять скажешь: Сам попробуй?

После короткой паузы Меньшов признался: командование полка опасается контратаки противника во фланг. У поселка No 2 накапливается пехота. В овраге у поселка No 5 десятка полтора тяжелых немецких танков.

- Что ж, вы ждете пока они ударят? Немедленно свяжитесь с Шерстневым, передайте: я требую усилить натиск.

К этому времени у дивизии уже не было того превосходства в силах, которое она имела в начале боя. Ее фронт увеличился вдвое, до шести километров, а сил осталось гораздо меньше. Можно бы сказать: Не до жиру, быть бы живу, - какое там наступление, удержаться бы на захваченных рубежах. Но каждый бой - задача со многими неизвестными, и сила далеко не всегда измеряется числом. Бывает порой, что батальон сильнее полка, а иногда он слабее роты. Нельзя давать врагу осмотреться, передохнуть. Пусть с ходу бросает свои резервы...

В разговоре Меньшов упомянул между прочим, что капитан Андрей Салтан воюет по-прежнему. Какую надо иметь выдержку, какое бесстрашное сердце, чтобы раненым оставаться столько времени в строю! И разве Салтан исключение? Рядом с ним справа и слева сражаются не менее отважные и стойкие люди. Успех окрылил их. И это умножало силы поредевших батальонов.

Меньшов быстро разыскал командира полка. Шерстнев, узнав о приказании комдива, решил и сам переговорить с Симоняком.

- Что-нибудь нам подкинете?

- Ты и так богат, как Кочубей. Рассчитывай на свои силы,

артиллерией поддержу.

Напряжение боев достигло высшего предела. От громоподобной канонады вздрагивала приладожская земля. На раскаленных стволах орудий горела краска. Наши бойцы отбивали яростные контратаки и упрямо продвигались вперед. Коридор стал еще на километр уже, но сопротивление немцев - еще жестче и яростнее.

Около полудня 15 января Симоняку радировали: рота Владимира Михайлова из батальона Собакина ворвалась в рабочий поселок No 5 и ведет бой на его северной окраине.

- Здорово! - воскликнул Симоняк. - Это нож в самое горло их шлиссельбургско-синявинской группировки.

За поселок No 5 немцы цеплялись изо всех сил. Через него проходила дорога из Шлиссельбурга в Синявино, последняя артерия, еще питающая их войска. Поселок опоясывали траншеи, противотанковые рвы, эскарпы, проволочные заграждения. На окраине высился двойной забор из толстых бревен, меж которых гитлеровцы накидали земли и камня. За этой стеной сидел сильный вражеский гарнизон.

- Всем, чем можешь, поддержи роту, - потребовал комдив от Шерстнева.

- Понял вас.

Симоняк не спешил докладывать командующему об успехах Михайлова. Закрепится рота, пройдет в поселок весь батальон, тогда можно доносить со спокойной душой.

Осторожность оказалась не лишней. Вскоре немцы вытеснили роту из поселка. У Симоняка язык не повернулся попрекнуть Шерстнева. В этот день некоторые рубежи по нескольку раз переходили из рук в руки. Продвижение дивизии фактически приостановилось.

- Что будем делать, Николай Павлович? - спрашивал командарм Духанов. Начали вы чуть ли не галопом, а сейчас стали топтаться на месте.

- Шутки плохи, Михаил Павлович. Действительно, топчемся, и вы знаете почему.

Командарм сообщил Симоняку, что вводит в бой силы второго эшелона. Фронт наступления дивизии значительно сокращается, ей будут приданы два новых артиллерийских полка.

Симоняк повеселел. Коли так, сейчас можно будет снова двинуться вперед, если и не галопом, то уж во всяком случае и не черепашьим шагом.

6

Под утро 16 января в дивизии закончились приготовления к новому броску. Симоняк решил вести наступление двумя

полками - 270-м и 269-м. Перед 342-м полком он поставил задачу прикрывать левый фланг.

С утра двинулись вперед на всем фронте прорыва. В самый разгар боя на новый наблюдательный пункт комдива прибыли представитель Ставки маршал Ворошилов и командующий фронтом Говоров.

- Рассказывай, Симоняк, как воюешь. - Ворошилов подошел к карте. - Где у тебя сейчас полки?

Симоняк показал на рабочий поселок No 5:

- Вот здесь. С запада и севера наступают...

- Медленно, - сухо заметил Говоров. - Что вам сейчас требуется, чтобы смять противника и соединиться со второй ударной армией?

Симоняк наморщил лоб, и так уже изрезанный глубокими бороздками, и, помедлив пару секунд, сказал:

- Ничего не требуется. Всё есть. Ворошилов и Говоров переглянулись.

- Так и ничего? - рассмеялся маршал. - Другой бы начал клянчить: и то, и это...

- И артиллерии хватает? И снарядов? - спросил командующий.

- Достаточно. Тут мои артиллеристы отличились. Из трофейных орудий создали несколько батарей. Снарядов у них вдоволь. И лимита нет.

Ворошилов снова посмотрел на Говорова, точно говоря: каковы молодцы!

Мамочкин, не решаясь прервать разговор, обхватил трубку ладонями рук и тихо кому-то доказывал:

- Нельзя сейчас. Занят... Занят... Симоняк, взглянув на радиста, догадался, что вызывают его.

- Разрешите? - обратился он к гостям. Докладывал Федоров. Батальоны завязали бой южнее рабочего поселка No 5, стремясь оседлать дорогу...

- Подумаю, Павел Сергеевич, чем тебе помочь. Вот освобожусь и подумаю.

Когда Симоняк отошел от рации, Ворошилов спросил его:

- Не боитесь, что немцы засекут вашу радиостанцию?

- Могут. Но рация позволила мне всё время держать связь с полками и не терять управление боем.

- Это очень хорошо, - похвалил маршал, а Говоров заметил:

- В ближнем бою запеленговать рацию средней мощности не так легко.

- Еще на Ханко мы убедились в надежности радиосвязи. Наши командиры, начиная с ротных, набили себе в этом руку, - сказал

Симоняк.

- Вы кому это обещали подумать? - спросил командующий.

Симоняк кратко рассказал о сообщении командира полка.

- Как он воюет?

- Хорошо.

- Гм-м, - неопределенно произнес Говоров. Что означало это гм-м, Симоняк не понял, но он был доволен действиями Федорова, который в бою словно бы воспрянул духом.

- Думайте, товарищ Симоняк, думайте, - сказал Говоров, надевая папаху. Мы тоже подумаем.

Проводив гостей, комдив прикидывал, чем бы помочь правофланговому полку, чтобы ускорить развитие событий. Вскоре позвонил Духанов и сообщил, что дивизии придается один стрелковый батальон.

- Говоров распорядился. К тебе скоро явится Дуров.

Комбат произвел на Симоняка хорошее впечатление. Ладно скроенный, он держался с достоинством, разговаривал спокойно.

Трусов, который находился в это время на наблюдательном пункте, поинтересовался, не сродни ли Дуров известному дрессировщику.

- Нет, - улыбнулся тот. - Наша семейная профессия иная. И дед и батька золотоискатели. Я тоже этим сызмальства занимался. На Колыме работал. Люблю тайгу.

Симоняк в общих чертах обрисовал обстановку и добавил:

- На месте договоритесь с командиром полка Федоровым. Батальону быть у него в двадцать три ноль-ноль.

Симоняк решил не атаковать рабочий поселок No 5 в лоб, а обойти его с севера и юга, перерезать в двух местах железку.

- С федоровским полком пойдет один твой батальон, - предложил Симоняк комбригу Хрустицкому, который за последние дни стал своим человеком в дивизии. - А с шерстневским - другой.

Так они договорились, так и стали действовать. Однако бои 17 января развивались не по заранее намеченному плану. Никак не удавалось пробить ставший совсем узеньким коридор, шириной не более километра. К ленинградцам отчетливо долетало отрывистое резкое татаканье пулеметов с его восточной стороны, куда подошли бойцы Волховского фронта.

Близко, совсем близко... Но немцы сопротивлялись отчаянно. Батальон Собакина, огибавший поселок No 5 с севера, вынужден был залечь на опушке рощи.

Не произошло существенных перемен и у Федорова. Комдив отправился к нему сам.

Вечерело. Сумерки окутывали мглистой полутьмой редкий

лес. Офицер связи худенький лейтенант в сдвинутой на затылок ушанке - хорошо знал дорогу. Кобуру пистолета, как заметил командир дивизии, он предусмотрительно расстегнул, на ходу поглядывал по сторонам. Всякое тут могло случиться, глядишь, и вражеские автоматчики вынырнут из леса.

Лейтенант с облегчением вздохнул, когда наконец благополучно привел Симоняка в штаб полка. Блиндаж, узкий, продолговатый, ярко освещали стеариновые свечи.

- Богато живете, - усмехнулся Симоняк. - Настоящую иллюминацию устроили.

- Трофеи, - пояснил начштаба Поляков. - Не один ящик свечей наберется. И с вами можем поделиться, товарищ генерал.

Симоняк точно не слышал Полякова.

- И теплынь... Вино, конечно, трофейное имеется. Теперь только завести кровати с перинами, совсем будет, райское житье.

Федоров почувствовал в словах комдива укор. Будь на его месте Шерстнев, тот бы сразу вспыхнул. Но Павел Сергеевич понимал недовольство Симоняка: полк и подкрепление получил, а всё еще не выполнил задачу, не разбил последний барьер на пути к волховчанам.

- Далеко отсюда комбаты? - спросил комдив.

- Рядом.

- Пригласите.

Пока вызывали комбатов, Симоняк опустился на скамью, усадив рядом Федорова. За все дни боев впервые выдалась возможность так вот, глядя друг на друга, поговорить о том, что волновало обоих. Симоняк расспрашивал о людях, их самочувствии, настроении. Очень трудные испытания выпали на долю бойцов и командиров. Свирепствовали и вражеский огонь, и январские морозы, люди постоянно находились на ветру, в снегу, не могли даже обогреться у костра. Дремали в минуты затишья прямо в лесу, в земляных норах и воронках.

- Знаете, Николай Павлович, - говорил Федоров. - Смотришь на людей и просто диву даешься: до чего же крепок народ. Ни жалоб, ни хныканья. Одно на уме - прорвать блокаду, разбить врага.

Федоров вспомнил случай, который произошел в батальоне Душко. Небольшая группа бойцов проникла под утро в тыл немцев. Похозяйничала там вовсю. Встретили отделение немцев - перебили. Заметили телефонные провода перерезали, а они связывали огневые позиции батареи с наблюдательным пунктом. Потом и на батарею нагрянули, захватили четыре пушки и несколько штабелей снарядов.

- Ладно у них вышло, - отозвался Симоняк. - Кто там был?

- Младший сержант Пирогов, замполитрука Иван Бурмистров, солдат Егоров.

- Мелкой группе в лесу - раздолье... В блиндаж, отряхиваясь от снега, вошли комбаты Ефименко и Дуров.

- Здравия желаю, товарищ генерал, - молодцевато козырнул Ефименко.

- Здорово, Харитон. Что это ты бородищу отрастил?

- Немцев пугать.

- Только они тебя что-то не очень боятся.

Появился и комбат Душко. Он заметно осунулся, остро выступали скулы, жестко горели глаза. Следом за ним вошел полковой инженер Фотькин.

Симоняк встал и, прохаживаясь по блиндажу, сказал, что на завтра, 18 января, назначено общее наступление всей армии. Командир полка об этом уже знает. А комбаты? Тоже знают? Хорошо. Пусть тогда доложат свои решения.

- Имейте в виду, - добавил он, выслушав короткие доклады, - никаких отсрочек больше не будет. Завтра полк должен соединиться с волховчанами. Понятно?

- Всё ясно, товарищ генерал, - ответил за всех командир полка.

- А ты, Харитон, - усмехнулся Симоняк, - обязательно бороду скоси. Таким небритым неудобно с волховчанами встречаться. За кого нас посчитают?

Обратно Симоняк возвращался на броневике, присланном Хрустицким. Его тронула забота командира танковой бригады. Встретившись с ним на наблюдательном пункте, без слов пожал ему руку.

- Сколько у тебя малюток уцелело?

Хрустицкий назвал цифру. Танков осталось в строю совсем мало. И всё же Симоняк не сбрасывал их со счета. Легкие машины хорошо маневрировали в этом краю лесов и болот, здорово били врага из своих скорострельных пушек. Симоняку рассказывали о лейтенанте Дмитрии Осатюке, командире танка, и его механике-водителе Иване Макаренкове. Ловко уклоняясь от снарядов, танцуя по поляне на своей малютке, они заманили тяжелый немецкий танк к опушке леса, поставили его под огонь наших батарейцев.

- Надо завершать, полковник, - сказал Симоняк. - Сам понимаешь, конец венчает дело.

Говорил Симоняк глухо, с хрипотцой. Болело горло, генерал сильно простыл. Превозмогая озноб и ломоту в костях, он оставался на ногах. Даже цепями его бы сейчас никто не удержал в постели. Он жил уже завтрашним днем, старался предугадать и

предупредить удары врага.

Около полуночи позвонил Шерстнев, просил разрешить комбату Собакину начать атаку рано утром, до намеченного времени.

- Почему? - удивился комдив.

Комбат, оказывается, не зря лежал перед опорным пунктом на железной дороге, он всё детально изучил, засек и хочет нагрянуть на гитлеровцев, когда они заняты котелками - завтракают.

- А как с артиллерийской поддержкой?

- Использует приданный дивизион и полковые пушки.

- Пускай атакует, - благословил Симоняк. - Собакин не из тех, кто сунется в воду, не зная броду, ученый...

Незадолго до рассвета на левом фланге яростно застрочили пулеметы. Первым их услышал часовой и дал знать адъютанту Симоняка. Тот выскочил из блиндажа.

- Где-то у Кожевникова, - доложил он комдиву. Радист незамедлительно соединил Симоняка с командиром 342-го полка. Яков Иванович сообщил коротко:

- Противник крупными силами атаковал батальоны Зверева и Малашенкова.

- С какого направления?

- С севера. Ввожу в бой Васильева.

- Держись! Передай мой приказ комбатам: не выпустить ни одного фашиста из Шлиссельбурга.

Немцев на этом участке было гораздо больше, чем наших бойцов. Они хотели прорваться, пока их окончательно не завязали в мешке. К Синявину двигались из Шлиссельбурга колонной - впереди автоматчики и пулеметчики. Они наткнулись на командные пункты Зверева и Малашенкова. Комбат Зверев, выскочив из землянки, расположил своих людей в воронках перед вырубкой. По его команде бойцы открыли огонь, рассекли вражескую колонну надвое. Уничтожить всю ее у Зверева не хватало сил. На себя он взял тех гитлеровцев, которые двигались в хвосте колонны. Остальные, предположив, что опасность миновала, начали обходить зверевский батальон, но в районе рощи Фикус их ждал батальон Малашенкова. Вскоре подоспел и батальон Васильева.

Побоище тут произошло огромное. Сотни немцев полегли и сотни были взяты в плен.

Пытаясь спасти остатки разгромленных частей во всё сужающемся бутылочном горле, дать им возможность вырваться, гитлеровцы предприняли сильную контратаку двумя свежими полками со стороны Синявина. Батальоны 270-го полка стойко

встретили их и не позволили фашистам продвинуться. На залегшие цепи фашистов Морозов обрушил такую лавину огня, что там мало кто уцелел. Густой пороховой дым полз над приладожской землей.

- Что твой Собакин? - запрашивал комдив у Шерстнева. - Всё еще от Ромашки не в силах оторваться?

- На железке Собакин, - весело откликнулся командир полка. - В километре севернее поселка.

- Только бы не слез.

- Не слезет, у него танки и пушки.

- Передай ему: волховчане с ним рядышком. Минуту назад я с ними разговаривал. Как бы Собакин не обознался.

Батальон Федора Собакина атаковал немцев в восьмом часу утра. Расчеты полностью подтвердились. Ротный Владимир Михайлов, который отличился еще на невском берегу, и в этом бою воевал геройски. С горсткой бойцов - совсем мало людей осталось в восьмой роте, - он ворвался в траншею. На врага полетели гранаты, фашистов косили автоматные очереди.

Командир батареи Дмитрий Козлов выдвинул к самой железнодорожной насыпи полковые пушки. Прямой наводкой бил он по вражеским огневым точкам.

Собакин и замполит Шелепа пересекли изрытое воронками поле. Вот она и железка - узкоколейка, последняя, тонкая, как паутинка, ниточка, идущая от Ладоги в глубину вражеской обороны. Оседлав ее, третий батальон 269-го полка почти полностью рассек бутылочное горло.

- Только держись, - предупреждал Собакина Шерстнев.

- Отбил уже две контратаки, опять лезут. Не пропущу их здесь.

Фашистские автоматчики шли в психическую атаку. Артиллеристы Дмитрия Козлова ударили по цепям гитлеровцев.

- Огонь! Огонь! - командовал Козлов.

Так продолжалось несколько минут. Внезапно командир батареи упал на снег. Уже смертельно раненный, он подавал последние команды:

- Огонь! Огонь!

Ожесточенный бой разгорелся и правее поселка No 5. Тут отходившая немецкая колонна наткнулась на штабы первого и третьего батальонов 270-го полка. По узкой лесной дороге двигался большой обоз, несколько легких танков...

- Немцы наступают! - крикнул солдат-наблюдатель.

- Отставить, - оборвал его капитан Душко. - Не наступают, а отступают. Понятно?

В бой с вражеской колонной вступили все, кто находился при штабе, разведчики, посыльные, связисты.

Младший сержант Тимофей Пирогов и замполитрука Иван Бурмистров заняли позиции у самой дороги, в куче торфа. Их пулеметы пускали очередь за очередью. Немцы начали

разбегаться под этим свинцовым ливнем. Остановился и головной легкий танк. Пирогов и Бурмистров подползли к нему, подорвали гранатами.

Гитлеровские офицеры метались между машинами и санями, пытались навести порядок. Им удалось собрать часть солдат, те открыли беспорядочную стрельбу. Бурмистрова ранило. Пирогов оттащил товарища за штабель торфа. К нему на помощь подошли автоматчики Козлов и Егоров. И снова по фашистам ударили длинные очереди из пулеметов и автоматов.

Немало лент расстрелял Пирогов, пришлось отправить Козлова за патронами. В это время фашистский офицер подобрался к груде торфа и выстрелом ранил Тимофея, но Пирогов и раненный продолжал разить врагов.

Мужественно воевали с фашистами и бойцы батальона капитана Ефименко. Адъютант комбата лейтенант Массальский с несколькими солдатами вышел к самой колонне и в упор расстреливал гитлеровцев. Все, кто не хотел сдаваться, полегли. Более трех десятков, поднявших руки, Массальский повел в штаб полка.

Даже по скупым донесениям из полков Симоняк понимал, что у противника агония. Колонны, которые пытались вырваться, разгромлены. Но сколько еще продлится бой, трудно было сказать. Всё зависело от инициативы командиров и солдат, от их воли и мужества...

Генерал и не подозревал, что в этот ранний час, когда на стонущей от постоянного громыхания приладожской земле занимался рассвет, его разведчики уже обнимают и целуют бойцов Волховского фронта. Случилось это так.

Поздно ночью Симоняк вызвал командира разведроты Сергея Сладковского. Показывая на карту, где почти вплотную сомкнулись линии наступающих с востока и запада наших ударных группировок, комдив сказал:

- Сегодня эти линии должны слиться. Как видишь, ближе всего к волховчанам мы у пятого поселка. Направь туда один свой взвод с задачей: первыми пройти через коридор, встретить волховчан и дать знать об этом нашим. Кого пошлешь?

- Взвод сержанта Бровкина.

- Подходящий парень. Он справится.

Через час Алексей Бровкин со своими боевыми друзьями находился уже в расположении батальона Собакина. Объяснили капитану, куда и зачем посланы комдивом.

- Ну, ни пуха вам, ни пера, - пожелал тот.

- Не согласен, - отшутился бойкий взводный. - Будет и пух и перо. С этой охоты не вернемся с пустыми руками.

Обогнув по кустарнику поселок No 5, разведчики пересекли узкоколейку и тронулись дальше. В голове взвода шли Александр Редин, Петр Власкин, Леонид Савинский, Григорий Гниловщенко. Услышав впереди хруст снега, кто-то из них просигналил: Внимание.

Разведчики залегли. Их белые халаты слились со снежными сугробами.

Метрах в тридцати по еле приметной дороге торопливо вышагивали немцы.

- Пропустить. Не ввязываться в бой, - передал разведчикам Бровкин. - У нас своя задача.

Разведчики переждали, пока прошла группа гитлеровцев. И только поднялись, как вновь услышали слева голоса, скрип саней.

- Что будем делать? - спросил Бровкина его помощник Редин. - Опять выпустим живыми?

Бровкин не торопился с ответом. Надо разобраться, сколько на дороге гитлеровцев, а то еще влипнешь как кур во щи.

Гитлеровцы подходили всё ближе. Их темные силуэты отчетливо выделялись на белом фоне. Двигалось до роты...

- Нападем, - решил Бровкин.

Разведчики внезапно открыли огонь из автоматов. Фашисты заметались по поляне. Десятка четыре остались лежать на снегу, остальные в панике разбежались. Несколько разведчиков бросилось за ними вдогонку.

- Отставить! - крикнул Бровкин. - Кончай эту музыку. Свою задачу надо выполнять.

За поляной густой стеной высился молодой березняк. Разведчики направились к нему. Они отчетливо слышали клекот русских максимов, отрывистые очереди автоматов. Волховчане, чувствовалось, где-то совсем близко.

- Смотри-ка, - ткнул Бровкина Редин.

Метрах в двухстах, по просеке, которую перерезала глубокая канава, осторожно пробирались трое в белых халатах. Они двигались в сторону поселка No 5. Разведчики припали к земле, раздумывая, кто бы это мог быть. На немцев вроде не похожи.

Когда незнакомцы приблизились, Бровкин крикнул:

- Стой! Кто такие?

- Свои, - донеслось в ответ, но тут же все трое упали на снег.

- Чего тогда прячетесь? Давай сюда. Отзыв знаете?

- А вы назовите пароль.

Бровкин поднялся в полный рост, громко прокричал по слогам:

- По-бе-да-а-а.

- Смерть фашизму, - тотчас последовал ответ, и солдаты

радостно бросились друг другу навстречу.

Алексей Бровкин тут же немедленно отрядил в батальон Собакина Ивана Петрунина. И в девятом часу 18 января разведчик привел к месту встречи Владимира Михайлова с людьми его роты.

- Вас вызывает Шерстнев, - вывел Симоняка из раздумья радист.

Комдив поспешно взял трубку.

- Соединились! Соединились! - услышал он срывающийся, ликующий голос командира полка. - В одиннадцать тридцать батальон Собакина встретил батальон , второй ударной армии.

- Поздравляю, Александр Иванович, и тебя, и Собакина, и всех бойцов полка.

- Слышал? - кинул Симоняк Морозову. - Дай-ка тебя расцелую, артиллерийский бог.

А виновник радости Федор Собакин в это время крепко сжимал в своих объятиях командира батальона 18-й стрелковой дивизии капитана Демидова. У обоих из глаз катились слезы, но они этого не замечали.

Свершилось! Прорвали блокаду. Почти семнадцать месяцев Ленинград был отрезан по суше от всей страны. С этого часа он снова связан с родной советской большой землей.

Летели вверх шапки-ушанки, обнимались и целовались командиры и бойцы. Знакомились. Усаживались тут же на снегу, на рельсах, вытаскивали кисеты, потчевали друг друга крепким табачком, заводили беседы о боях и походах.

Счастливый, по-настоящему светлый и памятный день. Спустя некоторое время так же восторженно пожимали руки воинам Волховского фронта бойцы батальонов Душко, Ефименко и Березина, сменившего накануне Андрея Салтана.

Над железной дорогой взметнулось алое, как восходящее солнце, полотнище знамя Кировского завода. Михаил Семенов, который пронес его через Неву, был ранен в боях, и теперь древко знамени держали другие руки. Но знамя высоко развевалось над приладожской землей, звало к новым подвигам.

Священная клятва

Адъютант свернул карту, радист выключил радиостанцию. Говгаленко громко объявил:

- Спасибо этому дому, пойдем к другому.

Симоняк и Говгаленко вышли из блиндажа, Морозов, укладывая бумаги в полевую сумку, крикнул:

- Я вас нагоню!

- Как сказать, - обернулся к нему Говгаленко. - Артиллерии за пехотой не угнаться.

- Что его дразнишь, комиссар? - покачал головой Симоняк. - На артиллеристов нам жаловаться грех.

Подстегиваемая свежим ветром, мела поземка. Снег вихрился, припорашивая всё вокруг: невысокие бревенчатые строения, мотки колючей проволоки, кладбища разбитых, обгорелых немецких машин.

Эмка стояла неподалеку в кустарнике. Шофер распахнул дверцу. Симоняк не торопился влезать в нее, он оглядывался по сторонам, стараясь навсегда запечатлеть в памяти эти места, где дивизия семь дней и ночей вела бой, где она стала гвардейской. Это была высшая оценка, которую только можно было заслужить. Когда Симоняк получил телеграмму Военного совета фронта, он перечитал ее несколько раз: Шестьдесят третья гвардейская стрелковая дивизия...

Потом он передал телеграмму Говгаленко.

- Придется тебе всё-таки забираться на сосну, товарищ гвардии полковник.

- Слушаюсь, товарищ гвардии генерал-майор.

Но обошлось без сосны. С удивительной быстротой в полках, батальонах и ротах узнали о присвоении дивизии звания гвардейской.

- Гляди, запоминай, гвардии полковник Иван Ерофеевич, - негромко произнес Симоняк, окидывая блестевшими глазами иссеченные кусты, смутно выступающие вдали очертания домов, извилистые тропы, уходящие через перелесок к местам встречи дивизии с волховчанами. - После войны узнаем ли, где воевали?

- Найдем, Николай Павлович. Тут и памятник еще поставят.

Симоняк, увидев торопливо шагавшего Морозова, молча подошел к машине.

- Усаживайтесь, товарищ гвардии генерал, - сказал шофер. - Здесь на открытом месте задерживаться не рекомендуется. Немцы нет-нет да и ударяют.

Справа доносился гул канонады. 67-я армия продолжала бои под Синявином, у 8-й ГЭС, а дивизию Симоняка отводили на отдых.

Эмка, покачиваясь на выбоинах, мчалась по утрамбованной тягачами и машинами дороге. Симоняк и его спутники даже не заметили, как доехали до Марьина, к переправе через Неву.

- Всего-то ничего, - взглянул на часы Морозов. - Ехали от командного пункта до Невы одиннадцать минут... А пробивались семь суток.

- И не диво, - откликнулся Говгаленко. - Тут, Иван Осипович, у немцев бутылочное горло было не стеклянное, а стальное.

Симоняк не вмешивался в разговор, но думал о том же.

Когда-нибудь историки будут изучать эти дни. Может быть, им покажется странным: как так - по километру в сутки продвигались наши войска друг другу навстречу? Поймут ли, какой трудной была эта операция, какого мужества потребовала от каждого командира и бойца?

Эмка пересекла Неву и взобралась на правый берег.

В поселке Морозовка, куда под вечер приехали Симоняк и его спутники, стучали топоры. Плотники тесали огромные бревна. Симоняк подошел к ним:

- Что робите, хлопцы?

- Как что? Мост через Неву.

Сержант в ватнике показал на противоположный берег:

- Свяжемся наконец-то с большой землей. Нас с Ладоги сюда перебросили строить железную дорогу.

- За месяц справитесь?

- Какой месяц! Сроку десять дней дали.

- О-о! - удивился Симоняк. - Не загнул, хлопец? Неву тут камнем не перебросишь. Почти с километр.

- Должны уложиться в десять дней. Из Москвы приказ.

К Симоняку подошел худощавый человек в длинной шинели.

- Генерал Матюшев, - представился он. - Командир железнодорожной бригады.

- Генерал Симоняк, - пожимая ему руку, сказал комдив.

- Рад познакомиться и поздравить. Ваша фамилия многим сейчас стала известна.

Стоявший рядом сержант внимательно посмотрел на генерала в синей куртке. Вот он, оказывается, с кем разговаривал!

Показав на ладного сержанта а ватнике, Симоняк спросил комбрига:

- Мне ваш сержант говорил: за десять дней мост построите.

- Совершенно точно. Ленинграду как воздух нужна железная дорога. Вы свое дело сделали. Теперь наша очередь.

- По-гвардейски будем строить, товарищ генерал, - вставил сержант.

- Желаю удачи, - сказал Симоняк.

2

Квартирьеры подобрали для генерала кирпичный домик в глубине поселка, среди высоких сосен. Ординарец затопил печь. Комдив, сбросив куртку, расположился по-домашнему. Путилова он попросил:

- Присмотри, Савелий Михайлович, за полками. Расхворался я малость проклятая ангина. Врач приказывает: никуда носа не высовывать. Конечно, обидно под домашним арестом сидеть. В Ленинград не выбраться даже.

Но Симоняку и получаса не удавалось побыть одному. Заходили командиры полков, штабные работники. Нагрянули корреспонденты газет, радио, фоторепортеры. Симоняк шутил:

- Блокаду мы прорвали, теперь нас блокировали самих. Того и гляди - на части разорвут.

Говгаленко принес комдиву кучу телеграмм и писем. Поздравляли дивизию и ее командира Военный совет фронта, командование армии, друзья Симоняка и совершенно незнакомые ему люди.

Рабочие Кировского завода писали:

Дорогие товарищи!

Шлем вам свои горячие поздравления и сердечный привет в связи с преобразованием вашей дивизии в гвардейскую.

Вы завоевали звание гвардейцев в упорных боях с врагами, в сражениях не на жизнь, а на смерть. И самым блестящим подвигом был прорыв блокады Ленинграда совместно с другими частями Ленинградского и Волховского фронтов. Как подлинные русские гвардейцы, славные потомки Суворова и Кутузова, дрались вы на берегах Невы...

Впереди еще много трудностей и преград. Но нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевики... Закаленные в боях, умножившие свой боевой опыт, вы будете еще яростнее и сокрушительнее бить врага.

Мы, рабочие, инженеры, техники и служащие трижды орденоносного Кировского завода, со своей стороны, даем вам слово удесятерить свои усилия на трудовом фронте, выпускать для Красной Армии всё, что она требует...

Вперед же, орлы-гвардейцы. Вперед, на полное освобождение от осады города Ленина.

Одно из писем до слез растрогало Симоняка. Его прислала неизвестная ему Аграфена Даниловна Иванова, мать четверых детей.

Трое моих сыновей тоже где-то воюют, - писала она. - Может, с вами и блокаду прорвали. Не знаю этого. Но воевать должны хорошо. Злы они на фашистов сильно, отца потеряли. Про наши муки ленинградские знают. Когда люди кругом валились, а мы их и похоронить по-человечески не могли. Все мы ликуем теперь. Блокада прорвана. Вы и сами не представляете, сынки, что это значит для нас. Камнем лежала блокада на нас. Услышав по радио, что ей конец, я всю ночь не сомкнула глаз. Вышла на улицу, а там народу полным-полно. У всех праздник, равного которому я давно не помню. И до чего хорошо стало на душе, словно ее волшебной водой окропили.

Мне, простой женщине, не передать, что мы испытали в эту

светлую ночь нашей победы. Хочется поклониться вам до земли, пускай любовь ленинградцев хранит вас в бою...

Негромко затрещал телефон. Говгаленко снял трубку.

- Федоров? - переспросил он. - Ты что хотел, Павел Сергеевич? Наверх вызывают? Не знаю зачем. Не знаю. Генерал дома.

- Пускай зайдет, - сказал Симоняк.

Говгаленко зашелестел газетами. Их накопилась гора. И в каждой что-нибудь да говорилось о прорыве блокады, о людях дивизии.

- Читали, что англичане пишут?

- Не успел.

- Вот послушайте: ...несколько месяцев назад даже друзья России не думали, что Красная Армия сумеет добиться таких успехов, каких она добилась сейчас. На одном из первых мест стоит прорыв блокады Ленинграда, оборона этого города войдет в историю как великая военная эпопея. Называют прорыв блокады чудом на Неве.

- Что не промолчали, и то хорошо. Вот помогали бы только больше. Где их второй фронт?

Вошел Федоров, в шинели и шапке-ушанке, надвинутой чуть не до бровей. Остановился на пороге.

- Срочно вызывают меня в штаб фронта, - сказал командир полка.

- А ты не догадываешься зачем? - удивился Симоняк.

В глазах его сверкнула казацкая лукавинка. Федоров неопределенно пожал плечами.

- Во всяком случае, не вправлять мозги, - успокоил Симоняк. - Может, поужинаешь с нами?

- Нельзя задерживаться.

- Ладно. Перед дорогой выпьем по чарке. Когда еще встретимся.

Наполнили стопки, чокнулись.

- Не жалеешь, что с нами повоевал? - спросил комдив. - Правду говори.

- Что вы, Николай Павлович! Я по-настоящему счастлив. Громадное мы дело свернули.

- Не до конца. Можно сказать, что одну лапищу у гидры отрубили. Много еще воевать придется, чтобы ленинградцам спокойно жилось. Ну, доброго тебе пути, товарищ комдив... Придется нам на твое место человека подбирать...

Проводили Федорова тепло. Не стал задерживаться и Говгаленко.

- Устал так, - признался он, - что ноги в коленках дрожат...

- Иди отдыхай, Иван Ерофеевич, - кивнул головой генерал. - А меня и ко сну не тянет.

На сердце было удивительно радостно и светло. Симоняк перебирал в памяти события своей жизни. Рождение первенца. Поступление в академию. Первый орден. Генеральское звание... Нет, нет, всё это не идет ни в какое сравнение с тем, что он переживал сейчас, в эти дни, после прорыва блокады. Почему? Потому что теперь это не только его личная радость - она сливается с ликованием Ленинграда, с радостью, которую испытывает вся страна. И это согревало душу, наполняло гордостью, счастьем.

Полковник Путилов за день побывал у Кожевникова и Федорова. На вечер оставил третий, 269-й полк, в котором воевал и на Карельском перешейке, и на Ханко.

Прежде всего заглянул в батальоны. В первом за командира остался капитан Березин.

- Салтана видел? - поинтересовался Путилов.

- Так точно, товарищ гвардии полковник, - отчеканил старший адъютант.

- Поправляется?

- Скоро вернется. Медсанбатовская койка ему не по нутру.

- Знаю его характер. Что у вас делается? Как людей разместили?

Верезин коротко доложил: устроились неплохо, в пустующих домах, в крытых сараях. Людей вот маловато. Будет ли пополнение?

- Получите, - сказал Путилов. - А сейчас хорошенько подумайте о тех, кто остался. Устали ведь люди.

- Страшно устали, - вырвалось у Березина.

- Вот и пусть отдыхают. Но о караульной службе не забывать. Чтоб всюду был полный порядок.

Капитана Собакина Путилов отыскал в крохотной пристройке к каменному дому. Комбат, накинув на плечи меховую безрукавку, сидел над картой.

- Что это ты колдуешь, Федор Иванович?

- Не колдую, а истину хочу восстановить. Вы знаете, что мне командир полка сказал?

- А что?

- Ты, говорит, Собакин, на сутки раньше мог волховчанам руки пожать. Как это понимать следует? Не воевал, значит, а резину жевал?

- Ладно, Федор Иванович. Твоих заслуг никто не умаляет. А про ошибочки забывать не следует. Были они у всех нас, были и в третьем батальоне. Зря ты сейчас никчемными исследованиями

занялся.

- Нет, я с генералом поговорю, - не сдавался Собакин. - Он человек справедливый, согласится со мной.

- Ты знаешь его давно?

- С Ханко.

- И всё же плохо знаешь. Сам-то он какой? Вечно ему кажется, что чего-то недоделал. Начальство его похваливает, а он, как мне сдается, испытывает при этом неловкость. А почему?

Собакин, несколько остыв, ждал, как Путилов ответит на свой вопрос.

- Мы часто говорим, - продолжал полковник, - о чувстве ответственности командира перед партией и народом. Люди привыкли к этим словам и порой не воспринимают всей их глубины. А у Симоняка это чувство в крови. Строго он и свои и наши дела судит. Иначе нельзя. Бой ошибок не прощает... А ты на Шерстнева обижаешься зря. Честное слово, зря...

- Может быть, - смутившись, сказал комбат.

Путилов перевел разговор. Видел он на улице трех солдат. Лохматые, небритые, полушубки расстегнуты. На гвардейцев не похожи.

- Я им замечание сделал. Но вы, командиры, куда смотрите?

- Смотреть-то некому, Савелий Михайлович. Из ротных один только Владимир Михайлов остался в строю. Почти всеми взводами сержанты командуют.

- Это не оправдание. Доложу комдиву - не похвалит. А он ваш третий батальон геройским считает.

- Не надо докладывать, - попросил Собакин, - всё сделаем сами.

Он сложил карту, а несколько исписанных листков разорвал в мелкие клочья.

- Всё, - повторил он, думая теперь уже не о показавшихся ему обидными словах командира полка, а о новых делах.

- Ладно, договорились, - попрощался Путилов.

Штаб полка размещался в школе. Несмотря на поздний час, там было оживленно и людно, как днем. Сам до недавних пор полковой работник, Путилов понимал, до чего много дел, самых разнообразных, первоочередных, срочных, у майора Меньшова и его помощников. Надо принять новое пополнение, проверить оружие, написать донесения о ходе боевых действий, заполнить сотни наградных листов, нельзя забыть ни об одном из героев - ни павших, ни оставшихся в строю.

Начальник штаба Меньшов, сдвинув густые кустистые брови, ворчал:

- Честное слово, в бою так не парился. Хоть караул кричи.

Замполит майор Хламкин сидел тут же. Он еще не совсем оправился после контузии, веки глаз часто вздрагивали. Хламкин коротко описывал подвиги офицеров и солдат, представляемых к награде. Помогали ему секретарь партбюро капитан Александр Сумин и молоденький круглолицый младший лейтенант Юра Гении, инструктор политотдела.

- Какой молодец, - говорил Хламкин, потрясая заполненным наградным листом. - Послушай-ка, Меньшов, что пишет Шелепа о старшем лейтенанте Аркадии Макарове: Ни на шаг не отставал он от стрелков. Часто и сам за пулемет ложился...

- Пулеметная рота крепко выручала третий батальон, - отозвался Меньшов. Погиб Макаров... Большой награды заслуживает. И родным в Ленинград надо написать. А Губина не забыли?

- Нет. На него наградной лист уже готов.

Василий Губин взял на себя командование ротой после гибели Макарова и воевал всю неделю, хотя был ранен в руку. Не раз он заменял наводчика, сам ложился за пулемет...

Николай Хламкин взял очередной лист. Сержант Кривоногов, командир штурмовой группы. Как он несся по Неве! Любой скороход позавидовал бы, а бойцы от него не отставали. Вскарабкались по ледяному откосу на берег - и сразу в бой. Те, кто шел следом, увидели уже взорванный фашистский блиндаж, разбитый гранатами пулемет.

...Росла стопка заполненных наградных листов. И каждый из них скупо, без прикрас рассказывал о подвиге, к которому человека готовила вся его предыдущая жизнь, готовили родители, школа, друзья, партия и народ.

Путилов вошел в штаб незаметно. Постоял какое-то время молча. Не хотелось отрывать людей от дела.

Первым заметил полковника капитан Репня, легонько потянул Меньшова за гимнастерку:

- Савелий Михайлович здесь.

Меньшов вскочил, готовясь рапортовать по-уставному. Путилов опередил его:

- Отставить. Что у вас за ночное бдение?

- Отчетность, наградные листы...

- А вы побольше помощников возьмите. Комдив требует: никого не забыть - ни погибших, ни раненых. А Шерстнев где?

- Уговорили прилечь.

Путилов не стал будить Шерстнева. Пусть отдохнет командир полка. Он-то знал, сколько душевных сил человек теряет в бою, а особенно командир, отвечающий за жизнь сотен и тысяч людей. Он видел совсем еще молодых офицеров, - и тридцати не

стукнуло, - а уже совершенно седых. Тяжек ратный труд...

Из полкового штаба Путилов позвонил Симоняку. Телефонную трубку взял адъютант, сказал, что комдив принимает процедуры...

- Что ему передать?

- В полках полный порядок.

Хрипота, не проходившая несколько дней, совсем замучила Симоняка.

- Звонят, поздравляют, а я что-то невнятное мычу в трубку, - жаловался он.

Принимал микстуру, какие-то таблетки, но результаты были не велики. Вспомнилось, как лечила его от простуды и хрипоты жена, решил применить домашние средства.

Ординарец сварил чугунок картошки, поставил перед генералом. Симоняк, накинув на голову серое одеяло, наклонился над чугунком. Горячий пар обжигал горло, по лбу сбегали струи пота. Симоняк терпеливо переносил эту пытку.

Распарившись как в бане, попил еще и чаю с малиной. Малину принесла хозяйка дома. Симоняк разговорился с ней. Вид у женщины был пасмурный, а в глазах затаилась какая-то грусть.

- Что такая мрачная? - спросил Симоняк. - Тоскуете?

- И вовсе не тоскую. Грешно сейчас, в эти дни.

- Что верно, то верно. Да и на чистом небе облачка бывают.

Хозяйка помолчала с минуту.

- Муж у меня на фронте, товарищ генерал. Давно уже вестей от него не получаю. Всякое передумаешь.

- Гоните, Игнатьевна, дурные мысли. Военному человеку бывает и некогда сесть за письмо. Вот и моя жена, наверное, теряется в догадках. Сегодня ей напишу. И ваш супруг откликнется. Попомните мое слово.

Окончив чаевничать, Симоняк принялся за письмо.

Здравствуйте, дорогие мои!

Шлю вам свой привет. Давно вам не писал. Поверьте, не было времени. Вот сейчас некоторая передышка, а потом снова в бой.

За это время у нас произошли большие события. Как вам уже известно из газет, мы под Ленинградом дали фашистам духу...

Мы прорвали фронт, соединились с большой землей. И в этом - большая заслуга наших бойцов. Вы, наверное, знаете по газетам, что теперь мы стали гвардейцами. За время боев мне довелось видеть много пленных, разговаривать с ними. Чаще всего я им задавал вопрос: Зачем вы пришли на нашу землю? Они плутовски мигали глазами, кляли Гитлера. Мы, мол, тут ни при чем. А один бессовестный подлец набрался наглости и сказал: Мы пришли к вам навести порядок, привить свою западную культуру.

Какой гад! Мы-то хорошо знаем, какие фашисты просветители. Под мундиром у пленного оказалась женская шелковая рубашка. Содрал он ее с чьих-то плеч, напялил на себя, гитлеровский мародер.

Не получали ли вы писем с Кубани? Остались ли в живых наши родные, моя мать и твоя, сестры? Там фашисты тоже драпают. Напоили их вдосталь кубанской водицей. Будем надеяться, что с нашими всё хорошо.

Во время боев я сильно простудился. Вышли на отдых - пару дней лежал с перевязанным горлом. Сейчас полегчало...

Пишите, как вы живете. Скоро, видно, будет возможность приехать к вам на несколько дней.

Крепко вас всех, мои дорогие, целую.

В конверт генерал вложил и отдельную записочку для своего баловня Виктора. Обещал переслать ему кортик, который носил немецкий полковник.

Драпал он так, сынку, что и мундир, и кортик бросил. Убежал, но мы его нагоним. Не уйдет. До скорой, сынок, встречи.

Разве предполагал отец, что не увидятся они больше, что не доведется уже ему гладить шелковистые Витькины кудряшки, слышать его бесчисленные почему.

Симоняк не спеша запечатал письмо. Адъютант включил радио. Женский голос объявил: у микрофона молодой поэт Михаил Дудин.

Комдив хорошо помнил узкоплечего, остроглазого парня, артиллерийского разведчика. Симоняку нравились его стихи. Из дивизии Дудина забрали во фронтовую газету.

Поэт читал стихотворение

Гвардейцам:

...За Марьином, за лесом, на опушке,
Где ветер снегу по уши надул,
Снарядами беременные пушки
Уткнулись в землю ртами черных дул.
Они уже не изрыгают пламя.
Пехота рвется дальше сквозь сосняк,
Путилов с нами, Говгаленко с нами,
И берегом проходит Симоняк...
Вот он идет. Во тьме свистят осколки.
Суровое, спокойное лицо.
Мы занимаем первые поселки.
Уже трещит блокадное кольцо...
...Война не ждет. Иди вперед и бейся!
Мы не щадили жизни на войне.
Мы заслужили звание гвардейцев,

Так, значит, с нас и спросится вдвойне.

Симоняк слушал, облокотившись на стол. Пальцы невольно потянулись к чубу. Да, война не ждет, и с гвардейцев будет спрос вдвойне. Это поэт правильно сказал.

В штаб полка принесли почту. Майор Меньшов развернул фронтовую газету На страже Родины. Почти целую страницу занимал приказ о награждении особо отличившихся при прорыве блокады командиров и солдат. Много среди них было и гвардейцев. Меньшов видел знакомые фамилии. Орденами Красного Знамени награждались комбаты Душко и Салтан, Зверев, Пономаренко, начальник полковой артиллерии Давиденко, помощник начштаба Туманов, ротный Перевалов, автоматчик Бархатов. Орденами Суворова 3-й степени - командиры полков Кожевников, Федоров, Шерстнев, комбаты Ефименко, Малашенков, Собакин. Замполит Хламкин награждался орденом Красной Звезды...

Своей фамилии в приказе Меньшов не нашел.

Почему? - недоумевал он. - Начальник штаба 270-го полка получает орден Суворова. А наш штаб разве хуже действовал?

Стало как-то обидно, но это не помешало Меньшову поздравить друзей-однополчан. Он звонил в батальоны, приветствовал краснознаменцев, первых в дивизии кавалеров ордена Суворова.

Разговор его с Собакиным неожиданно прервал телефонист.

- Что вы там? - сердито крикнул Меньшов в трубку. И тут же услышал бас комдива:

- Это я прервал, Меньшов.

- Слушаю вас, товарищ гвардии генерал.

- Приказ читал?

- Читал.

- Небось засосало под ложечкой, что своей фамилии не увидел?

Меньшов не нашелся, что сказать.

- Не обижайся, майор. Ошибка вышла. А ты орден заслужил и получишь.

- Да я не обижаюсь.

- Ну и хорошо.

Прошло немного времени, и Меньшов убедился, что своих обещаний Симоняк не забывает, но уже сейчас от слов генерала стало легко на сердце. Обида сменилась чувством признательности комдиву, который вспомнил о нем, оценил и его труд во время боя.

- Как у вас с пополнением? Познакомились? - спрашивал между тем Симоняк.

- Осваиваем.

- Надо торопиться. Война не ждет.

Меньшов уловил намек на то, что передышка подходит к концу.

И действительно, Военный совет фронта уже разрабатывал план нового удара по врагу. Продвижение наших войск у Синявина застопорилось. Противник успел подтянуть туда свежие силы. Командование решило, что целесообразнее начать наступление на участке 55-й армии, из района Колпина ударить на Красный Бор и далее на Тосно, перерезать дороги, которые связывают неприятельскую мгинско-синявинскую группировку с основными силами 18-й армии.

Симоняк, положив трубку, подозвал шофера.

- Машина на ходу? - спросил он. - Заправлена?

- А далеко ли ехать?

- В Рыбацкое.

- На старые места, - заметил Говгаленко.

- Еще один выговор зарабатывать, - мрачновато пошутил Симоняк, вспомнив неприятный разговор в штабе 55-й армии после боев у реки Тосны.

- До этого, думается, не дойдет.

- На войне, Иван Ерофеевич, всякое бывает.

6

Перед рассветом наблюдатели увидели неподалеку от первой траншеи человека. Он шел, проваливаясь в снег, с поднятыми руками.

- Перебежчик, - догадались солдаты.

Это был испанец. Молодой, черноглазый, он широко улыбался, открывая белые зубы. Перебежчик не знал ни одного слова по-русски, но часто повторял: Камрадо, Республика, Интернационал. И его поняли: этот улыбающийся парень радуется, что вырвался от тех, кто обманывал его, кого он ненавидел.

Перебежчик принес с собой гитару. Сержант показал на нее. Испанец охотно начал перебирать струны, и в землянке зазвучала мелодия марша испанских республиканцев.

- Прощевай, камрадо, - напутствовал испанца, которого отправляли в штаб полка, сержант. - Ты-то в живых останешься, а вот за остальных, которые там, не ручаюсь...

Сержант думал о близких боях. По ночам на наших позициях скрытно устанавливали пушки, оборудовали наблюдательные пункты. В светлое время этого нельзя было делать. Местность перед Красным Бором лежала совершенно открытая, она походила на громадный ровный стол. Лишь в разных

направлениях пересекали ее глубокие траншеи и ходы сообщения.

Красный Бор! Противотанковый ров! Сколько крови уже было пролито на этих равнинных местах. В августе сорок первого года тут остановили прорвавшиеся фашистские войска. Ижорский рабочий батальон грудью встал на защиту родного Колпина. И с тех пор жестокие бои вспыхивали здесь не раз. И в первую блокадную зиму, и летом сорок второго года, когда удалось несколько потеснить немцев, выбить их из Путролова, Ям-Ижоры. Теперь приближался час нового штурма красноборского узла сопротивления.

Испанского солдата с гитарой переправили на машине из-под Колпина в Рыбацкое. Он появился кстати. Перебежчика допросили в разведотделе и отправили к члену Военного совета Романову. Того интересовали причины, побудившие солдата на столь решительный шаг.

- Я давно подумывал, - объяснил испанец. - С фашистами мне не по дороге. Что я для них? Они всех ненавидят: и русских, и испанцев.

- Поздно вы это поняли, - заметил Романов. Перебежчик озадаченно посмотрел на генерала.

- Я не фашист, - сказал он.

Когда Романов предложил выступить ему по радио, рассказать о том, как его встретили русские, испанец сразу согласился:

- Могу. Всех позову сюда.

Открылась дверь, и на пороге выросла фигура Симоняка. За ним стоял Говгаленко. Романов обрадовался их появлению и окончил разговор с перебежчиком.

- Ты всё такой же, гвардии генерал, - сказал он комдиву. - Именинник, а выглядишь - туча тучей.

- И ты прежний. Безоблачен, как майский денек на Кубани.

- За дивизию радуюсь.

Романов забрасывал своих гостей вопросами:

- Кого на двести семидесятый полк поставили?

- Афанасьева. Помнишь, из инженерной академии. На Ханко стажировался.

- Потянет?

- Подходит по всем статьям. Летами молод, а умом созрел. И смелости ему не занимать.

- В батьку пошел, - добавил усатый Говгаленко.

Отец Афанасьева, это знал и Романов, был военным моряком, соратником героя первой русской революции лейтенанта Шмидта. Сын унаследовал от отца его отвагу, верность

революционному долгу. И только в одном разошелся с отцом стал не моряком, а военным инженером.

На Ханко и в последующих боях Афанасьев зарекомендовал себя с наилучшей стороны и как командир стрелкового батальона, и как дивизионный инженер.

- А что это был за тип с гитарой? - поинтересовался Симоняк.

- Испанский солдат из Голубой дивизии.

Романов передал содержание их разговора.

- Все они задним умом сильны, - недоверчиво проговорил Симоняк. - Попадут к нам и начинают лопотать: Гитлер капут, Я не я, и лошадь не моя.

- Этот сам перешел. И пожалуй, говорит правду, что многие солдаты Голубой дивизии не прочь воткнуть штыки в землю.

Симоняк кое-что уже слышал об этой дивизии. Испанский диктатор Франко направил ее на Восточный фронт в знак своей преданности Гитлеру. Командовал дивизией приближенный Франко - генерал Ифантес. Некоторое время испанцев держали в тылу, но когда с резервами у немцев стало туго, передвинули на передний край. Голубая дивизия обороняла Красный Бор, который гвардейцы должны были штурмовать.

- Посмотрим, как они воюют, - произнес Симоняк. - Ждать недолго. Сроки даже слишком жесткие.

- Не подумай и заикаться об этом.

Романов рассказал о совещании у командующего фронтом. Обсуждался вопрос о красноборской операции. Командующий 55-й армией генерал Свиридов высказал опасение: удастся ли за такой короткий срок перебросить под Колпино войска, всё подготовить...

Говоров пристально посмотрел на Свиридова. Коротко остриженные усы сердито вздрогнули.

У вас всё? - спросил он. - Так вот: откладывать не будем. Промедление в подобном случае недопустимо. Только поможем врагу собрать силы.

Свиридову, как студенту, - всегда одних суток не хватает, - иронически вставил Жданов.

Романов, закончив рассказ, добавил:

- Так что, Николай Павлович, никаких отсрочек не жди.

- Слушаюсь, товарищ член Военного совета.

В вечерней полумгле роты вытянулись на обочине дороги. Скрипел снег, раздавались команды, погромыхивали котелки. Капитан Зверев, легкий на ногу, нетерпеливый, озабоченно обходил строй.

- Всё взяли? - спрашивал он у Бойко. - Ничего не забыли?

Тот успокоил комбата: люди на месте, оружие в порядке,

имущество погружено.

Андрей Максимович был старше Зверева на десять лет, выглядел солидно, казался даже несколько мешковатым. Числился старшиной, но по-прежнему командовал первой ротой. Комбат просил Кожевникова никем Бойко не заменять. Лучшего ротного ему не надо.

- Не офицер он, - проворчал Яков Иванович. - Образования военного нет.

- А воевал как?

Бойко, как и Зверев, получил на днях орден Красного Знамени. Прикрепил к гимнастерке над левым карманом и нет-нет да и косил глазом на орден.

Зверев отправился во вторую роту. Здесь его нагнал замполит батальона Василий Иванович Челухов.

- Куда ты запропастился? - недовольно спросил Зверев. - Хоть розыск объявляй.

- В политотдел заходил, а на обратном пути в госпиталь, с ребятами прощался. Когда еще встретимся?

- Встретимся. Держи голову выше; комиссар.

Вспыхнувший огонек папиросы осветил совсем юношеское лицо Зверева.

Челухов за несколько месяцев привык к молодому комбату, полюбил его. Видел его достоинства, видел и слабинку - стремление казаться старше, говорить порой нарочито грубовато. Осторожно, стараясь не задеть самолюбие, не оттолкнуть от себя, Челухов незаметно для Зверева шлифовал его колючий характер.

- Есть держать выше голову, - ответил замполит.

Он рассказал, что встретил в госпитале комдива. Генерал вручал раненым награды. Ходил в белом халате от койки к койке, разговаривал с солдатами и сержантами.

- Симоняк договорился с командующим фронтом, чтобы наши раненые обязательно возвращались обратно в свою дивизию. Вместе звание гвардейцев завоевали, вместе и дальше пойдем.

- Наш генерал обо всем подумает, - заметил Зверев. - Правда, попади я в госпиталь - и без приказа махнул бы по выздоровлении обратно в свой полк.

Отогнув рукав полушубка, комбат направил глазок карманного фонарика на часы.

- Ого, скоро и в путь.

Поздним вечером гвардейцы покидали Морозовку. Сердито ворчали моторы, фыркали кони, натужно скрипели полозья саней.

На окраине поселка Зверев и Челухов в радостном изумлении застыли на месте. Со стороны Шлиссельбурга к Морозовке

двигался громыхающий поезд. Шел по мосту, который десять дней и ночей строила железнодорожная бригада.

Зверев сорвал с головы шапку, замахал ею в воздухе. Вот и прошел первый поезд с большой земли. За ним пойдут и пойдут эшелон за эшелоном. Хорошо!

8

63-я гвардейская дивизия наступала на Красный Бор со стороны Колпина. Симоняк намечал нанести главный удар на правом фланге, вдоль шоссе Ленинград Москва. Сюда он и направил большую часть приданных дивизии 1 средств усиления: артиллерии, танков. Еще на рекогносцировке комдив, указывая на восточную окраину поселка, говорил подполковнику Шерстневу:

- За твоим полком, Александр Иванович, решающее слово. Надо выбираться из этой ямы на простор. Одним рывком. На исходном положении - вдох, а за Красным Бором - выдох. Так и нацеливай комбатов.

- Слушаюсь, товарищ генерал.

Начальник штаба Меньшов разработал план боя, строго рассчитанный по часам и минутам. И в других полках, наступавших левее, тщательно продумали всё, начиная от выхода на исходный рубеж для атаки и кончая боем в глубине вражеской обороны.

В своем резерве, как и на Неве, комдив оставил два; стрелковых батальона. Он намеревался использовать их, когда образуются бреши в обороне Голубой дивизии.

На заседании Военного совета фронта, когда комдив гвардейской доложил, что соединение готово к выполнению боевой задачи, Жданов спросил:

- Вы всё рассчитали, товарищ Симоняк? Может быть, вам еще что-нибудь требуется?

- Ничего не надо.

- Вот какие комдивы пошли, - заметил, улыбнувшись, начальник штаба фронта Гусев.

Говоров сидел за столом молча. В его спокойных серых глазах Симоняк уловил мелькнувшую теплую искорку. Одобряет, очевидно, - подумал он, - жаль, что не выпадало случая поздравить командующего со званием генерал-полковника. Удивительный он человек, большого ума и сильной воли. А что скуп на слово и улыбку, разве это умаляет его достоинства?!

Бой развивался иначе, чем предполагал Симоняк. На правом фланге, где было удобнее использовать танки, противник ждал их, и здесь сопротивление оказалось более упорным, чем на левом, где наступал полк Кожевникова. Батальоны Зверева и Малашенкова под прикрытием дымовой завесы вместе с танками

1-й Краснознаменной бригады сделали трехкилометровый бросок, нависли над Красным Бором слева.

Кожевников не замедлил доложить о первом успехе командиру дивизии.

- Добре, Яков Иванович. Вы сегодня именинники, - похвалил Симоняк. - По вашим стопам Васильева и Федорова отправляю. Уразумел?

- Понятно.

На участке 342-го полка комдив, как и говорил Кожевникову, ввел резервные батальоны. Батальон Виктора Васильева получил задачу - захватить станцию Поповка, а комбат Федоров - ударить слева по Красному Бору и этим помочь 270-му полку двинуться вперед.

- И нам пора собираться, - весело сказал Симоняк Морозову.

- Не рано ли? - осторожно заметил начарт. - Помнится мне одна поговорка: Не кричи гоп, пока не перескочишь...

- Перескочили, Иван Осипович. Полки воюют сегодня по-гвардейски.

К вечеру стрелки и танкисты очистили Красный Бор.

До войны в этом поселке было более восемнадцати тысяч жителей. Немцы захватили его в конце августа сорок первого года. За семнадцать месяцев превратили его в мощный опорный пункт и считали неприступной цитаделью. А пал он за несколько часов. Здесь на равнине, как и на синявинских торфяниках, командиры батальонов и рот гибко маневрировали, наносили по врагу удары там, где он не ожидал. Орудийные расчеты не отставали от стрелков и постоянно поддерживали их своим огнем. Умно и дерзко действовал комбат Зверев. Первая рота наткнулась на вражескую батарею, которую прикрывал пулеметный дзот.

- Что думаешь сделать, Андрей Максимович? - спросил Зверев у ротного.

- Атаковать.

- Но не в лоб, а вот оттуда.

- С тыла?

- Именно. Иди по оврагу в обход, а мы здесь пошумим.

Андрей Максимович проник в тыл вражеских артиллеристов. Скоро там загремело ура. Гвардейцы перебили орудийные расчеты, захватили батарею и ворвались на окраину деревни Степановка.

Оправдал надежды комдива и комбат Виктор Васильев. Станцию Поповка гитлеровцы обнесли колючей проволокой, построили на подходах к ней несколько дзотов. Автоматчики батальона просочились по кустарнику и придорожным канавам к

станции и уничтожили вражеские огневые точки. Дружной атакой батальон довершил начатое ими дело. Поповка перешла в руки гвардейцев.

Едва сгустились сумерки, комдив перебрался в Красный Бор. По улицам поселка стлался едкий дым. С окраин доносилась частая стрельба.

К Колпину провели группу пленных в уродливых соломенных чунях, прозванных нашими бойцами эрзац-валенками. У перекрестка, пропуская танки, испанцы жались в сторону, проваливаясь в снег. Они всего боялись, завшивевшие, обманутые Гитлером гидальго. Хотели попасть в Ленинград? Теперь попадете.

За танками, попыхивая дымком, проехала походная кухня.

- Куда путь держишь? - спросил Говгаленко у ездового.

- На станцию Поповка. Далече еще?

- Да нет. Сущий пустяк.

- Ну и хорошо, а то ждут солдаты морального духа.

- Как ты сказал? - изумился Говгаленко.

- Э, да ты, видать, войны мало понюхал, - насмешливо отозвался ездовой. Говорю, моральный дух везу - да это же наша походная кухня. Понял? А теперь прощевай, товарищ, не знаю, как тебя по званию. Но-но... Но...

- Слышал, Иван Ерофеевич? - рассмеялся Симоняк. - Здорово отбрил тебя ездовой. Есть в его словах правда. Котелок супа или кружка кипятка иной раз солдату, ого, сколько бодрости придает! Больше, чем другие твои мероприятия.

Симоняк нарочито задел больную струнку Говгаленко, и тот, что называется, завелся с первого оборота. Пошел, пошел доказывать, мешая русские слова с украинскими, что комдив кухню переоценивает, а духовную пищу недооценивает. Симоняк посмеивался. Чудак! Всё опасается, как бы кто не умалил роли партийно-политической работы. Кто, по его мнению, хочет это сделать? И кого нужно убеждать, что дважды два четыре, что партийно-политическая работа цемент, который соединяет воедино разных людей, увлекает на подвиги? Разве повернулся бы язык у командира приказать Дмитрию Молодцову закрыть грудью амбразуру или истекающему кровью солдату оставаться в строю? Они делали это по приказу собственного сердца, люди великой идеи, несгибаемого морального духа.

- Пришли. - Голос начальника оперативного отделения Захарова прервал мысли Симоняка. - В этом доме наш новый наблюдательный пункт.

Спустились в подвал. Там комдив увидел Путилова.

- Как дела, Савелий Михайлович? - осведомился Симоняк.

- Как дела? А вот смотрите, - предложил замкомдива, развернув свою карту. - Двести шестьдесят девятый и двести семидесятый полки вышли к роще за Красным Бором, триста сорок второй - на станцию Поповка.

- Нужен язык, - сказал комдив, - чтобы выяснить, кого сюда немцы подбросили. Вызывайте Кожевникова.

Яков Иванович по-прежнему был в превосходном настроении. Полк выполнил задачу, захватил пять продовольственных складов, сорок лошадей, несколько батарей, одна из них 305-миллиметрового калибра, осадная, переброшенная из-под Севастополя, стреляла по Ижорскому заводу, била по Ленинграду...

- Зверев на окраине Степановки, - доложил полковник. - А Васильев крепко держит Поповку.

- Кухня уже там?

- Прибыла.

- Тогда можно наверх докладывать... Симоняк сказал это самым серьезным тоном. Коль подтянулись батальонные тылы - значит, положение устойчивое.

- Языки нужны, - потребовал командир.

- Сорок пять пленных взяли, двух капитанов отправили к вам.

- Знаю. Да эти уже с душком. Свеженьких давай.

9

Легковушка Симоняка мчалась по Красному Бору. За четыре боевых дня просто неузнаваемым стал поселок. Днем и ночью его яростно обстреливала вражеская артиллерия. Снаряды порой сюда прилетали словно из нашего тыла, вызывая возмущенные возгласы: По своим бьют... Но стреляли не советские орудия, а вражеские батареи, из-под Пулкова и даже из Красного Села. Часто из туч вываливались эскадрильи самолетов с черными крестами, сбрасывали бомбы. Рушились деревянные строения, вспыхивали пожары...

Симоняк сидел рядом с шофером, позади - Романов. Приезжал он в Красный Бор с чрезвычайными полномочиями: смещал по решению Военного совета армии командира дивизии, которая наступала левее гвардейцев, на Чернышево. Успеха она не имела, комдив, по словам Романова, весь бой проспал.

- Болен, - объясняет. Да меня на мякине не проведешь, плохо воюет.

Георгий Павлович ради красного словца мог несколько преувеличить, сгустить краски. И всё же Симоняка обуяла злость на комдива, выпустившего из рук управление полками. На такого у Симоняка поднялась бы его суковатая палка.

На место смещенного Романов поставил Путилова.

- Грабите среди бела дня, - сказал Симоняк.

- Знаешь, Николай Павлович, так кулаки говорили, когда продотрядовцы потрошили у них ямы с зерном.

- Не приклеивай ярлыков... Мне с хорошими людьми расставаться жалко.

- Не сердись. Не вечно же Путилову в замах ходить. У орлов и то как бывает: оперился птенец, и родители дают ему добро на самостоятельный полет...

- Ну, кулака я тебе всё равно не прощу.

Покончив с делами в соседней дивизии, Романов снова завернул к Симоняку.

- Еще за кем-нибудь?

- За тобой, Николай Павлович. Вызывают на заседание Военного совета.

На окраине Красного Бора шофер резко затормозил. Впереди на дороге и вдоль нее рвались снаряды, клубился дым.

Симоняк вышел из машины, остановился у домика с разбитой крышей. Романов подошел к нему. Они молча наблюдали, как впереди взлетают темно-серые клубы земли и снега. Единственную дорогу в Красный Бор немцы не оставляли все эти дни в покое. Николаю Павловичу вспомнилось, что корреспондент фронтовой газеты, приехавший вчера в дивизию, рассказывал: В штабе армии говорят: прежде чем ехать к Симоняку, надо завещание написать. - Написали? - усмехнулся комдив. - У меня, собственно, завещать нечего. - А вам никак нельзя было отложить поездку? Взяли бы донесения... - От этого увольте. Вы бы сами, товарищ генерал, перестали газету уважать. - Пожалуй... Ну, коль вы такой отчаянный, записывайте... И комдив с полчаса рассказывал о боях за Красный Бор, о разгроме Голубой испанской дивизии. Окончив, предупредил: В полки вас сейчас не пущу. Может случиться, что и этот материал не попадет в газету. Отправляйтесь обратно. В добрый час.

Добрался ли фронтовой корреспондент до редакции, генерал не знал. Мог попасть под огневой налет, и тогда... Некому будет разбирать торопливые записи в измятом блокноте.

Обстрел несколько приутих, стали видны туманные контуры колпинских строений.

- Может, поедем? - сказал Романов.

- Выждем. Не к чему нам друг перед другом свою храбрость выказывать.

- На Военный совет не опоздать бы.

- А Военному совету мы какие нужны - живые или мертвые?

- Живые, - рассмеялся Романов.

- То-то. Или ты считаешь, что мне больше воевать не к чему.

Стал Симоняк Героем Советского Союза, и на этом его биография может оборваться?

О присвоении звания Героя Симоняк узнал здесь, в Красном Бору. Поздно ночью 10 февраля ему позвонил Георгий Павлович:

- Указ Верховного Совета ты слышал по радио?

- Нет.

Романов стал читать:

- ...Присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда: сержанту Лапшову Ивану Антоновичу... Знакомая фамилия? Слушай дальше: Красноармейцу Молодцову Дмитрию Семеновичу... Младшему сержанту Пирогову Тимофею Ефимовичу... Их, видимо, тоже знаешь. И вот еще: Генерал-майору Симоняку Николаю Павловичу. И этот тебе, должно быть, знаком.

Герой Советского Союза... - подумал Симоняк. Он ведь не закрывал грудью амбразуру дзота, подобно Дмитрию Молодцову, не косил в неравной схватке, как Иван Лапшов и Тимофей Пирогов, гитлеровцев... Заслужил ли он?

Но такой вопрос не вставал ни перед командармом Духановым, когда он подписывал наградной лист, ни перед Говоровым и членами Военного совета фронта. Его геройство проявилось в смелости мысли, в храбрости ума. Симоняк не приостановил движения полков, когда немецкое командование угрожало отрезать их от берега, окружить. Неколебимая уверенность в успехе пронизывала каждое его решение, а его твердая воля прокладывала дорогу к победе...

Но сам Герой судил скромно. Он делал то, что, по его убеждению, следовало делать и на что он был способен. Бывал там, где нужно бывать, смелостью своей не козырял - не любил он показной храбрости, которая порой выглядит красиво, а к добру не приводит...

Немецкие артиллеристы перенесли огонь вправо, дорогу обстреливали лишь отдельные орудия.

- Теперь поехали, - кивнул шоферу Симоняк. - Нажимай, Михайло.

Машина, пролетев на полной скорости через открытое место, въехала в Колпино. Шофер, не сбавляя газ, направился к штабу армии.

В просторной комнате, где должно было происходить заседание Военного совета, собрались командиры дивизий и бригад. У продолговатого стола сидели Борщев, Сенкевич, Путилов, Потехин... Начальник оперативного отдела Щеглов вешал на стену крупно вычерченную схему.

Тут что-то затевается серьезное, - подумал Симоняк. - Куда же

нас теперь бросят?

10

От взрыва танк подпрыгнул, накренился. Зверев больно ударился головой о броню. Застрявший танк был хорошей мишенью для немцев. Пушку свернуло набок, рация не действовала. Командир машины отправил радиста к своим, но минуло уже с час, на выручку никто не приходил... А немцы подбирались всё ближе.

В танке их было трое: капитан Зверев, командир экипажа - лейтенант и механик-водитель. Лейтенанта звали Петром, а водителя Сашкой. Фамилий их комбат не знал и лиц не разглядел. Свела их фронтовая судьба глубокой ночью.

Зверев был на командном пункте полка, когда немцы начали контратаку. Услышал нарастающую стрельбу и вопросительно посмотрел на Кожевникова. Каждая жилка на совсем еще юношеском лице комбата выдавала нетерпение.

- Беги, - сказал комполка.

Зверев поспел в самый раз. Немцев удалось отбросить...

Решив уточнить обстановку, Зверев залез в танк и выехал на окраину деревни Чернышево. Они оказались под самым носом у противника. Началась страшная пальба.

- Разворачивайся, - приказал лейтенант.

Танк повернул и застрял, продавив бревенчатый мостик через канаву.

В Сибири я жил, - подумал Зверев, - слышал волчий вой. Жуть брала. Но что это по сравнению со свистом снарядов и воем мин...

- Русс, сдавайся! - донеслось в танк.

Лейтенант стрелял наугад в темноту.

Более трех часов Зверев вместе с членами экипажа отбивал атаки, приоткроет верхний люк и метнет гранату в подползших фашистов. Один из бросков окончился не совсем удачно: в высунутую руку впилась пуля. Было похоже, что развязка близка. Немцы подложили заряд под танк и взорвали. В машину проник едкий дым, запахло гарью.

- Что будем делать, Петр?

- Танкисты живыми не сдаются, - сказал лейтенант.

- Ну, и гвардейская пехота тоже.

11

Полковник Щеглов был отменным ходоком и незаменимым спутником. Его веселый говор не утихал ни на минуту. Симоняку это нравилось, - он любил шутку.

Талый снег расползался под ногами, и на тропе, по которой шагали Симоняк и Щеглов, проступала вода.

- Сюда, - показал полковник на неглубокий овражек, где над

врезавшейся в покатый откос землянкой трепыхался белый лоскут с красным крестом, - страшно пить хочется. А тут наверняка чай найдется.

- Может, что и покрепче, - усмехнулся Симоняк. У входа в землянку молоденькая сестричка отчитывала рослого парня с рукой на перевязи:

- И чего тебе не лежится? Придет машина - отправим...

- Не о машине тоскую, - оправдывался раненый. - Лежать невмоготу.

- Так его, Клава, - вмешался Щеглов. - Дисциплинку держи.

- Здравия желаю, товарищ полковник.

- Чайком побалуешь? - спросил Щеглов.

- Конечно, можно.

Клава нырнула в землянку и вскоре вынесла громадный чайник.

Потягивая горячий, круто заваренный чай из обжигающей губы алюминиевой кружки, Щеглов спросил:

- Где твой Ромео?

Клава как-то сразу сникла:

- Да разве вы не знаете? Тяжело ранен Петя. Там, на Неве. Два месяца как в госпитале.

- Поправляется?

- Что-то больно медленно.

- Ну, не горюй. Кости целы, мясо нарастет. Опять скоро вместе будете.

Поблагодарив за чай, генерал и полковник пошагали дальше, к командному пункту 45-й гвардейской дивизии.

- Славная дивчина, - сказал Щеглов и, не ожидая расспросов, стал рассказывать.

Попала Клава в стрелковый полк из Кронштадта с пополнением моряков. С гордостью носила она полосатую тельняшку. Казалось, и сердце свое отдаст какому-нибудь флотскому орлу, но полюбила пехотинца, застенчивого полкового врача, только расставшегося со студенческой скамьей. Клаву пытались отговаривать: на войне, мол, не до любви, да и молода еще очень. Гляди, как бы в восемнадцать лет тебе вдовой не остаться.

Не действовали эти увещевания на Клаву. Решили разобрать ее в комсомольском порядке. И постановили на собрании просить командира полка перевести медицинскую сестру Первову в медсанбат.

Как только кончилось собрание, Клава сказала своему избраннику Петру Гультяеву:

Пойдем к батьке. Пускай рассудит.

Полковой врач и медицинская сестра пришли к командиру дивизии.

Первой заговорила бойкая Клава:

Можно на войне любить, товарищ генерал?

А что любить?

Не что, а кого... Вот его.

Его? Врач он хороший, офицер храбрый. Помню, на Ивановском пятачке он смело воевал, и под Московской Дубровкой тоже.

А мне вот запрещают любить...

А ты чего молчишь, доктор?

Она всё правильно говорит, товарищ генерал. Грозят ее из полка убрать и на этом считать нашу любовь исчерпанной.

А вы всё взвесили, друзья? Тебе - двадцать два, а она еще моложе. Война ведь сурова, всякое может случиться...

Только смерть и может разлучить нас, - горячо произнесла Клава.

Коль всё у .вас твердо решено, то быть по-вашему Благословляю. Хотите, вот в свою книгу запишу, а там будет поспокойнее, в загсе свой союз оформите.

Комдив достал из столика три зеленоватых стаканчика, налил вина:

Ну, чокнемся, молодожены. Пусть ваш союз будет крепким, как наша гвардия.

После этого Клаву уже не прорабатывали. А молодая чета вызывала у всех, кто с ней встречался, самое доброе к себе отношение.

- Чего только в жизни не бывает, - неопределенно заметил Симоняк. - Кого война разлучает, а кого вот так столкнет, спаяет накрепко.

Симоняк и Щеглов порядком устали. Они побывали в дивизии Путилова, в бригаде Потехина, у танкистов, координировали действия ударной группировки армии. Перед ней ставилась задача прорвать оборонительный рубеж на реке Тосне, наступать на Никольское, Ульяновку и затем повернуть к Синявину на соединение с войсками армий - 2-й ударной и 67-й.

63-я гвардейская дивизия также входила в состав ударной группировки. Ее полки, передав свои позиции в Красном Бору артиллерийско-пулеметному батальону, передвинулись на два-три километра левее.

Новый удар не достиг цели. Немцы подтянули в этот район много войск, у них было численное превосходство. Они нередко сами контратаковали. Едва не случилась серьезная беда с 270-м полком. Гитлеровцы прорвались к его штабу, их танк подошел к

самому блиндажу, где находилось полковое знамя. Замполит Чудинов и капитан Константин Гаврушко, начальник штаба, увидев это, пошли на крайнюю меру.

- Вызывай огонь! - приказал Гаврушко своему помощнику Завьялову.

Командир артиллерийского полка Михаил Васильевич Шошин не сразу понял, чего требует капитан Завьялов.

- Вы не ошиблись? - переспросил он. - Повторите координаты... Это же...

- Другого выхода нет. Торопитесь.

Через несколько минут артиллерийский дивизион открыл огонь. Корректировал Завьялов. Батарейцы били по штабу, окруженному фашистами.

Командир полка Афанасьев, узнав, какой опасности подвергается штаб, двинулся с автоматчиками на выручку. На окраине деревни Чернышеве Афанасьева ранило. Он остался в строю, руководил боем.

Автоматчики, поддержанные танками, разогнали фашистов. Полковое знамя не попало в руки врага. После боя Симоняк говорил с Афанасьевым. Тот и не заикнулся о ране.

- Какова дальнейшая задача? - спрашивал он.

- Пока держать оборону.

Сам Симоняк считал, что пора ставить точку. И сегодняшний поход со Щегловым еще больше утвердил его в этом убеждении. Левое крыло армии не имеет достаточных сил и средств, чтоб сломить сопротивление противника, а действия наших войск еще осложнила распутица. Ртутный столбик резко прыгнул вверх, снег начал таять, зимние дороги на болотах превращались в вязкое месиво. Как ни нажимай на командиров дивизий и полков, - выше головы не прыгнут, через реку Тосну не перескочат.

- Дело табак, - говорил Щеглов. - Придется Свиридову и Романову отрабатывать стойку смирно в кабинете Военного совета фронта. Не везет Владимиру Петровичу. Хороший он человек, культурный генерал, а вот...

- Что вот?

- На других фронтах крупные города берут, а здесь через Теткин ручеек не перебраться, к деревушке Поркузи ключей не подобрать. Это, кстати, не мои слова, в дивизиях говорят.

- Говорят те, которые дальше своего носа не видят.

Симоняк недовольно засопел. Эх, не перевелись еще доморощенные стратеги.

Дела 55-й армии скромные, негромкие. Красный Бор, несколько соседних селений... Об их освобождении ни строчкой не обмолвилось Совинформбюро. Но разве красноборская

операция не сыграла своей роли? Немцам пришлось перебросить сюда еще шесть дивизий, и это облегчило наступление наших войск в районе Синявина. По данным фронтовой оперсводки, выровнен фронт приладожского коридора, занято несколько сильных вражеских опорных пунктов.

- Стой! Кто идет?

Адъютант Симоняка шагнул вперед, назвал пароль. Генерал и полковник подошли к штабу 342-го полка. Хладнокровный Кожевников на этот раз был сам не свой.

- Какая муха тебя укусила, Яков Иванович? - спросил командир дивизии.

- Зверев пропал.

Он сказал это с такой горечью, что чувствовалось - очень дорог ему молодой комбат.

- Вас вызывают, товарищ полковник, - доложил телефонист, - Челухов.

Кожевников схватил трубку. Замполит сообщал, что из экипажа танка приполз израненный радист. Зверев жив. Отправили ему на выручку танк и автоматчиков, но танк не дошел - подбили.

- Еще направь, да живее. Не жди, пока я приду...

- Мастер ты распекать, Яков Иванович, - заметил комдив.

- С ними по-другому нельзя. Вот они у меня где, - оправдывался комполка, показывая на широченную грудь.

- Нас ждут, Николай Павлович, - напомнил Щеглов.

- И поговорить не дает начальство, - усмехнулся Симоняк. - Выручайте Зверева. И дайте мне знать. Парень он славный, есть за что любить.

Кожевников позвонил под утро. Симоняк еще не ложился спать. Долго был в штабе армии. Там он откровенно высказал свое мнение - продолжать наступление нет смысла. Кроме больших потерь, это ничего не даст. Свиридов и Романов сказали: Надо подумать. Может, и верно, вспомнили о стойке смирно? Голос у Кожевникова был веселый.

- Выручили Зверева.

- Ты докладываешь так, будто Поркузи взял.

- Что Поркузи? Зверев дороже.

Как его вызволяли, Зверев рассказал Симоняку сам. Когда вернулся в батальон, его чуть не силком отправили в медсанбат. Там и навестил его командир дивизии.

- Просто беда с ним, - жаловался начальник медсанбата Макаров. - Хоть веревками к койке привязывай.

- Захочет убежать - и койку с собой унесет, - засмеялся Симоняк. - Такой парень. А что с ним?

- Три раны. Много крови потерял.

В медсанбате Зверева отмыли, перевязали, побрили. Но выглядел он неважно.

- Сколько здесь меня будут мучить, товарищ генерал? - с обидой в голосе спрашивал он.

- Я тут не начальник. Что врачи скажут - тому и быть. Верно, сестра?

- Так точно, - ответила, пряча улыбку, старшая медицинская сестра Зина Кособутская.

Ее в дивизии многие знали. Работала на Ханко в подземном госпитале, была правой рукой хирурга Алесковского. Сколько ран перевязали ее заботливые руки, сколько сердец обогрела добрая и милая улыбка.

- Слышал, брат? С врачами не спорь. Расскажи, как тебя спасали.

- Что рассказывать? Сидели в танке, как в ловушке. Решили - лучше живьем сгореть, чем в плен. Спасибо ребятам. Пробились к нам. Вначале я не поверил. Слышу, кричат: Вылазьте. Свои. А голос незнакомый. Так же было на Неве: идут к моему КП автоматчики, кричат свои, а оказалось - фашисты, чуть нас не перестреляли.

- Помню, - заметил Симоняк.

- И здесь кричат свои. Кто вас послал? - спрашиваю. Замполит. - Как фамилия? Фамилию называют, но имени и отчества назвать не могут. Не стал я выходить до тех пор, пока кто-то к Челухову не сбегал. Вылезайте, капитан, слышу опять. - Василий Иванович вас ждет. Тогда открыли мы люк и выбрались. Огонь чертовский, а нам троим, танкистам и мне, всё нипочем. Рады, словно заново родились. Об одном жалею.

- О чем же?

- Не довоевал до конца. Они, - покосился Зверев в сторону врачей, - скоро не отпустят.

- Не горюй. Дивизию отводят во второй эшелон. Навоеваться еще успеешь.

12

Полки выстроились в саду за заводом Большевик. Начинался март, деревья стояли без единого листочка, но уже томились ожиданием близкой весны. Неподалеку дымил высоченными трубами старый завод.

Симоняк обводил глазами шеренги гвардейцев. Он стоял на заснеженной поляне, в шинели, в светло-серой папахе, придерживая рукой эфес шашки. Он волновался в этот день не меньше, чем перед серьезным боем.

Показалось несколько машин. Они остановились у въезда в сад. Симоняк, Говгаленко, Трусов заторопились навстречу. Из машины вышли Говоров, члены Военного совета Н. В. Соловьев и начальник Политуправления К. П. Кулик. Комдив доложил, что дивизия построена для вручения гвардейского знамени.

В центре поляны возвышалась невысокая трибуна. Говоров поднялся на нее. Он поздравил гвардейцев, говорил о той высокой ответственности, которая ложится на них.

А гвардейское знамя трепетало на ветру.

- Вот оно, славное знамя, гвардейцы, - сказал Говоров. -

Великая воинская святыня.

Симоняк принял знамя из рук командующего фронтом, высоко поднял над собой, чтоб каждый увидел, затем опустился на колено, поцеловал боевой стяг.

Гвардейцы тоже преклонили колена, давая Родине священную клятву. Они торжественно обещали со славой пронести знамя дивизии через все испытания.

- Мы клянемся! - гремело над садом могучее тысячеголосое гвардейское слово.

Долетело оно, подумалось Симоняку, и до цехов питерского завода и дальше понеслось над Ленинградом.

- Мы клянемся! - во всю силу легких произнес командир дивизии.

- Мы клянемся! - повторили за ним гвардейцы.

Под гвардейским знаменем

Большие ожидания

Несколько дней подряд валил густой снег. Полковник Щеглов не находил себе места. Пора ехать на рекогносцировку, но разве что-нибудь разглядишь в такую погоду?

Наконец выдался звездный вечер. Комдив распорядился: едем на передовую, к рассвету быть на месте.

В серый предутренний час офицеры 63-й дивизии проходили мимо развалин Пулковской обсерватории. Двигались гуськом по узкой извилистой траншее, изредка перебрасываясь короткими фразами. Щеглов шагал так быстро, что за ним едва поспевал даже Яков Иванович Кожевников, командир 192-го полка (полкам сменили номера). Следом шел нетерпеливый, самый молодой из офицеров Афанасьев, командовавший Ленинградским 190-м полком.

- Не наступай на пятки, Анатолий, - говорил ему Кожевников. - Побереги силы.

Подполковник Шерстнев, тот самый, полк которого год назад первым соединился у синявинского поселка No 5 с волховчанами, за всю дорогу сказал единственную фразу:

- Тише вы, немца разбудите!

Кончалась еще одна фронтовая ночь. Громыхали басовитые артиллерийские выстрелы, то в одном, то в другом месте неожиданно возникал сухой треск автоматов. Часто вспыхивали ракеты - зеленые, оранжевые, молочные, выхватывая из темноты куски снежной равнины, иссеченные голые деревья.

На Пулковской высоте текла обычная размеренная жизнь переднего края. Всё живое укрылось под броней и бетоном, под многочисленными накатами из бревен, ушло в землю, покрытую глубоким снегом. И лишь наблюдатели, поеживаясь от морозца,

настороженно сверлили глазами темноту.

Оборону на Пулковских высотах держала дивизия, сформированная в свое время из ленинградских ополченцев. Осенью сорок первого года капитан Щеглов воевал рядом с ними, командовал полком противотанковой артиллерии. Трудные были бои. Полк бросали с одного опасного участка на другой, навстречу танкам.

Как-то у Гатчины, когда Щеглов сердито отчитывал командира батареи, мешкавшего с оборудованием огневых позиций, его окликнули:

- Товарищ капитан!

Щеглов обернулся. Перед ним стоял Климент Ефремович Ворошилов.

Щеглов представился, отрапортовал.

- Вижу - кадровый военный, - сказал Ворошилов. - И разговор ваш слышал. Правильно. Нельзя воевать кое-как. За беспечность расплачиваемся кровью.

Климент Ефремович осмотрел огневые позиции, поговорил с артиллеристами. Прощаясь, напомнил Щеглову:

- Вы сейчас на главном направлении. Нельзя пропустить немецкие танки к Ленинграду.

Вскоре после этой встречи над дорогой заклубились облака пыли. Шли, завывая моторами, лязгая гусеницами, тяжелые бронированные машины. Приближались с каждой минутой.

Наводчики прильнули к панорамам, прикидывали на глаз, сверяя по ориентирам, расстояние. Прозвучала команда огонь. И сразу завертелся немецкий головной танк, охваченный языками багрового пламени.

Бой на шоссе за Гатчиной запомнился Щеглову на всю жизнь. Уже чадно горели многие вражеские танки, но появлялись всё новые, и под их прикрытием шла в атаку пехота.

Ряды артиллеристов поредели, было разбито несколько пушек. Казалось - не выдержать натиска, и всё же батарейцы упрямо, яростно продолжали бой. На участке полка немецкие танки так и не прорвались. Ни за Гатчиной, ни у Пулкова, куда потом перебросили артиллеристов.

И вот вернулся Щеглов на памятные места полковником, командиром 63-й гвардейской стрелковой дивизии. Принял ее от Симоняка весной 1943 года. Случилось это совсем неожиданно для Афанасия Федоровича. Поздним апрельским вечером в оперативный отдел приехал Трусов. С Щегловым он перед войной учился в академии имени Фрунзе и позже поддерживал добрые, если не сказать приятельские, отношения.

- Свертывай хозяйство, - кивнул Трусов на бумаги, которые

лежали перед Щегловым. - Поехали!

- Куда ж это на ночь глядя?

- К нам... Э, да ты еще ничего не знаешь. Слышал, что создается гвардейский стрелковый корпус?

- Слышал. А я при чем?

- Поедем, узнаешь.

Симоняк ждал их и сразу повел разговор начистоту. Командиром 30-го гвардейского корпуса назначен он и хотел бы передать 63-ю дивизию Щеглову. Как на это смотрит Афанасий Федорович?

- А разве всё от моего согласия зависит?

- Многое...

Симоняк не скрыл, что командующий фронтом думает поставить Щеглова начальником штаба корпуса.

- Я нисколько не против. Да по характеру вижу, вы, Афанасий Федорович, не штабист, а прирожденный командир. В артиллерийском полку у вас хорошо получалось. И в лыжном не хуже. Немцы, говорят, за вашу голову дорого обещали.

Генерал был осведомлен - и о противотанковом полку, и о рейдах ленинградских лыжников по вражеским тылам. Перед тем как Щеглова назначили командиром лыжного полка, его вызвали в Смольный. Жданов, разговаривая с ним, вдруг опросил, не боится ли Щеглов смерти.

- В тридцать лет умирать не хотелось бы.

- А если потребуется?

- Чего загадывать! Убьют, и всё...

Лыжники провели всю зиму в тылу врага. Нападали на немецкие гарнизоны, подрывали мосты, резали связь.

Предложение Симоняка пришлось Афанасию Федоровичу по душе, он согласился. А комкор умел добиваться того, что считал полезным для дела. Он и начальник политотдела А. И. Игнатьев убедили Говорова и Жданова. Щеглов стал командовать дивизией, начальником штаба корпуса назначили Трусова, а вместо него в дивизию перевели молодого энергичного подполковника Аркадия Дмитриевича Голубева.

В дивизии Афанасия Федоровича приняли хорошо. Летние бои сорок третьего года под Синявином показали, что полковник - умный и смелый командир. Ко двору пришелся и новый начальник штаба, во всем точный и пунктуальный. Отличный дуэт, - говорили о комдиве и начальнике штаба.

...Поздний январский рассвет застал офицеров-гвардейцев в передней траншее. В мирные дни ученые-астрономы вели на этих высотах наблюдение за небом, изучали далекие звезды, манящие своей неизвестностью лунные кратеры, каналы на Марсе. Теперь

здесь были люди в белых маскировочных халатах, они всматривались не в небо, а в расстилавшиеся на много километров заснеженные равнины. Недавний снегопад сравнял рытвины и воронки, закрыл раны земли, и она лежала тихая, спокойная, как бы уснув после страданий. Но то было обманчивое спокойствие. Лицом к лицу стояли здесь разделенные неширокой нейтральной полосой солдаты двух армий - нашей 42-й и нескольких дивизий 18-й немецкой.

На безжизненной как будто равнине глаза офицеров различали бугорки дзотов и их черные амбразуры, дымки, курящиеся над землянками, частоколы проволочных заграждений... В штабе по карте командиры основательно изучили передний край немцев, позиции их 170-й пехотной дивизии, с которой год назад воевали на Неве. Но карта, даже самая точная, не заменит живого знакомства с местностью.

- Здесь и будем наступать, - проговорил комдив, показывая полосу прорыва. - Чуть-чуть левее, видите, полковник, ваш Самовар?

- Наш, - усмехнулся Кожевников. - Только его на подносе не подадут.

Под названием Самовар на штабной карте была закодирована Виттоловская высота, господствовавшая на первом рубеже немецкой обороны под Пулковом. Трехкилометровый путь к ней лежал через минное поле, пять линий траншей, противотанковый ров и проволочные заграждения. Начиненная дзотами и бетонированными огневыми, точками, эта высота была настоящей крепостью.

- Как решим, товарищ полковник? Кого за Самоваром пошлем, чтоб не обжегся?

- Зверева, - ответил Кожевников после минутного раздумья.

Щеглов помнил майора Зверева по Красному Бору, видел его в деле летом на синявинских торфяниках. Энергичный, напористый офицер.

- Что ж, этот сможет.

Здесь, на месте, Афанасий Федорович договаривался с командирами полков о деталях предстоящей операции.

Когда офицеры покидали Пулковскую высоту, немцы усилили обстрел наших позиций. Они вели огонь и по окутанному морозной синевой Ленинграду. Снаряды с глухим воем проносились над головой. Они рвались где-то на Международном проспекте и в центральных районах города. Это стало обыденным за годы осады и всё-таки отзывалось щемящей болью в сердце. Скоро ли смогут ленинградцы без опаски ходить по улицам, спокойно работать на заводах и фабриках, отдыхать в ночные

часы?

- Теперь уж недолго! - вырвалось у Щеглова, и офицеры поняли, о чем он думает.

Усаживаясь в машину, комдив сказал:

- Вы по домам, а я - к генералу.

2

Штаб 30-го гвардейского корпуса стоял в Колтушах. Этот тихий пригородный поселок, летом утопающий в зелени, когда-то облюбовал для лабораторий своего института великий русский физиолог Иван Петрович Павлов. Теперь в пустовавших помещениях научного городка разместились штабные службы.

Генерал Симоняк жил в небольшом домике, запрятавшемся среди берез.

Адъютант провел Щеглова к генералу.

За столом, на котором лежала испещренная синими и красными знаками карта, сидел начальник штаба Трусов. Симоняк не спеша вышагивал по комнате в расстегнутом кителе.

- Вы, разумеется, и на это способны, - ворчал он, морща крутой лоб, над которым чернели густые, коротко остриженные волосы. - Чем же я вам отвечу?

Пригласив Щеглова к столу, генерал объяснил:

- Пулковский бой разыгрываем. Изворотливый попался противник! - Он кивнул головой на начальника штаба, выступавшего в роли командира 170-й немецкой пехотной дивизии.

- Хитрее настоящего, - усмехнулся Щеглов.

- Как знать! - произнес Симоняк. - Того тоже дурачком не следует считать.

Под ногами генерала снова заскрипели половицы. Он обдумывал, как лучше ответить на ход противника.

Еще во время подготовки к прорыву блокады, когда Говоров несколько раз учинял допрос с пристрастием ему и другим командирам, ставя самые неожиданные вводные, Симоняк понял, как важно так вот заранее проработать операцию, обдумать возможные действия противника, проанализировать все данные. Нельзя рассчитывать, что в бою, на месте будет виднее и обстановка сама подскажет правильное решение. Полагаться на потом - значит идти в дорогу с завязанными глазами, с надеждой только на спасительное авось.

К боям в корпусе готовились все. Солдаты днем, а часто и ночью учились по-гвардейски, стремительно наступать, сделав, как любил говорить Симоняк, вдох при начале атаки, а выдох уже в глубине вражеской обороны. Они учились идти вперед, прижимаясь к разрывам своих снарядов, блокировать и подрывать

доты, вести ближний и рукопашный бой. Старое дело для ветеранов и новое - для тех, кто пополнил гвардейские дивизии. А новичков было немало. С пополнением приходили люди из разных мест - ленинградцы, сибиряки, москвичи и волжане. И люди это были разные - одни открытые, другие замкнутые, одни отчаянно смелые, другие робевшие от выстрела, даже не вражеского, а своего на учебном артиллерийском полигоне. Но их всех следовало, как сказал; Трусов, привести к общему знаменателю, настроить на одну - гвардейскую волну. Командиры рот, батальонов, и полков выводили солдат на местность, схожую с той, на которой им предстояло наступать. Учили людей и сами учились продалбливать, прогрызать вражескую оборону на всю глубину.

Немцы называли свою оборону под Ленинградом несокрушимым Северным валом. Это не было пустым бахвальством. Два года подряд они, словно кроты, рылись в земле, совершенствовали свои укрепления: шпиговали поля взрывчаткой и бетоном, отрыли по четыре, а на некоторых участках даже по восемь линий траншей, построили на каждый километр фронта по десять - двенадцать деревоземляных и железобетонных сооружений и бронеколпаков, обнесли всё это колючей проволокой. Много артиллерии подтянул под Ленинград неприятель - и легких полевых пушек, и тяжелых орудий, осадных, большого калибра, из которых вел огонь по домам города, по его улицам и площадям. Сорок девять стволов имели немцы на километр фронта. Их пулеметы и автоматы могли создать такую густую завесу огня, сквозь которую, казалось, не пройти ни одному живому существу, - зайцу не пробежать и птице не пролететь.

Вражеские укрепления тугим полукольцом огибали город. Местами передний край проходил на ленинградских окраинах. Второй рубеж обороны противника шел по гряде Дудергофских высот. Наступление на такую оборону и разыгрывал сейчас со своим начальником штаба Симоняк.

- Да, задали вы мне задачу! - покачивал головой генерал. - Как говорят на Украине, це дило треба розжувати! Ну, пока займемся с комдивом.

Щеглов рассказал о рекогносцировке, о полковых учениях. Приезжали командующий 42-й армией И. И. Масленников, член Военного совета армии В. П. Мжаванадзе. Оба как будто остались довольны, объявили благодарность майору Звереву и бойцам его батальона.

Комкор слушал внимательно.

- Один батальон всего не решит. Нужно, чтобы и твоя дивизия

и две другие одновременно и сильно ударили по врагу. Вместе с артиллерией, танками и самолетами...

- Мы об этом помним.

- Начинайте выдвигать под Пулково орудия. Я об этом Морозову говорил. Пусть артиллеристы осмотрятся, обживутся, пристреляют цели.

- Сегодня же начнем, - сказал Щеглов. Он пожаловался, что не всюду готовы выносные траншеи, которые отрывали батальоны, занимавшие оборону на Пулковских высотах. И артиллерийские огневые позиции не всюду оборудованы. Нельзя ли ускорить работы, направить на передний край корпусных и дивизионных саперов?

- Палка эта о двух концах, - заметил Симоняк. - Никто, тем более противник, не должен догадываться, где мы собираемся нанести удар. Всё же действуй, но соблюдай максимальную осторожность. Мы поможем.

Генерал снова заходил по комнате.

- Знаешь, Афанасий Федорович, - проговорил он, - совсем я лишился покоя, по ночам спать не могу.

Всё не может забыть! - подумал Щеглов, с сочувствием глядя на генерала. Несколько месяцев назад у Симоняка погибли жена и пятилетний сынишка Виктор. Самолет, на котором они летели в Ленинград, подбили фашисты.

Симоняк тяжело переживал потерю. Но сейчас он говорил не о том.

- И днем и ночью воюю. Хочется всё обмозговать, чтоб не получилось осечки. Ведь операция какая? Это тебе, брат, не Ивановское, не Красный Бор, не Арбузове и даже - не прорыв блокады. Нынче надо ударить немцев в самое солнечное сплетение, разбить наголову. Только так можно снять осаду.

Генерал замолчал, точно собираясь с мыслями. И неожиданно спросил:

- Ты, Афанасий Федорович, играл в городки?

- Приходилось. Кто ж в юношеские годы не играл?

- Ну так вот, хорошо, ежели нам удастся всю фигуру с первого удара вышибить. А развалишь городки сколько муки будет! Не две и не три палки потребуются...

Комкор подошел к карте.

- Вот наша полоса. Против сто семидесятой немецкой - три наших гвардейских. Превосходство имеем и в силе и в технике, а всё же нелегко придется. Станем топтаться на месте - много поляжет людей...

Симоняк глубоко вздохнул. Тяжело терять близких - жену, сына, а разве солдата, которого Родина поставила под твою

команду, терять легко? И он, Симоняк, за всех в ответе.

Лицо генерала с резко обозначенными скулами посуровело, стало напряженным.

- Так-то, полковник... Многое зависит от нас. Помнится, год назад встретил я нескольких солдат. Брели служивые с вещевыми мешками за спиной. Устали, видать, до чертиков. Спрашиваю: Куда путь держите? Посмотрел на меня бородач, усмехнулся в усы: На Берлин. - Дойдете? - Дойдем, ежели командиры дорогу покажут. Здорово ведь сказано, а?

Пасмурное лицо генерала осветила улыбка. Взглянув на часы, Николай Павлович стал застегивать китель.

- Пятый час, ехать пора. Пошли, полковник. И про городки не забудь. Про первый удар.

Под клуб в 45-й дивизии приспособили дощатое помещение какого-то склада. Из жердей сколотили скамьи, соорудили на скорую руку даже некоторое подобие сцены. Горел электрический свет - неподалеку пофыркивал привычный ко всему, безотказный движок. Начальник штадива Миленин был доволен. Глядя на комкора сияющими глазами, он словно бы говорил: Вот ведь как мы постарались...

В клубе собрался вместе с молодыми бойцами цвет гвардейского корпуса, его золотой фонд, как несколько высокопарно выразился начальник политотдела полковник Н. М. Иванов, сменивший осенью Игнатьева. Корпус был создан недавно. Входили в него 45-я, 63-я и 64-я гвардейские стрелковые дивизии. Каждая из них имела свою историю, свои традиции, и Симоняк, хоть был особенно привязан к своей родной 63-й, старался не обойти вниманием и другие.

45-я гвардейская стрелковая дивизия сражалась под Ленинградом с первых дней войны. Это она на дальних подступах к городу под Сольцами наголову разбила соединение эсэсовцев. Позже дивизия попала в окружение, немцы объявили ее уничтоженной, но полки пробились в Ленинград со своими знаменами и оружием. Ленинградские рабочие и балтийские моряки пополнили дивизию, и не было, пожалуй, ни одной серьезной операции на Ленинградском фронте, в которой бы она не участвовала: у Красного Бора, Московской Дубровки, под Синявином. Первой на Ленинградском фронте она получила звание гвардейской, и ее люди высоко держали знамя. У дивизии было много героев - таких, как ленинградский коммунист комиссар Георгий Журба. Он был смертельно ранен на Невском пятачке. Или командир 129-го полка Николай Кузнецов. Когда его наблюдательный пункт окружили немцы, он дрался до последнего и вызвал артиллерийский огонь на себя. Сотни,

тысячи бойцов гвардейской закалки и высокой доблести были в полках.

Боевое крещение 64-я дивизия получила под Любанью. Потом был Мясной Бор... Полки дивизии вырвались из ловушки, протаранили уже сомкнувшееся было вражеское кольцо. Во время операции по прорыву блокады дивизия наступала с большой земли и овладела мощным неприятельским опорным пунктом роща Круглая, нанесла немцам тяжелый урон.

Три боевые дивизии составляли корпус. И задачи перед ним ставились большие. Командующий Говоров так и сказал Симоняку: Нам нужен ударный корпус, способный прорывать любую оборону противника, в любом направлении и на фронте любой армии...

Летом и осенью корпус участвовал в двух операциях. Особенно удачным был штурм главной Синявинской высоты 50,1. Гвардейцы лишили противника возможности контролировать отсюда железную дорогу, шедшую по берегу Ладожского озера в Ленинград.

Искусно действовали в том бою командиры полков Анатолий Афанасьев из 63-й дивизии и Семен Даниленко, бывший на Ханко начальником штаба в Ленинградском полку, а теперь переведенный в 45-ю дивизию. Военный совет фронта наградил Афанасьева, Даниленко, комбата Владимира Панфилова орденами Суворова 3-й степени. Появились в корпусе после этих боев кавалеры ордена Кутузова: капитан Григорий Березин, старший лейтенант Антон Горбатюк, лейтенант Сергей Магомедов. Героем боя за высоту комкор считал и начарта 63-й гвардейской дивизии полковника Феоктиста Андреевича Буданова, который сменил Морозова. Буданов отлично разведал траншеи на высоте, обрушил на них точный огонь и не позволил противнику маневрировать, определить момент начала атаки...

...В клуб из полков корпуса приехало много солдат. Симоняк, оглядывая зал, везде видел старых знакомых: розовощекого плечистого Тимофея Пирогова, с которым в один день получал Золотую Звезду; веселого непоседливого старшину Федора Бархатова, комсомольца Московской заставы. После боев на Неве ему больше уже не поручали поварских и писарских дел. Федор вступил в партию, командовал взводом автоматчиков.

Увидел генерал капитана Владимира Массальского, оживленно разговаривавшего со своими солдатами Виктором и Тимофеем Ивановыми. Вспоминают, наверное, о чем-то веселом, хохочут. Может быть, о какой-то проделке во вражеском тылу, на это автоматчики большие мастера.

Невдалеке от сцены сидел Дмитрий Зверев. Недавно он

вернулся из госпиталя в свой же полк, в свой же батальон. Говоров сдержал слово - гвардейцев по выздоровлении отправляли в те части, где они служили раньше. По этому поводу в штабе фронта говорили: У Симоняка один корпус воюет, а второй набирается сил в госпиталях. Некоторые горячие головы спешили вернуться еще и не долечившись. Считали, что среди фронтовых друзей, в своем родном полку скорее поправятся и уж наверняка не опоздают к важному боевому делу.

- Надо начинать, - сказал генерал начальнику политотдела Иванову и поднял руку. Стало тихо.

- Тут собрались бывалые и молодые солдаты, - проговорил комкор. - Каждому из ветеранов-гвардейцев, которые немало повоевали, есть о чем рассказать. Не стесняйтесь, если язык не очень бойко поворачивается. Как разумеете, так и рубите. Поймем!

Приглашение повторять не пришлось. На помост поднимались гвардейцы - и кряжистые бородачи, и еще совсем юнцы, годившиеся им в сыновья. Их поставила в один ряд война - людей разного возраста и разных мирных профессий. Сейчас мысли всех были направлены к одному - как нанести врагу удар под вздох.

- Да, да, под самый вздох! - дважды повторил эти слова Тимофей Пирогов, выступивший первым.

- Верно, старший сержант! - одобрил Симоняк. - Расскажи, как вы, гвардейцы Ленинградского полка, дрались на Неве, пускай молодые послушают.

И новички, да и бывалые солдаты, затаив дыхание слушали неторопливый рассказ ветерана. Всё у него в бою получалось просто. Проскочил через реку, ворвался в траншею, уложил десяток гитлеровцев из автомата. Увидел блиндаж, бросил в него лимонку и, влетев сразу за ней, обезоружил немецкого офицера. Затем отправился с товарищами дальше, подорвал неприятельский танк.

Тимофей Пирогов прошел через многие испытания. Природная храбрость у него органически сплавилась с умением.

Каждый действовал бы так, - подумал генерал, не сводя посветлевших глаз со старшего сержанта, - тогда смололи бы немцев под Пулковом в порошок.

Он обвел взглядом просторное, заполненное людьми помещение, проверяя, как воспринимают солдаты выступление Пирогова.

Видавших виды гвардейцев, конечно, трудно было чем-нибудь удивить - их лица говорили: И у нас такое бывало. А молодежь, не скрывая своего восхищения, неотрывно следила за

шагавшим по проходу Пироговым.

И вас большие дела ждут, - хотелось сказать юношам. - И вы себя проявите. Сколько раз приходилось Симоняку видеть, как простые и тихие, ничем как будто не выделяющиеся бойцы становятся истинными героями.

Пулеметчик Иван Бурмистров был одним из таких людей. То, о чем он рассказал, как бы с новой стороны освещало качества советского гвардейца: его находчивость, инициативу, веру в свои силы.

- После атаки нашему отделению удалось прорваться во вражеский тыл, вспоминал он. - Сзади гремят автоматные очереди, наши стрелки еще в траншеях дерутся. А вокруг пусто, не видать противника. Что делать? Назад подаваться? Пойдем, думаю, вперед, а товарищи нас нагонят, поддержат. В перелеске наткнулись на немецкую дальнобойную батарею. Не ожидали нас. Напали мы на артиллерийскую прислугу, покончили с ней быстро. И пошли гулять по тылам. Перерезали линию связи, захватили еще одну батарею, минометную.

- Большой вы там переполох подняли, - одобрительно проговорил комкор. Внезапность и быстрота в бою - это почти наверняка победа. Свалишься на врага как снег на голову, и не устоять ему, если он даже в несколько раз сильнее.

Генерал слушал ветеранов и в словах каждого улавливал, как он сам говорил, изюминку, подчеркивал то ценное, что родилось в боях.

Федор Бархатов не взошел, а взлетел на сцену. По резким, нетерпеливым движениям чувствовалось - он чем-то возбужден.

- Товарищи! - начал он. - Сегодня я побывал в Ленинграде. И то, что видел, в сердце гвоздем сидит. На Международном проспекте, у завода Электросила, снаряд попал в трамвай. Пять человек погибло, десятка полтора искалечено. Мы, солдаты, привыкли к смерти и крови, не раз теряли товарищей в боях. Но когда на твоих глазах гибнут старики и дети, с этим невозможно мириться. Такая злость в душе, что на всё пойдешь! Крепко ленинградцы надеются на нас, ждут, когда избавим город от обстрелов и бомбежек. И мы не можем их обмануть!

Слова Бархатова взволновали гвардейцев.

- Скоро ли в бой, товарищ генерал? - донеслось из зала.

- Скоро! - твердо сказал комкор. - Придет срок - узнаете точно. А пока не теряйте даром ни часа, ни минуты.

В Колтуши комкор возвращался один. Иванов остался в дивизии. Надо было потолковать с политотдельцами. Симоняк невольно сравнивал его с говорливым, всегда оживленным Говгаленко, - тот уехал на учебу в Москву. Иванов был не щедр на

слова, он показался поначалу человеком суховатым, одним из тех, о ком говорят: застегнут на все пуговицы. Трудно ему будет сходиться с людьми, подумал при первом знакомстве Николай Павлович.

Но через месяц-другой и сам Симоняк, и командиры дивизий, полков прониклись уважением к начальнику политотдела корпуса. Был он кадровым военным, хорошо знал армейскую жизнь, умел разглядеть суть явлений, правильно оценить их. И к людям подойти умел. Симоняк жил с ним дружно, работал рука об руку. Ведь везли они одну упряжку, делали одно дело.

Теперь их обоих целиком поглотила единственная забота: заложить прочный фундамент победы в предстоящем бою. Под Пулковом корпусу предстояло наступать на главном направлении. Симоняк старался сделать всё для того, чтобы вражеская фигура была выбита с первого удара. Иванов был занят тем, чтобы морально подготовить людей. Ему приходилось думать о расстановке в ротах и батальонах коммунистов и комсомольцев, о партийно-политическом обеспечении боя на всех его этапах. Ленинградские войска имели опыт наступления лишь в непродолжительных боях. Теперь надо было подготовить командиров и бойцов к тому, чтобы они сражались, не допуская мысли о выходе из боя длительное время, пока не выполнят до конца поставленную задачу. Ведь самого высокого, но кратковременного порыва недостаточно для победы. Так же как и одной храбрости - она должна сочетаться с мастерством, высокой боевой выучкой. Это подчеркивал Военный совет фронта. Коммунисты-гвардейцы на своих собраниях подробно говорили о том, как лучше выполнить требования Военного совета.

...Хотя Симоняк приехал в штаб поздним вечером, офицеры еще были заняты работой. Для них бой уже давно начался, только вели они его пока на картах.

И Симоняк сразу включился в эту работу.

- Вот как я отвечу на ваш ход, полковник, - сказал он Трусову, продолжая прерванную игру. Он нагнулся над картой, прочертил на ней несколько извилистых линий красным карандашом и коротко изложил один из вариантов отражения танковой контратаки со стороны Пушкина во фланг корпусу.

- Что же вы предпримете теперь?

- Надо подумать, - улыбнулся Трусов.

Уже не первые сутки комкор мысленно вел поединок с немецкими генералами, которые, укрывшись в цитаделях Северного вала, справляли в это время рождественские праздники.

- Как у нас с командным пунктом? - поинтересовался он.

- Заканчиваем. Скоро можно будет перебираться.

- Да, скоро и в бой, - глуховато проговорил Симоняк. - Скоро.

Когда Николай Павлович вышел из штаба, стояла глубокая ночь. В разводьях облаков горели крупные звезды. Невидимый истребитель кружил в небе. Гул мотора напомнил о самолете, который в сентябре прошлого года, три с лишним месяца назад, летел к Ленинграду. В нем были жена, вихрастый Витька. Последний раз Симоняк видел их на Ханко, в первый день войны. Поспешным было прощание, желанной и радостной представлялась Николаю Павловичу встреча. Но самолет до Ленинграда не долетел. Симоняк похоронил жену и сына под Хвойной...

Одинцов, приоткрыв дверь, шагнул в просторный блиндаж, врытый в железнодорожную насыпь.

- Встречайте гостя, - проговорил он, оглядывая командный пункт. - Или не рады?

- Что вы, товарищ генерал-лейтенант! - встал из-за стола Симоняк. - Да мы вас гостем и не считаем. Свой вы теперь человек.

Командующий артиллерией фронта Одинцов в последнее время часто наведывался в корпус.

В полосе наступления гвардейцев немцы имели более ста артиллерийских и минометных батарей, девятнадцать наблюдательных пунктов, сто восемьдесят пять дотов и дзотов, сотни блиндажей и землянок. Нашей артиллерии предстояла огромная, труднейшая работа. На направлении главного удара намечалось сосредоточить около двухсот орудий и минометов на каждом километре фронта. Вес одного залпа составлял сорок четыре тысячи килограммов - почти вдвое больше, чем в операции по прорыву вражеской блокады. Тысячи орудий и минометов нацеливались на вражеские позиции. Одинцов проверял, как подготовились артиллеристы к боям. Он рассказал Симоняку о трудностях, возникающих на каждом шагу. Немцы занимают командные высоты, окаймляющие с юга Ленинград, всё у них на виду. Но артиллерию надо сосредоточить скрытно. Большую часть работ по оборудованию огневых позиций приходится делать ночью.

- И пехоте не легко, - сказал Симоняк. - Надо сблизиться с противником так, чтобы он ничего не учуял.

Поговорили, решая, как и что лучше сделать. Николай Павлович пригласил Одинцова поужинать.

- Не откажусь. С утра во рту маковой росинки не было.

И сев за стол, генералы и офицеры продолжали обмениваться мыслями о надвигающихся боях. Потом вспомнили былое.

- Скажите, Николай Павлович, - поинтересовался Одинцов, - говорят, вы у Кочубея воевали?

- Рядышком. В тех местах. На Кубани вырос, там с белоказаками дрался.. Так мы же земляки! - обрадовался Одинцов.

Выяснилось, что подростками они батрачили у одного помещика. Пятнадцатилетний Одинцов управлялся с быками, Симоняк пахал, убирал урожай.

Встретились четверть века спустя. Генералами стали. Вот как сложилась их судьба в советское время.

Пулковская слава

На наблюдательный пункт командир корпуса перебрался глубокой ночью. Заглянул в блиндаж, где еще хлопотали связисты, и вышел в траншею.

Пулковские высоты окутывала белесая мгла. С запада, со стороны Ораниенбаума, доносился гул глухой канонады. В ясном небе играли багровые всплески.

Там уже началось... 14 января сорок четвертого года перешла в наступление 2-я ударная армия, которой командовал генерал И. И. Федюнинский. Из оперсводки Симоняк знал, что удар с малой земли - с ораниенбаумского плацдарма - вызвал у немцев суматоху. Они не ожидали его, видимо, проглядели переброску наших войск под Ораниенбаум. Производилась она в глубокой тайне. Темными ночами от канатной фабрики в Ленинграде, от пирса в Лисьем Носу отчаливали суда с людьми, оружием, боевой техникой. Они пробивались через залив, скованный льдом, к причалам Ораниенбаумского порта. Так было переброшено несколько дивизий, танки, орудия, тысяча триста вагонов разных военных грузов.

Наступление, начатое с малой земли, развивалось успешно. Симоняк искренне порадовался и за своего старого товарища по академии Андреева. Анатолий Иосифович командовал 43-м стрелковым корпусом, действовавшим в составе 2-й ударной армии.

Эфир заполняли панические радиограммы немецких командиров, моливших о подкреплениях.

- Завтра еще не так запоют! - усмехнулся Симоняк, читая радиоперехваты.

Завтра предстояло вступить в битву гвардейскому корпусу. Он входил в 42-ю армию, которая наносила основной удар по вражеской обороне под Пулковом. Обе наши армии, шедшие от Ораниенбаума и Ленинграда, должны были соединиться в районе Ропши и тем самым замкнуть в кольцо стрельнинско-петергофскую группировку немцев, а затем наступать на

Кингисепп и Гатчину.

Гвардейский корпус шел в центре прорыва. Его задачей было протаранить оборону врага на фронте Верхнее Койрово - Редкое Кузьмино, протяжением двенадцать километров.

- Именно протаранить! - подчеркивал командарм Иван Иванович Масленников.

- По-гвардейски, как вы это сделали на Неве! - добавил член Военного совета Василий Павлович Мжаванадзе. - Нет, лучше, чем там. Мы ведь на год стали взрослее, опытнее.

Пока всё шло нормально. Гвардейские полки подтянулись на исходное положение. Как обычно, немцы время от времени освещали ракетами передний край, лениво постреливали. Озабоченное неослабевающим нажимом наших войск южнее Ораниенбаума, их командование принимало меры, чтобы восстановить положение.

Медленно тянулась долгая январская ночь. Невидимые в темноте, выдвигались вперед батальоны. В белых халатах, словно призраки, проходили люди через высоту, на которой стоял Симоняк, огибали ее справа и слева.

Радио и проволочная связь соединяли комкора со штармом, с дивизиями. Но эфир молчал, телефоны не звонили. Было заранее решено: никаких переговоров, даже кодированных, до начала операции. И в траншеях люди разговаривали вполголоса, словно громкое слово могло долететь до противника.

Неподалеку загромыхали разрывы. Генерал насторожился. Огневой налет продолжался минут пять. Когда он прекратился, Симоняк вздохнул с облегчением.

Вскоре офицер связи доставил донесение от комдива Щеглова: немцы обстреляли расположение батальона гвардии капитана Трошина. Потерь нет. Огневой налет, надо полагать, был случайным.

Генерал подумал о Трошине. В корпусе этот молодой офицер служил недавно. Войну начал политработником, потом перешел на командную должность. Первый бой - в Арбузове - провел неудачно. Сам пошел в атаку, забыв, что отвечает за весь батальон.

- Так нельзя, капитан! - заметил ему после боя комкор.

Трошин старался объяснить, как всё получилось:

- Подошли к поселку. Огонь страшный. Залегли солдаты. А ведь еще бы один бросок - и поселок в наших руках. Я в этих местах до войны жил, на Дубровской электростанции работал. Родные места. Вот и побежал в передовую цепь.

Генерал покачал головой:

- И что получилось? Потеряли управление. Командир должен

быть всегда командиром. С горячим сердцем, но с холодным рассудком. Не поддаваться первому порыву, а всё взвесить и лишь после этого принимать решение.

Суровый урок, полученный в том бою, Трошин как будто усвоил, усердно готовил к наступлению батальон. Всё же комкора беспокоило: сумеет ли комбат держать себя в руках в наступлении? Симоняк достал листок бумаги, черкнул Щеглову: С Трошина глаз не опускать. Напомни Шерстневу.

На наблюдательном пункте не сиделось. Комкору хотелось видеть людей, он пошел в траншеи, проверяя; как гвардейцы сменяют части, занимавшие здесь оборону. Командира 64-й дивизии Романцова он повстречал неподалеку от его штаба.

- Куда путь держишь, Иван Данилыч?

- В полки хочу заглянуть.

- Добре...

Романцову исполнилось сорок. Больше двадцати лет он отдал службе в армии, воевал еще под Перекопом. На Ленинградском фронте до перевода в корпус командовал стрелковой дивизией, но в наступательных боях участвовал мало. Не то, что Щеглов или командир 45-й дивизии Путилов. Не вышел бы первый блин комом. Но теперь что было загадывать! Бой покажет, думал Симоняк, идя по траншее.

Командир Ленинградского полка Афанасьев о чем-то оживленно говорил со своим новым замполитом Евсеенковым.

- Что вы тут за военный совет устроили?

- Договариваемся - где кому быть. Александр Корнеевич вперед рвется.

- А командир полка, значит, против?

- Да, товарищ генерал, - негромко подтвердил Евсеенков. - А я так думаю: пойду в один батальон, к Панфилову, а парторг полка Иван Павлович Сень в другой - к Ефименко...

- А каково настроение солдат?

- Боевое.

- Кулаки у всех чешутся.

- Помните главное: стрелой лететь вперед, назад не оглядываться. Доколачивать уцелевших фашистов будут другие...

Симоняк обосновался на своем наблюдательном пункте под утро. В длинной траншее, перекрытой бревенчатым накатом, было подготовлено всё необходимое: установили перископ, стереотрубу, повесили карту. Рядом с генералом расположился командующий артиллерией корпуса полковник Иван Осипович Морозов. Потирая руки от холода, а может быть, от волнения, он посматривал на часы.

Девять часов двадцать минут. Задрожала и, казалось,

покачнулась земля. Заговорил бог войны. Стреляли отовсюду: прямой наводкой с переднего края, с закрытых позиций на обратных скатах, из предместий города, с бронепоездов, с балтийских кораблей на Неве. Волна за волной шли бомбардировщики, на бреющем полете проносились горбатые штурмовики.

Вражеские позиции кромсали снаряды и бомбы. Они крушили наблюдательные пункты, блиндажи и дзоты, рвались на огневых позициях, перепахивали траншеи, сваливали проволочные заборы.

Час сорок минут гремела артиллерия. На вражеской стороне разорвалось двести двадцать тысяч снарядов. Еще не умолкли залпы катюш, еще на неприятельском переднем крае вздымались столбы земли и дыма, а наша пехота по сигналу ракет поднялась из траншей.

Симоняк, поворачивая перископ, всюду отчетливо видел людей, бегущих по заснеженному полю.

- Пошла гвардия!

Головные цепи уже перемахнули через первую неприятельскую траншею.

- Быстрей! Быстрей! - торопил Симоняк солдат, как будто они могли услышать его в яростно бушевавшем шквале металла и огня.

Быстрей! Быстрей! Выигранные минуты - это спасенные человеческие жизни, это верный боевой успех.

2

Майор Зверев за ночь измучился от ожидания. К четырем часам утра роты заняли выносные траншеи, продолбленные в мерзлой земле. Восемьсот - тысяча метров отделяли ранее нашу первую линию от немецкой, а сейчас между ними сто двести метров.

Комбат с беспокойством прислушивался к тому, что происходило по ту сторону ничейной земли. Порой доносился кашель неприятельского часового, слышались громко произнесенные фразы, и Зверев жалел, что плохо знает немецкий язык.

Под утро в батальон заглянул заместитель командира полка по политической части майор Константин Сергеевич Донковский.

Зашли в крохотную землянку, где помещался штаб комбата, - его ячейка управления: радист, телефонисты, посыльные. Поговорили несколько минут. Донковский уже успел побывать во всех ротах и был доволен, - задачу люди знают, коммунисты и комсомольцы готовы показать пример в бою. Он сказал:

- В батальоне остается агитатор полка.

- Старший лейтенант Лях?

- Он самый.

- Смелый офицер!

- Какие к нам претензии, комбат? - Зверев пожал плечами, как бы говоря: всё, что полагалось, от полка получил.

- Тогда прощевай. Загляну к Малашенкову. - И замполит ушел, словно растаял в темноте.

Когда грянул артиллерийский гром, у Зверева радостно забилось сердце. Теперь можно было выпрямиться во весь рост, громко, полным голосом говорить, отдавать команды.

За пять минут до установленного для начала атаки срока командир батальона приказал приготовиться к броску. Он знал, как важно выиграть первую минуту вслед за переносом артиллерийского огня в глубину вражеской обороны. Противник еще не пришел в себя, прижат к земле и, конечно, не способен на то сопротивление, которое оказал бы позже. Нет, эту драгоценную минуту нельзя упускать.

- Вперед! - зычно крикнул Зверев.

- Вперед! - повторили команду ротные.

- Вперед! - подхватил комсорг роты молодой коммунист Кризогренцев. Крепкий, сильный, он легко перемахнул через обледенелый бруствер. За ним выскочили разведчики Антонов и Курбашев. Первая гвардейская цепь рванулась в атаку.

Год назад бойцы батальона одним рывком, не переводя дыхания, не замедляя стремительного бега, пронеслись через Неву и лихо взобрались на отвесные кручи левого берега. И теперь нужна была не меньшая быстрота. Стрелковые цепи мчались по изрытому полю, перескакивали траншеи.

Немцы так и не успели подорвать плотину и затопить глубокий противотанковый ров, находившийся метрах в четырехстах от их первой траншеи. Они еще не опамятовались от огневого шквала, а гвардейцы уже перемахнули на другую сторону рва.

С уцелевшими в траншеях гитлеровцами расправлялись специально выделенные группы автоматчиков, а стрелковые взводы, не останавливаясь, шли вперед. Три километра напрямую до Виттолова. Чтобы не снижать темпа наступления, гвардейские цепи сменяли одна другую. Едва первая цепь достигла третьей траншеи, как ее нагнала вторая цепь, опередила и повела наступление свежими силами.

Двинулся вперед и комбат. Он побежал по открытому полю, перепрыгивая через глубокие ямы и дымящиеся воронки. Остановку сделал за третьей траншеей, в небольшом овражке, откуда хорошо видел Виттоловскую высоту. По ней еще била

наша артиллерия.

Разведчики Антонов и Курбашев вели пленных. Семь немецких солдат шли гуськом по узенькой стежке.

- Что с ними делать, товарищ гвардии майор? - спросил Антонов.

- В тыл. Где захватили?

- В землянке. Подбираемся к ней, видим двух немцев. Хенде хох! - кричу им, а они за автоматы. Опередили мы их. Вскочили в землянку, гранаты держим наготове. Так семерых и взяли.

- Молодцы! - сказал Зверев. - Ведите в полк, там ждут языков.

Комбат передвинул свой командный пункт еще ближе к ротным цепям.

У подножия высоты, занесенной снегом, укрылся дот.

- Видишь? - указал Зверев лежавшему рядом с ним командиру артдивизиона.

Капитан-артиллерист передал по рации команду на огневые позиции. Несколько минут снаряды долбили бетонную огневую точку. Тем временем к ней подбиралась штурмовая группа. Когда артиллеристы сделали последний залп, гвардейцы блокировали дот.

- Усилить натиск! - торопил комбат ротных.

Гвардейцы просачивались в Виттолово. Звонко трещали автоматные и пулеметные очереди, громыхали гранатные взрывы. И справа, уже над высотой, заалел кумачовый стяг. Поднял его агитатор полка Лях. Он заменил тяжело раненного командира направляющей роты.

Зверев посмотрел на часы. Двенадцать. За шестьдесят минут батальон прошел три страшных километра и оседлал высоту. Комбат верил в успех и всё же не ожидал его так быстро.

А к Виттолову подходил батальон Малашенкова. Развивая наступление, он двигался на Большое Карлино. Радист соединил Зверева с командиром полка. Кожевников поздравил его с первой победой.

- Командир корпуса, - сообщил он, - награждает тебя именными часами.

Комдив Щеглов делал на карте всё новые и новые пометки - полки с каждым часом глубже вгрызались в оборону врага. Имеются трофеи и пленные, докладывали командиры полков.

Уже немало этих пленных, присмиревших и обмякших, провели в сторону Ленинграда. Не так они держались осенью сорок первого года. Теперь у них и вид другой, и тон пониже. Как только заговоришь с ними, торопятся произнести заученную фразу: Я не стрелял по Ленинграду.

Разберутся - кто стрелял... Комдиву некогда возиться с

пленными. Несколько оправившись от первого удара, противник усиливал сопротивление.

Особенно беспокоили Щеглова фланги. Когда он водил лыжный полк по вражеским тылам, у него всё кругом было обнажено, отовсюду можно было ждать удара. И работая в оперативном отделе, он порой подшучивал над командирами дивизий или полков, которых страшат, останавливают открытые фланги, незащищенные стыки... Теперь же, оказавшись на их месте, Щеглов озабоченно следил, как продвигаются соседи справа и слева. Они наступали медленнее 63-й дивизии.

Разведчики доносили: со стороны Пушкина к Большому Виттолову подтягивается колонна бронемашин. У деревушки Мендухари замечены тигры и фердинанды. Рискованно пробиваться вперед, подставляя врагу обнаженные бока.

Щеглов высказал свои опасения Симоняку. Комкор, сощурив раскосые глаза, спросил:

- Отказываетесь помогать правому соседу?

- Почему? Я этого не говорил.

- Противник того и ждет, когда мы остановимся, ослабим нажим. Нельзя давать ему отдышаться. К рассвету Афанасьев должен быть в Мендухари. А о флангах не думайте. Путилову трудней приходится, контратаки отбивает. Прикроем вас. Кстати, я перебираюсь отсюда...

Генерал назвал свой новый наблюдательный пункт - правее Пулкова, в расположении 64-й дивизии.

Гвардейцы шли вперед, но стрелковый корпус, наступавший справа от них, в течение всего дня не мог добиться сколько-нибудь серьезного успеха. Это затрудняло действия 64-й гвардейской дивизии. Симоняку, естественно, хотелось выяснить положение дел на месте. В дивизию он попал к вечеру. Высунувшись из траншеи и показывая на истерзанную, изрытую вдоль и поперек ложбину, Романцов сообщил:

- Два наших полка там дерутся. Заняты Верхнее Койрово и Венерязи.

Никаких поселков комкор, конечно, не увидел. Были они когда-то, да остались лишь на картах, а развалины сравнял с землей артиллерийский огонь, припорошил глубокий снег.

Симоняк внимательно выслушал доклад комдива. Стремительной была здесь атака гвардейцев, гибким - маневр на поле боя.

- Жаль, что танки не удалось переправить через ров, - заметил комкор. - У Щеглова они славно поработали. У соседа, Иван Данилович, как сейчас дела?

- А-а, мы на три километра врубились, а они, - Романцов

досадливо махнул рукой, - топчутся почти на исходных.

- Твой успех, думаю, им поможет. Давай-ка, Иван Данилович, обмозгуем, как действовать дальше.

Симоняк долго беседовал с Романцовым. Обнаженный правый фланг придется прикрыть одной - двумя ротами автоматчиков, артиллерийским огнем, пулеметы туда выдвинуть. А основные силы пехоты и танков нужно использовать для наращивания удара.

- У тебя, Иван Данилович, целый полк в резерве. Его и следует ввести в бой через боевые порядки шестьдесят третьей дивизии. Шерстнев продвинулся глубже. С его стороны сподручнее атаковать Гонгози. Смотри-ка...

Они оба наклонились над картой.

- Сделаю, Николай Павлович, - сказал Романцов. - Сейчас же примусь. Щеглову в тот день не пришлось долго разговаривать с командиром корпуса, но то, что ему сказал Симоняк, заставляло действовать еще энергичнее. Щеглов приказал оперативной группе собираться в дорогу.

- Солдаты вон куда ушли, а мы тут расселись, как в буржуазном парламенте, - усмехнулся он. - Так и связь с боевыми порядками потеряем.

- Куда же? - осведомился начальник политотдела дивизии Дьяченко.

- Вперед, Константин Иванович. На Вороньей горе флаг поднимать.

Комдив, конечно, шутил, но лицо, веселое, возбужденное, дышало таким задором, что всем - и Дьяченко, и начарту Буданову, и начальнику оперативного отделения Гепнеру - подумалось: а ведь и в самом деле не столь уже далеко до Вороньей горы и Красного Села.

Узенькая тропинка, проложенная по снежной целине связными и посыльными, привела Щеглова и шедших вместе с ним штабных офицеров к бывшему вражескому переднему краю.

- Хорошо поработали артиллеристы, - заметил Щеглов, обращаясь к Буданову.

- Надо было ожидать...

Неприятельские траншеи завалило землей, перемешанной со снегом, камнями, бревнами. Молчали развороченные дзоты. И всюду валялись трупы в шинелях мышиного цвета. Многие офицеры и солдаты 170-й немецкой пехотной дивизии так и не ушли отсюда.

В противотанковом рву саперы взрывали отвесные стены, укладывали бревенчатые мостки. В горловину прорыва втягивались тяжелые танки, артиллерийские батареи. С

любопытством оглядываясь по сторонам, шагали подразделения из резерва. Юркий вездеход тащил походную кухню.

Громче и отчетливей становились винтовочные выстрелы, чаще громыхали разрывы снарядов и мин.

Прямо в поле, на поваленном снарядом дереве сидел немолодой солдат в ватнике. Голова его была обвязана бинтом, сквозь который проступали пятна крови.

- Где ранило? - спросил комдив.

- У этой, как ее...

- У Мендухари?

- Вот-вот... Сначала пулей в руку. А после мина разорвалась. Ротный Михайличенко отправил на ППМ. Такой бой идет, а я отвоевался.

- Фашистов много побил?

- Не до счету было, товарищ гвардии полковник. За троих ручаюсь - из автомата во второй траншее скосил.

- Молодец! - похвалил Щеглов.

- Я-то? - удивился солдат. - Таких молодцов у нас целая рота.

Полковник взглянул на часы. Уже сорок минут оперативная группа в пути, а ведь в бою обстановка нередко меняется мгновенно. Надо торопиться.

Багровое солнце медленно ползло по гряде высот, задело за Воронью гору и скрылось. Приближались сумерки.

- Ночь нам поможет, - произнес Щеглов. - Скоро ли доберемся?

- Дошли. Видите блиндажи? Тут обосновался сто девяностый полк.

Щеглова и его спутников заметили. Им навстречу торопливо шагали Афанасьев и Евсеенков.

- Хочу здесь на время остановиться, - сказал Щеглов командиру полка. - Не посетуешь на соседство?

- А мы думаем вперед уходить, - усмехнулся Афанасьев. - Если и останемся, так до утра только.

- Да, задерживаться не к чему. Как у вас? Судя по твоему комиссару, жарко?

Евсеенков с полчаса назад вернулся из батальона Панфилова. Почерневшее лицо, горящие глаза, халат в пятнах и подпалинах - всё говорило о том, что Александр Корнеевич побывал в серьезной переделке. Но он не стал вдаваться в подробности, только заметил:

- Парилку фашистам устроили хорошую.

- А вы что под крышу не приглашаете?

- Идемте, товарищ гвардии полковник. Тут целый город под землей. Выбор жилья большой.

На дощатом полу блиндажа лежал артиллерийский целлулоидный круг с немецкими надписями, в углу была свалена груда газет и журналов. На подоконнике зеленела крохотная искусственная зеленая елочка.

- Раскройте дверь, - резко сказал комдив. - Здесь еще задохнешься! Всю фашистскую дребедень выбросить и сжечь.

Щеглов уселся за стол, распахнул полы бекеши.

- Что там с Мендухари? - спросил он Афанасьева.

- Не удалось с ходу взять. Немцы закрепиться успели. Бьют из пушек и минометов. Танки у них...

- Завтра будет еще труднее. Командир корпуса приказал взять Мендухари ночью. Понятно?

- Сколько еще отсиживаться будем, Тимофей? - вздохнул Виктор Иванов, жадно затягиваясь цигаркой. Его обветренное худощавое лицо на мгновение осветилось красноватым светом.

Сосед Виктора, старательно протиравший тряпицей запотевший автомат, был более уравновешен.

- Не ворчи, - успокаивал он товарища, - и до нас черед дойдет. Имеешь орден Славы? Будет и второй.

Виктора и Тимофея часто принимали за братьев, - оба Ивановы, держатся рядышком. Автоматчики не спорили. Братья так братья. Не всегда и родные живут так дружно. А что один ленинградец, другой из Орехово-Зуева, так не всё ли равно!..

Разговор друзей прервало появление посыльного из штаба. Подполковник Афанасьев срочно вызывал командира роты автоматчиков.

Капитан Массальский возвратился около полуночи. С одного взгляда на батю, как звали автоматчики своего двадцатитрехлетнего командира, и Тимофею и Виктору стало ясно: сидению в блиндаже пришел конец.

Капитан коротко ознакомил солдат с боевой задачей.

- Выходи! - скомандовал он.

Ночную темь озаряли то желтоватые, то малиновые вспышки орудийных выстрелов. Переливаясь разными цветами, играли в небе огни ракет.

Неподалеку от Мендухари рота остановилась. Здесь ее встретили комбат Ефименко и парторг полка Сень.

Ефименко коротко ознакомил Массальского с данными батальонных разведчиков, на местности показал немецкий дзот, сообщил о засеченных батареях.

- Дружный вы народ, автоматчики! - напутствовал гвардейцев Сень. - Небось истосковались по настоящему делу? А тут можно показать, что такое дерзость и боевая удаль.

...По лощинам и овражкам, где ползком, зарываясь в снег, где

полусогнувшись, перебежками, взвод лейтенанта Капустинова пробирался в тыл к немцам. Автоматчики растворились в снежном море.

В одном месте наткнулись на часового. Его сняли тихо, не успел даже крикнуть, - и продолжали двигаться к южной окраине деревни, где стояли вражеские батареи.

Массальский нетерпеливо ждал условного сигнала. Сержант Николай Кривошеев с несколькими солдатами незаметно подполз к дзоту, закрывавшему путь в деревню. Без единого выстрела покончили с гарнизоном. Можно было двигаться вперед, но Капустинов всё не подавал о себе вестей.

- Держаться друг от друга на дистанции пятнадцать - двадцать метров, предупреждал Массальский автоматчиков. - Патронов не жалеть - всё время стрелять. Пусть думают - не рота, а целый полк окружает Мендухари.

Наконец-то он увидел вспыхнувшие за деревней три красные ракеты. Донеслись автоматные очереди. В тот же миг залился свисток: в атаку! Автоматчики рванулись к деревне.

Всё перемешалось в ночной мгле. И с тыла и с фронта секли по немцам свинцовые ливни. Над полем разнеслось такое многоголосое и громкое ура, что, казалось, оно вырывается из сотен глоток. Парторг Сень включил радиорепродуктор с усилителем и запустил пластинку...

Гарнизон Мендухари, днем остановивший батальон, двигавшийся при поддержке танков, сейчас не устоял против роты автоматчиков и бежал. Лишь в отдельных местах завязывались горячие схватки.

Тимофей и Виктор Ивановы действовали в правофланговой группе. Не успели они приблизиться к строениям, как из развалин сарая застрочил пулемет. Снова пришлось залечь. Тимофей подкрался к немцам, ловко метнул гранату. Услышал стоны. Капут!

Побежали дальше. Из каменного подвала вел огонь станковый пулемет. Опять залегай.

- Обожди! - бросил другу Виктор и пополз к массивным бетонным трубам, лежавшим у дома. Скрылся в одной из них, но вскоре выполз обратно.

- По этим трубам и подберемся.

Последнее бетонное кольцо лежало метрах в тридцати от подвала.

- Покатим, - шепнул Тимофей.

Автоматчики, упираясь ногами в снег, начали толкать тяжелую трубу. Она сперва не поддавалась, примерзла к земле. Долго мучились, но стронули с места. Пот лил ручьем, соленые

капли слепили глаза, а всё же они подкатили бетонную громадину к самой амбразуре. Швырнули вниз по гранате, и пулемет замолчал.

В деревне еще гремели выстрелы. Тимофей и Виктор заторопились на помощь товарищам. В узкой улочке друзья разминулись. Тимофей! - окликнул друга отставший Виктор, но в ответ просвистела пуля. Боец камнем упал в снег, дал очередь и тотчас скрылся за углом дома. Позиция оказалась неудобной - автомат он держал в левой руке, но это не помешало солдату уложить еще трех гитлеровцев.

Где же Тимофей? - беспокоился Виктор.

Рота захватила три вражеские батареи со штабелями снарядов, много других трофеев. Подсчитывать их не стали - некогда. Командир приказал занять круговую оборону в полукилометре впереди деревни. Виктор и автоматчик Хазов отрыли в снегу несколько окопчиков, положили рядом с собой по трофейному автомату с несколькими снаряженными магазинами.

Еще не рассвело, когда немцы предприняли контратаку. Минут десять обстреливали деревню из орудий и минометов. Массальский смеялся, - в Мендухари он не оставил ни одного человека.

Артиллерия перенесла огонь, показались фигуры немецких солдат. Их подпустили близко и ударили неожиданно из пулеметов и автоматов.

Иванов и Хазов, перебегая с места на место, не жалели патронов. Врагу, вероятно, казалось, что на их участке обороняется не меньше отделения наших бойцов.

Приближалось утро. Настороженная тишина, нарушаемая редкими выстрелами, нависла над Мендухари.

- Как будто успокоились, - глухо проговорил Виктор, расправляя занывшие плечи. Много сил отняла эта боевая ночь. Подремать бы...

- Жив! - вдруг раздался над самым ухом голос Тимофея.

Виктор обнял друга.

- Куда же ты пропал? - укорял он Тимофея.

- А ты куда? Ну ладно, разберемся, скоро нас сменят.

Мимо автоматчиков прошагали два отделения.

- Жми, гвардия! - крикнул однополчанам Тимофей. - Немцам тут ночью спать не давали. Носом клюют.

- И днем не отдохнут, - донеслось в ответ. На рассвете Афанасьев перенес в Мендухари свой командный пункт.

- Благодарю автоматчиков, гвардии капитан! - сказал он Массальскому.

- Задачу мы выполнили, - ответил командир роты. - Давайте

новую, пока народ веселый, товарищ подполковник.

- Подержу вас пока в резерве. Отдыхайте. Теперь очередь Ефименко.

За ночь батальон Ефименко отдохнул. Подошли танки, подтянулась артиллерия. Афанасьев приказал батальону занять Солози, еще один сильный опорный пункт противника на дороге Пушкин - Красное Село.

- В лоб не лезть, - предупредил он комбата. - Знаешь, ведь тут у них каждый метр пристрелян.

6

Мощные удары с малой земли и из-под Пулкова поколебали вражескую оборону. Северный вал затрещал в разных местах. С гулом канонады на фронте смешивались раскаты взрывов в немецком тылу - партизаны громили неприятельские гарнизоны, пускали под откос поезда с техникой и живой силой.

Фронт под Ленинградом и почти на всем северо-западе превратился для фашистов в огнедышащий вулкан. Командующий группой Север фельдмаршал фон Кюхлер нервничал, заклинал командиров частей стоять на месте, бросал в бой свежие силы, чтобы одержать наступление советских войск.

В полосе наступления гвардейского корпуса появились новые немецкие части, подошедшие из Пушкина, Гатчины.

- Штопают Тришкин кафтан, - определил Симоняк. - Надолго ли их хватит?

Командарм Масленников решил использовать успех, достигнутый гвардейским корпусом, для расширения прорыва и углубления клина.

- Нажимайте, товарищ Симоняк, - говорил он комкору. - Нам надо вырываться на оперативный простор.

За два дня боев гвардейцы взломали первый рубеж, главной полосы обороны противника и вклинились во второй. Симоняк приказал Щеглову повернуть дивизию вправо, пробиваться к Дудергофским высотам - сердцевине всей неприятельской обороны на этом участке Ленинградского фронта.

- Начинайте грызть Орех.

Как купол Исаакия возвышается над Ленинградом, так и Орех - Воронья гора высится над окружающей местностью. С Вороньей немцы корректировали огонь своих батарей, стрелявших по Ленинграду.

- Начинаем, - ответил Щеглов. - Зубы пока не притупились.

- А уж ура-то вы умеете кричать! Пластинки пока целы?

- Куда им деваться!

Симоняк вдоволь посмеялся, узнав о хитрости, к которой прибегли во время штурма Мендухари. Смекалка сберегла немало

людей.

Комкор нацеливал основные силы на Красное Село.

Это и будет удар под вздох, - думал он, вспомнив беседу с бойцами корпуса.

Все они славно воевали и здесь, под Пулковом: правофланговые гвардейцев Тимофей Пирогов, Федор Бархатов, Алексей Баранов, Николай Олейник, Иван Железнов, Александр Панчайкин... Парторг пулеметной роты Иван Бурмистров, как и в дни прорыва блокады, с боевыми друзьями отправился в глубокий рейд по вражеским тылам. Пулеметчики оседлали перекресток дорог и, засев на высотке, подкараулили ночью колонну. В тылу у гитлеровцев поднялась паника. Около трехсот немцев перекосили пулеметчики в коротком бою.

Да, воюем мы теперь по-другому. Не так, как у Тосны-реки. И даже не так, как на Неве, - раздумывал Симоняк, пробегая глазами очередные донесения из частей. Трусов стоял рядом, держа в руках еще какие-то бумаги.

- Показания пленных, перехваченные радиограммы, - объяснил он.

- Стоит смотреть?

- В радиограммах всё больше заклинания - стоять, держать... А пленные сообщают важную новость. Немецкое командование начинает отвод войск из-под Урицка и Стрельны.

- Понятно. Почувствовали, что клещи смыкаются. Нельзя выпускать. Передайте Романцову - пусть вместе с танкистами усилит нажим на Красное Село. А я съезжу к Путилову.

45-я дивизия наступала на левом фланге корпуса. Участок Савелию Михайловичу достался трудный. Одним полком еще в первый день наступления Путилову пришлось прикрывать свой фланг - со стороны Александровки. Там у немцев был сильный гарнизон, предпринимавший контратаки на поселки Синда и Рехколово. Успеха противнику эти контратаки не приносили, но отвлекали силы наступающих.

Облегчил положение гвардейцев ввод в бой 85-й дивизии. Наступая левее, она ворвалась в Александровку. Но и после этого у Путилова не всё клеилось.

Юркий вездеходик быстро домчал комкора до штаба 45-й дивизии. Путилова на месте не оказалось.

- Пошагал в сто двадцать девятый полк, - объяснил полковник Миленин.

Полком этим командовал однокашник Афанасьева Николай Захаров - с прошлого лета, когда погиб под Синявином Кузнецов. Выдвигая Захарова, Симоняк как будто не ошибся. Свой первый самостоятельный бой бывший начальник оперативного отделения

дивизии проводил довольно успешно.

Перед третьей вражеской траншеей полк натолкнулся на яростное сопротивление немцев. Здесь оказался штаб вражеского пехотного батальона. Попробовали обойти слева - не вышло, режут из Рехколова... А что, если опорный пункт атаковать справа, где вырвался вперед полк Кожевникова? Захаров связался с Яковом Ивановичем.

- Не возражаешь?

- Чего ж, если так тебе лучше, - ответил Кожевников.

Захаров оставил для прикрытия с фронта стрелковую роту и пулеметчиков, а основные силы направил в обход. Противник стал откатываться. Из глубины его обороны появилось шесть танков. Остановились у Ханнолова, открыли огонь. Успели сделать десятка полтора выстрелов. Артиллеристы полка Семена Кадацкого были начеку. Вспыхнул один танк, за ним второй. Залпы батарей обрушились и на огневые позиции ханноловской вражеской артиллерийской группы.

Полк Захарова умело воспользовался артиллерийским огнем. Рванулись гвардейцы и не только заняли Ханнолово, но и продвинулись дальше еще на несколько километров.

А 131-й полк несколько отстал от правого соседа. Немцы остановили его за Рехколовом, держали в своих руках выгодные позиции, - сидели на возвышенности.

- Что вы топчетесь здесь? - спросил Симоняк у начштадива Миленина. - Немцы к Гатчине уйдут, а вы у Рехколова зазимуете?

- Разве, товарищ генерал, вы не получили наших донесений? С фронта фрицы жмут и с фланга...

- Схожу посмотрю.

- Разрешите и мне с вами, - попросил Миленин.

- Что у вас других дел нет? Дайте мне офицера связи, и хватит.

Командир полка Даниленко несколько смутился, увидев входившего на командный пункт Симоняка. С генералом пришел какой-то незнакомый подполковник в сером полушубке. Уж не замена ли?

- Здорово, Семен! - дружелюбно протянул руку Симоняк. - Что насупился, как сыч?

- Дела в полку не веселят, товарищ генерал.

- И нас тоже. Сходимся во мнениях. А что тебе мешает весело жить?

Еще по Ханко комкор помнил расчетливую осторожность Даниленко. Этот на рожон не полезет. Семь раз отмерит, прежде чем отрезать.

Даниленко обстоятельно обрисовал обстановку. Выслушав

его, комкор повернулся к подполковнику в сером полушубке:

- Слышали? Будете действовать вместе с полком Даниленко. Все детали уточните с ним. Сроку даю вам двадцать минут.

Симоняк отошел от стола. Даниленко и командир полка самоходных установок склонились над картой.

Возвращаясь на командный пункт дивизии, Симоняк видел: к Рехколову подтягивались самоходки. Окрашенные в белый цвет, они были едва заметны на фоне снега. Длинные хоботы пушек смотрели на юг, на гряды лысых холмов, среди которых укрывался враг.

Командир полка Кожевников, соскочив с саночек, сказал ездовому:

- Ожидай меня в овражке. Да лошадок покорми. Пускай привыкают к новым хозяевам.

Он протиснул свое могучее тело сквозь узкую дверь блиндажа. Комдив что-то измерял на карте циркулем, и полковник уселся на краешке узкой скамьи возле Афанасьева.

- Ох, и устал же я! - негромко пожаловался Кожевников. - Поверишь, ноги прямо отваливаются.

- Что так? - поинтересовался Афанасьев. - И тебя немцы заставили побегать?

- Да нет, место побоища осматривал. Трупов фашистских столько, что и ступить негде.

- Да?!

- Сходим, посмотришь. Кстати, крупповские орудия увидишь. 305-миллиметровые. Махины! И без транспортных средств. Не собирались фашисты их увозить...

Командиры полков переговаривались вполголоса, но Щеглов услышал, о чем они толкуют, и поднял голову.

- Ваше донесение прочел, - сказал он Кожевникову. - Воюете вы, пожалуй, лучше, чем пишете. Расскажите, как действовали.

Командир полка неторопливо докладывал о втором дне боев. Начали наступать в пять часов вечера. Немцы, укрепившиеся восточнее Большого Карлина, вели огонь из пушек, шестиствольных минометов и самоходных орудий. Батальон Ильи Малашенкова никак не мог продвинуться. Кожевников вызвал к себе командира роты автоматчиков Алексея Львова. Приказал ему ворваться в Большое Карлино, по пути выбив немцев из деревни Кюльмя.

Артподготовка будет? - осведомился Львов.

Нет.

Когда выступать?

Незамедлительно. Да, кстати, Панчайкина возьмешь с собой? Просится наш полковой комсорг.

Сашку-то? С удовольствием!

Автоматчики, пользуясь ночной темнотой, просочились мелкими группами к деревне Кюльмя, обошли ее с флангов.

Вперед! - дал сигнал Львов.

Комсомольцы, за мной! - громко крикнул Панчайкин.

В Большом Карлино был сильный укрепленный узел, в железобетонных дотах пушки и пулеметы. Большую часть дотов автоматчики захватили сразу, но один продолжал стрелять. К доту подобрался старший сержант Михаил Кузнецов. Пробовал забросать гранатами. Не вышло. И сердце коммуниста подсказало единственный путь к победе: самопожертвование. Кузнецов навалился на амбразуру...

В этом бою рота захватила шестиствольный миномет, четырехорудийную батарею 305-миллиметровых орудий, продовольственный склад, обоз. Автоматчики на ходу подкрепились горячим кофе и шоколадом, приготовленными немецким поваром для господ офицеров.

Перед рассветом послышался гул танковых моторов. Чьи машины, немецкие или свои, трудно было определить. Ротный приказал занять круговую оборону.

А может, наши? - усомнился старшина Исаичев. - Идут сюда и не стреляют.

Солдаты в белых халатах, шедшие вместе с танками, приблизились метров на двести. Панчайкин выскочил на бруствер, закричал, махая шапкой-ушанкой. И тотчас кубарем свалился в траншею. У него над самым ухом взвизгнула пуля.

Два с лишним часа рота автоматчиков вела неравный бой с танками и пехотой. Были ранены Львов, Панчайкин, но гвардейцы держались стойко.

Помощь им подоспела вовремя. Справа подошли батальоны Малашенкова и Зверева, а слева - подразделения 129-го полка 45-й дивизии. Навалились на немцев вместе и опрокинули их. Из пяти танков ушел только один. Много немцев перебили, а тридцать взяли в плен.

- Какой же вывод напрашивается из этих боев? - поднял глаза на Кожевникова комдив.

- Вывод? - переспросил Яков Иванович. - Думаю так: почаще надо предпринимать обходные движения. Немцы боятся их.

- Верно, - согласился Щеглов.

В начале войны немецкие офицеры считали себя непревзойденными мастерами котлов и клещей, а нынче словно разучились маневрировать. Не разучились, а их отучили, - думал полковник. - Наш натиск за Пулковом смешал карты их командования, лишил инициативы. Сидят фашисты в опорных

пунктах, пробуют отбиться, но когда наши не лезут в лоб, а нащупывают уязвимые места, ищут обходных путей, забираются в тыл, воюют ночью и днем, тогда немцам приходится туго за любыми укреплениями.

- Так надо брать и Воронью гору, - сказал Щеглов.

Один из полков дивизии уже вплотную приблизился к горе. Подполковник Шерстнев днем 17 января доносил, что взяты Пиккола и Горская, батальоны двигаются к Дудергофскому озеру. Как-то теперь там дела?

Щеглов связался с Шерстневым по радио, сосредоточенно слушал, постукивая карандашом по столу.

- Значит, Трошин у воды? - переспросил он. - Правее Ореха? Молодцом! Перебираюсь скоро к вам. Комдив отошел от рации.

- Слышали? Шерстнев в Красносельском военном лагере. И нам нечего тут засиживаться. Не парламент.

У комдива окончательно сложился план захвата Вороньей горы. Полк Шерстнева, - решил полковник, - обойдет ее справа, отрежет от Красного Села. А Ленинградский полк скует небольшим заслоном немцев с фронта и нанесет решающий удар слева и с тыла.

- Знаю, сил маловато, - сказал комдив Афанасьеву, - трое суток ведем бой. Но надеюсь - полк не подведет. На то он и Ленинградский.

Щеглов поднялся из-за стола:

- Получше договоритесь с командиром артиллерийского полка Шошиным. Не прыгайте вперед без артиллерии. У вас это случалось. Давите противника огнем.

Сбросив с плеч светло-зеленую бекешу, крикнул ординарцу:

- Давай-ка воды! Хоть раз за три дня умоюсь.

- И покушать бы следовало, - сказал солдат, безуспешно пытавшийся покормить комдива.

- Пирог совсем зачерствеет, - напомнил адъютант. - Из-под Пулкова с собой таскаем.

- Вовсе из головы выскочило, - засмеялся Афанасий Федорович. - Ведь пятнадцатого января мне тридцать два года стукнуло. Вот ребята и приготовили пирог. И немцы чуть не отметили мой день рождения. Да, видно, я в сорочке родился, заговоренный... слышали?

- Солдатский телефон действует, - усмехнулся Кожевников. - Повезло вам тогда.

Утром 15 января Щеглов наблюдал, как наша артиллерия крошит вражеские позиции. Неожиданно сильная воздушная волна хлестнула полковника. Заблудший вражеский снаряд ударил в бруствер траншеи, откуда комдив 63-й вел наблюдение,

прошил землю и упал прямо на ногу командира разведроты Алексея Бровкина, стоявшего рядом со Щегловым.

- В укрытие, товарищ полковник! - не своим голосом крикнул Алексей, застыв как изваяние. Он боялся шевельнуться, чтоб не потревожить снаряд, который каждую секунду мог взорваться.

- Вытаскивай ногу из валенка! - резко бросил Бровкину полковник.

...Всё, к счастью, обошлось благополучно. Щеглов и Бровкин, оставивший под снарядом задымившийся валенок, торопливо отбежали за изгиб траншеи.

- Повезло, - повторил Кожевников. - Не часто такие случаи бывают.

Комдив вышел из блиндажа.

Вслед за ним выбрался с кувшином и полотенцем в руках ординарец.

- А выглядит наш командир дивизии старше своих лет, - заметил Кожевников.

- Должность обязывает, - пошутил Дьяченко. - Выиграем войну - сразу помолодеем...

Дьяченко до армии жил в Грозном, работал там секретарем горкома партии. Надеть форму заставила война.

- Кто по домам, а кому еще служить и служить, как медным котелкам, сказал Кожевников, не представляя, как это он сможет расстаться с армией.

В двери показался Щеглов, на ходу застегивавший гимнастерку. Адъютант успел поставить на стол несколько тарелок. В центре красовался пирог.

- Присаживайтесь, у кого зубы крепкие! - шутливо пригласил Афанасий Федорович.

Ужин продолжался недолго. Щеглова то и дело вызывали к рации. Разговор с Морозовым заставил его нахмуриться. Сообщил Морозов словно бы успокаивающее: Буданов благополучно доставлен в госпиталь... А Щеглова кольнуло в сердце. Два дня назад неугомонный начарт полковник Буданов ходил рядом с ним, смеялся, шутил... Теперь врачи ломают голову, как спасти его жизнь. Тяжело ранен Буданов. А как он нужен сейчас!

Время перевалило за полночь, когда комдив прилег на нары. Может, потому, что отмечали день рождения, нахлынули воспоминания. В памяти промелькнули годы детства, прошедшие без отца, погибшего в первую мировую войну, поиски собственной дороги в жизни. В армии он нашел свое призвание. Мать Щеглов не видел давно, только получал письма. Началась война, переписка оборвалась. Калининскую область оккупировал враг. А когда наконец пришло письмо, читал его, багровея и

задыхаясь от боли. И мест теперь наших не узнаешь, - писала Евдокия Семеновна, - всё попалили, проклятые... Письмами да надеждами только и живу, Афонюшка. Нет писем - нет и радости. Пиши, дорогой.

Обязательно матери напишу, чуть потише станет, - подумал Щеглов.

Разорвался снаряд, и с потолка посыпался песок. Афанасий Федорович повернулся на другой бок. Отяжелевшие веки сомкнулись, и он сонным голосом произнес:

- Будет вызывать Шерстнев, сразу будите.

Пожары в Красном Селе вспыхнули в нескольких местах. Они выхватили из темноты подступившие к озеру дома, приземистые корпуса бумажной фабрики, полуразрушенное здание вокзала, над которым бился на ветру алый стяг. Поднял флаг солдат 194-го полка гвардии рядовой Иван Киреев.

- Представить храбреца к награде, - распорядился комполка подполковник Василий Шарапов.

Это случилось на четвертые сутки наступления. Гвардейцы завязали бои на красносельских окраинах.

Трудным был путь сюда. Полк потерял более половины своего состава. Шарапов, надвинув на лоб мохнатую шапку, тяжело дыша. Докладывал комдиву Романцову: вслед за вокзалом заняты корпуса бумажной фабрики, отдельные группы гвардейцев прорываются к центру города.

- Перерезайте дорогу, Шарапов! - требовал Романцов.

- Подметки износились, Иван Данилович.

- Вы не одни. Рядом Игнатьев и Меньшов. Держите с ними связь.

191-й и 197-й полки тоже подошли к Красному Селу, зацепились за его окраины. Немцы, чтоб задержать наступающих, подорвали плотину между Безымянным и Дудергофским озерами. Вода хлынула на лед, поднялась на полметра. В центре города фашисты взрывали и поджигали дома. Огромные языки пламени лизали ночное небо.

Светло стало даже в соседнем Военном лагере. Подполковник Шерстнев, вышедший из своего подземного убежища глотнуть свежего воздуха, отчетливо различал каждое дерево. Мимо него, подминая гусеницами кусты и тонкие березки, ползли танки. Артиллеристы вручную перетаскивали легкие орудия через заснеженную лощину, отделявшую лагерь от Красного Села.

Шерстневский полк наступал левее. Батальоны Александра Трошина и Евгения Лучинского, переправившись через Дудергофское озеро, ворвались в деревню Вилози. Но какие это были батальоны, одно название!.. И в 188-м полку износились

подметки.

Часа два назад Шерстнев говорил с Трошиным. Когда тот пришел на командный пункт, командир едва его узнал: черный, как трубочист, полушубок изодран, без воротника.

- Кто это? - пытаясь сохранить серьезность, спросил Шерстнев.

- Гвардии капитан Трошин прибыл по вашему вызову!

- Не похож...

Шерстнев подозвал адъютанта, что-то шепнул ему. А сам повернулся к комбату.

Трошин в этих боях действовал отменно. Его батальон разгромил командный пункт вражеского полка, блиндажи на подступах к Военному лагерю, первым ворвался в деревню Горскую.

- Сколько людей у вас осталось?

Трошин ответил. Командир полка помолчал.

- Не жирно! Ну, вот что. Придаю вам свой резерв и артдивизион. Будете наступать на Воронью гору справа. Задача: занять Дудергоф.

Адъютант принес Шерстневу полушубок.

- Отдай ему, - кивнул комполка на Трошина, - негоже геройскому комбату ходить ободранным.

...Командный пункт Шерстнева находился уже метрах в двухстах от Дудергофа. Сюда отчетливо доносились звуки недалекого боя, разгоряченные солдатские голоса. Свой прежний командный пункт Александр Иванович уступил командиру дивизии. Щеглов появился в лагере под вечер, шумный, возбужденный, раскрасневшийся. Он прошел по ядреному морозцу четыре километра. Последний участок пути пролегал у самой Вороньей горы. Отвесной громадой поднималась она к небу. Густую чащу образовали теснившиеся на ее крутых склонах сосны. Там затаился враг. Офицеры и солдаты шли, пригнувшись, по траншее. Неожиданно она оборвалась. Проводник остановился, настороженно взглянув налево, на Воронью гору, предупредил:

- Бегом придется, товарищ полковник. Место такое... Комдив приказал увеличить дистанцию между идущими офицерами и быстро побежал за проводником. Попав к Шерстневу, прежде всего поинтересовался:

- Продвинулись сколько-нибудь?

- Поневоле пойдешь вперед, если вы по пятам преследуете. Уж располагайтесь здесь, а я выберусь поближе к Ореху.

- Двигались вы быстро, а сейчас топчетесь на месте, - недовольно поморщился Щеглов. - Куда ваш гвардейский пыл

девался?

Шерстнев уже изучил характер комдива: пока идет бой, редко услышишь от него похвалу. Добился успеха - иди к следующему, требует он. Вот и сейчас, хотя комдив знает, что полк с боями прошел одиннадцать километров, выбил немцев из девяти населенных пунктов, он не удовлетворен, торопит сделать новый рывок на юг, в тыл Вороньей горе.

Комдив собрал всех командиров полков - уточнял обстановку и план действий. Первым докладывал Афанасьев. Рота автоматчиков Массальского мелкими группами обтекает высоту слева. Предпринималась попытка взобраться на Воронью гору и справа. Семьдесят гвардейцев повел парторг батальона Алексей Баранов, ветеран полка, ханковец. Незаметно для противника добрались до середины высоты. Но до вершины не дошли. Остановил сильный огонь. Баранов был ранен в ногу. Пришлось отойти. Создали новую ударную группу. Командует ею майор Панфилов.

- Придадим ему еще и тяжелые танки, - сказал Щеглов. - Подключим к штурму и разведроту, мой последний резерв.

Он не договорил. В блиндаж проник громкий рев ишаков - немецких шестиствольных минометов. Как они оказались у нас в тылу?

- Наши стреляют, - объяснил Шерстнев.

Рота автоматчиков Сергея Перевалова захватила пять таких минометов. Три немцы успели искалечить, два оказались в полной исправности. Саперы быстро разобрались в механизмах шестистволок, собрали тысячи полторы мин и время от времени били по немцам из их же оружия.

- Правильно! - похвалил комдив.

- Вас вызывает Бритва, - обратился к ним радист. Симоняк интересовался, почему Щеглов не подает вестей.

- Перебрался на Базар. Сейчас беседую о покупке Ореха.

- Не затягивайте. К утру всё кончить.

Беспокойная выдалась ночь. Противник обрушил на Военный лагерь огонь нескольких тяжелых батарей. Разрывы сливались в сплошной грохот. Словно подкошенные, падали вековые деревья, гасли лампы в блиндажах.

Под утро немецкие автоматчики проникли к самому командному пункту Шерстнева. Александр Иванович и замполит Силонян услышали их громкие крики, отчаянную пальбу у блиндажа. Руки невольно потянулись к пистолетам.

Гвардейцы, охранявшие командный пункт, и бывшие неподалеку танкисты отбили вражескую вылазку. Ни на минуту не прекращалась связь командира полка с начавшими обходное

движение батальонами.

А на левом фланге, сужая кольцо вокруг Вороньей горы, по глухим тропам пробирались автоматчики Ленинградского полка. Часто в предутренней настороженной мгле вспыхивали и гасли ослепительные клубки пламени.

Это рвались гранаты, которыми гвардейцы очищали траншей и воронки от фашистов.

Капитану Массальскому не довелось взобраться на Воронью гору. Еще накануне вечером он подошел к ее основанию, с восемнадцатью смельчаками начал подниматься вверх. И тут, когда такой близкой стала цель, он, раненный в четвертый раз, потерял сознание. Солдаты вытащили его из-под огня, срубили две молодые сосенки, связали их и на этих пахнущих хвоей носилках переправили в безопасное место.

Тимофей и Виктор Ивановы, как и у Мендухари, действовали вместе. С автоматами на изготовку шагали они по колючему кустарнику. Неожиданно Тимофей поднял руку. Автоматчики прислушались. Неподалеку похрустывал снег. Наших тут быть не могло.

Товарищи, сразу смекнули, что делать. Виктор остался на месте, а Тимофей скрылся в глубине кустарника. Голоса приближались. Виктор разглядел силуэты нескольких фашистов. Дал одну очередь, другую. Четыре немца свалились, трое пытались уйти, но их скосил Тимофей, успевший зайти им в тыл. Едва дружки сделали еще несколько шагов, как сзади донесся рокот моторов.

По коридору, пробитому во вражеской обороне, двигался танковый десант. Борта и башни облепили гвардейцы ударной группы Панфилова.

Перед рассветом начался штурм Вороньей горы. Бойцы карабкались по обледенелым склонам, цепляясь за стволы и торчавшие из земли корневища деревьев. Поднимались вверх, завершая хорошо задуманный маневр.

В десять часов утра 19 января над высотой взмыл красный флаг.

Генерал Симоняк и полковник Щеглов поднимались на Воронью гору со стороны Дудергофа. Они не виделись два дня и были рады встрече. Генерал в полушубке, в косматой шапке шел не спеша, с интересом оглядываясь по сторонам. Тесно прижавшись друг к другу, стояли могучие сосны, на обочинах дороги валялись обломки орудий и машин.

Вершина горы представляла собой обширную площадку. С нее даже без бинокля были видны и Ленинград, и Кронштадт, и Пушкин.

Афанасий Федорович остановил взгляд на Пулковских высотах. Вспомнил рекогносцировку, беспокойство, с которым смотрел тогда на далекую Воронью гору. Как он мечтал пробиться к ней! И вот свершилось.

- Вышли мы на большую дорогу, - произнес Симоняк. - Теперь шагать далеко. Только успевай подклеивать карты!

Со стороны Красного Села еще доносились выстрелы. Противник продолжал сопротивляться. А в рощу военного лагеря втягивалась колонна танков. Они, знал Симоняк, возьмут курс на Ропшу, Кипень, к месту, где должны встретиться с войсками, наступающими со стороны Ораниенбаума.

И Симоняк приветственно помахал им рукой.

9

Романцов, приложив к глазам бинокль, стоял на опушке рощи. Внизу, на железнодорожных путях, торчал паровоз с высокой трубой, громоздились разбитые вагоны. Слева от вокзала были видны мертвые корпуса бумажной фабрики. За ними круто поднимались на гору улицы Красного Села, задымленного, словно затянутого серой кисеей.

- Вот ты где! - раздался рядом хрипловатый голос. Романцов повернулся и увидел Симоняка. Николай Павлович глядел хмуро и укоряюще.

- Наше, значит, Красное Село, а? Знаешь, как ты подвел? Ты донес нам, мы наверх. Командарм сообщил соседям справа. Те ткнулись и залегли. Влетит нам с тобой, Иван Данилович, от Говорова. Снимет, как пить дать, снимет...

- А я что донес? Полки ворвались в Красное Село, ведут бой. Не докладывал, что Красное Село полностью очищено от противника.

- Выходит, нас неправильно поняли.

Комкор усмехнулся:

- Разве начальству станешь объяснять такие тонкости: заняли, а не очистили. Всё равно теперь влетит по первое число!

- Не влетит, Николай Павлович, - сказал Романцов, понимая, что Симоняк сгущает краски, хочет поторопить его.

Комдив подбросил в Красное Село свои последние резервы. Симоняк выделил для поддержки несколько танков. К вечеру 19 января гвардейцы и бойцы 291-й стрелковой дивизии полностью овладели городом.

Ни Симоняку, ни Романцову не влетело от Говорова, Военный совет фронта высоко оценил действия 30-го гвардейского корпуса. Тысячи офицеров, сержантов и солдат получили награды. Командир 63-й дивизии Щеглов, его начарт Буданов, комроты капитан Массальский, гвардии рядовой Александр Типанов, солдат 64-й дивизии, закрывший грудью амбразуру вражеского дзота, командир одной из батарей 45-й дивизии старший лейтенант С. И. Бойцов и командир стрелкового взвода младший лейтенант А. И. Волков стали Героями Советского Союза.

Теперь фронт с каждым днем отодвигался от Ленинграда. Войска вышли на оперативный простор. 27 января над городом, который девятьсот дней по ночам не зажигал огней, взметнулись в небо слепящие фонтаны праздничного фейерверка. Ленинград ликовал, и Симоняк, наблюдая, как радуются люди, как летят в воздух шапки, почувствовал - что-то подступает к горлу. После салюта Николай Павлович поехал в Смольный договориться о пополнении корпуса. Кузнецов, выслушав его, сказал:

- Всё, что можем, дадим. Гвардейский корпус - наш. Того, что он сделал для города, ленинградцы не забудут.

На рассвете Симоняк уезжал на фронт. Машина быстро неслась по улицам. Это уже не был тот казавшийся вымершим и пустынным Ленинград, каким он его увидел, вернувшись с Ханко. Жизнь победила смерть, стойкость - голод. Восторжествовала доблесть советского человека!

На Карельском перешейке

Апрельское солнце плавилось в высоком безоблачном нёбе. Громадные сосульки свисали с крыш, и капли, падая, отливали серебром. На дороге снег растаял, и серая, как шинельное сукно, асфальтовая лента то взбегала на бугор, то спадала книзу.

Наступала весна сорок четвертого года. И майор Давиденко сквозь слегка приоткрытое смотровое стекло всюду вокруг видел ее добрые приметы.

- Мы в штабе долго пробудем, товарищ майор? - прервал молчание шофер.

- Кто его знает! - пожал плечами Давиденко.

Он сам всю дорогу терялся в догадках: для чего он понадобился командиру корпуса? Может, чем-то недоволен? Да, 188-й полк в последних боях у Нарвы особого успеха не имел. Свой плацдарм на правом берегу реки у древнего Иван-города немцы сильно укрепили. Не только дивизионные и полковые пушки, но и корпусная артиллерия не могла разрушить железобетонные доты под этим чертовым Лилиенбахом...

Симоняка Давиденко увидел на улице. Комкор подъехал к штабу на белоногом темно-каштановом коне, подаренном ему полковником Кожевниковым еще под Красным Бором. Симоняку перевалило уже за сорок, но в седле он сидел легко и свободно, лошадь под ним, казалось, плясала, чувствуя твердую и ласковую руку искусного наездника. Давиденко залюбовался генералом.

- Хорош конь! - сказал, встретив его взгляд, Симоняк. - Скачет славно и на препятствия смело идет.

- Вы пробовали, товарищ генерал?

- Через ров прыгали, забор брали.

Симоняк соскочил с лошади.

- Пойдем ко мне, майор.

Зашли в небольшую, скромно обставленную комнату, сели. Симоняк медленными кругообразными движениями тер колени.

- Как чувствуешь себя, майор?

Давиденко был ранен под Красным Селом в спину. Ему сделали операцию, но теперь рана уже почти не напоминала о себе.

- На здоровье не жалуюсь...

- Ты с какого года в этом полку? Давиденко ответил, что служит там еще с тридцать третьего года. Начинал рядовым солдатом.

- Десять лет с лишним, - сказал Симоняк. - Когда начинал, не думал, наверно, что самому этим полком командовать придется?

- Да я же артиллерист.

- Ну и что ж! Щеглов тоже артиллерист, а дивизией командует. Афанасьев инженер и хороший командир полка.

- А полковник Шерстнев от нас так и уходит?

- Ставим заместителем командира дивизии.

- Но есть же у нас заместитель по строевой и начальник штаба...

- Знаю, что есть. - недовольно проворчал комкор. - И откровенно скажу: не решаюсь поставить их на полк. Берись, Василий Федорович, ты справишься.

- Не знаю, товарищ генерал.

- Говорю, справишься, только принимайся. Готовь людей к боям. Времени у нас в обрез.

2

Утром Симоняк приехал в 190-й полк. Его машина не остановилась у штаба. Комкор проехал к гряде холмов, откуда доносились сухой треск холостых выстрелов, крики ура.

Симоняк приехал на батальонные учения не один. Вместе с ним на холм поднялся комдив Щеглов, тоже в генеральских погонах и с Золотой Звездой Героя Советского Союза.

- Вчера меня журналисты в плен взяли, - весело рассказывал Щеглов. Нагрянули в дом и не выпускают: Статья ваша нужна... - Писать некогда, отвечаю, - и таланта к этому нет. А они: Вы расскажите, а мы изложим. - Э, говорю, - это что же? Как на панской охоте: егеря дичь загонят, а пану остается только курок нажать. Смеются. Мы, - говорят, - на егерей так же похожи, как вы на ясновельможного пана. Уговорили.

- И это нужно, Афанасий. Кто лучше нас самих расскажет, как гвардейцы учатся и воюют.

С высоты холма они наблюдали в бинокль, как внизу быстро двигались стрелковые цепи. Солдаты шли без шинелей, ловко перепрыгивали через ямы и рытвины. Не остановило их и болото, - бежали по колено в воде, поднимая фонтаны брызг. За вырвавшимися вперед стрелками неотступно двигались пулеметчики. Артиллеристы тащили легкие пушки.

Оборону на холме занимал стрелковый взвод, обозначавший противника. Симоняк подошел к одной из ячеек. Командир взвода Виктор Иванов сидел на корточках в окопе. Симоняк сразу узнал старого знакомого - героя боев за Воронью гору, кавалера трех орденов Славы. Показывая на стрелковые цепи, комкор спросил:

- Как считаешь, Иванов, возьмут они ваш опорный пункт?

- Должны. Да не мешало бы им газку добавить.

- Слышишь, комдив? Темп-то и впрямь вяловатый.

От опушки рощицы, которая подступала к соседнему холму, показались танки. На броне их. пристроились бойцы. У подножия высоты танки замедлили ход, автоматчики спрыгнули и, рассыпавшись цепью, с криками ура! пошли на штурм.

Симоняк и Щеглов начали спускаться вниз. По дороге встретили командира полка Афанасьева, посредников с белыми повязками на рукавах. Командир полка торопливо поправлял вылезавшие из-под фуражки черные волосы. От боя к бою Симоняк всё больше проникался уважением к этому еще молодому офицеру. Он никогда, насколько помнит комкор, не кривил душой, не боялся трудностей, не искал окольных троп к славе.

Афанасьев доложил, как проходили учения в других батальонах. Комкор, слушая его, про себя отмечал: командир

полка хорошо чувствует, что необходимо для лучшей подготовки батальонов к предстоящим боям. За Ленинградский полк можно быть, пожалуй, спокойным.

У опушки отдыхали солдаты. Они устроились на пеньках или камнях, подставив разгоряченные лица солнечным лучам.

- Занимайся своими делами, - сказал Симоняк Щеглову, - а я пойду с сынками побалакаю.

Приметив подходившего комкора, солдаты встали с мест. Симоняк остановился у пулеметного расчета.

- Как максим, тяжеловат? - спросил он худощавого веснушчатого младшего сержанта.

- Попотеть приходится, товарищ генерал! Да ведь без труда ничего не дается.

Симоняк одобрительно кивнул головой.

- А пулемет у нас знаменитый! - продолжал командир расчета. - Номер пятьдесят девять. На Ханко из него Евгений Мисан стрелял, потом передал Тимофею Пирогову... А теперь вот нас к этому пулемету поставили.

- Из такого пулемета стрелять плохо нельзя, - заметил Симоняк.

- Чувствуем.

Симоняка окружили со всех сторон гвардейцы, прислушиваясь, о чем это говорит комкор с пулеметчиками. Большинство из них знало его, и ветераны дивизии называли за глаза батькой. Он только с виду казался недоступным, даже грозным, но от солдатского глаза ничего не укроется, бойцы видели и его справедливую требовательность, и душевность, и простоту. Никогда он не обидит солдата, который несет на своих плечах самый тяжелый груз войны. Всегда позаботится, чтоб солдат знал в бою свой маневр, чтоб его не обошли наградой, чтоб был он хорошо одет, обут, вовремя накормлен.

Пару дней назад, передавали по беспроволочному солдатскому телеграфу, командир корпуса побывал в соседнем полку. Проверял ход учений, заглянул на солдатскую кухню. Гвардейцы заканчивали обед. Неподалеку стоял высокий солдат с котелком в руках. Комкор шагнул к нему, и парень застыл как оцепенелый, замигал глазами.

Ты что? - пробасил Симоняк. - Первый раз генерала увидел? Эх ты, вояка! Как же фашистов будешь бить, коль перед своим генералом робеешь?

Солдат густо покраснел и молча, неловко покачивал пустой котелок.

Или тебя не кормят?

Уже отобедал.

Да видно, неважно, - усмехнулся Симоняк и потянул солдата за ремень. Тут, я вижу, место для добавки найдется.

Боец поднял голову и встретился с улыбающимися глазами генерала.

Найдется.

Налей-ка еще борща в котелок, - сказал Симоняк повару. - Солдат, видишь, какой высоченный! Ему и порция нужна посолиднее. Нам с ним скоро в бой идти.

Может быть, так всё было, может быть, кое-что и приукрасили солдаты. Но слушали эту историю все с интересом.

Симоняк обвел глазами гвардейцев.

- Ишь, сколько вас тут собралось! Хоть митинг открывай.

Комсорг полка Баранов, знавший комкора еще с Ханко, сразу подхватил:

- Разрешите вправду, товарищ генерал, митинг начать?

- По плану разве намечено? - отшутился Симоняк. - Давайте просто потолкуем. Есть у вас какие вопросы?

Солдат интересовало многое: бои на других фронтах, действия союзников, жизнь тыла. Симоняк тепло, как с сыновьями, беседовал с гвардейцами.

- Вы хотите знать, когда нам снова в бой? Рад бы сказать, да сам не знаю. Но я хоть сегодня готов! А вы как?

- Готовы, товарищ генерал! - раздались голоса.

- Думаю, еще не совсем. Подучиться вам следует. Немало среди вас молодых, необстрелянных солдат. Кто на Ханко воевал? Поднимите-ка руки.

Ханковцев оказалось десятка полтора.

- Пройдите-ка сюда. Давайте в центр.

Ветераны полка подошли к генералу. У некоторых на плечах были офицерские погоны, у большинства - нашивки с золотистыми и красными полосками, память о ранениях. И у всех - ордена и медали.

- Глядите на них, - сказал Симоняк. - Это славные гангутцы. С первых дней на войне. Испытания они выдержали суровые. Равняйтесь на них, они вас никогда не подведут!

И еще пригласил генерал в центр круга участников прорыва блокады, боев под Пулковом, у Нарвы. Их было уже намного больше.

- Это ваши вожаки, запевалы, - обратился Симоняк к молодым бойцам. Учитесь у них. А вы, ветераны, помогайте молодым. Чем дружнее мы все будем, тем страшнее для врага.

В штабе Симоняка ждал неожиданный гость. Он сидел за его столом довольно давно уже и донимал дежурного:

- Где ваш комкор? Затерялся как иголка в стогу сена.

- Уже выехал, товарищ генерал. С минуты на минуту будет здесь.

Дежурный вышел из комнаты, в коридоре увидел Симоняка и доложил, что его ждет начальник штаба фронта.

- Генерал Гусев? - спросил Симоняк.

- Нет, не он. Какой-то новый генерал.

Комкор, раскрыв дверь комнаты, застыл на пороге. У стола сидел Маркиан Михайлович Попов.

Три года не виделись друзья, с той поры, когда Попов приезжал на Ханко. Давно это было. Война разлучила их. Попов, слышал Симоняк, воевал под Брянском, затем где-то неподалеку... Теперь, оказывается, переброшен сюда.

- Чего, Николай, застрял на пороге? - улыбнулся Попов. - Или не узнал?

Он с завидной легкостью поднялся со стула.

- Что ты, Маркиан? Просто не ожидал тебя здесь увидеть.

Друзья расцеловались.

- Слышал о твоем горе, - медленно проговорил Попов. - Всё не верится, что Александры Емельяновны нет в живых.

Они несколько минут молчали, глядя друг на друга. Потом заговорили о другом. Попов расспрашивал, кого из старых друзей по академии встречал Симоняк.

- Один Андреев у нас на фронте. Тоже корпусом командует.

- У тебя, - улыбнулся Попов, - я смотрю, дела идут, ордена не помещаются на груди. И чем это ты, Николай, Говорова заворожил?

- Не знаю... Что-то ты, Маркиан Михайлович, преувеличиваешь.

- Да нет, говорят, командующий тебя называет генералом прорыва. Шутят, что Симоняк знает волшебное слово, растворяющее двери вражеской обороны.

- Эх, кабы так было! - вздохнул Симоняк. Он завертел свой сивый чуб. Воюем сейчас по-другому, кое-чему научились...

Постепенно он разговорился. Как было в начале войны? На десять снарядов мы отвечали одним. Вражеская авиация господствовала в воздухе.

Всплыли в памяти бои под Ивановским. Трудно было тогда рассчитывать на успех. Наступали на узком участке фронта. Враг обрушивал на наступающих массу артиллерийского огня, прижал их авиацией к земле. А что мог сделать комдив?

- Теперь и противник не тот, и мы не те, - заметил Попов.

- Вот именно.

Разговор перешел на конкретные вещи: как корпус готовил прорыв Северного вала, как организовали взаимодействие

различных родов войск в бою. Что обеспечило успех? Прежде всего тщательное изучение обороны противника - не только по картам, схемам и разведсводкам, но на местности - всеми командирами, начиная с комкора; очень важно точно распределить цели между артиллеристами, и тогда во время артиллерийской подготовки они ведут огонь по определенным объектам, а не по площадям. Наконец, многое зависит от правильного построения боевого порядка корпуса...

- Да, - сказал Попов, - опыт накопился богатый. Не случайно и в новых боях твоему корпусу серьезная роль отводится.

- Готовимся.

- Буду навещать.

Ужинать Попов не остался, спешил в Ленинград на заседание Военного совета фронта. Симоняк проводил его к машине и, когда она рванулась с места, еще долго смотрел вслед...

В Ропшинский дворец съехались командиры корпусов и дивизий. Симоняк увидел многих знакомых: командующего 21-й армией Гусева, Одинцова, Ковалева, Бычевского...

- Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант! - услышал он хорошо знакомый бас.

Из-за колонны показался грузный Кожевников. Яков Иванович теперь командовал дивизией. Симоняк расстался с ним не без сожаления. Не хотелось отпускать из корпуса, но не вечно же ему командовать полком.

- Здорово, дядя Яша! - улыбнулся Симоняк. - Обратно не тянет?

- Не пущают. Вот если провинюсь, попрошусь в корпус, на перевоспитание.

- Нет уж, на перевоспитание не возьмем. Держи и там марку гвардии.

Окинув глазами комнату, Симоняк увидел Щеглова, Путилова, Романцова, направился к ним.

Вместе они прошли в соседний зал, где стоял большой макет района предстоящих боевых действий.

- Разрешите начинать? - спросил у Говорова начальник штаба фронта Попов.

К макету подошел генерал-лейтенант Дмитрий Николаевич Гусев с длинной указкой в руках. Он охарактеризовал оборону противника на Карельском перешейке, Глубина первой полосы, показывал Гусев, шесть километров. Командарм вел указкой по холмикам и впадинам, по улочкам миниатюрных поселков... Первая полоса тянулась от Ладоги до Финского залива, на макете были обозначены линии траншей, разведанные укрепления, огневые точки, позиции неприятельских артиллерийских и

минометных батарей.

На 15 - 25-километровом удалении от первой полосы проходила вторая, наиболее мощная. Указка командарма очерчивала господствующие высоты, где находились железобетонные доты, пулеметные капониры. Подступы к укреплениям, дороги перехватывались грядами гранитных надолб, минными полями.

Третья полоса обороны... Выборгский обвод... Всё это войскам армии предстояло сокрушить, пройти за десять-одиннадцать дней.

- Ого! - шепнул Щеглов комкору. - А помните в финскую кампанию?

Симоняк кивнул. В то время три месяца прорывались к Выборгу наши войска. Сейчас надо это сделать раз в десять быстрее.

Как? Командарм изложил свое решение, затем докладывали командиры соединений.

К макету подошел Симоняк. Он выпрямился, слегка пригладил вихор.

Попов с особым, обостренным интересом ждал, что скажет его старый товарищ, как будет держать себя перед строгими экзаменаторами. Что Симоняк готов к боям, начальник штаба фронта не сомневался. Он уже не раз побывал на учениях в корпусе.

С неделю назад Попов повстречал Симоняка под Старым Белоостровом, у переднего края. Одет был комкор в пятнистую блузу, на ногах - кирзовые сапоги, на голове едва умещалась солдатская пилотка.

- Что это ты себя в рядовые разжаловал? - шутливо спросил Попов, догадываясь, откуда возвращается комкор.

- К Маннергейму дорогу смотрел. Он нас когда-то в гости приглашал. Тогда недосуг было... А теперь в самый раз.

Симоняк выглядел усталым. Еще ночью он по траншеям и ходам сообщения пробрался со своим адъютантом на наблюдательный пункт артиллеристов. Поговорил с командиром дивизиона Сыроедовым, от него перекочевал к пехотинцам, которые здесь уж давно занимали оборону: они рассказали много любопытного о противнике, распорядке дня по ту сторону нейтральной полосы.

Когда рассвело, комкор с разных точек подолгу разглядывал вражеский передний край, делая пометки на своей карте.

У Николая Павловича, понял Попов, осталось неизменным его командирское правило: самому всё видеть и оценить, прежде чем принимать решение.

...Глуховатый бас Симоняка минут двадцать рокотал под расписными сводами зала Ропшинского дворца. Комкор говорил, изредка бросая взгляд на свою карту. Как и ожидал Попов, он доказательно, с большой убедительностью оценил характер обороны противника в полосе наступления корпуса, изложил собственное решение.

Говоров сидел насупившись. Казалось, он не очень следит за словами комкора. Но когда Симоняк отходил от макета, проводил его потеплевшим взглядом.

6

Солнечным утром 10 июня Симоняк с волнением вслушивался в рев канонады. Артиллерийское наступление продолжалось уже больше двух часов. В операции на Карельском перешейке на каждый километр фронта в полосе гвардейского корпуса приходилось более двухсот орудий. Теперь к ним присоединились самолеты. Нара стающий гул моторов заставил Симоняка поднять голову. Низко, чуть не задевая деревья, проносились эскадрильи штурмовиков. Повыше, над ними, в бледно-голубом небе плыли, похожие на журавлиные стаи, девятки бомбардировщиков.

С земли было хорошо видно, как от самолетов отрывались крупные серебристые капли. Падая, они быстро увеличивались в размере и со свистом пронзали воздух.

Всё дрожало вокруг. Казалось, что земля не выдержит бомбового удара.

Взрывной волной с Симоняка сорвало фуражку. Одна девятка сбросила бомбы у самого нашего переднего края. Несколько бомб упало невдалеке от наблюдательного пункта комкора.

Симоняк в сердцах выругался и велел соединить его с командующим фронтом.

- Меня бомбят наши, - пожаловался он Говорову. - Побьют народ, с кем пойду в атаку?

Несколько минут комкор ждал звонков из дивизий. Не натворил ли беды этот нелепый бомбовый удар? Но телефон молчал. Симоняк сам твердо наказал: до начала атаки прибегать к телефонной связи только в случае крайней нужды.

- Вызывай Щеглова, - сказал командир корпуса телефонисту.

63-я дивизия, как и под Пулковом, наступала на главном направлении. Ей предстояло идти вдоль Выборгского шоссе.

- Как у тебя, Афанасий? - спросил комкор. - Здорово пробомбили?

- Еще не совсем ясно.

- А настроение?

- Превосходное!

- Уточнишь потери от бомбежки, донеси.

- Передали вот, что Холошню малость зацепило, у остальных как будто в порядке...

Майор Григорий Силантьевич Холошня командовал 192-м полком, сменив Якова Ивановича Кожевникова. Симоняк помнил его с августа сорок первого года, когда наши моряки доставили на Ханко гарнизон острова Осмусаар. Среди командиров был и лейтенант Холошня. На кадрового он мало походил. Представляясь комбригу, поднес руку к пилотке, неловко оттопырив пальцы. Гимнастерка мешком висела на его плечах. Глаза были прикрыты поблескивавшими стеклышками очков. Симоняк тогда немало удивился, узнав, что моложавый лейтенант уже окончил институт и возводил укрепления на Осмусааре.

Холошню направили к Кожевникову. Он на глазах превращался в собранного, волевого офицера. Его перевели в штаб батальона, оттуда - в штаб полка. Когда Кожевникова брали на дивизию, он сказал Симоняку:

- Лучшего человека на командование полком, чем Холошня, искать не надо. Большой он умница!

В трудном бою под Нарвой Холошня оправдал эту оценку. И к предстоящей операции подготовил полк хорошо. Но вот перед самой атакой - такая неприятность.

- Ободри его, - сказал комкор Щеглову.

- Дьяченко туда уже пошел.

Передний край корпуса от реки Сестры отделяло двенадцать - семнадцать километров. Река причудливо извивалась по лощинам, среди густых лесов. Неширока она, а переправиться трудно: берега крутые, подходы под огнем.

Уже с самого начала боя, когда войска корпуса рванулись вперед и за двадцать минут оставили за собой четыре линии вражеских траншей, взгляд Симоняка, скользивший по карте, всё чаще и чаще останавливался на голубой ленточке реки. Шагнуть бы сегодня за Сестру, размышлял комкор, захватить мост, поселок Яппиля - вот это было бы по-гвардейски!

Наступали две дивизии корпуса - 45-я и 63-я. 64-я находилась во втором эшелоне. От Путилова и Щеглова поступали бодрые донесения. Противник ошеломлен, смят ударами нашей артиллерии и авиации, дружным натиском гвардейцев.

Позвонил командующий фронтом, справлялся, как идут дела.

- Хорошо. Финны еще не опамятовались. Полки местами уже продвинулись на четыре километра.

- Наши самолеты больше вас не бомбят?

- Нет. Они, к счастью, больше напугали, чем причинили

вреда.

Красные стрелки на карте комкора с каждым часом отодвигались от бывшего переднего края. В лесах, у озерных дефиле, на перекрестках дорог завязывались скоротечные схватки, а иногда и яростные бои. Гвардейцы опрокидывали неприятельские заслоны и рвались вперед. В их действиях сказывалась большая школа войны, полученный в сражениях опыт прорыва многополосной обороны.

Из дивизий докладывали только о достигнутых рубежах, занятых полками опорных пунктах. Но что стояло за скупыми словами шифрованных сообщений?

Радиоволна донесла командиру 192-го полка прерывистый голос комбата Петрова:

- Я у высоты Волк.

- Не задерживайтесь. Иду следом.

Холошня, поправив очки, назвал место своего нового командного пункта Заболотье.

Деревеньку с этим названием заняла рота капитана Львова. После тяжелого ранения под Пулковом Алексей Львов долго лежал в госпитале. Вернулся в полк перед боями. И опять повел своих автоматчиков вперед. Рота обогнала стрелковые цепи, лесом обогнула Заболотье, атаковала финнов с фланга. Старшина Иван Исаичев, ветеран полка, ханковский снайпер, со своим взводом внезапно появился у них в тылу. Неприятельский гарнизон почти весь был уничтожен. Автоматчики захватили три тяжелых орудия.

- Что делать с пленными? - запрашивал Львов.

- Придержите, я скоро буду, - ответил командир полка.

В Заболотье Холошня пробыл недолго. Посмотрел на первых пленных, узнал, из какой они дивизии. Финские солдаты исподлобья поглядывали на советских бойцов и офицеров, они еще не пришли в себя от пережитого, как сказал один из них, огненного ада.

- Отправить в штаб дивизии, - приказал Холошня командиру роты Львову. - А сам давай вперед, к Сестре! Обгоняй Петрова.

Но сделать это оказалось не просто. Командир первого батальона был в это время уже далеко от Заболотья. Одну роту направил на высоту Огурец, где у финнов находилось три пулемета, а сам стороной обошел ее с танковым взводом. Ударили тридцатьчетверки по дзотам и за несколько минут превратили их в груды развалин.

За болотистой лощиной поднимался новый покатый холм. По нему вела огонь наша артиллерия. Грохот разрывов сливался с рокотом танковых моторов. На небольшой высоте проносились

самолеты с красными звездами, и пехотинцы ракетами давали им знать, куда направлять удары. Трещали пулеметы и автоматы. В шуме боя Петров не слышал даже собственного голоса. Как командовать ротами? По радио? Пока войдешь в связь - потеряешь драгоценные минуты. А бой не терпит промедления. Быстрее к Сестре! Быстрее! Комбат поднимал вверх правую руку, несколько раз вертел ею над головой, привлекая внимание командиров рот, и затем рукою же показывал направление дальнейшего движения.

Глубоко вклинивался во вражескую оборону и 131-й полк 45-й дивизии. Наступал он на левом фланге корпуса. Командир полка Даниленко перед боями обижался на комдива Путилова: тот ему и участок для наступления выделил в два раза больше, чем на главном направлении, и артиллерии дал значительно меньше. Даниленко было посетовал на это.

- Не торгуйся, Семен Филиппович, - ответил Путилов. - Больше не получишь. А задачу надо выполнять.

- Раз надо - будем выполнять. - Даниленко несколько необычно построил боевой порядок. Не стал равномерно распределять участок наступления между батальонами. Самый сильный удар решил нанести справа. Сюда направил и огонь приданной артиллерии.

Расчет оказался правильным. Первый батальон сразу проскочил через вражеские траншеи. А следом за ними рванулся и второй батальон. Противник не сумел оказать серьезного сопротивления. В опорном пункте на станции Алакюля он побросал заряженные орудия. К часу дня полк прошел двенадцать километров.

Немало удивился комдив, узнав, что 131-й полк уже подошел к деревне Хапала.

- Хорошо шагнул! - радировал Путилов командиру полка. - А ты плакался! Пока задержись.

Впервые, пожалуй, слышал подобное командир полка от комдива. В прежних боях было по-иному. Почему застрял? - торопили сверху. - Пробивайся дальше.

Даниленко, смахнув пот со лба, присел на пенек. Гроза страшной силы потрясала весь Карельский перешеек. И слева, где наступал 109-й корпус, и справа доносились орудийная пальба, разрывы бомб. Бой не утихал ни на минуту. Особенно упорный характер носил он на участке наступления 190-го полка. Полковник Афанасьев, как и Даниленко, обливался потом, - солнце палило вовсю, но присесть передохнуть не удавалось. Противник цеплялся за основную магистраль - Выборгское шоссе. И на самой дороге, и в обрамляющих ее лесах часто завязывались

схватки.

Командир полка передвигался буквально по пятам комбатов Ефименко и Панфилова, всё время держал в своих руках нити управления боем.

- Харитон, ты еще не у реки? - запрашивал он комбата Ефименко. - Гляди, опередят соседи.

- Мы будем первыми, - заверял майор. - До реки уже самая малость осталась.

- Сразу перебираться. Слышишь?

Гвардейцы двигались по густому лесу. Высоченные ели стояли, словно взявшись за руки, их густые ветви спускались до самой земли, покрытой моховым ковром. Командиры рот часто посматривали на компас. Не сбиться бы с направления.

Местность постепенно начала подниматься. Мох сменили заросли вереска. Стало светлее, просторнее. По косогору выстроились золотистые сосенки.

- Река! - крикнул ефрейтор Петр Маслов.

Он прилег за бугорком, всматриваясь в противоположный берег.

Командир батальона Ефименко приказал форсировать Сестру, а сам связался с командиром полка.

- Ты не ошибся? - переспросил Афанасьев. - Вышли к Сестре?

- Точно. Слышу стрельбу на правом берегу.

- Сейчас подойдут танки с десантом. Афанасьев, окончив разговор, повернулся к комсоргу полка Баранову. Тот перехватил его озабоченный взгляд.

- Разрешите мне отправиться с танками?

- Иди, Алеша.

Баранов поспешно помчался к комсомольцам-автоматчикам, которые в это время усаживались на танки.

Скоро и Афанасьев передвинул свой командный пункт к Сестре.

Гвардейцы форсировали реку с ходу в нескольких местах. Справа, где Сестра делала крутую излучину, переправилась рота старшего лейтенанта Владимира Михайлова. Несколько левее - батальон капитана Петрова из 192-го полка. Сделав решительный бросок, зацепились за правый берег бойцы батальона Ефименко. Противник не успел даже взорвать заминированный мост.

Горячий бой завязался у деревни Яппиля. Она тянулась вдоль Выборгского шоссе километра на полтора. На помощь гарнизону, который здесь оборонялся, финское командование подбросило самокатный батальон из бронедивизии Лагуса. Но это уже не могло изменить ход событий. По захваченному мосту в Яппиля ворвались наши танки, слева и оправа деревню обтекали стрелки.

Симоняк подозвал полковника Морозова, обвел на карте легонько карандашом подходы к вражескому опорному пункту на командной высоте.

- Нужно дать огонька, чтоб никто не ушел отсюда и никто не пришел им на помощь.

Финский самокатный батальон напоролся на огонь нескольких танков, на меткие очереди пулеметчиков и автоматчиков. Не прошло и получаса, как он был разбит. На улицах деревни, на обочинах дорог валялись десятки искалеченных велосипедов.

8

Комдив Романцов всю первую половину дня провел в ожидании приказа. В корпусе о нем словно забыли. Симоняк ни разу не позвонил. Романцов связался с начальником штаба Трусовым:

- Долго еще мне сидеть, Иван Ильич?

- Радоваться надо, что вы пока не нужны, - утешал начштаба.

- Двигаю полки за первым эшелоном.

- Добре! Там и Николая Павловича встретишь.

И действительно встретил - но за Сестрой-рекой. Солнце спускалось к лесу, его косые лучи уже не обжигали, как в полдень. В тени под ветвистым тополем на валуне сидел Симоняк. Морозов переговаривался с кем-то по рации.

- Вовремя! - кивнул Романцову комкор. - Где твое войско?

- Неподалеку. По трем дорогам сюда идет.

- Кукушки вам не попадались? Помнишь финскую кампанию? Первых пропускали, а потом и начинали щелкать.

- Обалдели кукушки. Видел я пленных. Все одно и то же твердят: такой огонь выдержать невозможно.

- Война теперь, конечно, другая, но дремать нам нельзя. Могут они нам разные сюрпризы еще преподнести.

Романцова интересовало, когда дивизия вступит в бой. Симоняк не ответил определенно. Всему свой час.

- Выходи, Иван Данилович, за Сестру и жди сигнала.

Симоняку весь день хотелось побывать в частях. Не удавалось. Только под вечер он вырвался в 188-й полк. Давиденко удивился, увидев на своем командном пункте Симоняка. Или генералу уже доложили, что он в начале боя несколько растерялся, выпустил на время нити управления?

Но Давиденко не собирался ничего скрывать, сам рассказал всё как было. Симоняк внимательно слушал майора.

- Не всеми, вижу, ты доволен. Небось думаешь: хорошо бы и кое-кого сменить. Так?

- Так, - согласился Давиденко.

- Неправильно думаешь.

Командир полка недоуменно пожал плечами.

- Да, неправильно. И вот почему. Ты знаешь достоинства и недостатки каждого офицера, можешь на него влиять. А сменишь - нового тоже учить придется. Или готовенького ждешь? За каждого человека надо бороться, товарищ командир полка. Цени людей!

Давиденко молчал, он не ожидал такого поворота. И Симоняку захотелось приободрить молодого командира полка.

- А воевал ты в первый день хорошо. Спасибо! Зоркие глаза комкора еще издали заметили худощавую фигуру замполита Силоняна.

- Иди сюда, Арам! - позвал его Симоняк.

Силонян одернул маскировочный халат.

- Здравия желаю, товарищ генерал!

- Здравия желаю!.. Каков денек?

- Хороший, товарищ генерал. Никогда мы еще так не наступали.

- Расхвастался!..

- Нисколько, - улыбнулся Силонян, хорошо знавший, как Симоняк любит иногда поддразнить собеседника. - Замечательно наши люди воевали. О роте Михайлова слышали?

Симоняк покачал головой.

- Первой она переправилась через реку Сестру, обошла Яппиля и ударила с тыла.

- Все у вас первые!..

- Что есть - то есть.

Симоняку нравилась горячность Силоняна. Людей своего полка он никогда не давал в обиду. И люди ему верили, любили его, не задумываясь шли с ним на самые опасные дела.

- Ладно, - сказал комкор. - Смотрите, чтоб и дальше ваши люди были первыми... Желаю удачи! А мне еще у Афанасьева надо побывать.

9

Ко второй полосе вражеской обороны войска корпуса приблизились на исходе второго дня наступления. Романцов больше не скучал, - Симоняк ввел его дивизию в бой. По шоссе прорывалась вперед и танковая бригада полковника Анатолия Ковалевского. Танкисты и пехотинцы овладели селением Маттила, дорогу к которому прикрывали три минных поля и несколько неприятельских батарей.

Финские войска откатывались к Кивеннапе. Со своего наблюдательного пункта Симоняк пристально разглядывал ее в перископ. Впереди, закрывая чуть ли не половину неба,

громоздились высоты, где, по данным разведки, глубоко в земле находились железобетонные укрепления. Финны подтягивали сюда свежие силы - из Выборга, из других глубинных районов.

День назад группа разведчиков 134-го полка натолкнулась в лесу на четырех солдат в финской форме.

- Свои! - крикнули те. - Мы русские! Им не поверили. Бывали случаи, когда свои, даже в нашей форме, оказывались чужаками.

- Руки вверх! - скомандовал сержант. - Бросай оружие!

Те неохотно, как показалось разведчикам, расставались с автоматами.

- Кидай, а то всех перестреляем! - крикнул сержант, и прежде чем неизвестные подняли руки, несколько разведчиков бросились к ним, сбили с ног...

Сержант подошел и услышал, что пленные повторяют:

- Да мы же свои, разведчики!

- Ладно, разберемся!

Пленных, по их настойчивой просьбе, переправили к командиру полка Меньшову, а оттуда к Симоняку. Это были действительно разведчики, возвращавшиеся из вражеского тыла. Туда их забросили самолетами. Они добыли новые данные о второй, главной оборонительной полосе противника, о переброске резервов в район Кивеннапы.

Разведчиков с почетом отправили в штаб армии. Симоняк, выбравшись на гору, смотрел на Кивеннапу. Здесь начиналась так называемая новая линия Маннергейма.

Кивеннапа запомнилась Симоняку еще с суровой зимы тридцать девятого года. Высокая кирка, облепившие ее домики. Была она тогда совсем уже рядышком, а дойти оказалось нелегко. Много тут было пролито крови.

Как-то будет теперь? Финны еще сильнее прежнего укрепили этот выгодный рубеж, расположив на высотах впереди Кивеннапы семь мощных железобетонных дотов. Путь к ним закрывала густая вязь проволочных заграждений, гранитные надолбы.

Два наших танка попробовали с ходу взобраться на гору. Вражеские артиллеристы подбили их.

- Не лезть на рожон! - приказал комкор. Он обрушил на вражеские позиции перед Кивеннапой могучий удар приданного ему артиллерийского корпуса, огонь всех семидесяти четырех танков бригады Ковалевского, не считая корпусной и дивизионной артиллерии. Бушевал огонь, а тем временем саперы гвардии старшего лейтенанта Павленко сняли десятки мин, разбросанных по шоссе, на подходах к высоте... Под прикрытием самоходных установок несколько тяжелых танков сделали проходы в надолбах и проволоке. А автоматчики-гвардейцы лесом

обходили высоту справа... Финны учуяли, что вот-вот будут окружены, и, бросив доты, стали отходить.

На танки был посажен десант гвардейцев, и они помчались на высоту. Прошли через противотанковый ров и на полном ходу уже ночью ворвались в Кивеннапу...

10

Под Кивеннапой Симоняка навестил начальник штаба фронта генерал Попов. Он поздравил с успехом командира корпуса, а затем, без обиняков, передал требование командующего - завтра, 14 июня, когда соседний корпус начнет прорывать вторую полосу вдоль Приморского шоссе, гвардейцам действовать активно, нанести новый удар по группировке противника за Кивеннапой. Артиллерии фронт дать корпусу не может, но выделяет авиационный бомбардировочный корпус и дивизию штурмовиков.

Симоняк нахмурился, стал нервно крутить чуб:

- Это что-то новое...

Комкор заранее был посвящен в замысел операции, знал, что прорыв второй линии обороны финнов планируется левее. Туда же и переместилась артиллерия 3-го корпуса прорыва, который до того поддерживал гвардейцев. По первоначальному плану, от гвардейцев здесь требовалось лишь демонстрировать наступление, чтобы ввести противника в заблуждение. А теперь, нате вам, действуй активно, наступай, прорывай...

- Ты что ворчишь, Николай?

- А что мне остается делать! Артиллерию отобрали, танков мало. Как же прикажете прорывать?

- А авиация?

- Что толку! - вскипел Симоняк. - Я уже испытал их бомбежки - сбросили на меня...

- Не прав ты, Николай Павлович! Обжегшись на молоке, на воду дуешь.

Верно, одна эскадрилья допустила ошибку. Но ведь пленные, взятые частями гвардейского же корпуса, показывают, какой большой урон наносили противнику бомбардировщики. А насчет артиллерии - есть ведь корпусные и дивизионные полки. Тоже немалая сила.

Спокойный тон Попова охладил Симоняка, но он всё же продолжал твердить: Нельзя так. Людей беречь надо.

В конце концов они пришли к согласию: весь корпус в атаку не поднимать, ограничиться усиленной боевой разведкой, которую поддержат своя артиллерия и приданная авиация. На это, как выразился Попов, он имел вексель от Говорова. Четырнадцатого июня на левом фланге 21-й армии начался прорыв новой линии Маннергейма. Противник вначале так и не

мог разгадать - где наносится главный удар. Он не решился перебросить какие-либо силы из-под Кивеннапы на свой правый фланг. Это облегчило действия соседнего с гвардейским корпуса. 14 и 15 июня наши части взломали главную полосу вражеской обороны, открыли дорогу на Выборг.

К гвардейцам приехал член Военного совета Кузнецов. Симоняк долго водил его по обожженной огнем, изрытой воронками высоте. По высоким ступенькам спустились в железобетонный каземат. Здесь было прохладно. Ни один звук не проникал сквозь двухметровые стены. В узкой амбразуре стояло орудие, рядом валялись снаряды.

- Крепкая хата! - заметил Кузнецов. - Трудно небось было ключ к ней подобрать.

- Как сказать, Алексей Александрович! Штурмовать доты нам почти не пришлось. Сманеврировали, обошли их, и хозяева хат побросали ключи, пустились наутек... В общем-то такого стремительного наступления, как нынешнее, я и припомнить не могу.

Командир корпуса назвал несколько цифр. В январе сорок третьего года дивизия за семь дней продвинулась на восемь - десять километров. А на Карельском перешейке гвардейцы за два дня рванулись на двадцать четыре километра. И что характерно, потери корпуса ни в какое сравнение не идут с потерями противника. Финны оборонялись, сидели в укрытиях, лисьих норах, а потеряли значительно больше, чем наступавшие.

- Давно бы нам так воевать, - задумчиво проговорил Кузнецов, направляясь к выходу.

С трудом, словно неохотно, распахнулась тяжелая стальная дверь. Кузнецов и Симоняк выбрались на солнце, невольно зажмурились.

На обочине шоссе строились в походную колонну гвардейцы. Кузнецов подошел к ним. От имени Военного совета фронта он поздравил гвардейцев с новой победой.

- Вперед, на Выборг! - громко воскликнул он.

Операция на Карельском перешейке прошла так, как было задумано. Уже 20 июня над Выборгом взвилось алое знамя. Это было накануне третьей годовщины начала Великой Отечественной войны. К Симоняку приехали военные корреспонденты, поздравили с присвоением корпусу звания Ленинградского, просили поделиться мыслями о боевом пути ленинградской гвардии. Симоняк согласился. И 22 июня сорок четвертого года во фронтовой газете На страже Родины была опубликована его небольшая статья.

Бесконечно далекими, - писал он, - представляются сегодня

первые дни Великой Отечественной войны. Три года - небольшой срок для истории. Но много ли таких трехлетий есть в истории армий и государств? Огромен путь, пройденный нами за эти три года, гигантски велики пережитые события, изумительны и несравненны победы.

Ворота в Германию

Рая с беспокойством поглядывала на часы. Ох уж эта Зойка! Ушла к подружке и пропала. Наверно, не за книжками они сидят, а в кино умчались.

После гибели матери Николай Павлович говорил Рае:

- Гляди за сестрой! Ты - старшая. Мне-то к вам выбираться сейчас трудно. Сама понимаешь!..

Рая понимала и, когда отец приезжал, старалась ничем его не волновать.

- Всё у нас идет хорошо, - уверяла она, - по-гвардейски.

Симоняк смеялся:

- По-гвардейски? А ну-ка, показывайте свои табели. Рая доставала институтскую зачетную книжку, Зоя - школьный табель.

- В общем-то неплохо! - оценивал отец. - А вот тройка сюда совсем некстати затесалась. Это уже не по-гвардейски.

Жили сестры в старом доме на Садовой улице, в здании военной комендатуры. Квартиру на Благодатном разрушило снарядом, а новой Симоняк не просил - было не до того. Да и казалось ему, что возле комендатуры дочерям жить спокойнее.

Как бы он ни был занят, о дочерях не забывал. То просил кого-нибудь из сослуживцев, ехавших в Ленинград, проведать Раю и Зою, а то и сам показывался на час-другой. Однажды взял дочерей к себе на командный пункт. Корпус в это время стоял под Нарвой, находился во втором эшелоне.

Несколько дней сестры прожили в отцовской землянке. Немецкие снаряды частенько рвались и впереди, и где-то позади, в лесу. Отец не обращал на это внимания, а Рая и Зоя, услышав ноющий свист, невольно втягивали головы в плечи. Отец успокаивал:

- Свистунов бояться нечего! Через нас они перелетают. Взорвутся где-то сзади...

Дочери еще долго вспоминали и глубокий котлован, в котором располагался отцовский блиндаж, и небольшую комнату, и земляной пол, покрытый лапчатыми еловыми ветвями, и простую солдатскую постель. Мы сейчас живем, как на курорте, - обронил как-то отец. Что же бывает во время боя?

...Зоя пришла домой в десятом часу. Вбежала в комнату и бросилась на шею старшей сестре.

- Ты слышала приказ?

- Какой приказ?

- Наши войска, - торжественным голосом произносила Зоя, - перешли в наступление на Карельском перешейке... Отличились войска генерал-лейтенанта Симоняка...

Симоняк приехал к дочерям в начале июля. Вид у него был усталый, на лбу пролегло еще несколько морщинок.

- Как тут у вас? Докладывайте! - сказал он, усаживаясь у стола.

Зоя покосилась на старшую сестру. И та, заметив ее взгляд, бойко ответила:

- Всё хорошо, папочка! Мы дружно живем.

Перебивая друг друга, Рая и Зоя торопились выразить свою радость: они и по радио слышали и в газетах читали о новой победе корпуса, о награждении отца орденом Суворова 1-й степени.

Симоняк, сдвинув брови, слушал дочерей.

- А ты, папа, вроде и не рад? Или, может быть, плохо себя чувствуешь. Заболел?

- Нет. Жаловаться на здоровье нельзя. Они долго сидели вместе, пока дочери не уговорили отца отдохнуть.

- Ложись, папочка! Устал ведь, мы видим!..

Симоняк прилег, сомкнул набухшие веки. Рая и Зоя, чтоб не мешать отцу, старались тихо двигаться, разговаривали шепотком.

А Симоняк не спал. После каждой операции им владело какое-то двойственное чувство. Конечно, его радовали боевые успехи гвардейцев, и похвалы командования, и поздравления друзей, и награды. И в то же время он испытывал горечь и боль, думая о потерях.

Всё меньше оставалось в строю тех, с кем он начинал войну. Вот на Карельском перешейке их число снова убавилось. Сложил лихую голову герой боев на Неве и под Пулковом Федя Бархатов. Не получит от него больше письма старенькая мать. Отправили скорбное извещение из 188-го полка родственникам Арама Силоняна. Он погиб северо-восточнее Выборга в наступающей стрелковой цепи. Недолго после него повоевал и Давиденко. Осколками бомбы под Ихантало командиру полка перебило ноги. Его вывезли на танке под огнем врага.

И Шерстнев, видимо, навсегда распрощался со строевой службой. Всё произошло да глазах Симоняка. Комкор находился на наблюдательном пункте дивизии, туда шел и возвратившийся из полков Александр Иванович. Теперь он был уже замкомдивом. Внезапно из-за леса вынырнул вражеский самолет. Бросил бомбу. Симоняк и Щеглов успели укрыться за стеной каменного дома, а

Шерстнев оказался на открытом месте. Его свалило на землю, осколок перебил голень.

Александра Ивановича отправили в медсанбат. Врачи, осмотрев рану, сказали замкомдиву: Рану придется подчистить. - Давайте, коль нужно. - Будет больно. Придется дать наркоз. Когда Шерстнев проснулся, у него не было ноги. Врач объяснил: Что было делать - спасать ногу или жизнь человека? Нога уже мертвая, перебиты все нервы и сосуды.

Комкор не мог себе представить Шерстнева инвалидом. И примириться с тем, что он отвоевался, было трудно. Хорошо командовал полком, наверняка стал бы через некоторое время отличным комдивом...

Долго Симоняк ворочался на постели. Мелькали перед глазами образы дорогих ему людей. Разве забудешь их? Тяжелой ценой добывается победа. В сентябре войска 30-го корпуса входили в состав 2-й ударной армии. Командовал ею генерал-лейтенант И. И. Федюнинский. Перед армией стояла задача: ударом с двух сторон по сходящимся направлениям, через реку Эмайыги и с плацдарма северо-восточнее Тарту прорвать оборону противника и стремительно развивать наступление к побережью Балтики.

Гвардейский корпус, как в прежних боях, должен был действовать на главном направлении.

И комкору, и командирам гвардейских дивизий приходилось порой слышать от генералов, боевых друзей: К вам командующий фронтом благоволит. Прорвете оборону, повоюете с недельку и уходите во второй эшелон. Занимайся, готовься.

Говоров действительно уделял особое внимание корпусу, высоко ценил его командира.

И Говоров, и Симоняк характером походили друг на друга. Оба были суховаты, немногословны, несколько угрюмы внешне. Маршала все знали как человека высокой военной культуры, вносившего в каждую фронтовую операцию много творчества, яркой мысли. Симоняка некоторые считали человеком простоватым, одним из тех, кто достиг высокого положения длительной службой, своим, что называется, горбом. Может быть, понять его мешали некоторая замкнутость, грубоватая речь и скромность, не позволявшая подчеркивать свои заслуги. Но Говоров видел командирские качества Симоняка: его талант военачальника, решительность, прямоту, душевную чистоту и честность. Он видел в Симоняке мыслящего генерала, дисциплинированного, но ничего не принимающего на веру без глубокого внутреннего анализа и серьезной проверки.

Симоняк оправдывал доверие, которое ему оказывал Военный

совет фронта. Людям, которые с завистью говорили: Повоевал с неделю и гуляй, он мог бы ответить: А что труднее - сокрушить многополосную вражескую оборону, которая создавалась годами, или же войти в пробитую брешь и преследовать противника?.. Но он ничего не говорил. Это было и так понятно.

В операции по освобождению Эстонии корпусу предстояло и оборону прорвать, и настойчиво преследовать противника, не позволяя ему останавливаться на каком-либо рубеже.

Прибалтику сами немцы назвали воротами в Германию. Гвардейскому корпусу довелось уже стучаться в эти ворота. В феврале сорок четвертого года была форсирована река Нарва у селения Долгая Нива. Полки переправились по льду реки, сбили противника и продвинулись до железной дороги Нарва - Таллин. Развить наступление дальше тогда не удалось.

К осени обстановка сложилась так: западнее Нарвы находилась наша 8-я армия. Между Чудским и Псковским озерами, в район Тарту вышли войска 3-го Прибалтийского фронта.

Противник ждал удара ленинградских войск с Нарвского направления, куда вначале для дезориентации гитлеровцев и был переброшен 30-й корпус. Но здесь гвардейцы пробыли недолго. Скрытно для противника полки двинулись к реке Эмайыги.

Облачившись в солдатский маскхалат, комкор ночью пробирался через густой кустарник к берегу. Ночную темноту часто прорезали вспыхивающие в разных местах ракеты.

- Чего лезть дальше, Николай Павлович, - шепнул его неизменный спутник Морозов. - Речушка неширокая, двадцать - тридцать метров. Инженеры разберутся, где лучше переправиться.

- Брось, Иван Осипович! Должны посмотреть и мы сами.

Вышли на берег. Внизу тускло отсвечивала гладь воды.

Комкор наклонился, опустил свою суковатую палку в реку. Дно оказалось илистым, топким, течение норовило выдернуть палку из рук.

- Быстрая! - заметил Симоняк.

Днем он побывал в 131-м полку, проверял, как там готовятся к переправе. Даниленко показал ему небольшие штурмовые мостки, сделали их сами солдаты из бревен и досок.

А как вы их устанавливать будете?

Сами установятся. Один конец закрепим на нашем берегу, а второй течением прибьет к противоположному берегу.

Умно! - оценил комкор.

И сейчас, наклонившись над водой, Симоняк снова мысленно одобрил гвардейскую смекалку. Мостки пригодятся.

Комкор осмотрел подходы к реке, места переправ, укрытия

для плотов и лодок. Морозов показал ему, где устанавливаются орудия прямой наводки.

- Делать всё тихо, - в который раз предупреждал комкор. - Пусть противнику и не снится, что мы здесь.

Симоняк и на этот раз дотошно вникал во все детали подготовки к боям. Дней до начала наступления оставалось в обрез, приходилось работать с огромным напряжением.

Корпусу придавалось много артиллерии, авиации и танков. Сразу же после прорыва вражеской обороны намечалось ввести в бой подвижные отряды и группы. Они должны были вырваться на десятки километров вперед, рассекая на части вражеские войска, с ходу захватывать крупные селения и города, железнодорожные станции и порты.

Симоняку и командирам его дивизий еще не приходилось вести подобные бои. Однако некоторые предшествующие операции, скажем, на Карельском перешейке, были своеобразной генеральной репетицией к мобильным, маневренным действиям в Эстонии.

В дивизиях выделяли подвижные отряды, в которые обычно входили стрелковый батальон, посаженный на машины, артиллеристы и минометчики.

Командиром одного из подвижных отрядов Щеглов назначил Александра Трошина. Симоняк одобрил этот выбор. Трошина он знал по многим боям. Опытный комбат, неустрашимый человек. Под Нарвой ему раздробило ногу. Лечился в госпитале и, не дождавшись окончательного выздоровления, с костылем вернулся в полк, нагнал его за Выборгом. У станции Ихантала - новое ранение, и опять в ногу.

- Ну и мерзавцы! - негодовал Трошин. - Норовят меня ног лишить. Не выйдет! Я еще за ними погоняюсь.

Трошин не опоздал и к новой операции. Ходил еще прихрамывая, но всех заражал своей энергией и боевым задором. Симоняк, повстречав его на занятиях в поле, подозвал майора:

- Как здоровье? Ноги держат?

- Бегают, товарищ генерал. Сейчас раны быстро заживают. Времена-то какие! Здорово наши дают фашистам по загривку!

- Да, времена переменились, - проговорил Симоняк. - Финляндия вышла из войны. Наши войска в Югославии, в Венгрии. Скоро и самого Гитлера возьмем за глотку.

Комкор расспросил комбата о подвижном отряде, совместных учениях с артиллерийскими дивизионами, которые ему придавались. Трошин отвечал обстоятельно, верил, что подвижной отряд будет действовать хорошо.

- И я так думаю, - сказал комкор, прощаясь с майором.

Перед боем в батальоне Вячеслава Марака собрались коммунисты. Говорили об одном: о темпе наступления.

- Мчаться нужно со скоростью звука, - сказал комбат.

Этот двадцатитрехлетний офицер начал военную службу летчиком. Шла финская кампания. Однажды Вячеслав ввязался в неравный бой с пятью вражескими самолетами. Два сбил, и сам полетел вниз. Восемь суток не приходил в сознание, четыре месяца лежал в гипсе. Никто не верил, что Марак выживет, но ленинградский хирург Гирголав совершил чудо, поставил его на ноги.

После госпиталя Марака послали на завод военпредом. Он там не задержался. О воздушных боях уже думать не приходилось. Марак приземлился в 70-й стрелковой дивизии. Сначала был командиром взвода конных разведчиков, потом помощником начальника штаба и, наконец, стал командиром первого батальона 134-го гвардейского стрелкового полка.

- Мчаться со скоростью звука, - повторял бывший летчик. - Тогда всё будет прекрасно.

Ответил ему младший лейтенант кабардинец Тушо Атабиев, черноволосый, быстроглазый. Он заговорил, сильно жестикулируя.

- Мотор у нас что надо! - похлопал он по широкой груди. - И со скоростью звука можно. Ноги успеют ли за мотором?

- Плохому танцору всегда ноги мешают, - усмехнулся Марак.

Атабиева не смутила реплика комбата. Резанув рукой, как шашкой, воздух, он стал говорить о том, что машин батальону не дают, лошадей тоже. Что ж нужно делать, чтобы быстрей двигаться? Не обременять солдат лишним скарбом. Сейчас еще тепло, ни к чему шинельные скатки и вещевые мешки с собой брать. Взять оружие, патроны, каски - и всё...

- Дело предлагает! - одобрил присутствовавший на собрании начпокор Иванов. - В таком походе всякий лишний груз - большая помеха.

На том и порешили: наступать налегке. А Иванов, вернувшись в штаб корпуса, рассказал о собрании Симоняку.

- Одной думой живет народ, - негромко постукивая пальцами по столу, проговорил комкор, глядя в окно, за которым золотилась стройная березка. Одной...

Иванов, поговорив с командиром корпуса, поднялся. Не мог он долго сидеть на месте. Он вечно колесил по полкам и батальонам. Вернется в штаб корпуса и начинает делиться своими наблюдениями. Глаз у него острый.

- Подожди! - остановил его комкор. - Дума у нас всех одна - двигаться как можно быстрее. И решили в батальоне правильно,

об их начинании следует всему корпусу рассказать.

- Сделаем, Николай Павлович! Разошлю людей по полкам.

- И пусть они еще вот о чем потолкуют...

Симоняк и сам поднялся со стула. Главное в этих боях на всех этапах сохранить четкое взаимодействие. Проще это было делать в предыдущих операциях. Теперь труднее. Вырвавшись на оперативный простор, танки могут за день пройти десятки километров. А пехота? Как ей нагнать подвижные отряды и группы? У пехоты должны вырасти крылья - вот тогда противнику не спастись от разгрома.

- А где эти крылья взять? - не удержался Иванов.

- Об этом надо нам всем подумать. В одном случав этими крыльями могут оказаться приданные танки, на броне которых разместятся стрелки, в другом артиллерийские тягачи и прицепы, в третьем... Пускай в каждом полку и батальоне прикинут...

6

На Эмайыги случилось то же, что на Неве: одна из гвардейских рот раньше времени начала переправу.

Очень горячи оказались сердца у старшего сержанта Василия Миронова и его боевых друзей. Они лежали на берегу в кустарнике, волнуясь и радуясь, смотрели, как штурмуют вражеские позиции краснозвездные самолеты, как артиллерийские снаряды поднимают на воздух вражьи укрепления.

- Крепко гадов прижали! - говорил Миронов. - И не пикнут, если сейчас начнем переправу.

Миронов толкнул сержанта Ивана Осипова, тот Алексея Семенова. И все трое поднялись, подошли к лодке и потащили ее к реке.

Пересекла реку одна лодка, а за ней поплыла вторая, третья... Через несколько минут первая рота 192-го полка оказалась на северном берегу. За взводами туда же проскочил и ротный, старший лейтенант Воробьев.

Командир полка Холошня находился метрах в пятидесяти от берега. Со ската высотки он обеспокоенно наблюдал за переправой, видел, что солдаты, пригибаясь, подбираются всё ближе к немецкой траншее.

Пора бы им остановиться, залечь, дождаться конца артиллерийского удара. А рота всё удалялась от берега.

- Переноси огонь! - приказал Холошня начарту, и сам, схватив ракетницу, вскочил на ноги. Он поднял в атаку весь полк.

- Я пошел через реку, - доложил Холошня комдиву Щеглову и в нескольких словах объяснил, что произошло.

- Правильно сделал! - донеслось в ответ. - Поднимаю и твоего

соседа слева.

Щеглов в свою очередь связался с комкором. Симоняк недовольно пробасил:

- Что вам не сидится?

- Пришлось. Не удержать было народ.

- Ну, теперь тем более не остановишь.

Симоняк сказал это и вспомнил глубоко застрявшие в памяти страшные минуты ожидания залпа катюш на Неве. Подобное, видимо, произошло и сейчас в 192-м полку. Хорошо, что наши командиры не отсиживаются там, откуда ничего не видно, и могут в нужный момент изменить ход событий...

- Слышал? - обернулся Симоняк к Морозову. - Снова раньше срока в атаку пошли.

- Ну и славно! Боеприпасы сэкономили, - пошутил Морозов.

Они понимали друг друга с полуслова... Три с лишним года шагают рядом в боях. Симоняк ценил большие военные способности Морозова, его хладнокровие, верную дружбу.

Перед этими боями генерал и полковник виделись не часто. Морозов много времени провел на межозерном перешейке. С присущей ему добросовестностью он изучал позиции противника, проверял данные разведчиков, определял места расположения огневых позиций корпусной артиллерии, орудий прямой наводки...

А начался бой - они, как всегда, были рядом, командир корпуса и его громовержец, повелитель артиллерийских дивизионов и полков.

Вслед за Щегловым и командир 45-й дивизии Путилов сообщил: Эмайыги форсирована, передний край прорван, полки безостановочно продвигаются на север. На шестикилометровом фронте корпус прорвал на всю глубину оборону противника в первые же часы боя.

Такое развитие боевых действий не явилось неожиданностью для Симоняка. Он был твердо убежден, что противнику перед корпусом не устоять. Заботило его другое: нельзя позволить врагу оторваться, закрепиться на промежуточных рубежах. И в полках хорошо знали это требование комкора.

Батальон Марака наступал если не со скоростью звука, то во всяком случае с небывалой до этого стремительностью. За первые сутки рванул вперед на двадцать два километра. На следующий день роты двинулись дальше. Разведчики доложили комбату: на высотах между двумя озерами - немцы.

- Вот и хорошо! - оживился Марак. - Снова повоюем! Они нас на дороге ждут, а мы пожалуем с черного хода.

Комбат подозвал командиров рот и показал им на карте пути

движения в обход озер: сначала лесом, а затем по болоту.

На одной из просек обнаружили засаду немецких пулеметчиков. Гвардейцы даже не открывали огня. Подобрались тихо и уложили финскими ножами.

Тяжелым оказался переход через болото. Шли порой по пояс в воде. Ноги засасывала топкая илистая жижа. Только через четыре часа выбрались на сухое место. Шагавший впереди младший лейтенант Атабиев поднял руку. Остановились. Над зарослями кустарника поднимался дымок, тянуло чем-то вкусным.

- Кухня!

- Значит, тылы! - определил Атабиев. Отделение автоматчиков окружило немецких кашеваров.

- Хенде хох! - крикнул сержант Банных.

Те, кто возился у кухни, безропотно подняли руки.

Пленных допрашивал Марак. Переводчиком был радист Назаров, долговязый паренек с едва проступавшими усиками на верхней губе.

- Ты им скажи, Вася, пускай правду говорят, не то...

Майор выразительно потянулся к рукоятке пистолета. У немцев побелели лица.

Их батальон, рассказали пленные, переброшен сюда ночью на машинах. Две роты находятся на холмах, в полукилометре от кухни, третья - в резерве, в роще. Кашевары показали на видневшийся за кустами лесок.

Марак, по-прежнему грозно глядя на пленных, спросил:

- Не врут? Переспроси, Вася.

- Наин, найн! - клялись немцы.

Комбат раздумывал недолго. Роте автоматчиков Атабиева приказал окружить рощу, двум другим, с которыми пошел сам, - атаковать с тыла позиции на высотах.

Почти одновременно заговорили девять наших станковых пулеметов и автоматы. Гвардейцы вели огонь по гитлеровцам, которые сидели в траншеях и артиллерийских ровиках. Паника у немцев поднялась страшная. Никак они не ждали нападения с тыла. Фашисты заметались, начали беспорядочную стрельбу.

Бой кончился скоро. Около ста пятидесяти гитлеровцев сдались в плен, остальные нашли себе могилу на безымянных высотках между двумя озерами.

- Где ваш командир батальона? - допытывался Марак у пленного лейтенанта.

- Убежал от нас в резервную роту.

- Значит, недалеко ушел! - засмеялся майор.

Однако командира немецкого батальона и там не нашли ни

среди убитых, ни среди сдавшихся. Марак огорчился, а Атабиев успокаивал:

- Догоним, товарищ гвардии майор! От нашей пули ему не удрать. Сейчас сядем на коней и полетим быстрее ветра.

Атабиев потрепал каурого жеребца и передал поводья комбату.

- Для вас отобрал, товарищ гвардии майор. Добрый конь!

- Спасибо, Тушо! Остальных немецких коней забирай для роты. Будет теперь в нашем батальоне свой кабардинский эскадрон.

И снова батальон двинулся вперед, навстречу войскам, которые наступали из-под Нарвы. Достигли поселка Саре.

На зорьке приехал в батальон генерал Путилов. Развернул карту и показал:

- Видишь эту станцию? Разведчики донесли, что там замечено скопление немецких войск. Их поддерживает бронепоезд. Надо ударить, пока они не закрепились. Понятно?

- Всё ясно, товарищ генерал! Но до станции километров двадцать...

- Комкор подбросил нам самоходных установок. Будут действовать с батальоном.

Пехотинцы взобрались на самоходки. Еще веселее пошли дела. Батальон внезапно налетел на железнодорожную станцию Килтан. Самоходки открыли огонь по вражескому бронепоезду, подбили его, а роты гвардейцев разгромили неприятельский гарнизон, захватили пакгаузы с продовольствием, вином. На складах оказалось несколько миллионов яиц. Еще погромыхивали одиночные выстрелы, а комбат связался по рации с комдивом и доложил:

- Задание выполнено. Что дальше прикажете делать?

Путилов приказал батальону продолжать преследование противника.

И опять, не задерживаясь, батальон двинулся в путь. За четыре дня боев гвардейцы Марака продвинулись на сто семь километров.

8

Симоняк в эти дни непрерывно перемещал свой наблюдательный пункт. Всё было в движении, и комкор надолго не останавливался на одном месте. Его запыленная машина появлялась то в одной дивизии, то в другой.

Сплошной линии фронта, как только наши части начали преследование противника, уже не существовало. Некоторые полки далеко вырвались вперед. Случалось, что даже в тылу наших войск завязывались ожесточенные схватки, и комкору

приходилось маневрировать резервами, которые он предусмотрительно придерживал в своих руках. По замыслу операции, 64-я гвардейская дивизия должна была вступить в бой на третий день. Однако уже спустя несколько часов после прорыва на Эмайыги Симоняк позвонил Романцову:

- Не хотелось, а придется тебя потревожить, Иван Данилович!

Юго-восточнее Тарту попал в окружение немецкий полк. Следовало его утихомирить.

На второй день под вечер комкор ввел в бой танковую подвижную группу. Командовал ею полковник Ковалевский, с которым Симоняк действовал на Карельском перешейке, брал Матиллу, Кивеннапу.

- Давай, полковник, - напутствовал комкор Ковалевского, - вырывайся на простор. Будем поспевать за тобой.

Подвижная группа острым клином вонзилась в расположение врага, захватила поселок Роэла.

На третий день наступления гвардейцы натолкнулись на упорное сопротивление противника у реки Педья. Немцы взорвали мосты, стянули сюда до десятка артиллерийских и минометных батарей. Ковалевский радировал о заминке.

Чтобы открыть дорогу подвижной танковой группе, нужно было столкнуть противника с рубежа на реке Педья. Симоняк сконцентрировал в этом районе мощный артиллерийский кулак, перебросил туда несколько стрелковых полков. Вечером, когда бои, казалось, уже затухали, по огневым позициям врага ударили орудия и минометы. В сгустившейся темноте под прикрытием огня гвардейцы на бревнах, набитых сеном плащ-палатках, самодельных плотиках переправились через реку, сбили фашистов. Саперы тотчас навели переправы, и танки подвижной группы с десантами стрелков помчались по дороге к городу Раквере.

- Куда поедем теперь? - спросил у Симоняка шофер.

- К Трусову.

Штаб корпуса разместился в просторном доме. И поздней ночью здесь никто не спал. Трусов обрадовался приезду комкора, которого не видел весь день. Вопросов к Симоняку накопилось много. Комкор, однако, опередил:

- Как связь со штадивами? Донесения поступают?

Штабу было трудно работать при такой резко меняющейся обстановке. Радио становилось порой единственным средством связи. С полной нагрузкой работали радиостанции, сбивались с ног офицеры связи. Как убедился Симоняк, его штаб в общем-то был хорошо осведомлен о положении в частях.

Трусов назвал комкору несколько цифр по 45-й дивизии. За

день боя она уничтожила около полутора тысяч вражеских солдат и офицеров, захватила двадцать два миномета, десять бронетранспортеров, семнадцать складов с боеприпасами, имуществом и продовольствием.

- Недурно, - заметил Симоняк. - А у Щеглова?

- Цифры еще внушительнее. Полки дивизии истребили свыше двух тысяч гитлеровцев, захватили двадцать орудий, тридцать пулеметов, тридцать автомашин и более пятисот пленных.

Как и на Карельском перешейке, потери противника значительно превосходили потери корпуса. И после трех дней боя он был грозной для врага силой.

- Пошли хорошо, - сказал Симоняк. - Скоро, пожалуй, встретимся с войсками, которые наступают из-под Нарвы. А теперь выкладывай, Иван Ильич, свои вопросы.

9

Романцов мчался по дороге на виллисе. На заднем сиденье стояла рация, и солдат, не снимая наушников, прислушивался к трескотне в эфире. Часто раздавалась то немецкая, то русская речь.

Утро выдалось погожее. Над низинами стлался молочный туман.

На околице деревушки Романцов остановил машину. Мучила жажда. У колодца комдив увидел женщину лет сорока пяти. Она поднимала ведро с водой из бетонного колодца.

Романцов подошел к колодцу и, думая, что женщина не понимает по-русски, знаками попросил ее дать водицы испить.

- Я не глухонемая, - улыбнулась женщина, - по-русски разговариваю. Двадцать лет преподаю русский язык в здешней школе.

Командир дивизии попил воды, поблагодарил учительницу и направился к машине.

- Погодите, товарищ генерал, - остановила его женщина. - Будьте осторожнее. В следующей деревне баррикады построены.

- Войска прошли. И я проеду.

- Вы-то одни. Фашисты вас могут убить.

Романцов по рации вызвал резервную роту танков и отправил ее в разведку. Слова женщины подтвердились. Танкистов обстреляли, но бой длился недолго, и наши боевые машины разнесли баррикады, уничтожили сидевшую за ними засаду.

Комдив оставил резервную роту на околице деревни и поехал догонять свой 191-й полк.

Дорога пролегала через редкий осинник. Шофер гнал виллис на большой скорости. Пересекая широкую поляну, он вдруг резко затормозил...

Из леса вытягивалась длинная колонна.

Романцов поднес к глазам бинокль:

- Попались как кур во щи! Фашисты!

Романцов выпрыгнул из машины и достал из кобуры пистолет.

Колонна приближалась. Комдив уже хорошо различал лицо шагавшего впереди офицера. Почему они не стреляют? - недоумевал комдив, косясь в сторону шофера, которому никак не удавалось развернуть на узкой дороге машину.

Голова колонны была уже совсем рядом. Романцов, прислонившись к дереву, крикнул:

- К бою готовьсь!..

А затем, обращаясь уже к немцам, строго приказал:

- Стой!

Колонна остановилась. Пожилой офицер с погонами майора козырнул генералу и на ломаном русском языке отрапортовал:

- Мы первого эстонского полка. Идем сдаваться в плен.

С души Романцова словно камень сняли.

- Давно пора вам было сдаться! - сердито проговорил он. - Эстонцам не по пути с фашистами. Ваши братья рядом с нами наступают, а вы...

- Мы не по доброй воле, - сказал майор.

- Где ваше оружие?

- Оставили вон там, - показал майор в сторону леса, откуда они вышли. Куда нам идти?

- Пункт сбора военнопленных отсюда километрах в десяти. По этой дороге. Да, кстати, что-нибудь белое у вас есть?

Нашлись белые платки. Их привязали к шесту.

- А теперь - шагом марш!

Две сотни с лишним солдат прошагали мимо Романцова и лежавшего неподалеку от него радиста с автоматом. Проводив их глазами, комдив и радист подошли к виллису.

- Я уж думал, нам капут, - признался шофер. - Душа в пятки ушла.

- То-то машину долго разворачивал, - проворчал Романцов. - Разверни обратно, поедем тем же курсом.

Полк Игнатьева они нагнали у небольшого хутора. Впереди потрескивали пулеметные и автоматные очереди. Время от времени у домика и на окрестных полях рвались мины.

Командир полка сидел в канаве у стога сена.

- Что застрял? - отрывисто спросил комдив.

- На опушке леса у немцев сильный заслон. Танки пропустили, а нас встретили огнем.

- На огонь надо ответить более сильным.

- Вот я и подтянул пушки да пустил в обход своих стрелков.

Романцов по рации вызвал резервную роту танков.

Заслон ненадолго задержал наступающих. Его уничтожили, и полк Игнатьева, наверстывая упущенное время, устремился вдогонку за передовым отрядом дивизии.

10

Двадцатого сентября наступавшие от Тарту к Раквере войска 2-й ударной армии соединились с частями 8-й армии, двигавшимися из-под Нарвы. Немцы откатывались на запад, к портам Хапсалу и Пярну. Армии Федюнинского не было смысла дальше идти на север. Следовало срочно повернуть ее на запад.

Войска находились в непрерывном движении, связь с ними была неустойчива, командующий фронтом приказал командарму и его заместителям выехать в корпуса первого эшелона и изменить направление их движения.

К Симоняку маршал Говоров направил Маркиана Михайловича Попова.

На рассвете генерал Попов добрался до штаба корпуса. Он застал Симоняка за завтраком в просторном помещичьем доме. За столом кроме Симоняка сидели Трусов, Иванов, Морозов.

- Какими судьбами? - обрадовался комкор. - Подсаживайтесь к столу.

- Потом... потом, - махнул рукой Попов. - Вы получили распоряжение изменить движение корпуса?

- Нет, - ответил Симоняк.

- Тогда давайте карту.

И Попов карандашом показал, куда надо держать теперь курс.

- Этот поворот на девяносто градусов нужно сделать немедленно и перейти к параллельному преследованию противника.

- Но ведь наши дивизии выслали разведку и авангарды в другом направлении на север. Их быстро не повернешь, - заметил Трусов.

- Ничего, - решительно сказал комкор. - Пускай дивизии высылают и новую разведку и новые авангарды в западном направлении и сразу же двигают полки. А с теми разведывательными отрядами, которые высланы раньше, надо связаться по радио... Я так решаю. Правильно?

Симоняк повернулся к Попову, и тот согласно кивнул головой.

После короткого раздумья Симоняк, обращаясь к начальнику штаба фронта, добавил:

- Писать приказы некогда. Разрешите нам повторить ваш прием. Я поеду к Щеглову, Иванов - к Романцову, а Трусов - к

Путилову, на месте и распорядимся. Ну, а замначальника штаба сядет к рации и попытается до нашего приезда ориентировать комдивов. Вы не возражаете?

- Одобряю и прошу сделать как можно быстрее.

- Тогда по коням. - Симоняк поднялся и накинул на плечи походную куртку.

Перед уходом комкор напомнил ординарцу:

- Без завтрака генерала отсюда не выпускать. Попов улыбнулся:

- Не беспокойся, Николай Павлович. И сам так не уеду. Со вчерашнего вечера ничего не ел.

Симоняк не сразу нашел Щеглова. На богатой мызе, занятой гвардейцами без единого выстрела, хозяйничал начальник штаба полковник Голубев. Надвинув на лоб фуражку с красным околышем, с которой он не расставался даже в лютые морозы, Голубев поторапливая радиста:

- Всё еще не соединился? Давай быстрее.

- Не отвечает Ока.

- Кого ловите? - спросил Симоняк, остановившись на пороге.

- Афанасьева.

- А Щеглов где?

- Еще на зорьке с якоря снялся. Знаете ведь, таков он...

- Ну, так слушай...

Комкор познакомил Голубева Со своим новым решением, приказал связываться с полками и передовыми отрядами, приостановить их движение на север.

- А я поеду Щеглова догонять, - закончил Симоняк.

К Щеглову попал только через час. Афанасий Федорович нетерпеливо расхаживал по березовой рощице. В кустах сидели Дьяченко, несколько офицеров, связисты. В сторонке возились у трофейной машины автоматчики.

- А я вас жду, - сказал Щеглов, увидев комкора. - По радио мне передали, что вы выехали с задачей повернуть фронт нашего наступления.

- Точно.

Симоняк, Щеглов и Дьяченко зашли в палатку.

Щеглов отличался способностью всё схватывать на лету. Выслушав комкора, он тотчас же быстрыми движениями карандаша расчертил свою карту, намечая рубежи, которых должен достичь каждый полк на новом направлении. Затем, подняв полог палатки, зычно крикнул:

- Гепнера ко мне!

Начальник оперативного отделения прибежал через минуту.

- Смотрите сюда. Надо не мешкая повернуть полки. Вы поедете к Афанасьеву, Дьяченко - к Холошне, а третий полк у нас тут рядом. С ним я сам свяжусь.

Симоняк молча наблюдал за тем, как уверенно распоряжается комдив. Всё делает быстро, сам загорается и зажигает других.

Дьяченко и Гепнер поспешно покинули палатку. Хорошо было слышно, как заворчали моторы, затем их монотонный гул начал быстро удаляться.

Симоняк сидел верхом на раскладном стуле, положив локти на спинку.

- Подкрепиться не хотите? - предложил Щеглов.

- Некогда чаевничать. Ты, Афанасий, скажи-ка, скоро ли твои дипкурьеры доберутся до полков? Щеглов посмотрел на часы.

- Ну и времена настали, - усмехнулся Симоняк. - Добраться до НП дивизии проблема. Отсюда до полков на машине надо катить.

- Да, не так, как в Красном Бору, - согласился Щеглов. - Там все были рядышком, пешком добирались в гости...

Щеглов не договорил. Рядом с палаткой раздался треск автоматных очередей.

- Что такое? - закричал Щеглов, выскакивая из палатки.

- Фрицы прут, - услышал Симоняк чей-то голос.

- В ружье!

Симоняк выбрался из палатки. В рощице тонко посвистывали пули. К командному пункту двигалась, стреляя на ходу, большая группа немцев. Видимо, остатки какого-то недобитого полка.

Щеглов, не теряя ни секунды, выдвинул вперед к дороге взвод автоматчиков. Всем остальным показал, где занять места для обороны.

Возбужденный, он подбежал к комкору:

- Здесь рядом окопчик.

- Ты не волнуйся, Афанасий Федорович, - спокойно пробасил Симоняк. Слышал, как Романцов один двести фашистов в плен взял? А нас здесь много, отобьемся.

Стрельба усилилась. Длинные очереди автоматов раздавались и впереди, и где-то слева, и справа... Немцы, видимо,

никак не ожидали, что встретят здесь какие-то советские войска. Они стреляли наугад, а когда и по ним стали бить, заметались.

Симоняк увидел метрах в пятидесяти от своего окопчика нескольких солдат в касках. Они бежали пригнувшись, собираясь укрыться в роще.

Комкор положил пистолет на руку, прицелился. Солдат, которого он брал на мушку, ткнулся в землю.

В корпусе знали, что Симоняк на стрельбах посылает пули только в яблочко мишени. И здесь он бил без промаха. Следующим выстрелом уложил еще одного немца. Остальные не рискнули двигаться по направлению к окопу.

Когда опасность миновала, Щеглов говорил комкору:

- Ну, Николай Павлович, надо же вам было попасть в этакую передрягу. С батальон их шло. Кабы знали, что нас горстка....

Симоняк выпрыгнул из окопчика, вложил пистолет в кобуру.

- А шарахнулись-то как? Словно гончие. Боятся нас. Надо их добивать поскорей...

11

Александр Трошин ехал в середине колонны. Машины, разбрызгивая грязь, мчались по дороге. Надо было торопиться, получили приказ занять завтра, 22 сентября, станцию Леля. А до этой станции восемьдесят километров. Мелькали пожелтевшие, словно ржавые, поля, поредевшие леса, черепичные крыши хуторов.

Всё дышало тишиной, как будто и не было войны. Но комбат знал - надо быть начеку. Немцы, отступая, оставляли небольшие засады, а то и усиленные заслоны с танками и самоходными орудиями.

Прошел час, другой. Подвижной отряд не сделал ни одной вынужденной остановки. Рыжая дорога ныряла под колеса машины, и шофер тихонько насвистывал Марш веселых ребят.

Комбат задумался, вспоминая путь, пройденный за годы войны. Это был трудный путь, обильно политый кровью. Трошин трижды попадал в госпиталь. А скольких славных людей потерял их 188-й полк. Погибли боевые офицеры Николай Хламкин, Федор Собакин, Андрей Салтан, Сергей Перевалов... Дожить бы им до этих дней, увидеть зарю нашей победы.

Раздумье нарушили выстрелы, загремевшие в голове колонны.

Машины остановились, солдаты быстро спрыгивали на землю. Выскочил из кабинки и Трошин.

У моста через небольшую речушку в кустарнике засели вражеские автоматчики. Они, видно, нервничали, открыли огонь раньше, чем следовало. Наши бойцы быстро расправились с ними.

В первый день подвижной отряд прошел сорок километров, занял уездный городок и расположился на короткий привал. Можно было пройти и больше, но комдив предупредил: не отрываться слишком от основных сил.

На следующее утро снова двинулись по шоссе. В голове - разведка, на некотором отдалении от нее - стрелковая рота и батарея противотанковых пушек. И вслед за ними - основные силы отряда.

Через час пути разведчики доложили Трошину: у перекрестка дорог замечена отступающая вражеская колонна.

Темп движения отряда был усилен. Машины подошли к перекрестку. Противотанковые пушки развернулись, дали несколько залпов по хвосту колонны. Автоматчики смело бросились на врага. Много гитлеровцев было уничтожено, четырнадцать взято в плен.

- По машинам! - раздалась команда.

И снова в путь. К назначенному сроку передовой отряд достиг станции. После короткой стычки немецкий гарнизон прекратил сопротивление. Передовой отряд соединился с нашими частями, наступавшими с другого направления.

По шоссейным и грунтовым дорогам двигались на запад и юго-запад дивизии корпуса. Оли сметали арьергардные части врага, с каждым часом приближаясь к побережью Рижского залива.

Курортный городок Пярну ликовал, расцвел алыми стягами, встречая освободителей. На улицу вышли и стар и млад. Хоть и стояла осень, люди чувствовали в сердце весну.

Симоняк поселился в домике на самом берегу залива. Настроение у него было превосходное. Корпус отлично справился с боевым заданием. Маршал Говоров по телефону поздравил его с успешным завершением операции.

- А что дальше? - поинтересовался Симоняк.

- Поедете со мной.

Говоров не сказал куда, и Симоняк не спросил. А сейчас хотелось знать, куда еще приведет его дорога войны. Генерал стоял на берегу моря. Волны с шумом накатывались на песчаный берег, обдавали его белой бурунной пеной. В их шуме тоже как будто слышался вопрос: Куда? Куда?

Последний перевал

Командарм

Машина мчалась по горбатым улицам Таллина. На перекрестках еще стояли военные регулировщики с красными повязками на рукавах, строем и в одиночку проходили солдаты и матросы. На высокой башне Длинный Герман балтийский ветер

развевал красный флаг и громадные стрелки часов показывали московское время.

У рынка машину пришлось остановить. Улицу пересекала колонна демонстрантов. Они несли знамена, букеты цветов.

Симоняк вышел из машины. Увидев генерала, несколько таллинцев подошли к нему. Пожилой, сутуловатый человек в коричневом плаще что-то сказал по-эстонски своим товарищам. Молоденькая девушка, собрав у своих подружек темно-красные гладиолусы, поднесла букет Симоняку.

- Она не умеет говорить по-русски, - сказал мужчина в плаще, - а вот что хочет вам сказать: спасибо за всё, что сделала для Эстонии Советская Армия. И она, и все мы желаем вам, товарищ генерал, большого-большого счастья.

- И вам того желаю, - поблагодарил растроганный Симоняк. - Вы, эстонцы, теперь свободны. Хозяйничайте, наводите советский порядок в своем родном доме.

Пожилой эстонец перевел. Девушки наперебой приглашали генерала заглянуть через месяц-другой, убедиться, что эстонцы трудолюбивый, умеют хозяйничать.

Комкор распрощался с новыми знакомыми. Машина тронулась с места, направляясь к аэродрому.

Накануне вечером Симоняку позвонил командующий фронтом:

- Полетите завтра со мной под Ригу.

Говоров летел туда как представитель Ставки для руководства действиями 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов, и Симоняк предполагал, что он берет его с собой для проверки и инспектирования войск. Но случилось по-иному.

Несколько дней Николай Павлович действительно выполнял поручения Говорова, колесил по корпусам и дивизиям. Неожиданно его вызвали в штаб 2-го Прибалтийского фронта к генералу армии А. И. Еременко. Поздоровавшись, командующий фронтом поздравил его с назначением на должность командарма. Тут же Симоняку вручил и предписание:

С получением сего предлагаю вам убыть и вступить в должность командующего войсками 3-й ударной армии. Срок прибытия - 10 октября 1944 года. Основание: приказ Ставки Верховного Главнокомандования.

Командующий войсками 2-го Прибалтийского фронта А. Еременко. Член Военного совета 2-го Прибалтийского фронта В. Богаткин.

Симоняк быстро пробежал бумагу глазами. Так вот зачем его привез сюда Говоров.

Новое назначение взволновало Симоняка. Впрочем, по его

виду об этом было трудно догадаться. Лицо, как обычно, казалось хмурым.

- Вы что - недовольны, товарищ Симоняк? - спросил Еременко.

- Вполне доволен, товарищ генерал армии.

- Не заметно, - рассмеялся комфронта.

- Я умею хранить тайну, - улыбнулся новый командарм.

- Армию вы получили ударную, - уже серьезным тоном сказал Еременко. - Пару дней даю вам на прощание и сборы, а с десятого впрягайтесь в работу.

В армии Симоняк встретил знакомого. В первый же день явился на доклад к командарму полковник.

- Ты как сюда, Николаев, попал? - удивился Симоняк.

- Я-то здесь уже давно, товарищ генерал, а вы...

- Назначен командармом, как видишь. Полковника Николаева, командующего бронетанковыми войсками армии, Симоняк помнил по Ханко, где тот был начальником автобронетанковой службы. Когда прибыли на большую землю, Николаева направили на Калининский фронт. Он рассказал новому командарму о боевом пути 3-й ударной. Родилась она в тревожные дни наступления гитлеровцев на Москву. Прошла с боями восемьсот километров. Войска армии успешно действовали под Великими Луками, Невелем, Идрицей, Себежем, Режицей и Ригой.

- Да, богатая история у армии, - заметил Симоняк. - За три года многое сделала. После короткой паузы он спросил:

- Помнишь Морозова, начальника штаба артиллерийского полка?

- Как же. Хорошо помню. А где он?

- Скоро здесь будет. Командующим артиллерией.

Хотелось Симоняку и еще кое-кого вытребовать, но вакантных должностей не было. А просить о замене кого-либо он считал неудобным и недопустимым.

И на новом месте Симоняк не изменял старой привычке: меньше сидеть в кабинете, больше бывать в войсках. Встречаясь с командирами корпусов, дивизий и полков, он узнавал людей и вместе с тем как бы снизу проверял деятельность штаба армии, командующих родами войск.

Это знакомство углубилось в первых же операциях. 3-я ударная вела бои против дивизий неприятельской группы армий Север.

Под нажимом войск 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов более тридцати немецких дивизий отступили на Курляндский полуостров. Они оказались зажатыми в стальные клещи между

Тукумсом и Либавой. Путь в Восточную Пруссию был для них закрыт.

3-я ударная армия вместе с другими войсками наносила удары по войскам в курляндском котле, теснила их к побережью...

2

Несколько суток не прекращался надоедливый октябрьский дождь. Дороги развезло, и машина, на которой ехал Симоняк, с трудом добралась до командного пункта 150-й стрелковой дивизии.

- Останови, - сказал Николай Павлович шоферу, увидев на опушке леса несколько походных кухонь.

Накинув на плечи плащ-палатку, командарм прямиком через поле пошел к опушке.

Никто из хлопотавших у кухонь людей еще не знал в лицо нового командарма. И только потому, что осанистого грузноватого военного сопровождал офицер-адъютант, догадались, что это какой-то начальник.

- Ну, как тут у вас? - спросил Симоняк, остановившись у крайней кухни.

Высокий сухопарый повар, не спеша орудовавший большим черпаком, ответил:

- Полный порядок, товарищ...

И он запнулся, не зная, как назвать подошедшего человека.

- Товарищ командующий армией, - подсказал адъютант Симоняка.

Повар выпустил из рук черпак, выпрямился и громко повторил:

- Полный порядок, товарищ командующий.

- Не вижу, - суховато произнес Симоняк. - Если повар такой тощий, то что же солдату достается. Жалкие крохи...

- По мне не судите, - не смутился повар, - я сызмальства такой.

Командарма, пока он разговаривал с поваром, со всех сторон окружили солдаты. И Симоняк, чувствовалось, был этому рад. От солдат услышишь такое, чего ни в одном донесении не прочтешь.

Между тем о приезде командарма кто-то успел сообщить в штаб дивизии, и вскоре полковник Василий Митрофанович Шатилов тоже появился у кухонь. Он подошел к командарму, представился. Симоняк поздоровался, сказал:

- Ну, Шатилов, показывай, чем солдат кормишь. Повар говорит, что нельзя по нему судить о качестве пищи. Верно это?

- У меня - гусятина с гречневой кашей, - доложил повар.

Подошли к другой кухне. Там на обед готовили борщ и картошку со свининой.

Симоняк, повернувшись к комдиву, проворчал:

- Плохо, Шатилов, плохо солдат кормишь.

- Как плохо? - удивился полковник, не понимая, что вызвало недовольство командующего.

- А вот так плохо, - согнав с лица хмурость и улыбаясь, проворчал Симоняк. - От такого харча отяжелеют у тебя солдаты, зажиреют. Трудно им будет в атаку подниматься.

- Ничего, товарищ командующий, - поняв шутку, успокоил комдив. - Если уж поднимутся, то так атакуют, что их не остановишь.

- Посмотрим... Показывай свое хозяйство.

Симоняк не случайно приехал в 150-ю дивизию. Штаб 3-й ударной армии заканчивал разработку операции против правого фланга группы армий Север, прижатой к морю на Курляндском полуострове. Войска армии готовились наступать в общем направлении на Лиепаю (Либаву).

Дивизии Шатилова в этом наступлении отводилась важная роль. Она должна была овладеть важным узлом сопротивления городом Вегеряй, пробить глубокую брешь во вражеской обороне.

Первое знакомство с дивизией оставило у Симоняка хорошее впечатление. И Шатиловым он остался доволен: живой ум, быстрая реакция, крепкая военная закалка. В свою очередь и Симоняк понравился командиру дивизии. Проводив командарма, он говорил штабным офицерам: Простой, умеет расположить к себе людей, хорошо во всем разбирается. С ним дела у нас пойдут.

За неделю до начала операции Симоняк собрал командиров корпусов и дивизий. Внешне он, как всегда, казался совершенно спокойным, невозмутимым. Стоял у повешенной на стене карты, на которой хорошо были видны и вражеская оборона, и полосы наступления корпусов, дивизий.

Всё будто обстояло как прежде, когда он в своем 30-м Ленинградском гвардейском корпусе ставил задачи на наступление. Но вместе с тем многое для него тут было внове: и люди, с которыми он по существу только начал знакомиться, и масштаб действий. Сейчас у него .. под началом находились не три дивизии, а три корпуса... Возрос теперь спрос с него. И всё это невольно его тревожило. Но бросая неприметные взгляды на сидевших в просторной комнате генералов и старших офицеров, он чувствовал, как с каждой минутой крепнет контакт между ним и этими боевыми командирами, которые поведут войска армии на штурм вражеских укреплений.

Поставив задачи корпусам и дивизиям, командарм напомнил:

- Удар наш должен быть внезапным. Поэтому прошу вас

соблюдать строжайшую скрытность. Противник не должен догадываться - где, когда и какими силами мы начнем наступление.

Утром 27 октября войска 3-й ударной армии атаковали вражеские позиции. Симоняк в это время находился на наблюдательном пункте корпуса Переверткина. Семен Никифорович прихварывал и какое-то время лежал даже в госпитале. Узнав о наступлении, досрочно вылечился и вернулся в корпус.

- Как себя чувствуешь? - спросил у него Симоняк.

- Когда идет бой, о всех хворобах забываешь.

- Это верно, - согласился Симоняк, вспомнив, как не раз забывал о своих недомоганиях, едва его войска переходили в наступление.

Пока шла артиллерийская подготовка, Симоняк и Переверткин, только недавно познакомившиеся, перебирали общих знакомых. Оказалось, что Семен Никифорович воевал под Москвой, служил в штабе 5-й армии и хорошо знает Говорова.

- Незаурядная, цельная натура, волевая, бескомпромиссная, - сказал о бывшем командарме Переверткин.

Симоняк согласно кивал головой. О Леониде Александровиче он мог бы многое рассказать, но не без внутреннего волнения лишь добавил к словам Переверткина:

- Талантливый военачальник. Я счастлив, что прошел говоровскую школу...

Симоняк, может, и раскрыл бы Переверткину формулу - говоровская школа, но артиллерийская подготовка подходила к концу и вот-вот войска должны были начать атаку.

Бой оказался трудным.

Когда гитлеровцев гнали по ленинградской земле, подумал Симоняк, за их спиной еще были сотни километров захваченной территории. А из Курляндии им удирать некуда, разве только вплавь по морю. Вот и дерутся остервенело, как одержимые.

И всё же войска 3-й ударной за четыре дня наступления не только стронули врага с его первой оборонительной линии, но и пробились вглубь на двадцать пять километров, освободили десятки населенных пунктов, в том числе и город Вегеряй.

Дивизии в корпусах 3-й ударной были малочисленны. Если бы влить в них свежие силы, думалось командарму, успех мог быть, конечно, большим. Но Ставка направляла и пополнение и технику тем армиям, которые сражались в это время на главных направлениях, где решался исход войны...

Зазвонил телефон. Полковник Мирошников снял трубку.

- Зайдите, Петр Васильевич, ко мне, - послышался бас

Симоняка.

Симоняк сидел у широкого стола. Перед ним лежала стопка бумаг.

- Устраивайтесь, Петр Васильевич, скоро и другие члены Военного совета подойдут.

Вслед за Мирошниковым появились начальник штаба армии генерал-майор М. Ф. Букштынович, генерал-майор А. И. Литвинов, начальник политотдела Ф. Я. Лисицын, командующие родами войск.

Симоняк открыл внеочередное заседание Военного совета словами:

- Есть новость, товарищи. Нашу армию перебрасывают на 1-й Белорусский фронт.

Сроки для перебазирования армии устанавливались жесткие. Военный совет определил порядок и очередность отправки корпусов, специальных частей, тыловых подразделений на новое место.

- Я с оперативной группой выеду завтра, - сказал Симоняк. - А вас, товарищ Мирошников, попрошу следить за переброской эшелонов.

Симоняк поднялся из-за стола, давая понять, что разговор окончен.

Вошел адъютант, принес свежую почту. Газеты командарм отложил в сторону, увидев письмо от дочерей. Рая и Зоя докладывали по начальству о своем житье-бытье, ученье, спрашивали отца: Когда же ты нас, товарищ генерал, навестишь? Мы очень соскучились.

...Теперь, пожалуй, не скоро, дочурки. До конца войны уж вряд ли удастся выбраться. Сейчас - под Варшаву. А там и до Берлина недалече...

Симоняк торопливо набрасывал эти строки. Беспокоился о дочерях - как они там живут, совсем юные, рано предоставленные самим себе.

Пишите чаще, - просил он. - А на меня не обижайтесь, если задержусь с ответом. Знаете, как порой бывает, и минуту не выкроишь спокойную.

И еще одно письмо отправил в этот вечер Симоняк. В 30-й гвардейский корпус. Командовал им теперь Щеглов. Он потянет, думал Симоняк, годами молод, но это не минус, а плюс...

63-ю дивизию от Щеглова принял полковник Афанасьев. Тоже молод, и тоже даровит. Не жалеет небось, что остался в начале войны на Ханко. Можно смело сказать: свой диплом он защитил с отличием.

Выдвинули на корпус и Романцова. А Путилов поехал

учиться, и в 45-ю дивизию перебрался из штаба корпуса Иван Ильич Трусов. И это правильно. Пусть самостоятельно покомандует, ему такая школа полезна.

Симоняк искренне поздравил друзей с новыми назначениями. Это были близкие, родные ему люди, в каждом из них как бы жила и частичка его души.

В конце письма Николай Павлович сделал короткую приписку - покидает Прибалтику.

А вы тут доколачивайте фашистские войска, выварите их как следует в курляндском котле...

Накануне отъезда управления армии из Прибалтики попрощаться с его офицерами и генералами прибыли командующий фронтом А. И. Еременко и член Военного совета В. С. Богаткин.

- Грустно с вами расставаться, - признался командующий. - А что сделаешь? - Он развел руками, как бы говоря: удерживать вас не в моей власти, да если бы и мог, разве стал бы, коль война вас требует на новое место.

Еременко напомнил о славных делах 3-й ударной армии:

- Перед вами встанут новые, быть может, более сложные задачи. Но я уверен, что вы с честью справитесь с ними.

С этим напутствием декабрьским утром сорок четвертого года Николай Павлович оставил Прибалтику. Он приехал под Варшаву, когда войска 1-го Белорусского фронта готовились к наступлению на Висле.

Пока шла переброска армии из Прибалтики, Симоняк побывал в штабе фронта, представился командующему маршалу Жукову, начальнику штаба генералу Малинину и не без удивления узнал об огромном масштабе предстоящих операций. Командарм, как всегда, оставался сумрачно-спокойным, хотя его всё время тревожила мысль: как-то придется на новом месте. На Ленинградском фронте он воевал три с половиной года и всегда как бы ощущал на себе говоровский проницательный взгляд и его требовательную, но заботливую руку. И на 2-м Прибалтийском новый командарм чувствовал себя уверенно - его как бы подпирал родной фронт, находившийся невдалеке...

Беспокойная мысль - как-то придется на новом месте - недолго тяготила Симоняка. Нахлынули дела привычные, фронтовые, и они целиком захватили его.

3-я ударная армия с момента своего создания не знала отступления. Но нынче размах наступательных боев неимоверно возрастал.

Они развернутся уже на польской территории. Советские войска выполняют свой интернациональный долг, освобождая

братьев-славян от фашистского рабства.

В Польшу прибывали войска 3-й ударной. Полки имели, как правило, лишь по два батальона. На ходу комплектовали третьи, пополняли роты и, по указанию командарма, сразу же втягивались в напряженную учебную жизнь на полях, полигонах, стрельбищах.

Куда как вырос масштаб дел у Симоняка по сравнению с временем, когда он командовал корпусом. И характер их стал иным. Всё же командарм часто мысленно обращался к ленинградскому периоду своей боевой деятельности. Наши военные университеты, - называл он целеустремленные военные занятия, тренировки, которыми были насыщены паузы между боями в его дивизии, корпусе. Не забыл Николай Павлович броски батальонов через ледяную Неву перед прорывом блокады Ленинграда. Не изгладились из его памяти учебные городки, построенные по образцу и подобию гитлеровской оборонительной полосы под Пулковом с путаными линиями траншей, мощными дотами, и Токсовский полигон, где солдаты и командиры впервые шагали вплотную за огневым валом... Из богатой ленинградской копилки опыта командарм выбирал сейчас всё то, что могло помочь лучше подготовить армию к боям.

Вера командарма в силу, сметку, удаль, выносливость, человечность советского солдата к концу войны еще более окрепла. Сам командарм делал многое, чтобы проявились лучшие качества советского воина. Он всё время находился в войсках. Его постоянно видели не только в штабах, но и среди солдат. Ему было жизненно необходимо это общение с бойцами.

Как-то Николай Павлович наблюдал учение в 150-й дивизии. Сколько ему привелось видеть таких учений на Неве, среди озер Карельского перешейка и у Нарвы, в лесах Курляндии. Но у него не притупилось восприятие. На каждом учении он видел что-то новое, что вносили в него время и люди. И сейчас вот невдалеке от Вислы атакует полк передний край противника. Артиллерия трижды перепахала землю на участке наступления, и атака пехоты идет стремительно. Углубились батальоны, и в пробитую ими брешь хлынули танки. Стремясь воспользоваться их ударом, батальоны убыстряли темп наступления, не давая противнику прийти в себя.

- Вот ведь что получается, - вслух рассуждал Симоняк, повернувшись к стоявшему рядом генералу Шатилову. - Танков у нас прибавилось. Они, казалось, несут облегчение пехоте, а в то же время требуют от нее еще более высокого напряжения сил, более напористого темпа наступления... Смотри-ка, Шатилов, как взмокли ребята.

Шатилов кивнул головой. Он тут же рассказал Симоняку, как на недавнем марше дивизии пришлось двигаться сквозь метель и пургу. Ветер слепил глаза мокрым снегом, а под ногами чавкала грязь - тяжело было ноги волочить.

- Я пристроился к одной из рот, хотелось самому почувствовать настроение людей, подбодрить их. Спрашиваю: Как, ребята, тяжело идти? И в ответ слышу:

Ничего, товарищ генерал, на Одере перекурим, а в Берлине отдохнем.

- Хорошо сказал, - засмеялся Симоняк и, хитро сощурив глаза, продолжил: Выходит, не солдат нужно подбадривать, а у них учиться бодрости, выдержке.

Шатилов молча кивнул головой - верно подметил командарм.

В январе сорок пятого Красная Армия двинула свои войска в наступление на огромном пространстве от Балтийского моря до южных отрогов Карпат. Рванувшиеся 14 января вперед в общем направлении на Познань соединения 1-го Белорусского фронта за два дня пробились на двадцать пять - сорок километров. В это же время решалась судьба многострадальной Варшавы. В ночь на 17-е 1-я армия Войска Польского форсировала Вислу и ворвалась в столицу. Вскоре в Варшаве оказались и советские части. Одна из красивейших столиц Европы предстала перед ними разрушенная, истерзанная, искромсанная.

Соединения 3-й ударной, двигавшиеся во втором эшелоне войск фронта, шли через Варшаву. Симоняк знал об испытаниях, выпавших на долю польской столицы, о ее разрушении, но то, что увидел, его потрясло - ни улиц, ни площадей, ни набережных, ни домов, ни памятников. Одни нагромождения обгоревшего кирпича на всем долгом пути через город. Но в глазах возвращавшихся ее жителей Симоняк видел не только слезы, но и улыбки, слышал радостный смех. Враг изгнан. Земля, на которой стоит Варшава, освобождена от гитлеровской скверны. Начинается новая жизнь.

Не только в Варшаве, а на всем пути советских войск по польской земле народ сердечно встречал Красную Армию - свою избавительницу от фашистского рабства. Гитлер включил в границы рейха Лодзь, Познанщину, Поморье и другие польские земли, безжалостно истреблял поляков, изгнал большую часть населения из родных мест, остальных превратил в батраков.

В крестьянский дом на окраине только что освобожденной польской деревни зашли Симоняк с начальником политотдела армии полковником Лисицыным. Расположились за столом. В горницу вошел пожилой польский крестьянин, поклонился русскому генералу, хотел что-то сказать - не смог: мешали слезы.

Потом объяснил, что советский генерал находится в его доме.

- Попотчевать-то вас нечем. Всё забрал у нас проклятый колонист - и дом, и землю. Заставлял нас на себя работать.

- Кончилось это, - успокаивал крестьянина командарм. - Не будет у вас больше колонистов. Скоро вся Польша станет свободной...

Слушая Симоняка, крестьянин не мог скрыть радости. Он порывался еще что-то сказать. Наконец решился:

- В доме не вся мебель моя, многое принадлежало колонисту.

Командарм, улыбаясь, поднялся с места, подошел к старику, дружески потрепал его по плечу.

- Это теперь всё ваше, - сказал он твердо. - Можете пользоваться со спокойной совестью. Сюда колонисту навсегда вход закрыт.

Утром следующего дня Николай Павлович встретил хозяина дома во дворе, он запрягал в повозку лошадей.

- Куда собрались? - спросил Симоняк.

- Хочу помочь Красной Армии перевозить боеприпасы, чтобы вы скорее освободили Польшу и разгромили фашистскую Германию.

Командарм не смог ему отказать, и польский крестьянин около сотни километров двигался с частями 3-й ударной.

6

Семь оборонительных рубежей на пятьсот километров в глубину лежали между Вислой и Одером. Свои главные силы группа немецких армий А расположила на первом - вислинском рубеже, рассчитывая в случае его прорыва последовательно обороняться на всех остальных. Но удар Красной Армии перечеркнул эти расчеты. Советские войска продвигались вперед, не ввязываясь в бои по уничтожению отдельных очагов сопротивления, а обходили их, захватывали у противника заранее подготовленные позиции, прежде чем он оседал на них.

1-й Белорусский фронт стремительно развивал наступление на запад, а его правый сосед - 2-й Белорусский - начал продвигаться на северо-запад, в район Эльбинга, и между фронтами образовался большой разрыв. Растянувшись по всей Померании, 3-я ударная армия шла по только что освобожденной территории, где остались блокированные гарнизоны в отдельных городах, вылавливала разбредшиеся остатки разгромленных вражеских дивизий, находилась в постоянной готовности вступить в бой, защитить фланг и тыл успешно пробивавшихся вперед армий фронта.

Темпы преследования врага нарастали, и с каждым днем всё больше сокращалось расстояние до границ Германии, до Одера,

до Берлина. Даешь Берлин! - писали бойцы белой краской на броне танковых башен, на кузовах машин.

Двадцать девятого января 1-й Белорусский фронт форсировал Одер и вступил на территорию Германии. К 3 февраля войска фронта захватили на его левом берегу плацдармы в районе Кюстрина и Франкфурта. Стремившийся всегда досконально всё знать о противнике, Николай Павлович внимательно знакомился с фронтовыми разведсводками, не упускал случая допросить захваченных пленных. Стало известно, что к концу января немецко-фашистское командование создало в Восточной Померании группу армий Висла. Загибая пальцы, Симоняк перечислял причины, которые побуждают эту группировку под командованием главаря гестапо, черного дьявола Гиммлера, как его звали в самой Германии, ожесточенно оборонять Восточную Померанию. Не только потому, что отсюда в Германию всю войну шел поток продовольствия - хлеб, мясо, рыба, сахар. И не только потому, что тут расположено большое количество военных заводов и находятся порты на побережье Балтийского моря, где базируются надводные корабли и подводные лодки.

- Главное заключается вот в чем... - Командарм водил по карте указкой, рисуя выгодное оперативное положение группы Висла по отношению к нашим войскам. - Видите, как они нависают над нами с севера. Как доносит наша разведка, противник готовится нанести контрудар по флангу и тылу наших армий... Будьте всегда начеку.

В группу армий Висла входили 2-я и 11-я полевые и 3-я танковая армии; последняя располагалась по западному берегу Одера. Организационно включалась в Вислу и 9-я армия. Она прикрывала берлинское направление с востока, действовала против центра и левого крыла 1-го Белорусского фронта.

Задержать, а то и сорвать наступление советских войск на берлинском направлении, выиграть время и склонить военных союзников на сепаратный мир вот на что уповал Гитлер. И верный его оруженосец Генрих Гиммлер делал всё, чтобы Висла оправдала свою миссию. Отсюда и безрассудная ярость сопротивления вражеских войск.

Разгром Восточно-Померанской группировки врага Ставка поручила 2-му Белорусскому фронту маршала Рокоссовского. Войска же 1-го Белорусского должны были в это время ликвидировать окруженные группировки в Познани, Шнайдемюле, Дойч-Кроне, Арнсвальде, расширить плацдарм на левом берегу Одера и одновременно готовиться к наступлению на берлинском направлении, выводя к Одеру основные силы правого крыла фронта. Туда двигалась и 3-я ударная. Симоняк уже

несколько раз выбирался к реке, бродил по ее берегу в солдатской одежде, прикидывал, как лучше форсировать Одер и устремиться вперед на Берлин, до которого от передовых частей оставалось шестьдесят километров.

12-й гвардейский корпус генерала А. Ф. Казанкина занял оборону почти на тридцатикилометровом фронте между деревнями Клайн Бутциг и Ландек.

- Держите ухо востро, товарищ Казанкин, - наказывал Симоняк комкору. - Ваш корпус поставлен на стыке двух фронтов. Противник может сюда хлынуть - уж очень заманчиво для него ударить нам во фланг и тыл. Заодно может попытаться вызволить своих из Шнайдемюля. Там в котле более чем двадцать пять тысяч гитлеровцев.

- Ясно, товарищ командующий. Другой корпус 3-й ударной - 7-й стрелковый генерала В. А. Чистова находился в это время (в десятых числах февраля) на марше, двигаясь на запад, в район Каллис, Реетц, от которого уже оставался небольшой переход до Одера. И 79-й корпус С. Н. Переверткина, расположенный восточнее Платова, готовился к новому переходу...

Симоняку, как всегда, не сиделось на месте. Юркий виллис мчал его в корпуса, дивизии. Дни стояли теплые. На полях стаял почти весь снег, обнажив черную вязкую землю. Вдоль дорог выстроились деревья, они разделяли и прямоугольники полей отдельных хозяев. Глядя на эти изгороди, Симоняк представил себе ширь колхозных полей в родной стране, где уже давно распаханы все межи. Невольно подумалось о старенькой матери - каково-то ей там в колхозе далекой отсюда станицы Темижбекской. Лишь одну весточку получил от нее. Обязательно надо написать ей и дочерям. Дела на новом месте так захватили, что редко он брался за перо...

Рано утром 14 февраля командарма разбудил звонок начальника штаба фронта Малинина. Он передал приказание комфронта маршала Жукова выдвинуть один из корпусов для разгрома шнайдемюльской группировки, вырвавшейся из окружения и двигающейся на север.

Шнайдемюль, узел нескольких железных и шоссейных дорог и крепкий узел обороны в так называемом померанском валу, сооруженном еще в тридцатые годы вдоль старой немецко-польской границы, войска 1-го Белорусского обошли во время стремительного январского наступления. Отрезанный от своих войск, вражеский гарнизон чувствовал себя за мощными военно-инженерными сооружениями, окружавшими город, словно в крепости. Гарнизон имел много полевых орудий, минометов, зениток и даже самолетов. По воздушному мосту шла эвакуация

раненых из города и доставка гарнизону боеприпасов, пополнения, продовольствия.

Уничтожение шнайдемюльского котла поручили оперативной группе войск под командованием генерала Кузьмина. Она начала бои 1 февраля, и только двенадцать дней спустя ей удалось продвинуться непосредственно к городу, лишить врага авиационных площадок и аэродрома. Но ночью 13-го, оставив в городе небольшое количество войск, основные силы гитлеровцев прорвались в районе Шенфельда и пятью колоннами стали продвигаться на соединение со своими главными силами в районе Ландек.

Всего этого командарм еще не знал. После звонка Малинина он немедленно вызвал к себе командира 79-го корпуса С. Н. Переверткина. Его дивизии были ближе других от Шнайдемюля. Когда Переверткин приехал, у Симоняка находился начальник штаба армии Букштынович.

- Вот что, Семен Никифорович, - обратился Симоняк к командиру корпуса. Звонили из штаба фронта. Фашисты вырвались из Шнайдемюля. Надо на них снова аркан набросить. Смотрите.

Трое генералов склонились над картой. Не всё им еще было ясно. Но одно являлось несомненным: враг не преминет воспользоваться почти сплошной лентой лесов, которая тянется от Шнайдемюля вдоль реки Кюддов на север.

- Надо немедленно перебросить дивизии корпуса к лесным дорогам и магистрали из Шнайдемюля на север, перехватить их, и не в одном месте... Если где и пробьются, натолкнутся на новый заслон. Так, Семен Никифорович?

- Безусловно, товарищ командующий.

Комкор уехал, а Симоняк еще долго не отрывался от карты. Опять расползутся ядовитые змеи по земле. Надо быстрей их уничтожить. Командующий предложил начальнику штаба армии чаще запрашивать штаб 79-го корпуса - как там у них развернутся боевые действия.

Добравшись из штаба армии к себе, комкор по очереди вызывал к телефону командиров дивизий.

- Василий Митрофанович, - услышал Шатилов его встревоженный голос, - немцы прорвались из Шнайдемюля. Двигаются на север и северо-запад. Точными данными о противнике мы не располагаем. Так что быстрее проведите разведку и выдвигайте дивизию на запад, наперерез группировке. Ни один фашист не должен уйти, слышишь?

Шатилов ждал появления противника с севера. А тут? Но на войне нет места удивлению, она всегда полна неожиданностей. И

комдив приказал немедленно организовать разведку, срочно готовить полки к выступлению.

Вскоре пришли первые донесения от разведчиков, посланных в разные направления: двигаются две вражеские колонны с танками и самоходками - одна колонна несколько восточнее реки вдоль лесной опушки, другая - прямо через гущу леса. Командир 150-й стрелковой тут же поставил задачи полкам: 756-му Ф. М. Зинченко преградить путь первой колонне, 674-му А. Д. Плеходанова перехватить дорогу выше и истребить вторую колонну, а 469-му М. И. Мочалова создать второй заслон в глубине, еще севернее...

На дивизию Шатилова и выпали наибольшие испытания и наибольший успех в разгроме шнайдемюльской группировки.

За ночь и день 14 февраля первые колонны гитлеровцев успели значительно продвинуться к северу.

Вечером упорный бой завязался вблизи небольшого городка Гурзен, километрах в двадцати пяти от Шнайдемюля. Бой тут длился всю ночь. Гитлеровцы ожесточенно рвались вперед. Им удалось пробиться сквозь первый заслон, но затем они попали под новый удар.

Пятнадцатого февраля бои разгорелись с еще большей силой. На север пробивалась новая колонна, стремившаяся соединиться с остатками авангардных групп. Уже в четыре часа утра гитлеровцы атаковали район высоты 106,5 западнее Гурзена, где оборону держал второй батальон полка Зинченко; они оттеснили батальон, захватили селение Хоэнфир, севернее Гурзена, и повели атаки на северо-восток, на Радовнитц, где стоял батальон В. И. Давыдова из 469-го полка. Батальон держался стойко, и хотя гитлеровцы его значительно количественно превосходили, пробиться не смогли. Сконцентрировав силы, противник во второй половине дня возобновил атаки, бросив на наш батальон до полка пехоты с двадцатью танками и штурмовыми орудиями. Но и эта атака не принесла гитлеровцам успеха. Они не сумели овладеть Радовнитцем и открыть себе путь на север. Напряженный бой длился пять часов. Неизвестно, однако, чем бы он закончился, не появись тут по приказу командарма 164-й полк 33-й стрелковой дивизии. Полк развернулся и с ходу атаковал гитлеровцев во фланг. Неожиданный удар опрокинул врага, бросившегося бежать назад в Хоэнфир и в леса западнее его. Наши подразделения энергично преследовали гитлеровцев и нанесли им большие потери, захватили в плен более тысячи солдат и офицеров и богатые трофеи. Острые схватки происходили и на многих других участках. Третий батальон 756-го полка, которым командовал С. А. Неуструев, тот самый, чьи

бойцы спустя пару месяцев водрузили красное знамя над рейхстагом в Берлине, нанес внезапный удар по голове одной из колонн в районе Дойч-Фир. Во вражеской колонне началась паника, которая и помогла Неуструеву довершить разгром. Гитлеровцы, однако, спустя час снова предприняли атаку на позиции батальона. Неуструеву пришлось бы туго, но ему на помощь подоспели части 207-й дивизии И. П. Микули. К шести часам вечера и с этой колонной было покончено. Гитлеровцы оставили на поле боя тысячу убитых.

...На позиции батальона, которым командовал майор Петровский, двигалось двадцать пять танков и самоходных орудий с десантом автоматчиков. С танками вступили в бой артиллеристы.

Орудийный расчет старшего сержанта Рубана еще с ночи засел в засаду, подготовил огневые позиции, погребки для снарядов. В предутренней мгле командир орудия услышал гул моторов. Немец пошел, жди атаки, - предупредил он своих бойцов. И точно - спустя минут двадцать перед фронтом рубановской пушки одновременно появилось десять танков. Орудийный расчет принял неравный бой. Командир орудия Рубан, наводчик Купцов, орудийные номера Копац и Рябых не спускали глаз с приближавшихся вражеских машин. До головного танка оставалось уже не более четырехсот метров.

- Цель поймана, - крикнул наводчик.

- Огонь! - скомандовал старший сержант.

Под танком блеснул огонек, и тотчас его окутал густой дым.

- Есть первый! - радостно воскликнул Рубан. - Бей по правому.

В какие-то доли секунды Купцов навел орудие. Выстрел. Снаряд разворотил башню второго танка.

Всё вокруг грохотало, гудело, пылало, и в кромешном аду четверо артиллеристов действовали собранно, бесстрашно. Им удалось поджечь четыре танка и две самоходки, сорвать вражескую атаку.

Симоняк приехал на поде боя, когда вражеские машины еще дымились. Он наградил храбрецов-артиллеристов орденами Красного Знамени.

Поздно вечером пятнадцатого командарму позвонил Переверткян. Вырвавшаяся шнайдемюльская группировка, доложил он, снова окружена в лесах восточное Ястрова, значительная ее часть разгромлена.

- Шестнадцатого завершай дело, Семен Никифорович. Добить надо всех, кто пощады не просит.

Но добить врага оказалось не просто. Не хотел он примириться с неудачей, после того как сумел вырваться из

котла. Еще небо было в звездах, когда полк вражеской пехоты с несколькими штурмовыми отрядами, поддержанные артиллерией, атаковали Штрассфорт, последний северный пункт на пути гитлеровцев к своим войскам. Две наши роты на этот раз не устояли. Гитлеровцы прорвались. Немногие километры уже отделяли их от своих частей, против которых оборону держал 12-й гвардейский корпус. Фашисты, должно быть, рассчитывали: внезапно ударят с тыла и сметут последнюю преграду на своем пути. Но этого не случилось. Еще накануне командующий армией предупредил генерала Казанкина:

- В вашем тылу могут появиться вражеские группы, вырвавшиеся из Шнайдемюля. Смотрите, чтобы не застали вас врасплох. Организуйте тыловое охранение.

И когда около восьми часов утра шестнадцатого гитлеровцы оказались на опушке леса южнее Ландека, их заметили и контратаковали подразделения 63-го гвардейского полка 23-й гвардейской дивизии Г. М. Шефаренко. Просочившиеся сюда вражеские солдаты были полностью разгромлены. В этот же день и на следующий наши части окончательно очистили леса от шнайдемюльцев.

Переверткин докладывал командарму: шнайдемюльская группа больше не существует. Четыре тысячи гитлеровцев уничтожены, а шесть тысяч вместе с командирами дивизий взяты в плен.

- Вовремя с ними разделались, - сказал Симоняк. - Сейчас нас новые дела подпирают.

И объяснил: противник усилил контратаки против войск фронта. Юго-западнее Штаргарда ему даже удалось потеснить части 47-й армии на восемь - двенадцать километров, овладеть городами Пиритц и Бан. По всему видно, командование группы армий Висла пытается осуществить план Гитлера - выиграть время, помешать нам нанести решающий удар на берлинском направлении. Ставка решила ускорить разгром Восточно-Померанской группировки, для этого привлечь и армии правого крыла 1-го Белорусского фронта, а также обе танковое армии. Смежными флангами фронтов приказано нанести удар в общем направлении на Кольберг, рассечь вражескую группировку на две части...

В штабе 3-й ударной еще допрашивались пленные, а Симоняк уже продумывал план новой крупной операции, в которой должна была участвовать вся армия.

8

Двадцать второго февраля маршал Жуков отдал приказ армиям правого крыла фронта - 3-й ударной и 61-й наступавшим

в центре, 1 марта перейти в наступление, нанести главный удар севернее Реетц в направлении на Кольберг, Голлнов. В бреши прорыва этих двух общевойсковых армий в первый же день ввести 1-ю и 2-ю танковые армии. Вспомогательные удары нанести на флангах: на правом - 1-й армии Войска Польского генерала С. Г. Поплавского, на левом - 47-й армии генерала Ф. И. Перхоровича.

Общевойсковые армии, по замыслу командующего, дробили оборону противника, уничтожали его силы по частям; одновременно подвижные соединения пробивались на побережье Балтийского моря и к Одеру.

Никто, разумеется, не ждал, что уничтожение гиммлеровской Вислы произойдет легко. Ведь только против войск правого крыла 1-го Белорусского находилось: двести тысяч вражеских солдат, семьсот танков и штурмовых орудий, две с половиной тысячи орудий и минометов.

На долю армий, готовившихся к наступлению выпала напряженнейшая неделя. Особенно досталось 3-й ударной. В сложной обстановке весенней распутицы ей пришлось перебираться в новый район, ночью скрытно смерть войска, часть которых вела непрерывные упорные оборонительные бои с противником.

Симоняк в те дни буквально не знал покоя, вникая в десятки малых и больших дел, из которых складывалась готовность армии к наступлению: ездил с командирами корпусов на рекогносцировку, заботился о пополнении войск боеприпасами, следил за созданием штурмовых отрядов и групп для действий в городах...

Чем-то Померания напоминала Симоняку Карельский перешеек. Не тем ли, что тут и там множество озер, болот, лесов? Николай Павлович мысленно сравнивал операцию по сокрушению Карельского вала с предстоящей Восточно-Померанской. Построенная финнами оборона куда, конечно, прочней померанской. Но и тут немалые сложности. На Карельском бои шли в разгаре лета, везде - сушь, а сейчас ранняя весна, распутица. Недаром, комдив 150-й, вспомнилось Симоняку, просил штаб армии разрешить ему не за две минуты, как обычно бывало, а за семь минут до конца артиллерийской подготовки поднять бойцов в атаку... Не перемудрили, Шатилов? Чего доброго своих перебьете. - Риск, конечно, небольшой есть, товарищ командующий. Но если вовремя не поднимем людей, ведь нас отделяет от вражеских траншей шестьсот - семьсот метров, то наверняка понесем большие потери и, чего доброго, атаку можем сорвать. Убедил комдив, и другим пришлось посоветовать делать так же.

Ероша по давней привычке чуб, то накручивая волосы на палец, то раскручивая их, Симоняк в ночной тиши, благо никто особенно не мешал, раскручивал одолевавшие его мысли, сомнения.

В ночь на 28 февраля командарм доложил о готовности армии к наступлению. Это была трудная и, пожалуй, одна из самых значительных в жизни Симоняка операций. В ней снова ярко проявилось его незаурядное военное дарование.

Утро 1 марта выдалось ясное, солнечное. Командарм был на своем наблюдательном пункте. Вместе с ним находился неизменный боевой друг генерал Морозов. Едва заработали пушки, Иван Осипович подошел к Симоняку, прильнувшему к окулярам стереотрубы.

- А помнишь, Николай Павлович, Неву? Как мы тогда волновались: не разобьют ли снаряды лед, поднимутся ли цепи, удастся ли им перебежать реку... А сейчас небось спокойно глядишь?

Симоняк повернулся к Морозову:

- По совести тебе скажу: и сейчас волнуюсь. Перед атакой у меня всегда такое состояние, будто сам вот-вот должен выбраться на бруствер...

Симоняку запомнилось признание одного полярника, долго дрейфовавшего на льдине в Северном Ледовитом океане: К холоду невозможно привыкнуть. Не так ли и к атаке? Сколько бы ни приходилось провести атак, перед каждой неимоверно долго тянется время и тревога лихорадит душу.

Сквозь окуляры стереотрубы Симоняк заглядывал в извивы траншей, читая на лицах бойцов нетерпеливое ожидание. Он узнавал знакомых, с которыми встречался на учениях и в бою.

Вот этот смуглый боец у площадки с максимом но пулеметчик ли Дмитрий Морару? В ушах командарма и сейчас звучит возбужденный голос солдата, слышанный на собрании в роте.

Мой пулемет, - торжественно говорил Морару, - будет действовать безотказно. Прикрою вас, дорогие товарищи стрелки, своим огнем и от вас не отстану.

Командарм похвалил тогда солдата из Молдавии, сказал о кровной спайке воинов различных национальностей, о дружбе советских народов.

Дома нас заждались, сынки мои, - говорил он, - а путь домой у нас всех через Берлин.

И вот началась последняя предберлинская операция.

Еще падали снаряды на первую вражескую траншею, а в небе вспыхнули огни красных ракет, и тотчас из окопов бойцы стали

выпрыгивать на бруствер. Они бежали по вязкой земле и достигли гитлеровских убежищ на переднем крае, едва огонь с них был перенесен на вторую траншею.

- Молодец Шатилов, точно рассчитал! - обрадованно крикнул командарм Морозову. - Без потерь ворвались бойцы в первую траншею.

Отделение сержанта Виноградова из батальона Алексея Семеновича Твердохлеба оказалось во вражеской траншее прежде, чем немцы пришли в себя от огненного шквала. Несколько десятков гитлеровцев отделение уничтожило и дюжину взяло в плен. С такой же дерзостью и стремительностью действовало и другое стрелковое отделение - сержанта Голода. Оно ворвалось в сарай и оказалось лицом к лицу с большой группой фашистов. Сержант не растерялся. Замахнувшись гранатой, он зычно крикнул: Хенде хох!, и вражеские солдаты, а их здесь насчитывалось более полусотни, тотчас же выполнили команду.

Командарм узнал об этих и других героях схваток от солдат, доставивших первых пленных. Существует выражение: бой развивался, как по нотам. Именно так он протекал в полосе прорыва армии. В десять часов утра войска 3-й ударной уже овладели главной позицией вражеской обороны. Километрах в двух севернее Реетц в двенадцать часов дня вступили в бой передовые отряды соединений 1-й танковой армии генерал-полковника М. Е. Катукова. Они развернули наступление совместно со стрелковыми частями, а километрах в шести - восьми от переднего края оторвались от пехоты и устремились на Драмбург и Рекков.

Симоняк как бы постоянно прощупывал пульс наступления и, когда пришла пора вступить в сражение главным силам 1-й танковой армии, обеспечить ввод которых комфронта возложил на него, позвонил маршалу Жукову. Получив добро, командарм пропустил танковую армаду через боевые порядки 79-го корпуса, приказав командирам дивизий использовать таранный танковый удар. Часов около восемнадцати главные силы обогнали нашу пехоту, сломили сопротивление врага и прорвались в глубь Померании на север.

Николай Павлович мог быть доволен. Генерал прорыва, как его прозвали на Ленинградском фронте, и здесь действовал в своем обычном стиле. Попавшая под удар войск армии 5-я пехотная дивизия немцев была разгромлена, и остатки ее разбрелись по лесным дорогам.

Никогда еще не доводилось Симоняку руководить боями подобного масштаба. Под его началом находилось раз в пять больше войск, чем тогда, когда он командовал корпусом или даже

армией в Курляндии. А сколько самой разнообразной современной военной техники имела армия! Всё это громадное хозяйство, повинуясь воле командарма, втягивалось в бой, ломало яростное сопротивление врага. За два дня 3-я ударная продвинулась на двадцать пять километров, уничтожила до трех с половиной тысяч гитлеровцев и пятьсот захватила в плен.

Командарм принимал меры, чтобы сократить разрыв между стрелковыми дивизиями и вырвавшимися вперед танковыми соединениями, быстро сосредоточить у вражеских опорных пунктов пехоту, артиллерию, танки и их совместными действиями добиться победы. Особенной напористостью и инициативой отличались командиры дивизий В. М. Шатилов, А. И. Негода из 79-го корпуса и Н. Д. Козин из 12-го гвардейского. Командарм их хвалил, но тут же предупреждал: врагу не давайте закрепляться на промежуточных рубежах.

Движение левофлангового корпуса генерала А. Ф. Казанкина застопорилось у города Фрайенвальда. Опасаясь оттуда флангового удара, командарм приказал Переверткину, чей корпус наступал в центре армии: В оба смотри налево, оттуда может противник нагрянуть.

Прогноз командарма оправдывался. 3 марта поздно вечером из Фрайенвальда к южной оконечности Вотшвия-зее подошла группа вражеских танков... В обход озера по обоим берегам только-только двинулись два полка 150-й дивизии, уже пробившейся за три дня наступления на пятьдесят километров. Появление вражеских танков встревожило командира дивизии - того и гляди еще отсекут ушедшие полки и атакуют их с тыла. Но танки прошли далее на восток. Опасаясь за полк Мочалова, продвигавшийся по западному берегу озера с открытым левым флангом, комдив приказал ему один батальон вернуть на фрайенвальдскую дорогу, туда же он направил истребительный противотанковый дивизион. Когда новая группа фашистских танков появилась из Фрайенвальда, противотанкисты вместе с пехотинцами в коротком, но жарком бою уничтожили ее.

Тем временем полки М. А. Мочалова и А. Д. Плеходанова шли вперед. Ночной их рейд оказался столь неожиданным для врага, что захваченные врасплох гарнизоны ряда селений без борьбы сдавались в плен. В одном городе полк Мочалова окружил вражеский пехотный батальон и два зенитных дивизиона. Шатилов радовался, слушая донесение по радио: захвачены двадцать четыре зенитных орудия, полсотни пулеметов, большое количество стрелкового оружия, автомашин, лошадей. Пленено более двухсот гитлеровцев.

Ночью комдив 150-й получил из рук нарочного срочный

пакет. Приняв рейд танков из Фрайенвальда за начало удара, о котором предупреждал командарм, Переверткин требовал приостановить наступление вдоль озерных берегов, не отрываться от соседа слева.

Шатилов понимал: командир корпуса основывался на устаревших сведениях. Обстановка-то ведь изменилась...

Гитлеровцы так и планировали: послать вначале разведывательную группу танков, а затем нанести сильный фланговый удар из Фрайенвальда по войскам 3-й ударной армии. Однако появление в их тылу полков 150-й напугало вражеское командование и спутало все карты. Они отказались от первоначального плана, от активных действий. 150-я стрелковая своими смелыми, инициативными действиями не только обеспечила выполнение задачи своим корпусом, но и помогла 12-му гвардейскому корпусу преодолеть сопротивление противника и двинуться вперед.

- Голова твой Шатилов, - говорил командарм Переверткину, доложившему о действиях 150-й. - Так и передай ему. Молодец. Нервы у него оказались покрепче, чем у немецких генералов. Представьте дивизию к ордену Красного Знамени.

Темп наступления дивизий нарастал. Передовые танковые соединения 4 марта вышли на балтийское побережье западнее Кольберга. Спустя день и войска маршала Рокоссовского достигли моря. Восточно-Померанская группировка оказалась рассеченной.

Советские воины сражались с неистовой отвагой.

- Помните пулеметчика-молдаванина? - спрашивал Симоняка Федор Яковлевич Лисицын.

- Хорошо помню.

Полковник подал командарму листовку с описанием подвига Морару.

Солдат на себе перетаскивал тяжелое тело максима и не отставал от стрелковых цепей. Когда противник прижал к земле наших пехотинцев, с фланга застучала дробь пулемета. Стрелки снова устремились вперед. Морару ранило, но он остался в строю.

Равняйтесь по герою-пулеметчику Дмитрию Морару, - призывала листовка. Вперед, на окончательный разгром гитлеровской Германии.

Симоняк прочитал листовку. Ему вспомнилось ротное собрание, взволнованный рассказ Морару о нищенской жизни жителей Бессарабии под господством румынских бояр, о страшной жизни при немцах.

- Замечательные солдаты в нашей армии, - вслух произнес командарм. - Их воспитанием мы обязаны партии. С такими людьми любого врага доконаем!

Угрюмое, чуть скуластое лицо Симоняка осветилось доброй улыбкой.

- Отпечатайте, товарищ Лисицын, листовку большим тиражом... Вручите всем воинам армии. Пусть учатся у Дмитрия Морару воинскому мастерству, отваге, бесстрашию.

Тяжело развертывались бои у левого соседа Симоняка 61-й армии генерала И. П. Белова. Ни 1-го, ни 2 марта, несмотря на участие в сражении 2-й танковой армии С. И. Богданова, не удалось завершить прорыва обороны противника. Глубоким маневром подвижных соединений командующий фронтом решил обойти укрепленные вражеские позиции... Дивизии 2-й танковой прошли через полосу, пробитую армией Симоняка, устремились вперед и обрушились на вражескую обороняющуюся группировку с фланга и тыла. Тут и пришел долгожданный успех. Враг дрогнул и перед фронтом 61-й армии, овладевшей 4 марта городом Штаргард.

Поздно вечером 4 марта советские радиостанции передали сообщение о прорыве сильно укрепленной обороны немцев восточнее Штаргарда. Слушая голос Левитана, Николай Павлович представил себе, как в эти минуты прильнули к репродуктору Рая и Зоя. Вот обрадуются дочки, узнав, что в боях отличились войска генерала Симоняка. Так и раскроется для них тайна, скрытая пятизначным номером полевой почты.

Засесть за стол и написать письмо командарм просто не мог, - его захватили бурно развивающиеся события. Стремительное продвижение наших частей привело к окружению значительной группы вражеских войск. Южнее Шифельбайна в мешок, еще, правда, не затянутый с севера, длиной в сорок и шириной до двадцати километров, уже 3 марта попали 10-й корпус СС и корпусная группа Теттау. На западной стороне мешка оказались дивизии правофлангового - 7-го стрелкового корпуса 3-й ударной, командарму которой маршал Жуков приказал: не допустить отхода окруженных войск на запад и северо-запад. С юго-востока и востока вражескую группу припирала 1-я армия Войска Польского. Ей вместе с двумя корпусами - стрелковым и танковым (последний нависал с севера) - и было поручено уничтожить попавших в западню. Симоняк повернул свой 7-й корпус фронтом на северо-восток.

- Полагаю, Владимир Афанасьевич, - говорил он командиру корпуса Чистову, в новом котелке прошпарите гитлеровцев так, как это сделал Переверткин с вырвавшимися из Шнайдемюля.

- А усиление получу, товарищ командующий? Ведь я уже поистратился.

- Даю вам мотострелковую и самоходную бригады...

Сдерживая сильными отрядами прикрытия продвижение частей 1-й армии Войска Польского, эсэсовцы отходили на северо-запад, но попали под неожиданный фланговый удар 265-й дивизии генерала Д. Е. Красильникова. Уцелевших после этого боя гитлеровцев наши бойцы снова загнали в мешок. Расположенные южнее две дивизии 7-го корпуса - 364-я И. А. Воробьева и 146-я С. И. Карапетяна разгромили 5-ю немецкую легкопехотную дивизию. Одна из ее колонн - до пятисот гитлеровцев с артиллерией и самоходками - вырвалась из окружения. Но ее настигла 64-я танковая бригада и всю истребила огнем и гусеницами.

В последующие дни советские войска с разных сторон продолжали теснить гитлеровцев. Однако 11-му гвардейскому танковому корпусу не удалось окончательно завязать мешок с севера.

Отчаяние заставляло эсэсовцев ожесточенно биться за пункты, лишившись которых они теряли последнюю дорогу на запад. В то же время гитлеровцы упрямо лезли в контратаки, пытаясь вырваться из железных клещей советских войск. За одну только ночь эсэсовцы двенадцать раз - то силой до батальона, то целым полком с танками и штурмовыми орудиями - контратаковали части 265-й стрелковой дивизии. Не прошли. И в полосе 364-й не смогли пробиться.

К 8 марта от 5-й легкопехотной фашистской дивизии остался лишь ее номер, от других пехотных дивизий - 15-й, 163-й, 402-й запасной и Бервальде (Лесной медведь) - жалкие остатки, ускользнувшие через северную горловину в направлении Трептова.

Пока генерал Чистов во взаимодействии с польскими частями и гвардейцами-танкистами громил окруженных, Симоняк главными силами армии вел дальнейшее наступление.

- Противник уже не имеет перед фронтом армии заранее подготовленных позиций, - ориентировал командарм командиров соединений. - Он обороняет упорно только те пункты, через которые хочет отвести свои потрепанные войска. Отсюда наша задача: быстрее добить раздробленные части одиннадцатой армии, не позволить переправить их за Одер.

Корпуса 3-й ударной уже не имело смысла двигать на северо-восток в район Бельгарда и на побережье Балтики, куда ранее намечалось (там уже находились подвижные части). Командарм повернул их на северо-запад и запад: корпус Переверткина - к устью Одера и гвардейский корпус Казанкина - к Штеттинской гавани. Они успешно продвигались вперед. Но 6 марта комфронта вновь частично изменил задачи 3-й ударной армии.

Корпус Переверткина наступал в прежнем направлении, ему предстояло очистить почти сорокакилометровую полосу по восточному берегу Одера от его устья до Херманнсталь. А вот корпус Казанкина менял курс наступления - развертывался фронтом на юг для удара с севера по городу Голлнов. Корпус Чистова выводился во второй эшелон армии...

Трудно приходилось управлять войсками, наступавшими в разных направлениях. Но с тем большей энергией командарм отдавался делу, направляя усилия всех соединений на быстрейший разгром врага.

Соединения 79-го корпуса пробивались к Одеру. Сопротивление разрозненных отрядов противника возросло, они цеплялись за мало-мальски выгодный рубеж, чтобы сдержать наступавших - ведь выход наших частей к переправам через Одер закрывал им путь на запад, запирал в Померании, обрекал на уничтожение.

Уже вечером 6 марта дивизия Шатилова завязала бои за морской город Каммин. К самому устью Одера, где располагался город Вальддивенов, вышла дивизия А. И. Негоды (171-я стрелковая).

Чем ближе войска армии подходили к Одеру и морю, тем меньше немецкого населения оставалось в захваченных ими городах. Странное впечатление производили они. В наспех брошенных пустующих коттеджах порой горели электрические огни, стояла мебель, висела в шкафах одежда. На опушке леса, невдалеке от реки, командарм натолкнулся на большую группу беженцев, растерянно стоявших у своих повозок, нагруженных разным скарбом. Увидев подходившего хмурого советского генерала, все остановились, замерли.

- Куда это вы удираете? - обратился к ним Симоняк. - За Одер? Наши войска скоро и там будут. Возвращайтесь домой. Советская Армия не воюет с женщинами, стариками и детьми. Никто вас не тронет.

Симоняк оставил изумленных его словами немцев, сел в машину и продолжил путь к берегу моря. Встреча с беженцами вызвала тяжелые мысли. Перед глазами Николая Павловича вставал блокадный, заиндевелый Ленинград, кровь детей на мостовых, пепелища русских деревень, руины Варшавы... Изуверство фашистов не знало границ. Но нельзя, чтобы советские солдаты поддались слепому чувству мести... Надо Напомнить Лисицыну: пусть политические и партийные работники еще и еще раз поговорят об этом со всеми войнами.

10

Корпус Александра Федоровича Казанкина несколько раз в

Восточной Померании резко менял фронт своего наступления: в начале шел на север, к морю, затем повернул на запад, к Одеру, и вот сейчас снова изменил направление на девяносто градусов. Гвардейцы наступали на город Голлнов с севера, а с востока действовали гвардейцы танкового корпуса.

Расположенный среди заболоченных лесов, лишавших наши части маневра, Голлнов вдобавок к этому прикрывался всевозможными военно-инженерными сооружениями и искусственными заграждениями. Тяжело тут приходилось гвардейцам 12-го корпуса. Не везде удавалось протащить с собой артиллерийские орудия, чтобы прямой наводкой из них бить по вставшим на пути дзотам. Стрелки, саперы нередко сами разделывались с огневыми точками, проявляя при этом немало сметки, умения, храбрости.

Одна из рот 151-го гвардейского полка под командованием старшего лейтенанта Трубникова вела атаку вражеского опорного пункта. Огонь неприятельского пулемета заставил наших бойцов залечь. Если кто поднимался пулеметная очередь валила его замертво. Уничтожить пулемет вызвался командир отделения гвардии сержант Султанов. Сержант подполз к огневой точке и пустил по ней несколько автоматных очередей. Гитлеровцы заметили смельчака-гвардейца и тяжело ранили его. Из последних сил Султанов поднялся, сделал несколько шагов, и упал на пулемет врага... И тут стремглав поднялись гвардейцы, бросились на позиции врага и довершили разгром опорного пункта.

...Симоняк склонился над наградным листом с описанием подвига Султанова. Он уже прочел его - глаза не бегали по строчкам, но Николай Павлович продолжал сидеть в той же позе. Наконец поднял голову, испытующе посмотрел в глаза полковнику Лисицыну, сидевшему за столом напротив.

- А правомерен ли сейчас такой подвиг? - обратился к нему командарм. Именно сейчас, в конце войны, когда предрешена наша близкая победа, когда мы значительно превосходим врага, вооружены вдосталь оружием и техникой и достигли высокой степени организации боя во всех звеньях?

Лисицын молчал, ожидая, что сам командарм ответит на взволновавший его вопрос. И действительно, выждав несколько секунд, Симоняк продолжал:

- Да, правомерен. В бою может сложиться так: накал страстей, душевный огонь при виде гибнущих рядом товарищей разгораются и целиком захватывают солдата. Он не может не пойти на самопожертвование, подобно горьковскому Данко отдает свое пылающее сердце ради спасения боевых друзей, ради

победы.

Лисицын внимательно слушал. Взволнованность Симоняка передалась и ему, и он смог только промолвить:

- Ваша правда, Николай Павлович.

Седьмого марта наши войска штурмом овладели городом Голлнов. И снова Москва два дня подряд салютовала войскам 1-го Белорусского, в том числе и армии Симоняка, освободившим города Бельгард, Каммин, Регенвальде, Наугард, Голлнов...

3-й ударной можно было перебираться на берлинское направление. Корпус Чистова уже несколько дней находился не у дел. Два других корпуса очистили захваченные ими районы от противника и готовились передать свои боевые участки. Но тут всплыла новая боевая задача. В районе Трептова и западнее его, вплоть до балтийского побережья, в полуокружении снова оказалась вражеская группировка: главным образом остатки частей, выскользнувшие из мешка южнее Шифельбайна, и две сильно потрепанные танковые дивизии - 7-я и Гольштейн. Командующий фронтом приказал командарму Симоняку силами двух корпусов - 7-го стрелкового и 7-го гвардейского кавалерийского - ликвидировать вражескую группировку.

- Тут твои недобитки, Чистов, все, кого выпустил из кольца под Шифельбайном. На этот раз, надеюсь, не дашь им выбраться? - говорил Симоняк комкору 7.

- Товарищ командующий, в полосе моего корпуса эсэсовцы не прошли, оправдывался командир корпуса. - Набили мы их, вы это знаете, горы. И тут не пройдут.

- Хорошо, коли так.

Двум дивизиям стрелкового корпуса командарм приказал к утру 10 марта занять оборону на двадцатикилометровом участке значительно южнее побережья моря фронтом на восток, не допустить прорыва противника на запад и юго-запад. 7-му гвардейскому кавалерийскому корпусу - развивать удар на Корнитц, что километрах в пятнадцати западнее Трептова. 207-ю стрелковую дивизию И. П. Микули нацелил на захват на берегу моря двух населенных пунктов - Гофф и Пустхоф, имевших причалы для приема кораблей.

С утра 10 марта все части начали боевые действия против полуокруженной группировки гитлеровцев. Дивизия генерала Микули пробилась к побережью, овладела Пустхофом и завязала бои за расположенный несколько восточнее его Гофф. Развернулись на указанных им позициях дивизии 7-го стрелкового корпуса. Но неудача постигла 7-й гвардейский кавалерийский корпус - две его дивизии контратаками были отброшены от Корнитц. Симоняк немедленно направил туда

соединения Чистова. Кавалеристы были сменены и получили новую задачу наступать на Трептов.

К вечеру 10-го оба корпуса - стрелковый, кавалерийский и 207-я дивизия значительно сузили коридор, в котором находились гитлеровские части. Казалось, еще один удар, и выход из коридора будет захлопнут. Командиры корпусов отложили решающий удар до, утра 11 марта.

А утром раздосадованный командарм корил в сердцах комкоров:

- Перехитрил вас немец. Проворонили его. Никуда, думали, не полезет ночью, дожидаться будет, пока петля его не захлестнет.

Оставив небольшие заслоны, гитлеровцы выскользнули из района Трептова к побережью Балтийского моря.

В двенадцать часов ночи из района Гоффа противник двинулся на позиции дивизии Микули. Он понес большие потери, но так и не пробился. В шесть часов утра гитлеровцы повторили атаку значительно большими силами. И снова - огонь наших артиллеристов, минометчиков, автоматчиков. Только некоторым фашистским подразделениям удалось вырваться на запад по узкому прибрежному коридору. Весь день 11 марта здесь шли жаркие бои. Таяли недобитки, они так и не добрались бы до Одера, если б им на выручку не пришла группа, прорвавшаяся с запада со стороны города Вальддивенов. И хотя знал Симоняк - удрали малочисленные группы гитлеровцев, его разбирала досада: недосмотрели, ни одного гитлеровца нельзя было выпустить живым за Одер.

- Зря расстраиваетесь, товарищ командующий, - успокаивал Симоняка генерал Букштынович. - Какие уж вояки те, кто спаслись. Они ведь так измордованы, что до конца жизни только и будут думать - куда бы смыться от русских.

- Хитришь, Букштынович, - усмехнулся Симоняк. - Не проследили мы, чтоб корпуса ночью не упустили окруженных, а сейчас вот придумал утешение...

Двенадцатидневное участие 3-й ударной в сражении за Восточную Померанию закончилось. Ее соединения очистили от врага значительную часть исконно польских земель Поморья, заняли сотни населенных пунктов, взяли богатые трофеи и много пленных. Не только при прорыве обороны, но и в глубине ее армия действовала стремительно, напористо, не давая врагу передышки, уничтожая по частям раздробленную 11-ю армию гиммлеровской Вислы. В замечательной победе 3-й ударной армии проявились зрелость командарма, его гибкий ум, искусное управление войсками, постоянное общение с командирами

соединений.

3-я ударная снова стала двигаться к Одеру, где стояли армии центра фронта,

- Скоро и на Берлин, Николай Павлович, - мечтательно говорил Симоняку командующий артиллерией армии Морозов. - Эх, скорее бы скомандовать: По фашистскому логову - огонь!

- Да, теперь уж недолго осталось. Ты там будешь, а я...

- Не раздумал?

- Нет, уйду. На другой фронт... Отправил шифровку в Ставку.

Ивану Осиповичу не нужно было никаких пояснений. Он-то знал: Николай Павлович никогда не пользовался своим положением и властью, чтоб оскорбить подчиненного. Ежели и случалось, что отставал кто в бою, Симоняк стремился разобраться, почему это произошло, как оценивает свой неуспех сам подчиненный, и оказать ему помощь. Знал Морозов и то, что комфронта Жуков не находил с Симоняком общего языка. Не мог больше Симоняк с этим мириться...

Во второй половине марта командарм прощался со своими новыми друзьями из 3-й ударной, с которой успел сжиться и в которой о нем сохранилась добрая слава. Почти полгода стоял Симоняк во главе этой армии, командиры и солдаты привязались к своему командарму: за его хмурой внешностью они видели благородное сердце настоящего коммуниста, ум и доблестную душу большого военачальника.

11

На набережных Даугавы резвился апрельский ветерок, шевелил цветущие вербы.

Штаб 67-й армии помещался в Межепарке. Здесь уже ждали приезда Симоняка. Член Военного совета Романов стоял на крыльце и, едва остановилась машина, подошел к ней.

- Вот и снова вместе, Николай Павлович, - приветствовал он командарма.

- Это только гора с горой не сходятся, - промолвил Симоняк, обнимая своего ханковского комиссара. - Вместе мы, Георгий Павлович, начинали войну. Вместе будем и кончать.

Им было о чем поговорить. Симоняк расспрашивал об армии, а Романов о боях советских войск в Польше, на берегах Одера. Он интересовался людьми, с которыми служил там Симоняк, опросил о Жукове, командовавшем фронтом.

- Сложный человек, - сказал Симоняк. - Умный, храбрый. Но мы, знаешь, с ним натурами не сошлись. Он покрикивать любит, оскорбить может... А меня ведь мать, тоже характером не обидела...

В подробности Симоняк не стал вдаваться. И Романов,

чувствуя, что эти воспоминания неприятны командарму, не стал расспрашивать.

- Отдохни от дороги, Николай Павлович. А потом и за дела возьмемся.

Симоняк остался наедине со своими мыслями. 67-я армия... С ней были связаны волнующие воспоминания о трудных боях в январе сорок третьего года, о прорыве блокады - славной победе над фашистами под Ленинградом. Немногим более двух лет прошло с тех пор, а кажется - целая эпоха. Ленинградский летописец, поэт Николай Тихонов, помнилось Симоняку, назвал прорыв блокады зарей победы. Сейчас солнце победы уже поднималось к зениту.

Всю свою жизнь Симоняк неколебимо верил: нет в мире силы, способной погасить пламя революции, зажженное партией коммунистов. Война показала, как он в этой своей вере прав.

12

Опять командарм знакомился с войсками, проводил многие часы среди солдат.

Невдалеке от переднего края он попал к минометчикам. Командовал ими старший лейтенант Александр Петров. На полинялой гимнастерке офицера выделялись золотистые и красные полоски. Одна... две... три... семь - насчитал Симоняк.

- Семь раз ранены?

- Так точно, товарищ генерал-лейтенант.

- Сколько крови потеряли, - задумчиво произнес Симоняк. - Давно воюете?

- С первых дней... В Ленинграде я жил, печатником работал, свой город и защищал.

- В каких боях участвовали?

- На Пулковских высотах, под Красным Бором, у Синявина... Сначала оборонялись, а потом и в наступление пошли.

- А кем воевали?

- Всё время минометчиком. Был сперва рядовым, а в марте сорок второго года мне командир батареи офицерские погоны и звездочку вручил.

- Выходит, товарищ Петров, мы с вами рядышком сражались. Думаю, ленинградцы не обижаются на нас.

- Знают вас в Ленинграде, товарищ генерал.

- Не обо мне речь. Но вами могут гордиться и армия, и Ленинград. Подумать только - семь раз ранены, сколько мук перенесли. А вид у вас - молодецкий.

- Его батарея у нас лучшая, - вставил командир дивизиона.

Петров, ободренный словами командарма, кивнул в сторону вражеских позиций:

- Когда же мы их в море сбросим? Там уже к Берлину наши подходят.

- Скоро доконаем, скоро. Никуда они не денутся...

В штабе фронта уже разрабатывался план решительного удара по левому флангу группы армий Курляндия (бывшая группа Север), в районе Тукумса.

Командовал группировкой генерал-полковник Гиль перт. На полуостров, как в западню, были загнаны войска, блокировавшие еще не так давно Ленинград, разрушившие древние русские города Новгород и Псков, Великие Луки, взорвавшие Полоцк, Резекне, Иелгаву...

С каждым днем положение фашистских дивизий становилось всё более безысходным. Уже пали Кенигсберг, Данциг, порты Померании, связь полуострова с Германией стала до крайности затруднена. Наши самолеты топили вражеские корабли, дальнобойная и морская артиллерия постоянно обстреливала неприятельские позиции.

Многим немецким офицерам и солдатам было ясно: отсюда им не уйти, их песенка спета. Пленные и перебежчики говорили: Не мы держим Курляндию, а Курляндия держит нас, Мы здесь в русском плену, только на немецком довольствии.

Моральный дух своих войск фашистское командование старалось поддержать крутыми расправами с пораженцами, вдалбливало в головы солдат, что все они, стоит им прекратить сопротивление, будут повешены или расстреляны большевиками. Страх, порождаемый этой пропагандой, заставлял солдат еще цепляться за оружие.

Во второй половине апреля маршал Говоров утвердил план последней на Ленинградском фронте боевой операции - по уничтожению котла.

Перед рассветом Симоняк вышел с группой командиров на рекогносцировку. С полчаса шагали по лесной гати, наконец выбрались на большую, залитую солнцем поляну. Противник вел огонь. Снаряды рвались то справа, то слева от дороги.

- Не переждать ли? - предложил один из спутников Симоняка.

- Не к чему, - отрезал Симоняк. - Наугад они бьют, а время не терпит.

И тут Романову бросилось в глаза, что командир одного из корпусов, генерал Парамзин, очутился впереди Симоняка. Поравнявшись с Парамзиным, Романов негромко спросил:

- Что, Владимир Кузьмин, решил своим телом командарма прикрыть?

- Если хотите знать, я готов за Николая Павловича и жизнь отдать.

Романова поразили слова генерала. Ханковский комиссар помнил, как любили своего батьку солдаты и офицеры, воевавшие вместе с ним. Но когда Парамзин к нему так привязался?

Узнал об этом Романов после рекогносцировки. Шли они рядом с Парамзиным, и тот рассказал о тяжелом эпизоде своей жизни. Было это давно, в тридцатых годах. Командовал тогда Парамзин кавалерийским полком. Нежданно-негаданно на него свалилась беда: его обвинили во вредительстве. Поводом к этому послужил падеж коней.

- Понимаешь, Георгий Павлович, в каком я положении оказался. Доказываю, что никакой я не враг народа, а факты вроде говорят против меня. Лошади-то валятся с копыт, действительно много их погибло. Сено было плохое. Дело передали в военный трибунал. Мне грозил расстрел. И спас меня Николай Павлович.

Симоняк в деле Парамзина выступал как эксперт. Объективно разобрался в обвинениях, предъявленных командиру кавалерийского полка, и твердо заявил:

- Никакой он не вредитель.

Симоняк подкрепил свой вывод вескими, разумными доводами, которые трудно было опровергнуть.

- А ведь стоило ему усомниться в моей честности, сказать два слова - злой умысел, как бы всё обернулось? Вот с тех пор я и готов за Николая Павловича в огонь идти. Правильный он человек - принципиальный и смелый.

- Да, - отозвался Романов. - О таких говорят: пря мой как штык и твердый как алмаз.

А человек, о котором они говорили, шагал впереди. Его мысли, обгоняя время, рисовали картины предстоящего наступления. Он был уверен - вот-вот окончится война - и думал о том, чтобы не допустить лишних жертв, довести как можно больше людей живыми и невредимыми к великой победе.

13

Пасмурным утром 7 мая наша артиллерия и авиация обрушили на позиции курляндской группировки десятки тысяч снарядов и бомб. Наступил час возмездия.

67-я армия наступала на правом фланге фронта. Под ее дружным натиском фашисты отступали. Рано утром 8 мая полки дивизии Паршукова ворвались в город Тукумс, освободили десятки поселков и деревень. Это был для армии последний перевал на последнем отрезке долгого пути от войны к миру.

Симоняк передвинул свой наблюдательный пункт вперед. Едва обосновался на новом месте, как ему позвонили из штаба фронта.

- Слышал, Николай Павлович? - весело спрашивал Попов. - Гильперт дважды передавал в эфир - шлет парламентеров. Капитулируют.

- А что другое им остается? Или руки поднять, или пулю в лоб.

- Готовься принять капитулянтов.

- Всегда готов, - широко улыбаясь, ответил командарм.

Закинув руки за спину, он вышел из домика. Тучи, которые с утра густой пеленой закрывали небо, раздвинулись, словно их рассекли на части эскадрильи бороздивших небо краснозвездных самолетов. В синеве играло слепящее солнце.

У развалин каменного домика в деревне Сунас советский генерал Цветков начальник штаба 67-й армии - встретил посланцев Гильперта, шедших с белым флагом, - генерал-майора Раузера и трех офицеров в заляпанных грязью сапогах и плащах. Добирались они сюда пешком, километрах в двух от переднего края их машина завязла в болоте, и они, боясь опоздать, бежали напрямик.

- У вас есть какие-либо документы? - спросил Цветков.

Раузер протянул удостоверение и письмо Гильперта на имя маршала Говорова.

Две автомашины двинулись по лесной дороге. Каждый, кто попадался им навстречу, с любопытством рассматривал необычную процессию. Солдаты радостно улыбались, понимали, куда и зачем везут немецкого генерала и сопровождающих его офицеров.

В поселке Эзере уполномоченных Гильперта принял генерал Попов. Он просмотрел письмо немецкого командующего. Там было много лестных слов о смелости и отваге русского солдата.

- Поздно это поняли, - усмехнулся Попов. - Плохо историю помните, генерал. И разумные советы Бисмарка забыли: не ходить на Россию.

Раузер стоял, опустив голову.

Когда начались переговоры, он пытался выторговать особые условия капитуляции: не считать-де курляндские войска военнопленными, разрешить им вернуться на родину с оружием.

Попов даже побагровел. Ишь чего придумали! Не военнопленные. А кто же? Разговор может идти только о безоговорочной капитуляции, иначе...

Что означало иначе - Раузеру не надо было объяснять. Он заявил, что командование группы согласно принять все требования маршала Говорова.

В двадцать два часа тридцать минут Раузер подписал акт безоговорочной капитуляции и доложил по радио Гильперту.

Когда он закончил разговор, Попов кивнул адъютанту. Тот понял его знак. В комнату внесли поднос с графином и бутербродами.

- Выпьем за нашу победу, - предложил Попов.

Раузер и его спутники не отказались, выпили. Рассказывая обо всем этом Симоняку, начальник штаба фронта недоумевал:

- Как так можно? Советский человек никогда не стал бы пить за победу своего врага.

- Так то ж советский. Он лучше примет смерть, чем голову склонит.

Раузер еще получал инструкции от генерала Попова, а фронт фашистских войск уже распадался. Немецкие солдаты вывешивали на деревьях, на проволочных изгородях простыни, цепляли к автоматам белые платки, выбирались на открытые места, кричали:

- Гитлер капут! Сдаемся!

Всю ночь на 9 мая над позициями советских войск, как жар-птицы, взмывали в небо стаи искрящихся разноцветными огнями ракет.

Победители обнимали и целовали друг друга, смеялись и плакали от счастья.

Враг сложил оружие всюду. И тут, в Курляндии, и на всем советско-германском фронте.

14

Командир артиллерийского полка подполковник Курт Юнг ждал русских офицеров. Насупленный, с землистым лицом, он, казалось, не находил себе места. То подходил к громадным мортирам - калибра 210 миллиметров, то останавливался у своего мерседеса, над капотом которого трепыхался лоскуток белой материи.

Подполковник мысленно прощался со всем этим - и с орудиями, и с машинами. Через час-другой он сдаст их русским.

Нет, никак не ожидал Юнг подобного конца русской кампании. Он принадлежал к тому поколению немецких офицеров, которое начинало свою военную карьеру еще при Вильгельме II. Он воевал за кайзера и пошел воевать за Гитлера, когда тот развязал вторую мировую войну. Юнг считал, что служит великой Германии. Его полк бросали в Польшу и Францию, Бельгию и Румынию, Грецию и Болгарию. И, наконец, он попал в Россию. Тяжелые батареи разрушали крымские города, били по Севастополю. Потом их привезли под Ленинград. Юнг за свои заслуги перед фюрером уже имел три железных креста. Четвертым крестом его наградили за обстрелы Петербурга, как немцы упрямо продолжали называть город Ленина.

- Едут, - засуетился вдруг адъютант Юнга капитан Герберт Клензорге.

Машина с советскими офицерами остановилась на опушке поляны. Адъютант бросился к ней. Через несколько минут он позвал Юнга.

Принимали полк четыре ленинградца - Петр Максимов, Геннадий Иванов, Григорий Шепталин и Александр Петров. Юнг скользил глазами по их погонам - три капитана и один старший лейтенант. Юнцы. И вот он, старый прусский офицер, подполковник, должен перед ними тянуться. Но что поделаешь? Капитуляция есть капитуляция.

И подполковник, приложив руку к козырьку, отвечал на вопросы русских офицеров. На вооружении полка пятьдесят тяжелых орудий калибром от 105 до 210 миллиметров. Офицеры имеют артиллерийское образование. Все награждены железными крестами. Триста пятьдесят солдат тоже имеют награды.

- По каким объектам вы вели огонь, когда стояли под Ленинградом?

Память словно изменила подполковнику. Он неопределенно пожал плечами:

- Я солдат, полк вел огонь по тем целям, которые ему указывали.

- От вас правды не услышишь, - прямо сказал Максимов. - Всё готово к сдаче?

- Всё, господин капитан.

Орудия, тягачи, машины вытянулись в колонну вдоль дороги. Максимов и его товарищи начали осмотр. Уже через несколько минут они увидели, что немцы пытаются обмануть их.

- Где замки и прицелы? - спросил Максимов. Командир полка ответил что-то невнятное.

- Вы нарушаете инструкцию о сдаче боевой техники. Потрудитесь установить на место замки и прицелы. Иначе принимать орудия не будем.

Юнг развел руками и торопливо направился к своим артиллеристам, которые стояли у штабных машин.

Прицелы и замки пришлось вырывать из земли, доставать из озера. Наши офицеры, спокойно покуривая, прохаживаясь по поляне, наблюдали за суетой немцев.

В это время на полянку въехала машина командарма. Симоняк, распахнув дверцу, легко соскочил на дорогу.

- Товарищ генерал-лейтенант, приемка артиллерийской техники отложена. На многих орудиях нет замков и прицелов, - доложил капитан Максимов.

- А куда они делись?

- Попрятали. Видите, копаются в земле? И со дна озера достают.

- Сами виноваты. Пусть попотеют. Всё должно быть в ажуре.

Симоняк, заметив старшего лейтенанта Петрова, по-дружески кивнул ему.

- Видишь, товарищ Петров, как дела обернулись. К твоим ногам немцы сами складывают оружие.

- Точно, товарищ генерал. Недаром мы кровь свою проливали.

Командарм распрощался с офицерами, и его машина помчалась по лесной дороге. Симоняк поехал к железнодорожной станции, где сдавалась в плен немецкая пехотная дивизия. Пулеметы, автоматы, пистолеты складывались под открытым небом. Машины, нагруженные военным имуществом, двигались колоннами по дороге. На лицах немецких солдат Симоняк не заметил уныния. Напротив, они откровенно радовались тому, что остались в живых, что закончилась опостылевшая им война.

Немецкая дивизия выстроилась побатальонно. Столь же послушно, как еще вчера они выполняли приказы Гитлера, немецкие подполковники, майоры, капитаны подчинялись распоряжениям наших лейтенантов. Фашистские части, поднимая облака пыли, шагали в плен, сопровождаемые несколькими советскими автоматчиками.

- Заждался вас немецкий генерал, - напомнил Симоняку адъютант.

- Успеется. Спешить ему сейчас уже некуда, - усмехнулся командарм.

Под вечер Симоняк вернулся в Тукумс. На крылечке небольшого домика, где расположился штаб армии, сидел немецкий генерал. Увидев Симоняка, он вскочил, поднес руку к козырьку.

Командарм пригласил его в дом.

- Вы командовали корпусом?

- Да, да.

- Я беседовал со многими вашими генералами и офицерами. Спрашивал, чем они объясняют поражение Германии в войне. Любопытно и ваше мнение узнать.

- Можно быть откровенным?

- Именно откровенным.

- Гитлер слишком вмешивался в дела рейхсвера. Имей наш генералитет больше свободы, было бы меньше катастрофических ошибок. Это, по-моему, главная причина постигшего нас поражения.

- А еще какие?

- Видели вы за Тукумсом громадное кладбище военных машин? Почему они вышли из строя? Отказала какая-либо деталь, и машину приходилось отправлять на свалку. У вас лучше. Унифицированные детали, запасные части.

Слова генерала развеселили Симоняка. Вот где, оказывается, собака зарыта...

- Это всё?

- Бог от нас отвернулся, - тихо проговорил пленный командир корпуса.

- Не будь я атеистом, сказал бы: как ему не отвернуться от вас? Еще ни одна армия не творила столько злодейств. Подумайте об этом, генерал, времени у вас хватит. Но я в бога не верю и скажу вам одно: не могли вы выиграть войну. Вы начали ее и вели как захватчики, душители свободы, палачи. А мы воевали за правое дело, за будущее человечества. Великая цель дала нам великую силу.

Симоняк встал, поднялся и немецкий генерал.

- Проводите его, - сказал командарм адъютанту.

15

Торжественные марши, веселые народные песни звучали над Тукумсом. К городской площади отовсюду стекались люди. Чеканным шагом шли солдаты, нестройными, но оживленными, многолюдными колоннами собирались жители города.

Симоняк стоял на трибуне. На генеральском кителе поблескивала над рядами орденских планок Золотая Звезда.

Рядом с Симоняком был худощавый человек с болезненным, желтым лицом тукумский рабочий, лишь накануне освобожденный советскими бойцами из-за решетки. Гитлеровцы держали его год в тюрьме за то, что он неосторожно выразил свою симпатию к русским людям.

- Вам слово, товарищ Цедерштейнс, - обратился к нему секретарь укома.

Бывший узник гестаповских застенков говорил страстно, и каждое его слово находило отклик у людей, заполнивших площадь. Подняв руку кверху, Цедерштейнс закончил:

- Видите, как высоко поднялось солнце, как оно светит и улыбается нам, солнце нашей победы? За это земной поклон Стране Советов, ленинской партии, солдатам-освободителям.

Заволновалось, заплескалось людское море, когда к микрофону подошел командарм. Он считал себя неважным оратором и не любил выступать, но в этот день, охваченный великой радостью победы, не мог не высказать своих чувств. Простые искренние слова как-то сами рвались наружу, вызывая бурное одобрение, улыбки, радостные восклицания. Еще

перекатывалось ура над площадью, еще гремели рукоплескания, а рядом с Симоняком появилась белокурая девушка.

- Это вам, товарищ Герой Советского Союза, - сказала она, подавая командарму букет роз.

Прекрасная в своем радостном волнении, искрящаяся молодостью, весельем, она сама походила на цветок. И командарм, растроганно глядя на нее, подумал: такой вот светлой, чистой, веселой должна быть отныне жизнь на советской земле.

Прощальный салют.

Вместо эпилога

Еще не рассвело, когда Симоняк вышел на крыльцо. За ночь снега намело горы. Славно повеселилась январская метелица, всё выбелила, всё одела в белый наряд: и дворик, и низкорослые яблоньки, и пушистые, вечно зеленеющие ели, несшие у дома постоянный караул...

Николай Павлович жадно вдыхал свежий утренний воздух. Хорошо здесь, в Осиновой Роще! Он, пожалуй, правильно сделал, что перебрался сюда из Ленинграда. И чувствует себя теперь он гораздо лучше.

Симоняк никогда и никому не жаловался на свое здоровье. До поры до времени его могучий организм ни в чем не давал осечки, выдерживал исполинскую нагрузку. Не прошли, однако, бесследно десятки лет чертовски трудной жизни и непрестанных волнений. Еще в последний год войны он ощущал сердечные боли, но не придавал им серьезного значения. Вот отвоюем - всё как рукой снимет, думалось ему. А болезнь исподволь развивалась. И, наконец, свалила его с ног. Инфаркт. Два месяца пролежал Николай Павлович в постели и, поднявшись, ходил, опираясь на памятную его фронтовым друзьям суковатую палку...

- Она счастливая, - шутил он. - Настоящая палочка-выручалочка.

Тяжелая болезнь заставила Симоняка осенью сорок восьмого года оставить военную службу. Сперва думалось, что на время. Так, между прочим, считал и маршал Говоров. После войны Леонида Александровича перевели в Москву, он возглавлял противовоздушную оборону страны. Однажды Симоняку дали знать, что Говоров приехал в Ленинград и хотел бы его видеть. Николай Павлович быстро собрался, надел свою генеральскую форму и отправился в штаб военного округа, где находился Говоров. Майор, дежуривший в приемной, открыл дверь и пропустил Симоняка вперед.

- Маршал вас ждет, - негромко сказал он.

Говоров стоял у широкого окна, сквозь которое видна была

величавая Дворцовая площадь, Александровская колонна, помолодевший Зимний дворец. Как часовые, застыли на бессменном посту статуи, словно напоминая о военных грозах, бушевавших и здесь пять лет назад.

Маршал, услышав за спиной шаги, обернулся. Он внешне мало изменился с того дня, когда уехал в Москву. Прибавилось лишь серебра на висках, но по-прежнему лицо Леонида Александровича дышало энергией и силой, топорщилась над верхней губой колкая щеточка усов, внимательным и острым был взгляд проницательных глаз.

- Здравствуйте, Николай Павлович, - приветствовал он Симоняка, шагнув навстречу. - Садитесь. Как здоровье?

- Сейчас гораздо лучше.

- Ну, вот и хорошо. А я был поражен, когда вы ушли в отставку. Сорок семь лет... И выглядели вы всегда превосходно.

- По виду я и сейчас, пожалуй, хоть куда, - чуть заметно улыбнулся Симоняк.

- А я всё же на вас сердит, Николай Павлович. Уходили из армии и со мной не посоветовались.

- Очень плохо себя чувствовал.

- Думаю, что с отставкой вы поспешили. И вот что я советую: годик полечитесь, отдохните и давайте обратно. С армией нам нельзя расставаться.

Симоняк, уходя из штаба, тепло думал о маршале. Если его, Симоняка, солдаты и офицеры называли батькой, то таким же батькой был для него Леонид Александрович, строгим, порой суровым и в то же время внимательным, справедливым. Многое от него перенял Симоняк, многому научился. Прошел под его началом нелегкий путь от командира дивизии до командарма.

Встреча с Говоровым обрадовала и ободрила Николая Павловича. Возвратившись домой, он говорил домашним:

- Всё! Хватит хворать. Маршал Говоров зовет обратно в армию.

- Не торопись, Николай, - ответила ему жена. - С такой болезнью, как у тебя, не шутят...

- Я и не тороплюсь, Зина... Все твои команды выполняю беспрекословно...

Зинаида Сергеевна родилась и выросла в Ленинграде, ушла на фронт в финскую кампанию. Когда Симоняк болел, медицинская сестра дни и ночи проводила у его постели, заботилась о нем, как о маленьком ребенке. Генерал привязался к ней, увидев, сколько душевной теплоты, обаяния таится в сердце этой приветливой и сердечной женщины. Постепенно эта привязанность переросла в большое чувство, они стали мужем и

женой. За годы совместной жизни Николай Павлович успел убедиться, что Зинаида Сергеевна его верный, искренний друг и хочет ему только добра. Да что скрывать, и о детях тревожилась - каково им. Случись что-либо с Симоняком - расти без отца дочурке Люсе и сынишке, которого Николай Павлович, как и своего погибшего во время войны наследника, назвал Виктором. Беспокойства мальчонка доставил отцу немало. Появился он на свет семимесячным и, как говорил тогда Николай Павлович своим знакомым, величиной с рукавицу. Отец, наклонившись над колыбелькой, затаивал дыхание. Окрепнет ли?

Витя, к величайшей радости родителей, набирался силенок и скоро догнал своих ровесников. Паренек стал крепким, рослым, плечистым. А Люся радовала отца своими первыми успехами в школе. Как и старшие дочери, Рая и Зоя, которые к этому времени жили самостоятельно, она была способной, трудолюбивой...

Люся и Виктор любили отца. Он им отвечал тем же, подолгу возился с дочерью и сынишкой, чего не мог делать раньше, когда служил в армии. Находилось немало и других, приятных сердцу дел: рыбалка, работа в саду, чтение и, наконец, толстая тетрадь, страницы которой он собирался заполнить рассказом о своей полувековой жизни. Что еще надо тебе, генерал Симоняк?.. Всё ведь есть: и покой, и семейное счастье, и слава, и искренняя привязанность, более того преданность людей, которые шагали с тобой рядом по трудным фронтовым дорогам и помнили своего батьку...

Товарищи по оружию не забывали Николая Павловича. Не проходило и дня, чтобы кто-нибудь не заглядывал к нему в Осиновую Рощу. Наведывались сюда жившие в Ленинграде генералы Иосиф Нестерович Ковалев, Анатолий Иосифович Андреев, Иван Данилович Романцов, Георгий Павлович Романов, Александр Федорович Смирнов, полковник Роман Романович Макаров... Радушно принимал хозяин и многих молодых офицеров - Николая Меньшова, Алексея Баранова, Николая Олейника... Выросли ребята, возмужали сынки, и на всю жизнь остались гангутцами, гвардейцами Ленинграда. Приезжали боевые друзья Афанасий Федорович Щеглов, Иван Ильич Трусов, Иван Осипович Морозов. И Симоняк, глядя на них, испытывал горделивое чувство: не ошибался он, выдвигая этих людей. Щеглов командовал армией, пошли в гору и Трусов, и Путилов, и Афанасьев. А Морозов, который на Ханко был малозаметным начальником штаба артиллерийского полка?.. Войну закончил генералом, командующим артиллерией 3-й ударной армии, войска которой водрузили знамя победы над рейхстагом...

Пожалуй, Симоняк только формально считался в отставке.

Это был просто затянувшийся отпуск. Друзья, которые его навещали, словно невидимыми нитями связывали его с послевоенной бурной жизнью Советских Вооруженных Сил. И он сам при каждой возможности заглядывал в штаб округа, в дивизии, внимательно следил за военной литературой. Его сердце не признавало отставки и, пока оно билось, принадлежало Советской Армии.

...Симоняк несколько минут постоял на крыльце занесенного снегом домика. Затем осторожно, чтоб не разбудить домашних, открыл дверь в коридор, взял лопату и начал разгребать снег. За этим занятием его и застала жена.

- Ты что, Николай! - с упреком заговорила она. - Мы сами сделаем. Я, Люся, Виктор.

- Да я так, подразмяться.

- Не надо... Иди домой. Подумай-ка лучше, о чем с гостями будешь говорить.

Симоняк улыбнулся, легко разгадав простую хитрость Зинаиды Сергеевны. Опекает его, не дает лишнего шага ступить... Он с ней не согласен. Его кипучая натура не может и минуты оставаться без дела...

- Я всё уже обдумал, - ответил Николай Павлович. - А помахать лопатой для меня лучшее лекарство. Иди-ка ты домой, займись завтраком...

Гости появились около полудня. Делегация солдат Ленинградского военного округа. Несколько смущенные парни расселись вокруг большого круглого стола, в креслах, на диване. Генерал предстал перед ними в своем парадном мундире, выглядел в нем молодо, как десять лет назад. Мундир надел не без умысла. Пускай ребята посмотрят, кем стал бывший солдат, как высоко ценит Родина боевую службу своих защитников. И разговор он начал просто, с первых слов расположив к себе гостей.

- Давайте договоримся - не стесняться. Я ведь когда-то и сам ура кричал, рядовым солдатом службу начинал... Что же вы хотите от меня услышать?

Солдат больше всего интересовали боевые подвиги гвардейцев, освобождавших Ленинград от блокады.

И Симоняк не спеша повел беседу о боях на Неве, под Пулковом, называл имена Дмитрия Молодцова, Ивана Лашпова, Тимофея Пирогова, Виктора Иванова, Николая Залетова... Гвардейцы никогда не отступали. В обороне стояли насмерть, в наступлении всегда шли впереди, добивались победы.

- А вы разве не такие? - неожиданно спросил генерал.

Солдаты смущенно переглядывались друг с другом. Что

ответить генералу? Сейчас ведь не война.

- Знаю, почему молчите. Где, мол, сейчас подвиг совершить. Так вот запомните: учеба - это и есть завтрашний подвиг и завтрашняя победа. Мы и во время войны постоянно учились - в часы затишья, в перерывах между боями. А вам, как говорится, все карты в руки. Еще проявите свое геройство. Война будущего, если ее не удастся предотвратить, не будет похожа на прошлую. И она потребует еще больше знаний. Появилась новая сложная боевая техника. Подчините ее себе, научитесь разить ею врага без промаха - это и будет ваш подвиг в мирные дни.

Генерал поднялся из-за стола, прошелся по комнате.

- Вы нам завидуете. А мы, откровенно скажу, - вам, наследство вы получили богатое. Берегите его и, как добрые хозяева, умножайте. Можно нам, старикам, на вас надеяться?

На этот раз солдаты ответили сразу и дружно:

- Можно!

- Приеду к вам... посмотрю...

Но свое намерение Симоняку пришлось отложить. В конце января пятьдесят шестого года он получил письмо из станицы Темижбекской. Сестра писала: мать тяжело больна и просит приехать. Николай Павлович быстро собрался в далекий путь.

Зинаида Сергеевна не отважилась отпускать его одного, поехала с ним.

Мать давно не вставала с постели. Она лежала старенькая, сморщенная, и лишь черные, как спелые кубанские вишни, глаза горели молодым блеском.

- Знаешь, Николай, - сказала Зинаида Сергеевна мужу, - с такими глазами не умирают.

Мать до слез растрогал приезд сына. Она часами не отпускала его от себя, расспрашивала о внучках и внуке.

- Эх, жалко, сынок, что так и не выбралась к вам в Ленинград.

- Вот поправишься, приедешь.

- Мне уж не подняться. Больше с тобой не увидимся. Ты себя береги. Младших-то ребят еще растить и растить. Да и старшим дочерям ты еще нужен.

В материнском доме Николай Павлович прожил дней десять. Из конца в конец обошел станицу, показывал жене дорогие ему места своего детства и юности, где со станичными ребятами играл в бабки и чехарду, бывшие помещичьи владения, на которых подростком гнул спину, рощу за Кубанью, откуда начиналась его боевая дорога.

Ровесников Симоняка в станице осталось мало. Но здесь его знали многие, приходили послушать своего знаменитого земляка - гвардейского генерала.

Настала пора расставаться. На станцию его провожали сестры Акулина и Варвара, работавшие в колхозе. Прощаясь с ними, Николай Павлович приглашал летом приехать в Ленинград, посмотреть его сад.

- Приедем, - обещали сестры.

Но до лета Симоняк не дожил. В первых числах апреля болезнь обострилась. Недели две он почти не вставал с постели. Дочери и жена поочередно читали ему вслух Сказание о казаках - роман-эпопею о славных сподвижниках генерала, об их борьбе за победу Советской власти. 20 апреля 1956 года Николай Павлович скончался.

Похоронили его в Ленинграде, на Богословском кладбище. Над свежей могилой прозвучал гвардейский салют. Скромный солдатский обелиск высится за невысокой оградой. Памятник бойцу революции, славному сыну партии коммунистов. Жизнью своей он заслужил бессмертие и навеки остался в боевом строю. Как живы традиции советской гвардии, славные, неувядаемые, так жив и один из тех, кто их создавал, народный герой гвардейский генерал